РОССИЯ в 1917 году

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

Россия в 1917 году

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

МОНОГРАФИЯ

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

УДК 94(47).084.2
ББК 63.3(2)611–361
Э 913

Подготовка и издание коллективной монографии осуществлены при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор Л.И. Шерстова
Рецензент:
доктор исторических наук, профессор Ю.М. Гончаров

Авторский коллектив:
доктор исторических наук, профессор *Ю.А. Лысенко*;
доктор исторических наук, профессор *В.А. Бармин*;
кандидат исторических наук, доцент *И.В. Анисимова*;
кандидат исторических наук, доцент *И.Б. Бочкарева*;
кандидат исторических наук, доцент *Е.В. Тарасова;*
аспирант *Н.В. Дикова;*
аспирант *М.В. Стурова*

Э 913 **Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.** [Текст] : монография / отв. ред. Ю.А. Лысенко. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. — 384 с. (Россия в 1917 году).
ISBN 978-5-7904-2219-5

Представлен анализ этнополитических процессов в центральноазиатском регионе России в период глубинных социальных и экономических трансформаций российского общества, связанных с революционными событиями 1917 г. В рамках современных социологических теорий, объясняющих причины кризиса и распада имперских систем в XX в., авторы выявляют сущность «национального вопроса» во внутренней политике Российской империи, его роль в процессе формирования внешних и внутренних ресурсов этнической мобилизации коренных этносов Степного края и Туркестана накануне революций; реконструируют этнополитическую динамику в регионе собственно в революционный период, направленную на структурно-организационное оформление национального движения и реализацию коренными народами «права наций на самоопределение».

Предназначено для исследователей, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, а также для всех интересующихся вопросами этносоциального развития России и государств постсоветской Центральной Азии.

УДК 94(47).084.2
ББК 63.3(2)611–361

ISBN 978-5-7904-2219-5

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. **МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК РЕСУРС ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.**

1.1. Элементы европейской политической культуры в центральноазиатском регионе Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций традиционным обществом 36

1.2. Политико-правовой статус коренных народов Степного края и Туркестана в этносоциальной структуре российского общества. «Мусульманский вопрос» в системе администрирования региона 45

1.3 Место центральноазиатских окраин в экономике Российской империи. Коренные этносы в региональной системе межэтнического разделения труда 60

1.4. Аграрно-переселенческая политика Российской империи как фактор формирования межэтнического конфликта 75

1.5. Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтирной модернизации 89

Глава 2. **ПРОЦЕССЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.**

2.1. Просветительское движение и этносоциальные проекты этноэлит Степного края и Туркестана в начале XX в. 105

2.2. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Интеграция этноэлит Степного края и Туркестана в общероссийское мусульманское движение 121

2.3. Представители Степного края и Туркестана в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия в решении региональных этносоциальных проблем 138

2.4. Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания коренных народов центральноазиатских окраин России в 1916 г. 154

Глава 3. **ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТЕПНОМ КРАЕ И ТУРКЕСТАНЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.**

3.1. Политика Временного правительства по «национальному вопросу» 170

3.2. Мусульмане Степного края и Туркестана в общероссийском мусульманском движении: тенденции и противоречия 184
3.3. Этноэлиты Степного края и Туркестана на пути к национально-территориальной автономизации 196

Глава 4. **ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**
4.1. Подходы большевиков к решению национального вопроса накануне октябрьских событий 1917 г. и в первые годы советской власти 216
4.2. Национально-государственное и партийное строительство в Туркестане в первые годы советской власти 227
4.3. Становление советской власти и «национальный вопрос» в Степном крае 248
4.4. Экспорт «пролетарской революции» на Восток: судьба Бухары и Хивы 262
4.5. Феномен басмачества в общественно-политической жизни советской Центральной Азии 278

Глава 5. **НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1922–1924 гг.)**
5.1. XII съезд РКП(б) и принципы национально-государственного строительства в Центральной Азии. Национально-государственное размежевание 298
5.2. Коренизация административного аппарата: динамика процесса и противоречия 311
5.3. Роль национально-культурного строительства большевиков в процессах этнической консолидации народов региона 329

Заключение 347
Список сокращений 357
Приложение 1 359
Приложение 2 366

ВВЕДЕНИЕ

В условиях полиэтничности населения России вопросы национальной политики всегда находились в центре внимания государства на протяжении Нового и Новейшего времени. Особую актуальность национальный вопрос приобрел в эпоху «великих перемен» — революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны 1918–1922 гг. Процесс складывания в Европе национальных государств как продукта современного, модернизированного общества, представлял собой серьезный вызов для многонациональных империй, к числу которых относилась Россия. О распространении идеологии национализма в Российской империи говорит тот факт, что в период с 1905 по 1917 г. в России возникло около 47 «национальных» политических партий, ставивших во главу угла необходимость защиты интересов этнических меньшинств[1].

Представители этноэлит боролись за интересы своих народов и в составе общероссийских партий, программы которых предлагали различные пути решения национального вопроса. Национальное движение отражало глубокую историческую потребность в утверждении новых принципов в решении национальных проблем и соответствующих им политических форм. Борьба мнений по вопросам культурного и политического самоопределения народов России и будущих способов их территориально-государственного устройства, как и собственно само национально-освободительное движение, стали важнейшей частью революций 1917 г. Готовность этносов адекватно ответить на данный вызов проецировалась не только на их дальнейшее экономическое развитие и благосостояние, но и на вопрос о перспективах существования.

Анализ причин системного кризиса Российской империи, в том числе в национальной политике, участия народов ее национальных окраин в революционных событиях 1917 г. в советской историографии осуществлялся в рамках утвердившейся теории кассовой борьбы как двигателя социального прогресса. В исследованиях «Февраль» и «Октябрь» жестко противопоставлялись друг другу, на основе концепции В.И. Ленина о социалистической революции подчеркивалась слабость российской буржуазии и ее неспособность кардинальным образом решить национальный вопрос в стране. Октябрьская социалистическая революция характеризовалась как «коренной переворот в исторических судьбах человечества», разбивший цепи национально-колониального гнета, открывший новую эру в истории нерусских народов России, «пробуждая к творческой жизни

[1] Кривенький В.В. и др. Национальные партии России // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 260–298.

самые отсталые и малочисленные народы, обреченные царизмом на полное вымирание»[2].

Определяющее влияние социалистической революции объяснялось советскими исследователями тем, что, будучи пролетарской революцией по своему содержанию, она была вместе с тем глубоко народной и представляла жизненные интересы всех трудящихся многонациональной России. Трудящиеся массы угнетенных национальностей и народностей объединились вокруг русского пролетариата под руководством партии большевиков для совместной борьбы против царизма, помещиков и капиталистов, для строительства нового строя — социализма.

В проблематике «национального вопроса» в советской историографии приоритетным стало изучение роли коммунистической партии в разработке и проведении национальной политики, деятельности национальных секций при ЦК РКП (б), Белорусского, Мусульманского, Литовского и других национальных комиссариатов, которыми предпринимались все усилия для создания национальной советской государственности[3]. В 50–70-е гг. XX в. комплексному анализу подверглись вопросы первых социалистических преобразований в национальных регионах: большевизация Советов в национальных районах, борьба большевиков с буржуазно-националистическими партиями, возникновение и развитие советской национальной государственности, аграрные преобразования, культурное строительство, формирование национальных частей Красной армии. Конкретное освещение получил вопрос о братской помощи русского рабочего класса трудящимся национальных окраин в установлении советской власти[4].

В региональном срезе исследование причин, характера событий и последствий революций 1917 г. в Степном крае и Туркестане освещалось советскими учеными в рамках официальном методологии. Именно в 1920–1930-е гг. была сформулирована новая оценочная парадигма присоединения Централь-

[2] Минц И.И. Международное значение Октябрьской революции. М., 1957; Он же. Победа социалистической революции на местах // История СССР. 1957. № 4; Он же. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории КПСС. 1957. №2; Панкратова А.М. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. 1952. № 11. Ноябрь. С. 3–17; Пионтковский С.А. Октябрьская революция. Ее предпосылки и ход. М., 1923.

[3] Песикина Е.И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950; Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917–1920). М., 1969; Тагиров И. В борьбе за власть Советов (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 – март 1918). Казань, 1977.

[4] Виноградов В.А. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1965; Горюшкин Л. М. Об этапах аграрной революции в Сибири // Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972; Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; Турсунов Х.Т. Национальное размежевание Средней Азии и образование Узбекской ССР // Вопросы истории. 1954. №10. Октябрь. С. 38–49.

ной Азии к России, в которой на первый план выдвигался тезис о «колониальном угнетении коренных народов» региона. 12 августа 1920 г. ЦК РКП(б) утвердил циркулярное письмо всем коммунистам Туркестанской АССР, в котором подчеркивалось, что при царизме в Средней Азии «систематически создавалась основа для колониального угнетения в лице русского эксплуататорского населения»[5]. В связи с этим в 1920-е гг. появились первые исследования, подвергшие анализу царскую «колониальную политику» в Центральной Азии. Так, Г. Сафаров объявил ее «православно-националистическим мракобесием», одним из основных негативных ее проявлений считая «русификаторские» устремления царизма[6]. Негативный оттенок тезиса о насильственной «русификаторской» политике царизма в Центральной Азии отрицал позитивные последствия политики модернизации региона, связанные с формированием многоукладности экономики, процессами урбанизации, развитием инфраструктуры и т.д.

В связи с этим Февральская буржуазно-демократическая революция в Степном крае и Туркестане в исследованиях советских ученых преподносилась как колониальная революция, освободившая коренные народы региона от двойного гнета: царского/колониального и феодально-байско-манапского[7]. Проводимая Временным правительством политика трактовалась как контрреволюционная, подчеркивалось, что предпринятые им шаги в решении национального вопроса являлись непоследовательными. Акцентировалось внимание на том, что Временное правительство решительно выступало против национального самоопределения и автономного самоуправления национальных окраин, что шло вразрез с ленинской программой партии большевиков по национальному вопросу[8].

Попытки объективного освещения и трактовки революционных событий 1917 г. в Степном крае и Туркестане были связаны с исследованием идеологии национально движения и его организационными проявлениями. В частности, одним из первых шагов в изучении истории движения Алаш стала монография А.К. Бочагова, в которой подчеркивалась значимая роль партии казахской интеллигенции Алаш в жизни революционного Казахстана[9].

---

[5] Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1964. С. 646.

[6] Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921.

[7] Асфендиаров С.Д. История Казахстана с древнейших времен. Алма-Ата ; М., 1935; Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941; Галузо П.Г. Туркестан — колония. Ташкент, 1935; Рыскулов Т.Р. Из истории революционной борьбы в Казахстане // Революция и национальности. 1935. №11.

[8] Габидуллин Х. Национальный вопрос в гражданской войне // Историк-марксист. 1932. № 6(028). С. 22–34.

[9] Бочагов А.К. Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. Кзыл-Орда, 1927.

Однако начиная с 30-х гг. XX столетия оценки советской историографии движения Алаш кардинально меняются. В докладе Х. Габидуллина «Алаш-орда» определяется как контрреволюционная националистическая организация, опиравшаяся на манапские и байские слои казахского аула[10]. В работах С. Брайнин и Ш. Шафиро[11] также превалируют характеристики об антибольшевистском, антипролетарском, реакционном характере движения Алаш, подчеркивается связь алашевцев с Белым движением в годы становления советской власти в Казахстане.

В 40–80-е гг. XX в. изучение движения Алаш, впрочем, как и идеологии и деятельности лидеров Туркестанской автономии, было исключено из предметного поля советской исторической науки. История несоветских национальных политических организаций затрагивалась в общих работах, посвященных становлению советской власти в Казахстане, Гражданской войне в Средней Азии[12]. Оценки Алаш-Орды и Туркестанской автономии были крайне идеологизированы, сохранялись клише о «контрреволюционном, буржуазном, националистическом» характере этих движений. Подчеркивалось, что в общественно-политическом движении Степного края и Туркестана в период революций 1917 г. региональные этноэлиты «сыграли антинародную, предательскую роль», пойдя на сговор с комиссарами Временного правительства[13].

Аналогичные тенденции преобладали в освещении идеологии и направлений деятельности реформаторов-джадидов. В 1926 г. была опубликована рецензия П.Г. Галузо на монографию и ряд статьей Ф. Ходжаева о джадидах. По мнению рецензента, Ф. Ходжаев недооценил «реакционный» характер джадидизма и преувеличил его роль в революционных событиях. Ф. Ходжаев во втором издании своей книги, которая была опубликована в 1932 г. под названием «К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии»[14], хотя и признавал просветительскую сущность джадидизма в период его зарождения, но представил отрицательную оценку движению джадидов в период революционных событий 1917 г.

С начала 60-х гг. XX в. предпринимались попытки объективного освещения истории зарождения и развития джадидизма. Так, таджикские исследо-

[10] Габидуллин Х. Национальный вопрос в гражданской войне. С. 22–34.

[11] Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды / под ред. Н.Н. Ванаг. Алма-Ата, 1935.

[12] Сапаргалиев М.С. Возникновение казахской советской государственности (1917–1920 гг.). Алма-Ата, 1948; Иноятов Х.Ш. Ответ фальсификаторам истории советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Нуруллин Р.А. Советы Туркестанской АССР в период гражданской войны. Ташкент, 1965.

[13] Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 65.

[14] Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии. Ташкент, 1932.

ватели И.Ш. Шарипов, Я.Г. Абдулин, Г. Ходояров, анализируя социально-философские и политические воззрения просветителей и джадидов, отмечали, что по своей природе и сущности джадидизм являлся продолжением просветительства[15]. Их оппоненты Р. Хади-заде, Х. Хасанов, А. Богоутдинов, И. Брагинский, С. Улугзаде, М. Комилов, М.Г. Вахобов и другие, сопоставляя просветительство с джадидизмом, настаивали на том, что по своей социальной, философской и культурно-политической платформе и по своей природе просветительство отличалось от джадидского направления. По их мнению, джадидизм — реакционное, антинародное, националистическое, буржуазное течение, в то время как просветительство — течение прогрессивное[16].

Отдельным направлением советской историографии революций 1917 г. в Степном крае и Туркестане следует считать изучение событий Гражданской войны в регионе. Первые попытки научного осмысления причин возникновения басмачества, быстрого приобретения этим движением масштабности, а также подходы к историческому анализу событий, связанных с операциями по ликвидации частями Красной армии Бухарского эмирата и Хивинского ханства были предприняты уже в 20–30-х гг. XX в. Однако, как правило, большая часть публикаций этого периода принадлежала перу людей, которые либо сами являлись участниками событий, либо имели доступ к незасекреченным материалам. При этом содержание самих исследований носило ярко выраженную идеологическую окраску, часто в ущерб интересам объективности и было далеко от глубокого всестороннего анализа событий Гражданской войны и их широкого обобщения[17].

[15] Абдулин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1980. С. 79–81; Ходояров Г. Из истории национального движения и дореволюционной духовной культуры татарского и башкирского народов. Уфа, 1950 и др.

[16] Богоутдинов А.М. Избранные произведения. Душанбе, 1980; Он же. Очерки по истории таджикской философии. Душанбе, 1961; Он же. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа // Вопросы философии. 1951. №3. С. 126–132; Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956; Комилов М. Изменение социальной среды и формирование новой личности. Душанбе, 1971; Улугзаде С. Ахмад Дониш. Сталинабад, 1949; Хади-заде Р. Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX века. Сталинабад, 1956; Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. М., 1965 и др.

[17] Алексеенко П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1931; Он же. Что такое басмачество? Ташкент, 1931; Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1930; Борисов Б. Тактика басмачей // Красная Армия. 1922. № 18–19; Гинцбург С. От деспотии к республике. История революционного движения в Хорезме (1917–1920). Ташкент, 1924; Дервиш Д. Современное басмачество // Коммунист ЦК КПТ. 1922. № 1 (5); Манжара Д.И. Борьба за советскую власть. Ташкент, 1935; Муравейский С.Д. Очерки истории революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926; Скалов Г. Социальная природа басмачества в Туркестане // Жизнь национальностей. 1923. № 3–4; Соловейчик М. Очерк возникновения и развития современного басмачества в Бухаре. М., 1923; Паскуцкий Н. К истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент, 1922; Ходжаев Ф. Басмачество. Ташкент, 1927; Он же. Материалы к истории революции в Бухаре. Самарканд ; Ташкент, 1926.

В 50–80-е гг. XX в. было продолжено изучение отдельных сюжетов истории Гражданской войны в Степном крае и Туркестане[18]. Данная проблематика нашла отражение в исследованиях Б. Искандарова, М. Иркаева, Х.Ш. Иноятова, А.И. Ишанова, К.Б. Мухамедбердыева, И.В. Погорельского, Ю.А. Полякова и А.И. Чугунова[19]. Однако в отношении басмачества советская историография вплоть до 80-х гг. XX в. не изменила своих оценок. Оно трактовалось как одна из форм классовой борьбы в Средней Азии, «байства, местной буржуазии и реакционного мусульманского духовенства против диктатуры пролетариата». Факты массового вовлечения дехканства в ряды басмаческого движения объяснялись «искривлениями национальной политики Коммунистической партии, допускавшимися главным образом шовинистическими, националистическими и эсеровскими элементами, пробравшимися в советские органы Средней Азии», а также «политической и культурной отсталостью дехканской массы и ее религиозными предрассудками». Контрреволюционная направленность басмачества определялась его блокированием с «махровой белогвардейщиной» и связями с «иностранным империализмом»[20].

В целом, советской исторической наукой был накоплен огромный эмпирический материал, посвященный событиям российской революции 1917 г. Их исследование в рамках формационной теории и теории классовой борьбы ставило своей целью показать переход национально-освободительных движений народов России под знамя большевизма и борьбы за советскую власть. Данные методологические установки в трактовке революции 1917 г. в Степном крае и Туркестане исключали возможность изучения широкого спектра вопросов, связанных с проблемами нациестроительства в Российской империи, определением роли государства в процессе конструирования

[18] Алескеров Ю.Н. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959; Бабаходжаев А.Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918–1924 гг.). Ташкент, 1955; Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980; Иноятов Х.Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984; Ишанов А.И. Создание Бухарской народной советской республики (1920–1924 гг.). Ташкент, 1955; Ташлиев Ш.Т. Установление и упрочнение Советской власти в Туркестане. Ашхабад, 1957; Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока. 1918–1920. М., 1964; Языкова М. Борьба за установление и упрочнение Советской власти в Западном Туркменистане. Ашхабад, 1957.

[19] Искандаров Б.И. Бухара (1918–1920). Душанбе, 1970; Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1971; Иноятов Х.Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978; Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969; Мухамедбердыев К.Б. История Хорезмской революции. Ташкент, 1986; Погорельский И.В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики, 1917–1924. Л., 1984; Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М., 1976.

[20] Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981. С. 182–184.

и регулирования межэтнических отношений, этнической идентификации народов региона и выявления истинных причин их участия в революции 1917 г. За рамками внимания советских исследователей оставались такие важные сюжеты, как национально-освободительное движение мусульманских народов России, деятельность буржуазно-националистических и мусульманских партий в 1917–1922 гг. и т.д.

Западная историография в 60–70-е гг. XX в. анализировала причины, характер революции 1917 г. в России и ее влияние на национально-освободительное движение в национальных окраинах с позиций теории этничности и оперировала идентифицирующим инструментарием как основным методологическим приемом. Ею подчеркивалось, что для Российской империи и СССР всегда были характерны приверженность принципам этатизма в реализации национальной политики. Навязанная традиционным обществам Степного края и Туркестана модернизация, начавшаяся в период Российской империи и затем продолженная большевистским руководством, должна была заклинить механизм этнического самосознания, сблизить «этническое поведение» отдельных групп полиэтнического российского общества, выработать и привить новую советскую ментальность и соответствующие ей стереотипы поведения. Так, К. Дэйчем, например, была сформулирована теория «строительства наций», в рамках которой национальная политика России имперского и советского периодов представлена как попытка искусственного создания российской/советской нации[21].

Важной составляющей такой политики России, по мнению западных исследователей, являлась политика русификации. Последняя в исследованиях фон Хагена представлена как стремление политической элиты Российской империи к рационализации административно-правовых основ государственного управления в пореформенный период[22]. К. Мацузато, критикуя смысловую нагрузку термина «русификация», которая была характерна для советских исследований, доказывал, что «русификация» в смысле этнической ассимиляции нерусских была неосуществима, так как «царизм не обладал ни тоталитарными амбициями, ни ресурсами, свойственными современным государствам». Русификация, по мнению исследователя, означала не более чем усиление «гегемонии русского языка, культуры и государственных учреждений»[23].

---

[21] Deutsch K.W. Some problems of nation building / Deutsch K. W., Folts W. J., ed. Nation-Building. New York, 1966.

[22] Хаген М. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война. М., 1999. С. 385–406.

[23] Мацузато К. Польский фактор в правобережной Украине с XIX по начало XX века // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 95.

Профессор Нью-Йоркского университета М. Ривкин, анализируя языковую политику Советского государства, писал: «Более образованные мусульмане (Средней Азии и Казахстана. — *авт.*) изучали русский язык как необходимое орудие своего прогресса, но языковая русификация не имела места, и местные тюркские языки претерпели настоящее возрождение»[24]. Билингвизм казахов, ставший следствием политики русификации Российской империи и СССР, как отмечала в своей работе «Политика языковой реформы в Казахстане» М.Б. Олкотт, придал их национальному чувству большую эластичность благодаря возможности свободно инкорпорировать казахскую культуру за ограниченные рамки этнического изоляционизма[25].

В целом национальная политика Российской империи и ее русификаторская направленность не смогли, по мнению западных экспертов, кардинальным образом изменить традиционную систему социальных связей и ценностей традиционных обществ центральноазиатского региона России. Это во многом объясняется этнической тождественностью или этничностью его народов, в основе которой находилось родоплеменное сознание. Именно оно не только сохранилось, но и стало более устойчивым признаком казахского, киргизского, туркменского этносов, оказалось способным обеспечить их устойчивость и высокие адаптационные возможности в условиях смены социально-экономической формации. Родовое деление/традиционное сознание — при воздействии извне — колониальной/национальной/советской политики России выполняло защитную функцию по сохранению генетического кода коренных этносов, защитило их от полного растворения и выступило интегрирующим фактором процесса нациеобразования.

В целом, по оценке западных специалистов, в Степном крае и Туркестане, а позднее в КазССР и советских республиках Средней Азии, в силу объективных факторов (постепенное сокращение коренного населения, дисперсность его расселения, обширность территории как ландшафта обитания этого населения) модернизация проводилась, в основном, с целью эксплуатации природного потенциала и за счет притока извне значительного количества демографических ресурсов (главным образом этнических русских). Как следствие, модернизация проходила в русле единой модели, при полном игнорировании традиционного уклада жизни автохтонов, что всегда травматично, но отягощено необратимыми последствиями при соприкосновении с традиционными обществами. Именно данная ситуация привела, по мнению Р. Пайпса, А. Бенигсена и других, к осознанному подавлению государством этнической составляющей жизни народов СССР и противоречиям между до-

[24] Rywkin M. Religion, modern nationalism and political power in Soviet Central Asia // Canadian Slavonic Papers. Ottawa, 1975. Vol. 17. No. 2/3. P. 275–276.

[25] Olcott M.B. The politics of language reform in Kazakhstan // Sociolinguistic perspectives on Soviet national languages: Their past, present and future. Berlin, 1985. P. 201–202.

стигнутыми в советский период степенями социально-экономического развития и накладываемыми ограничениями на этническое самовыражение[26].

Успехи большевиков в октябре 1917 г., по мнению Р. Пайпса, А. Конкуэста и других западных историков, были обусловлены тактическими маневрами, в том числе и программными обещаниями в решении национального вопроса. «Вся национальная программа большевиков, — подчеркивал Р. Пайпс, — была придумана для того, чтобы завоевать националистические симпатии с помощью щедрых обещаний самоопределения. Когда это представлялось удобным, они (большевики. — *авт.*) шли на союз даже с самыми реакционными кругами среди нацменьшинств, которые, боясь потерять свободу, полученную в результате крушения всего государственного порядка, охотно внимали обещаниям большевиков»[27]. Аналогичных выводов придерживался канадский историк, профессор Торонтского университета Д. Кип. В работе «Русская революция» он подчеркивал, что Октябрьская революция 1917 г. в России «была одним из важнейших событий современной истории». Однако при этом исследователь ограничивал ее в национальных рамках России как специфически русское национальное явление, отрицая ее интернациональный, международный характер и классовое содержание[28].

События революций 1917 г., по мнению западных исследователей, не могли объединить народы России, так как для многих национальных окраин страны были характерны межэтнические конфликты и «вражда к русскому народу». Итогом навязанной большевиками социалистической революции для народов национальных окраин стал, по мнению Р. Пайпса, «новый утонченный колониализм», господство русских, политика великодержавного шовинизма и в конечном итоге — перспектива полного обрусения[29]. Гражданская война оценивалась как межнациональная война, война против русских вообще, которая в мусульманских анклавах страны, в том числе в Туркестане, приобрела еще и характер этнорелигиозных столкновений.

Вполне объясним в связи с этим пристальный интерес западной историографии 50–70-х гг. XX в. к проблематике басмаческого движения. Среди подобных работ следует особо выделить исследования английских исследователей О. Кэроу и Р. Пайпса, а также американского исто-

---

[26] Бенигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983; Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge, 1964.

[27] Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge, 1964. P. 295; Conguest. K. Soviet Nationality. Policy in Practice. L., 1967. P. 33.

[28] Keep J. The Bolshevik Revolution: A Prototype or Myth? «The Anatomy of Communist Takeovers». Hew Haven, London, 1975; Keep J. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. L., 1976.

[29] Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge, 1964. P. 98.

рика-советолога А. Парка[30]. Основные тезисы исследователей сводились к тому, что басмачество, объединившее широкие мусульманские массы, выступило единым фронтом против большевистской партии, а сама власть большевиков в регионе носила ярко выраженный колониальный характер и была изначально агрессивна по отношению к коренному населению. По мнению данных авторов, Средняя Азия была вторично завоевана Россией после Октябрьской революции, а коренные народы региона совершенно не воспринимали идеи коммунистического строительства и нуждались в своем собственном пути развития. Р. Пайпс в своем исследовании акцентировал внимание на том, что недовольство местного населения политикой крупномасштабного красного террора переросло в настоящую партизанскую войну, которая зародилась в Ферганской области после ликвидации большевиками «Кокандской автономии», а потом охватила почти все районы Туркестана.

В начале 80-х гг. XX в. вышла работа М. Олкотт «Басмачи, или Восстание свободолюбивых людей в Туркестане, 1918–1924»[31]. Исследователь подчеркнула, что в возникновении басмаческого движения повинна советская власть, которая не представляла интересы коренных народов среднеазиатского региона. Басмачество, по мнению М. Олкотт, являлось особой формой выражения развивающегося чувства национального единства и самосознания широких мусульманских масс Средней Азии.

С 90-х гг. XX в. в российской историографии происходил кардинальный пересмотр методологических основ в исследовании целого спектра вопросов, связанных с событиями революций 1917 г. Альтернативой классовому подходу выступили теоретические разработки концепций новой имперской истории, социальной истории, исторической антропологии, психосоциальной интерпретации революции[32]. Ученые предложили новую методологическую концепцию, в рамках которой империостроительство России рассма-

[30] Caroe O. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. London, 1954; Park A. Bolshevism in Turkistan. New York, 1957; Pierce R.A. Russian Central Asia. 1867–1917. New York, 1960; Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism.1917–1923. Cambridge, 1954; Pipes R. Muslim of the Soviet Central Asia: Trends and Prospects // Middle East Journal. Washington, 1955. № 3.

[31] Olcott M.B. The Basmachi or Freemen's Revolt in Turkistan, 1918-1924. Soviet Studies // Quarterly Journal on the USSR and Eastern Europe. University of Glasgow. 1981. N 5. P. 352–369.

[32] Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997; Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 28–38; Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996; Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Каппелер А. Россия — как многонациональное государство. М., 1992; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя, 1552–1917. Смоленск, 2000; Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. by Matsuzato, Kimitaka. Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007; Hagen M. Does Ukraine Have a Hisrory? // Slavik Review. Vol. 54. No. 3 (Autumn, 1995).

тривается сквозь призму разработки и реализации национальной политики, направленной на инкорпорацию многочисленных народов в ее политико-правовое и социально-экономическое пространство. Данное обстоятельство позволило современной российской историографии преодолеть европоцентристский и русоцентристский подходы к истории России и спроектировать тенденции «национализации» в исследовании Февральской и Октябрьской революций. Именно поэтому в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. стало актуальным изучение «польского», «еврейского», «мусульманского», «инородческого» вопросов[33] как важных составляющих внутренней политики Российской империи. Национальный вопрос стал оцениваться как одна из констант глубокого системного кризиса, приведшего к революционным потрясениям 1917 г.

На общем фоне переосмысления событий Февраля и Октября 1917 г. в отдельных этнорегионах России, достаточно высоким оказался уровень интереса современных российских исследователей к событиям революционного периода в центральноазиатских окраинах. Прежде всего следует отметить исследования В.Л. Гениса, посвященные политике РКП(б) в Центральной Азии и соседних странах[34], которую автор характеризует как «революционный авантюризм» советских деятелей. В.Л. Генис сосредоточился на метаморфозах российской политики на Востоке и разногласиях среди большевистских лидеров, столкнувшихся с непредвиденной и не вмещавшейся в рамки их искусственных схем политической и социальной ситуацией, которая находилась в постоянном движении. Аналогичные вопросы исследовали также М.А. Персиц и В.М. Гиленсен[35].

---

[33] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 2004; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–143; Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политической мысли и областническая мысль. Томск, 2005; Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи…; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998; Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб., 2007; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. СПб., 2008; Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюркских народов Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск, 1999.

[34] Генис В. Красная Персия. Большевики в Гиляне, 1920–1921. М., 2000; Он же. «С Бухарой надо кончать»: к истории бутафорских революций. М., 2001; Он же. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве. 1905–1920 // Российская дипломатия в судьбах. М., 2003; Он же. Разгром Бухарского эмирата в 1920 году // Вопросы истории. 1993. №7. С. 39–53; Он же. Борьба вокруг реформ в Бухаре в 1917 году // Вопросы истории. 2001. №11–12. С. 18–37.

[35] Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М., 1999; Гиленсен В.М. Сотрудничество красной Москвы с Энвер-пашой и Джемаль-пашой // Восток. 1996. № 3. С. 45–63; Он же. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 — осень 1921 г.) // Восток. 1999. № 1. С. 59–77.

Начиная с 90-х гг. XX в. в современной российской историографии получила звучание история российского мусульманского движения накануне и в период революций 1917 г. Общий дискурс по данной проблематике сводится к пониманию его внутреннего содержания, цели и задач. Исследователи солидарны в том, что движение российских мусульман являлось политико-религиозным по своему характеру. Базу движения составляли принадлежность к исламу и общетюркское сознание, а идеологию и практику определяли либералы-реформаторы[36]. Однако при этом часть исследователей считает, что в 1917–1920 гг. «демократическое движение среди тюркских народов было, по сути татарским, башкирским, казахским, т.н. национальным, этнополитическим». Таким образом, отрицается общероссийский характер мусульманского движения в России в революционный период и первые годы советской власти, целью отдельных этноэлит провозглашается национально-освободительная борьба[37].

Другая группа исследователей отрицает национально-освободительный характер мусульманского движения в России накануне и в период революций 1917 г. на том основании, что оно не ставило цели выхода из состава страны[38]. Подчеркивается стремление к объединению мусульман России, которое выразилось в созыве общероссийских съездов и создании общемусульманских организаций. При этом не исключалось различие во взглядах по вопросу о форме государственного устройства России, о религиозно-культурной и политической судьбе тюркско-мусульманских народов. Целью сторонников единства мусульман стала парламентская демократическая республика с культурно-национальной автономией для дисперсных мусульманских групп (поволжских, сибирских татар, казахов и т.д.). Их оппоненты, признавая единство российских мусульман, отстаивали переустройство России на федеративных началах с предоставлением ее народам национально-территориальной автономии[39].

Значительный дискурс современной российской историографии связан с определением степени этнической интеграции и уровня развития национального самосознания отдельных мусульманских народов России. Гиперболизация этих процессов в отдельных национальных историографиях

[36] Нам И.В. Мусульманское движение в России в 1917 году // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8–11 июня 1999 г. : тезисы докладов. М., 1999. С. 392.

[37] Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 85; Ясаева Л.К. К вопросу об истоках мусульманского либерализма в России в начале XX века и источниках его изучения (в связи с публикацией документов мусульманской фракции Государственной думы 1906–1917 гг.) // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе : сборник статей. М., 1998. С. 106.

[38] Исхаков С. Российские мусульмане и революция, 1917–1918. М., 2004. С. 69.

[39] Нам И.В. Мусульманское движение в России в 1917 году // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8–11 июня 199 г. : тезисы докладов. М., 1999. С. 392.

республик Российской Федерации является основанием для заявлений о готовности отдельных мусульманских народов к самоопределению вплоть до выхода из состава бывшей Российской империи[40].

В русле общероссийского мусульманского движения анализируется деятельность движения казахских националов Алаш и туркестанских джадидов. Наиболее взвешенные оценки движения Алаш представлены в работах Д.А. Аманжоловой[41]. Привлекая значительный фактологический материал, исследователь последовательно рассматривает историю становления и развития алашского движения и представляет роль Алаш в контексте социокультурной модернизации региона. Аманжолова подчеркивает, что у алашевцев не было проработанной автономистской программы, но были четкие представления о типе национально-государственного образования казахов и его месте в федеративной многонациональной России. При этом лидеры Алаш выступали за защиту интересов казахского народа, однако объективно были оторваны от народных масс. Важное значение для изучения идейно-политической эволюции Алаш имеют исследования С.В. Селиверстова, В.И. Шишкина и других, посвященные изучению взаимоотношений Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства[42].

Казахстанская историческая наука придает движению Алаш статус родоначальника современной казахстанской государственности, флагмана национально-освободительного движения казахского народа[43]. По мнению

---

[40] Юлдашбаев Б. Против казенно-идеологического догматизма в национальном вопросе // Ленинец. 1992. 24 марта.

[41] Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994; Аманжолова Д.А., Асылбеков М.А.Х., Рысбекова С.Т. Портреты на фоне эпохи. К 90-летию движения Алаш // Исторический архив. 2009. № 1. С. 90–99; Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009; Она же. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы, 2013; Она же. Из истории соперничества партийно-политических проектов и идей в Степном крае (начало XX в.) // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3, № 1. С. 15–42.

[42] Селиверстов С.В. Алаш и Сибирь в 1918–1919 годах: позиция А. Букейханова и тенденции региональных отношений // Мир Евразии. 2008. № 1. С. 22–27; Шишкин В.И. «На таком пути к желательному соглашению прийти трудно». Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство: несостоявшийся союз. 1918 г. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 100–136; Он же. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского Правительства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 110–123; Аманжолова Д.А. Из истории взаимодействия Временного Сибирского правительства и Алаш-Орды // Русская старина. 2015. № 1. С. 5–18.

[43] Жанбосинова А.С. Краткая энциклопедия истории Алаш и Алаш-Орды. Усть-Каменогорск, 2013; Койгельдиев К. «Алаш козгалысы» (Движение «Алаш»). Алматы, 1995; Нурпеисов К. «Алаш» и «Алаш-Орда». Алматы, 1995; Нурмагамбетова Р. К. Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы. 1920–1990-е годы XX века. Алматы, 2003; Сулейменова Д.Д. От Алаш-Орды к независимости Казахстана: идея «Алаш» — национальная идея // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4–5(9). С. 62–64.

казахстанского исследователя Е. Сыдыкова, оно не было проникнуто явно выраженным религиозным духом, так как казахская этноэлита не испытывала тяготения к построению чисто исламского государства. Во многом ситуация объясняется исследователем тем, что Степной край был более всех остальных центральноазиатских регионов России интегрирован в имперскую систему. Поэтому составляющей идеологии движения Алаш стало стремление усилить этническую интеграцию казахского этноса посредством освоения элементов внешних цивилизаций (прежде всего западной)[44].

Однако, несмотря на все предпринимаемые лидерами казахской интеллигенции усилия, по мнению современных казахстанских исследователей, степень этнической консолидации казахов накануне революций оставалась невысокой, политическая культура соответствовала доиндустриальной (традиционной) стадии развития[45]. Все это значительно отразилось на динамике и содержании этнополитических событий в Степном крае в 1917–1918 гг.[46]

В современной узбекской историографии причинами этнополитического движения народов Туркестана в период 1917 г. определяется мысль о чуждости, неестественности, «экспорте» идей социализма в Туркестан и простой трансформации имперского колониализма в колониализм большевистского типа[47]. Подчеркивается, что движение сплотило наиболее элитную, передовую часть общества[48]. Однако в то же время внутри него имелись серьезные разногласия между ортодоксальным религиозным и прогрессистским (джадидским), светским течениями, что сыграло роковую роль и стало одной из причин поражения туркестанских автономистов и разгрома большевиками в январе 1918 г. Кокандской автономии[49].

В современной узбекской и таджикской историографии проблеме среднеазиатского джадидизма, его идейных истоков, деятельности отдельных лидеров посвящено огромное количество исследований. Среди работ, опубликованных в Таджикистане, следует отметить публикации историков

---

[44] Сыдыков Е. Проблемы идейной эволюции национально-освободительного движения в Казахстане // Отан тарихы. Отечественная история. 1998. № 2. С. 45–46.

[45] Саидбаев Т.С. Ислам, этнос, культура // Мусульмане России накануне XXI века : материалы Международной научной конференции. М., 1998. С. 91.

[46] Альжанова С., Тулемисова Г. Беркут Алаш-орды. Алматы, 2008. С. 117; Бисенбаев А.К., Кенжебаев Н.Т. Казахи в 1917 году (К вопросу об оценке событий) // Казахстан в начале XX в.: методология, историография, источниковедение : сборник статей. Алматы, 1994. С. 84.

[47] Касымов Ш.А., Эргашев Э.Б. Некоторые аспекты национальной политики в Узбекистане 20–30-х гг. // Общественные науки в Узбекистане. 1994. № 5. С. 56.

[48] Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917 г. // Общественные науки в Узбекистане. 1996. № 11–12. С. 74.

[49] Валиханова Н.С. Национальные движения и партии Средней Азии: историография. М., 2000. С 174; Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. Ташкент, 2005.

Н.Б. Хотамова, И.К. Усманова, М.И. Бакиева, К. Расулова, Н.У. Гафарова и др.[50] Значительное внимание данной тематике уделено и узбекскими учеными Д.А. Алимовой, Б.Х. Эргашевым, С. Агзамходжаевым, Н. Каримовым, Р.М. Абдуллаевым, Х. Болтабаевым, С.Б. Шадмановой и др.[51] В целом, современные исследователи центральноазиатских республик рассматривают деятельность джадидов в тесной связи с предшествовавшим им просветительством второй половины XIX в. и характеризуют как положительное прогрессивное явление. Вместе с тем имеются и резко отрицательные оценки деятельности тех джадидов, которые проповедовали пантюркистские идеи.

В свете данных тенденций кардинальному пересмотру в современной историографии подверглось басмаческое движение, действия советских властей в отношении Бухарского эмирата и Хивинского ханства[52]. Этому во мно-

---

[50] Бакиев М.И. История просветительного движения и свободомыслия в Средней Азии. Конец XIX — начало XX в. : дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2000; Он же. История и художественный образ. Худжанд, 1997; Гафаров Н. Общественно-политическая деятельность Махмудходжи Бехбуди. Душанбе, 1997; Он же. История культурно-просветительской деятельности джадидов в Бухарском эмирате. Худжанд, 2000; Расулов К. История культуры таджикского народа в первой четверти XX века : дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2010; Он же. Кто такие джадиды? // Рудаки. 2007. № 16. С. 17–34; Хагамов Н. Бухарские джадиды и основные этапы их деятельности. Душанбе, 2000; Он же. Свержение эмирского режима в Бухаре. Душанбе, 1997.

[51] Абдуллаев Р.М. Интеграционные процессы в мусульманском мире и туркестанские джадиды // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. Алматы, 1997. № 2. С. 123–132; Он же. Проблемы модернизации традиционного общества и национальная интеллектуальная элита Туркестана в начале XX века // ЕвроАзия. М., 2008. № 7. С. 52–63; Алимова Д. А. Историческое мировоззрение джадидов и их проекция будущего Туркестана // Из страниц борьбы за независимость и единство Туркестана. Ташкент, 1996. С. 8–20; Она же. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент, 2000; Она же. История как история, история как наука. Феномен джадидизма. Ташкент, 2009; Болтабоев Х. Новые интерпретации социально-исторических корней джадидизма в Средней Азии // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби: Серия востоковедения. 2002. № 2 (19). С. 30–32; Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. Ташкент, 2005; Шадманова С.Б. Вопросы социально-экономического и культурного положения Туркестана на страницах периодической печати (1870 –1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ташкент, 2011; Эргашев Б.Х. Идеология национально-освободительного движения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1991; Он же. Джадиды: либералы или демократы? // Звезда Востока. 1991. № 12. С. 125–131.

[52] Борисова И. Д. Правовое обеспечение национальных государственных интересов Советской России и СССР в Центрально-Азиатском и Кавказском регионах в 1917–1929 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006; Бляхер Л. Е. Кто такие басмачи? (советское мифотворчество и стигматизация гражданской войны в Средней Азии) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 2 (81). С. 109–123; Ганковский Ю. Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 59–61; Он же. Персонажи с «той стороны». Ибрагимбек Локай (1889–1932) // Азия и Африка сегодня. 1994. №4. С. 61–66; Кудухова К.С. Крах политики Коминтерна с целью создания «Бухарского плацдарма» (1920–1921) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012.

гом способствовало то обстоятельство, что исследователи получили доступ к ранее засекреченным архивным фондам. Так, российский исследователь Р.Г. Ланда в работе «Ислам в истории России» писал, что основой развития крупномасштабного басмаческого движения после Октябрьской революции являлись среднеазиатские восстания 1916 г., вызванные царскими указами о мобилизации мусульманского населения на тыловые работы. Самым трагическим последствием басмаческого движения, по мнению Р.Г. Ланда, была гибель «лучших представителей местных рабочих, революционных дехкан и образованной интеллигенции», что привело к снижению темпов социокультурного развития среднеазиатского региона[53]. Д.В. Шевченко подчеркнул, что «басмаческое движение в Средней Азии в начале 20-х гг. XX столетия являлось острейшей реакцией широких мусульманских масс на политику крупномасштабного террора советской власти»[54].

В историографии республик постсоветской Центральной Азии проблематика басмаческого движения рассматривается в контексте противостояния в Средней Азии советской власти и ее идеологии[55]. Оно оценивается исключительно как ответная реакция мусульманского среднеазиатского общества на грубую советскую экспансию, на политику красного террора, а лидеры басмачества — как национальные освободительные герои. Более объективные оценки движения присутствуют в работе киргизского исследователя С.Б. Бегалиева «Басмачество: новый взгляд…»[56]. Автор считает, что басмаческое движение начиналось как движение национально-освободительного характера, направленное на защиту мусульман от красного террора, но уже через несколько лет после установления советской власти в Центральной Азии утратила таковые черты, выродившись в бандитизм.

Современная западные исследователи продолжили традицию анализа проблематики национальной проблемы в Российской империи / СССР через призму категорий «национальность», «нация», «национализм». Так,

---

Т. 21. № 1 (120). С. 185–190; Она же. Коминтерн и «Бухарский эксперимент» // Восточный архив. 2012. № 2 (26). С. 56–62; Нарбеков С. Ф. Вооруженное восстание народов Туркестана против советского режима, его причины и последствия // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 1–4 (21). С. 34–40; Пылев А. И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006.

[53] Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.

[54] Шевченко Д. В. Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии: 1917–1931 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006.

[55] Джуманалиев А. Политическое развитие Кыргызстана (20–30-е годы). Бишкек, 1994; Он же. Политическая история Кыргызстана (20–30-е годы). Бишкек, 2002; Джунушалиев Д.Д. Время созидания и трагедии: 20–30-е годы XX-го века. Бишкек, 2022; Курманов 3. К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. Бишкек, 1997.

[56] Бегалиев С.Б. Басмачество: новый взгляд. Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Бишкек, 1994.

в их работах обосновывается положение, что национальная политика большевиков после прихода к власти во многом расходилась с их изначальными теоретическими положениями по этому вопросу[57]. На практике она приводила не к стиранию этничности как типа идентичности, а ее мобилизации. Американский исследователь Т. Мартин, подчеркивая данное содержание национальной политики большевиков в 1920-е гг., дал ей такую оценочную характеристику, как «положительная деятельность».

Подводя итог историографическому обзору, отметим, что на настоящий день отсутствует исследование, которое бы в комплексе освещало динамику этнополитических и этносоциальных процессов в центральноазиатских национальных окраинах России накануне и в период революционных потрясений 1917 г. Восполнить данный пробел призвана представленная коллективная монография. Учитывая всю сложность и многоплановость заявленной проблемы, авторский коллектив поставил комплекс исследовательских задач: реконструировать основные направления политической и социально-экономической модернизации центральноазиатских окраин России на рубеже XIX–XX вв. и выявить степень ее воздействия на процессы этнической мобилизации народов региона; определить расстановку общественно-политических сил в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах накануне революционных событий 1917 г.; проанализировать идеологию национального движения коренного населения центральноазиатских окраин, его организационные формы, место и роль в общественно-политической жизни региона и страны в целом накануне и в период революционных потрясений; охарактеризовать динамику этнополитических процессов в 1917 г. в Степном крае и Туркестане, определить в них место и роль «национальной революции»; проследить эволюцию подходов большевиков к решению национального вопроса в национальных районах бывшей империи; определить особенности реализации «права наций на самоопределение» в центральноазиатском регионе в постреволюционный период; представить основные итоги революций 1917 г. для коренных народов Центральной Азии.

Авторский коллектив стоит на позиции, что Февральскую, Октябрьскую революции и последующую Гражданскую войну можно рассматривать как единый период глубокой трансформации российского общества. В это время социальные и национальные группы, а также политические силы, их представляющие, получили возможность сформулировать и попытаться реализовать свои программы решения острых социальных проблем, сложившихся в Российской империи. В частности, революции 1917 г. придали мощ-

[57] Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом советское государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1929. М., 2001.

ный импульс для структурно-организационного оформления национального движения в центральноазиатских окраинах бывшей империи и попыток реализации коренными народами региона «права наций на самоопределение». Однако практическое решение национального вопроса было осуществлено большевиками в ходе строительства советской власти. Поскольку революционный кризис 1917 г. стал следствием догоняющей модели модернизации, которую осуществляла Россия, характеристика состояния «национального вопроса» в Центральной Азии в революционный период требует анализа уровня модернизации региона в имперский период. Поэтому нижние хронологические рамки исследования были опущены до конца XIX в., когда Российская империя следовала курсу модернизации Степного края и Туркестана, направленной на включение региона в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Верхней хронологической гранью исследования выступает 1924 г., когда было проведено национально-территориальное размежевание, определившее контуры современных национальных государств Центральной Азии.

Территориальные рамки исследования охватывают государства постсоветской Центральной Азии. На рубеже XIX–XX вв. данный регион входил в состав Степного и Туркестанского генерал-губернаторств Российской империи. Кроме этого, здесь располагались Хивинское ханство и Бухарский эмират, являвшиеся протекторатами России и формально сохранявшие свою автономность до революционных событий 1917 г.

На современном этапе отсутствует универсальная концепция, определяющая закономерности и внутренние механизмы развития крупного полиэтнического государства с момента его зарождения до распада, которую с полным основанием можно было бы применить к Российской империи. Наиболее применимой с точки зрения характеристики причин системного кризиса России в начале XX в., составной частью которого следует считать и «национальный вопрос», представляется концепция связи центра и периферии[58]. В рамках данной теории Российская империя может относиться к «промежуточному», «асимметричному образованию», для которого характерны отдаленность и недосягаемость периферии (национальной окраины) от центра, взаимодействие между которыми осуществляется посредством «лестницы уровней власти, каждый из которых в известной мере самостоятелен, но признает главенствующую роль большого центра».

[58] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001; Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм. М., 2002; Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2008; Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341–359; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Административно-территориальное деление таких империй гетерогенно. В Российской империи, например, национально-территориальные образования были объединены в рамках наместничеств или генерал-губернаторств, в то время как остальные регионы входили в состав губерний. Территориальная отдаленность периферии от центра, как правило, приводит к ее обособлению, формированию региональных элит, особых черт в управлении (например, система местного самоуправления для коренного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств) и признаков (сохранение в правовом смысле некоторых традиционных социальных институтов коренных этносов и предоставление им социальных, налоговых льгот).

Контакты центра и периферии, по мнению Э. Шилза, становятся более интенсивными в периоды реформ. Последние являются реакцией империи на запросы времени и сопровождаются упорядочением административно-политических границ, утверждением национализма как господствующей идеологии, усилением принципа разделения властей, включением все более широких масс населения в политический процесс, изменением способов легитимации власти. Результатом реформаторского воздействия центра на периферию становятся глубинные трансформации периферийного общества, связанные с «созданием небольшого класса образованных людей, урбанизацией, некоторым усовершенствованием методов ведения сельского хозяйства и незначительной степенью индустриализации»[59]. Все это вызывает в жизни периферийного общества тенденции, связанные со стремлением к созданию общества нового типа, более сходного с обществом, сложившимся в центре/на Западе. Итогом усиления контактов центра и периферии большинство ученых признает их выравнивание, приводящее в конечном итоге к разрушению несимметричности и, как следствие, к распаду империи. Периферия к этому моменту готова трансформироваться в политически автономное государственное образование, главным образом, благодаря способности региональной элиты взять на себя функции по управлению[60].

В периферийных обществах с преобладающим иноэтничным центру населением все указанные тенденции способствуют росту национальных настроений. Б. Андерсон их причиной считал формирование на определенном историческом отрезке в имперской идеологии «официального национализма», провозглашающего связь правящей династии с определенной национальностью[61]. При этом, как подчеркивал социолог, проекты «национализации» могли возникать не только у политической элиты, но и в периферийных

[59] Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/schilz_obsch.php

[60] Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. С. 65.

[61] Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 126.

центрах и быть не только различны, но и существенно противоречить друг другу. В итоге на почве стремления реализации собственных «национальных проектов» конфликт между центром и периферией становится неизбежным и выступает частью дестабилизационных процессов.

Успешность национализации, а значит, и прочность империи напрямую зависит от характера отношений «имперской бюрократии» с этно-элитами. Конкретные варианты распределения полномочий между ними для каждой империи индивидуальны. Однако сохранение традиционных элит для большинства империй неизбежно и продиктовано прагматизмом, связанным с потребностью в создании посредника между имперским центром и подданными, принадлежащими к иным культурам[62]. Одним из внутренних факторов распада империи может стать возникновение противоречий между центральной и местными элитами, которые пытаются вести себя независимо и самостоятельно определяют свои проблемы, проявляя свою обособленность.

В Российской империи национализация осуществлялась по стандартной схеме путем сглаживания внутренней этнической разнородности, утверждения единого государственного языка, административно-правовой и образовательной систем, с полной ликвидацией или частичным сохранением региональных различий[63]. Однако большинство исследователей признают, что данный процесс проходил гораздо медленнее, чем в других государствах Европы. По мнению А.Ю. Бахтуриной, «стремление сохранить легитимацию самодержавия как власти от Бога на протяжении XIX — начала XX столетий оказывалось сильнее и не позволяло полностью перейти к новому, национальному обоснованию монархии». Обращение к идее «русской империи» в правительственной политике начала XX в. и общественном мнении не было безусловным, поэтому перерастания Российской империи в национальное государство к 1917 г. не произошло[64].

Важным аспектом развития антагонизма между имперским центром и инокультурной периферией является формирование национализма. Подчеркивая многообразие форм национализма, М. Хрох, тем не менее, выделяет классический набор его программных ориентиров: «развитие национальной культуры, основанное на местном языке…; обретение гражданских прав и политического самоуправления — сначала в форме автономии, а в конеч-

---

[62] Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М., 2008.

[63] Каппелер А. Россия — как многонациональное государство. М., 1992; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя, 1552–1917. Смоленск, 2000; Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. by Matsuzato, Kimitaka. Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. 273 p.; Hagen M. Does Ukraine Have a Hisrory? // Slavik Review, Vol. 54. No. 3 (Autumn, 1995).

[64] Бахтурина А.Ю. Государственное управление западным окраинам Российской империи : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. С. 17.

ном счете и независимости; создание завершенной социальной структуры, пронизывающей всю этническую группу и включающей образованные элиты, классы чиновников и предпринимателей…, свободных крестьян и организованных рабочих»[65].

С завершением формирования национализма М. Хрох связывает зарождение национального движения, которое в своем генезисе проходит три фазы: «А», «В» и «С». В первой фазе активисты/лидеры этноэлит замыкаются на научно-этнографическом аспекте своей деятельности, какие-либо политические лозунги и программы ими не выдвигаются. Их задачей является конструирование мифов и традиций, направленных на сплочение этнической группы и противопоставления ее другим этносоциальным образованиям. Во второй фазе «В» историко-культурное наследие этнической общности, даже ее язык, обретают функции значимого политического ресурса. В групповое сознание внедряется представление об ущербности, ущемленности, «остаточности» этнообразующих маркеров, комплекс этнокультурной неполноценности и/или комплекс «народа-жертвы». Требования национальных движений облекаются в политическую форму, их активисты переходят от научных изысканий к патриотической агитации, цель которой — ускорить этническую консолидацию, привлечь сторонников для реализации проекта по созданию новой нации. В третьей фазе национальное движение превращается в массовое движение. Уже не только активисты, но и большинство населения придают особое значение своей национальной принадлежности. Итогом становится завершение борьбы за национальную свободу и создание независимых государств[66].

При характеристике этапов национального движения, предложенной М. Хрохом, уместно использование термина «мобилизация». М. Н. Губогло с этнической мобилизацией связывает не только готовность этноса к активному действию, но и этничность, организованную в поисках достижения общей цели[67]. Эффективность этнической мобилизации определяется внешними и внутренними ресурсами. К числу внешних ресурсов М. Хрох, С.И. Каспэ относят, прежде всего, модернизацию как совокупность внешнего воздействия на традиционные/периферийные сообщества. Политический аспект модернизации приводит, по их мнению, к политизации периферии и вовлечению в политический процесс региональных элит и социальных групп. Экономическая модернизация трансформирует социальную структуру периферии, резко повышая уровень вертикальной и горизонтальной социальной

[65] Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002.

[66] Там же.

[67] Губогло М. Н. Антропология повседневности. М., 2013. С. 173.

мобильности, перемешивая различные этно- и социокультурные группы[68]. Более того, индустриальное развитие, приводящее к образованию единого экономического пространства и расширению межгосударственных экономических связей, разрушает систему асимметричных отношений имперского центра и периферии и резко сокращает возможности власти по формированию фонда ресурсов, выведенных из-под контроля традиционных периферийных групп. Таким образом, модернизация снижает и властный потенциал имперского центра, а в случае опережающего индустриального развития отдельных периферийных регионов становится дополнительной мотивацией сепаратистских устремлений.

Помимо модернизации, С. Олзак и Дж. Нейджл выделяют в качестве внешних факторов, ускоряющих процессы этнополитической мобилизации, урбанизацию социума, которая обостряет конкуренцию между этническими группами, переселяющимися в города из районов прежнего компактного проживания; экономическое развитие периферийных районов или открытие новых ресурсов экономического роста на периферии; национально-государственное строительство, связанное с радикальным изменением политического статуса этноса[69]. Из этого, очевидно, следует, что революции 1917 г. в России и последовавшая за ними культурная революция объективно выступили дополнительным внешним ресурсом, усилившим этническую мобилизацию народов национальных окраин.

К числу внутренних ресурсов этнической мобилизации, благоприятствующих росту этнического самосознания и переходу национальных движений из одной фазы в другую, по мнению М. Хроха, относится: «память» о былой независимости или государственности (даже относящихся к очень далекому прошлому), наличие письменной традиции, значительно облегчившей развитие норм национального языка и литературы, этническая напряженность (возникающая в результате социального кризиса старого порядка, появления разногласий между влиятельными группами населения; утраты веры в традиционные нравственные системы), наличие межэтнически окрашенного, как правило, ресурсного, конфликта[70].

Таким образом, современная социология рассматривает национализм и национальные движения как продукт модернизации, симптом распада феодально-сословной системы институтов и ценностей. При этом важно подчеркнуть, что не всегда достижимой целью этнополитической мобилизации является «нация-государство», а развитие национального движения связано с борьбой за независимость и правом на самоопределение. Однако бесспор-

---

[68] Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. С. 57.

[69] Olzak S., Nagel J. Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // Competitive Ethnic Relations. Orlando: Academic Press, 1986. P. 1–16.

[70] Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации...

но одно: национализм как сформированный интеллектуальной этноэлитой ответ на вызов индустриальной эпохи приводит к формированию нации[71].

Понятие «нация» является ключевым при характеристике этнополитических процессов в центральноазиатском регионе в период революций 1917 г. в России. Поэтому остановимся на некоторых методологических подходах к ее определению. Идеологи классического либерализма К. Маркс и Ф. Энгельс признавали право на собственное государство только за «большими историческими нациями». Более того, Ф. Энгельс считал национализм и национальное движение малых народов регрессивным явлением, подчеркивая оправданность и позитивность процесса их слияния и большими историческими нациями. Национальное равенство с этой точки зрения означало только равенство людей разных наций внутри государства.

В советской этнографии долгое время доминировало сталинское определение нации как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры». Очевидно, что выделенные И.В. Сталиным признаки нации не являются системообразующими и могут быть использованы в отношении достаточно большого числа социальных общностей.

В рамках конструктивистского подхода Б. Андерсон считал нацию социологическим феноменом и относил ее к так называемому воображаемому политическому сообществу, поскольку «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»[72]. Однако при этом социолог подчеркивал, что нации и национализм выступают как «особые культурные артефакты», «самые универсальные ценности в политической жизни», а не как идеологии. Он настаивал на ценностном смысле нации, ее способности мотивировать ценностно-ориентированное поведение в современном рационализированном обществе и связывать воедино, в целостном восприятии, пространство, время и человеческую солидарность. Национализм, таким образом, в трактовке Б. Андерсона выступает как своего рода религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своем воображении.

По мнению целого ряда социологов, «нация» как социальное образование принадлежит к конкретному и весьма ограниченному историческому периоду. Так, Э. Геллнер, определяющий «нацию» «как цементируемые «высокой культурой» большие сообщества, политические и культурные

[71] Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

[72] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 47.

границы которых стремятся к совпадению при достижении внутренней гомогенности по обоим этим параметрам», связывал ее возникновение с модернизацией и рождением индустриального общест-ва. В роли единственно возможного гаранта унифицированного воспроизводства социокультурных кодов и стандартов такого общества, по его мнению, выступает государство, что и приводит к возникновению соответствующей социально-политической модели — «государства-нации». Перекликаясь с идеями Ф. Энгельса, Э. Геллнер считал, что в процессе создания такой модели «свобода политического самовыражения всех этнических групп, кроме титульной, будет ограничена, и их представители обретут эту свободу только ценой ассимиляции. Государство-нация по самой своей природе стремится к культурно-языковой однородности, даже не придавая этой цели радикального или метафизического смысла»[73].

«Национальный вопрос», согласно Э. Хобсбауму, возникает в точке пересечения политики, техники и социальных процессов. Нации существуют не только в качестве функции территориального государства особого типа или стремления к образованию такого; они обусловлены и вполне определенным этапом экономического и технического развития[74]. Таким образом, если исходить из модернистской картины зарождения наций и национализма, то очевидно, что рассмотрение наций имеет смысл только в контексте определенного типа современного территориального государства: «государства-нации». В своих устремлениях сохранить территориальную целостность «государства-нации» политическая управленческая элита конструирует его «сверху», при этом допуская для себя возможным уступать интересам и чаяниям различных социальных сил, в том числе этносоциальных, которые вовсе не обязательно являются национальными по своей природе.

К модернистской теории «формирования нации» тяготеет и теория «механической модели нации»/«строительства нации»/«национальной инженерии», нашедшая законченное теоретическое обоснование в исследованиях К. Дойча. Он подчеркивал, что национальные процессы необходимо наблюдать в рамках политического разнообразия главным образом как управленческий процесс, особенно в тех обществах, где сильны тоталитарные рычаги управления[75]. В качестве главного примера для анализа такой модели формирования нации К. Дойч использовал опыт национально-государственного строительства СССР, считая его преемником имперских амбиций и традиций «национальной политики» России имперского периода. Учитывая факт этатизма в национальных и межнациональных

[73] Геллнер Э. Нации и национализм.

[74] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

[75] Deutsch K. W. Some problems of nation building // Deutsch K. W., Folts W. J., ed. Nation-Building. New York, 1966. P. 3.

отношениях, характерный для имперского и советского периодов России, в некотором смысле данная теория может применяться как исследовательский инструмент.

Однако данная теория, как и модернистская теория нации, имеет уязвимые моменты. Все они отрицают значимость этничности в процессе формирования нации. Последняя, как известно, понимается как самоидентификация народов по этническому признаку с точки зрения сравнительных характеристик, при этом позиция противопоставления себя другим этническим группам является определяющей[76]. Именно этничность определяет уровень и качество этнической интеграции, динамику фаз этногенеза и интенсивность межэтнических контактов. Поэтому, например, Г. Имарт утверждал, что процесс формирования национально-государственной системы и процесс этноформирования, хотя и протекали параллельно, но резко отличались друг от друга.

Применительно к центральноазиатскому региону Российской империи/СССР в качестве изначальной групповой тождественности исследователями выделяется семейное, родовое и клановое родство и в меньшей степени религиозные и лингвистические связи. Ислам как источник этнической тождественности приобрел значимость в колониальный период истории народов региона. Именно он выступил не только как религиозное учение, но и как социально-культурная система, давшая центральноазиатскому обществу новую идентичность и новый динамизм, сохраняя при этом процессы развития традиционного историко-культурного наследия[77]. Именно этничность, на наш взгляд, определила тот факт, что в течение многих веков нередко немирного сожительства «более ста наций и народностей» России, несмотря на попытки реализации имперскими и затем советскими властями усилий по формированию национального государства, смогли не потерять своего этнического лица.

Имеющиеся на сегодняшний день теоретические разработки проблем национализма и национальных движений будут использованы авторским коллективом при анализе этнополитической ситуации в центральноазиатском регионе России в период революции 1917 г.

Исследовательские задачи, поставленные в представленной монографии, решаются на основе достаточно разнообразных по содержанию и происхождению источников. Основной их массив выявлен в фондах российских и зарубежных архивов (РГИА, РГВИА, АВПРИ, ГАРФ, РГАСПИ, ЦГА РК) и впервые введен в научный оборот. Определенный

[76] Imart G.G. A unique Empire // Central Asian Survey. Oxford. 1987. Vol. 6. № 4. P. 4.

[77] Karpat K.H. The geographical scope of Central Asia. Introduction: Opening remarks // Central Asian Survey. Oxford, 1984. Vol. 3. No. 3. P. 3–13.

пласт источников по теме проекта отложился в опубликованных ранее документальных сборниках[78]. Большая их часть издана в советский период и сегодня является библиографической редкостью. Кроме этого, документальные сборники, подготовленные к изданию исследователями государств постсоветской Центральной Азии, недоступны для широкого круга российских исследователей[79].

Источники нормативно-правового характера в исследовании представлены законами, постановлениями министерств и ведомств Российской

[78] В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана : сборник документов и материалов. 1920–1937 гг. Алма-Ата, 1972; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. М., 1960; Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917–1920 гг.) : документы и материалы. Фрунзе, 1957; Великий Октябрь в Киргизии : сборник воспоминаний. Фрунзе, 1987; Гражданская война в России и мусульмане : сборник документов и материалов / под ред. С.М. Исхакова. М., 2014; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. Алма-Ата, 1963–1964; История Хорезмской Народной Советской Респуб-лики : сборник документов. Ташкент, 1976; Коммунистическая партия большевиков Туркестана. Материалы и документы II съезда Компартии Туркестана. М. ; Ташкент, 1934; Коммунистическая партия Туркестана. Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918–1924 гг.). Ташкент, 1968; Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924 гг.) : сборник документов и материалов. Т. 1: Культурное строительство в Туркестанской АССР в период установления Советской власти и гражданской войны (1917–1920 гг.). Ташкент, 1973; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1905–1907 гг. : сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957; Разгром контрреволюции в Киргизии в годы иностранной интервенции и Гражданской войны : сборник документов. 1918–1920 гг. Фрунзе, 1983; Революция и «национальный вопрос». Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3: 1917. Февраль — октябрь. М., 1930; Революция и гражданская война в России. 1917–1923 : энциклопедия: в 4 т. М., 2008. Т. 1; Советское содружество народов (объединительное движение и образование СССР) : сборник документов. 1917–1922. М., 1972; Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : сборник документов и материалов / под ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014.

[79] Аграрная история Казахстана (конец XIX — начало XX в.) : сборник документов и материалов / автор-составитель С.Н. Малтусынов. Алматы, 2006; Восточное отделение правительства Алаш-орды : сборник документов. Семей, 2010; Движение Алаш: Алаш козгаласы : сборник документов и материалов : в 5 т. Алматы, 2007; Из истории казахов : сборник / сост. С. Ешмухамбетов, С. Жекеев. Алматы, 1998; Казахские чиновники на службе Российской империи : сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы, 2014; Красный террор: политическая история Казахстана : сборник документов и материалов политических репрессий 20–50 гг. XX в. / под ред. М.К. Койгельдиева. Алматы, 2008; Мустафа Шокай. Туркестан — наша общая колыбель (Туркестан в документах из личного архива М. Шокая. 1920–1940 гг.). Алматы, 2011. Т. 1–2; Ураз Джандосов. Документы и публицистика (1918–1937 гг.) : в 2 т. Алматы, 1999; Царская колонизация в Казахстане (по материалам русской периодической печати XIX в.) / сост. Ф.М. Оразаев. Алматы, 1995; Чрезвычайный комиссар. К 125-летию А. Джангильдина : сборник документов (1916–1923 гг.). Алматы, 2009; Языкова политика в Казахстане (1921–1990 годы) : сборник документов. Алматы, 1997; Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. 2 томдық : Материалдар жинағы. Алматы, 2005.

империи[80], органами Временного правительства, декретами и постановлениях ВЦИК, СНК, решениями Съездов советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов[81]. Данный массив документов позволяет сформировать представление об основных тенденциях и направлениях модернизации центральноазиатского региона и проследить эволюцию взглядов политических элит России на национальный вопрос и механизмы его решения накануне и в ходе революции 1917 г., а также первые годы советской власти.

В эту же группу источников включены дискуссии и итоговые резолюции VIII, X и XII съездов РКП(б), заседаний ЦК и Политбюро РКП(б), которые отразили коррективы и изменения в национальной политике партии[82], являвшиеся реакцией на вызовы советской власти в национальных регионах РСФСР, в частности, в Центральной Азии. В свою очередь, резолюции съездов, определявшие политику партии в масштабе всей страны, и решения заседаний Политбюро, посвященные решению национальной проблемы в Туркестанской АССР и Киргизской (Казахской) АССР, выступали руководящим ориентиром для местных партийных и советских органов в обосновании и практическом осуществлении национальной политики.

Отдельную группу источников по вопросам национальной политики большевиков в первые годы советской власти составили работы идеологов национальной политики РКП(б): В.И. Ленина и И.В. Сталина[83]. Их теоретические представления о решении национального вопроса на основе реализации принципа «права наций на самоопределение» стали складываться до Февральской революции и легли в основу программы РСДРП(б) накануне Октябрьской революции. Однако в дальнейшем большевистская практика национально-государственного строительства значительно скорректировала

---

[80] Полное собрание законов Российской империи. Издание 3-е. СПб., 1881–1817. Т. 1–25.

[81] Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957; Декрет ВЦИК от 11.04.1921 «Об образовании Туркестанской Советской Социалистической Республики» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_912.htm; Постановление Треть-его Всероссийского съезда Советов об одобрении национальной политики Советского правительства от 15(28) января 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-01-15-2.htm; Телеграмма съезду Советов Туркестанского края о поддержке автономии Туркестана на советских началах от 22 апреля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-22-5.htm

[82] Радиограмма ЦК РКП на имя Туркестанского правительства. 12 июля 1919 г. // ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 75; Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 33–44.

[83] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 24. М., 1969; Он же. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане (июнь 1920 г.) // Полное собрание сочинений Т. 41; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос [Электронный ресурс]. URL: http://www.petrograd.biz/stalin/2-19.php

теоретические основы большевиков по национальному вопросу. Данные тенденции нашли отражение в работах И.В. Сталина, написанных в 1921–1923 гг. Они посвящены теории национального вопроса, национальной политике большевистской партии, строительству советского многонационального государства и разработке основных положений первой Конституции СССР (тезисы к X и XII съездам партии, доклады на X и XII съездах партии и на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, доклады на X Всероссийском съезде Советов и I съезде Советов СССР, статьи «К постановке национального вопроса», «Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов» и др.)[84].

Наибольший массив источников исследования составили документы делопроизводства центральных и региональных органов власти России. Среди них: материалы делопроизводства министерств и ведомств Российской империи и региональных органов власти — канцелярий генерал-губернаторов и губернаторов областей Степного края и Туркестана. Большая часть документов данного подраздела была выявлена в РГИА (Ф. 391 — Переселенческое управление Министерства земледелия, Ф. 796 — Канцелярия Синода, Ф. 797 — Канцелярия обер-прокурора Синода, Ф. 821 — Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, Ф 1291 — Земский отдел МВД, Ф. 1396 — Ревизия сенатора Палена Туркестанского края) и ЦГА РК (Ф. 15 — Семипалатинское областное правление, Ф. 25 — Туркестанское областное правление, Ф. 44 — Семиреченское областное правление, Ф. 64 — Канцелярия Степного генерал-губернатора), ГАОО (Ф. Главное управление Западной Сибири, Ф. 16 — Омская духовная консистория) и включает всеподданнейшие доклады, политические обзоры, донесения, рапорты, служебные записки, телеграммы степного и туркестанского генерал-губернаторов, военных губернаторов Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской, Ферганской, Закаспийской областей, начальников уездов, волостных управителей, агентурные донесения полиции, позволяющие представить в динамике социально-политическую ситуацию в регионе накануне революций 1917 г. Указанные источники содержат сведения о партийно-политическом движении в исследуемом регионе, направлениях развития национального движения, об избирательных кампаниях в Государственную думу Российской империи первого и второго созывов. Значительный массив документов, выявленных в ЦГА РК, позволяет проследить события Первой русской революции 1905–1907 гг. в Степном крае и Туркестане, оценить степень и формы участия в ней представителей коренных этносов,

[84] Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Т. 5 [Электронный ресурс]. URL: http://www.raaar.ru/raznoe/stalin/5/05.htm

определить их социально-экономические требования. Зна-чительный пласт делопроизводственной документации центральных и региональных органов власти имперского периода дает представления о религиозно-политическом движении в регионе и его интеграции в общероссийское мусульманское движение.

Отдельную подгруппу делопроизводственной документации составили документы партийных и государственных органов Кир(Каз) АССР и ТуркАССР, отчеты, донесения, рапорты их руководителей в ЦК РКП(б), во ВЦИК о состоянии дел в КПТ и ее отделениях на местах, об отношении к советской власти коренного мусульманского населения. Источники данной подгруппы отражают динамику этнополитических процессов в Степном крае и Туркестане в период революции 1917 г., тенденции и противоречия национальной политики и большевиков в данном регионе, деятельность региональных националистических и религиозных организаций, методы и формы взаимодействия большевиков и лидеров белого движения с ними; формы организации национально-освободительного движения, в том числе направленного на сопротивление большевистской политике.

Значительная часть материалов данного подраздела выявлена в РГАСПИ, ГАРФ и РГВА. Наиболее содержательными в РГАСПИ с точки зрения отражения вопросов социально-политического развития Степного края и Туркестана в период революций 1917 г., формирования принципов национальной политики большевистского правительства и их реализации в Туркестанской АССР и Кир(Каз)АССР, а также последующего национально-территориального размежевания в регионе являются: Ф. 122 — Комиссия ВЦИК и СНК по делам Туркестана (Турккомиссия), Ф. 670. — Фонд Г.Я. Сокольникова, председателя Турккомиссии; Ф. 61 — Туркестанское бюро ЦК РКПб; Ф. 71 — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Наиболее детально вопросы национально-территориального размежевания центральноазиатского региона, дискуссий казахской и узбекской партийных элит по вопросам раздела территории Туркреспублики отразились в Ф. 62. — Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) РГАСПИ. Документы, характеризующие политику большевиков по коммунизации мусульманского населения Туркестана, деятельность отдельных членов Туркомиссии отложились в Ф. 79 — Фонд В.В. Куйбышева, Ф. 583 — Центральное бюро агитации и пропаганды среди тюркских народов при ЦК РКП(б), Ф. 133 — Фонд П.А. Кобозева и Ф. 85 — Фонд Г.К. Орджоникидзе указанного архива. Последние два фонда содержат информацию о событиях Гражданской войны и басмаческого движения в Центральной Азии и дают представления о попытках советского правительства наладить отношения с Турцией и определенным образом снять опасность усиления ее влияния в регионе.

В ГАРФ весьма ценными с точки зрения выявления и раскрытия основных принципов деятельности большевистского руководства в области национальной политики на территории центральноазиатских окраин страны в послеоктябрьский период являются фонды: Ф. Р1318 — Наркомнац РСФСР. Оп. 1. Центральный аппарат. 1917–1924 гг.; Ф. — 1235 Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). В Российском государственном военном архиве (РГВА) интерес представляют документы, связанные с периодом зарождения басмаческого движения и активной борьбы с ним в 20-х гг. XX в.

Отдельную группу источников составили документы и материалы, отражающие события Гражданской войны в Степном крае и Туркестане, этапы борьбы советской власти с басмачеством, операции Красной армии в Бухаре и Хиве. Документальные свидетельства этой группы представлены делопроизводственной документацией Турккомиссии, отражающей деятельность В.В. Куйбышева, П.А. Кобозева, М. Э. Фрунзе.

Не менее важной группой источников, отражающих динамику этнополитических процессов в Степном крае и Туркестане и содержание национального движения в 1917–1922 г., стали документы движения Алаш и туркестанских автономистов.

Большой информативный материал удалось получить при знакомстве с мемуарами и воспоминаниями участников событий революций 1917 г. и Гражданской войны в центральноазиатских окраинах[85]. Из-за отсутствия большого количества опубликованных документов по истории туркестанского автономистского движения особую значимость для исследования представляли публицистика и мемуарные воспоминания М. Чокаева, второго премьер-министра правительства Туркестанской автономии, о событиях 1917 г. в Туркестане[86].

Работу над монографией осуществлял научно-исследовательский коллектив кафедры востоковедения исторического факультета Алтайского государственного университета и кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета в рамках реализации проекта РФФИ № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный

---

[85] Куц В.Ф. Годы в седле. М., 1964; Воспоминания участников Гражданской войны в Андижанской области. Андижан, 1957. Вып. 1.

[86] Чокай-оглы М. Туркестан под властью советов. (К характеристике диктатуры пролетариата). Статьи, воспоминания. Алма-Ата, 1993; Он же. Национальное движение в Средней Азии // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция*:* от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 429–435; Из истории российской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокаева. 1924–1932 гг. М., 1999; Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 17 годе. Токио ; Москва, 2001. Он же. Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 656–693.

вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)». Общее руководство проектом осуществляла доктор исторических наук, профессор Ю.А. Лысенко. В числе авторов: доктор исторических наук, профессор В.А. Бармин, кандидаты исторических наук, доценты И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева, Е.В. Тарасова. В приложении представлена серия картографических изображений, выполненных кандидатом географических наук, доцентом кафедры экономической географии и картографии А.А. Ереминым и ассистентом кафедры физической географии и ГИС Алтайского государственного университета М.А. Борисенко. Картосхемы строились на основе созданной в программе MapInfo Professional геоинформационной базы данных, содержащей большой набор важных социально-демографических и экономических показателей территории исследования.

Глава 1
МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК РЕСУРС ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

1.1. Элементы европейской политической культуры в центральноазиатском регионе Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций традиционным обществом

Завершение процесса присоединения территорий Старшего жуза, завоевание Кокандского ханства и включение в сферу российских интересов посредством системы протекторатов Хивинского ханства и Бухарского эмирата в 70–80-е гг. XIX в. поставило на повестку дня вопрос об интеграции данного региона в общеимперское политическое и социально-экономическое пространство. Реализация данной стратегической задачи по времени совпала с началом буржуазных реформ в России, сопровождавшихся формированием единого общероссийского рынка, буржуазии и пролетариата, региональной специализацией, усилением социальной мобильности населения империи. Вектор политической модернизации пореформенной России был направлен в сторону создания конституционной монархии, предполагавшей либерализацию и демократизацию, формирование партийной системы и элементов гражданского общества. Таким образом, в основе российского варианта модернизации выступали фундаментальные характеристики западноевропейской цивилизации и ее основные элементы политической культуры[87].

Политика России в отношении многочисленных азиатских народов определялась рамками просветительской идеологии. Ее основой выступала стадиальная концепция развития общества А. Фергюсона, согласно которой история человечество прошло в своем развитии ряд этапов: от состояния дикости, общего для всех народов, через варварство к цивилизации[88]. Эволюция предполагала движение к определенной цели на основе интеллектуального развития и морального совершенствования. Целью движения должно было стать достижение «позитивной эпохи», признаками которой выступали торжество рационализма и науки, доминирование промышленного производства. Движение к «промышленной системе» как общественному идеалу просветители рассматривали сквозь призму исторической

[87] Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). Барнаул, 2014. 284 с.

[88] Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 95–96.

неизбежности, которая объединит человечество и приведет к стиранию национальных границ[89].

Концепция эволюционизма определила патерналистский подход в политике России по отношению к ее азиатским народам. Как отмечает в связи с этим Е.П. Коваляшкина, «роль европейца-культуртрегера соответствовала привычному мессианскому самочувствию России. В фундамент необходимой для него «универсальной истины» легли воспринятые из Европы представления об атрибутах культурного прогресса и «цивилизованного общества»: рациональный политический порядок, развитое право и соответствующая система хозяйственной деятельности (доктрина физиократов о земледелии как критерии цивилизованности), оседлый образ жизни, развитие наук и пр., отвергавшие ценностное значение «незападного»[90]. Распространение российской экономики и государственной власти на народы Центральной Азии должно было оказать на них благоприятное влияние, сделать их надежными подданными великой державы, на приращение могущества которой они способны будут обратить свои хозяйственные навыки и труд.

Нельзя не согласиться в связи с этим с С.Н. Абашиным, который подчеркивал, что цивилизаторская миссия, которой империя оправдывала свое завоевание азиатских регионов, основывалась не столько на идеологии господства над «низшими» восточными народами, сколько в значительной степени на идеологии «просвещения» «отсталых» обществ. Исследователь подчеркивает, что в XIX в. идея прогресса не только не вступала в противоречие с имперской политикой, но оставалась ее составной частью[91].

В целом, необходимо отметить, что эпоха просвещения сформировала идеологию европоцентризма, исключавшую право на самобытное развитие и открывавшую перед государством самые широкие возможности произвольного вмешательства в исторически сложившиеся формы жизнедеятельности народов России. Поэтому попавшие в орбиту ее культуртрегерской деятельности народы центральноазиатских окраин, безусловно, испытали на себе с наибольшей отчетливостью «проявление традиции доминирования российского государства над обществом»[92].

---

[89] Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. СПб., 1997. С. 16–60.

[90] Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 97–98.

[91] Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будь то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...»: кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научный статей / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск, 2005. С. 92.

[92] Ерохина Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск, 2012. С. 180.

Более низкий уровень социального развития (в рамках идеологии европеоцентризма), подчиненное положение центральноазиатского общест-ва в системе «метрополия—колония» определили основные направления межкультурного взаимодействия и реализацию политики его интеграции в общеимперское пространство. Их основным содержанием стала искусственная пересадка элементов политической системы более развитой российской/западной цивилизации на центральноазиатскую почву.

В практическом смысле выражением этой концепции стало создание так называемой системы косвенного управления. Ее суть сводилась к поэтапному формированию административно-территориального управления регионом, сопровождавшегося демонтажем традиционных политических институтов. Реализация проекта была начата еще в 20–30-е гг. XIX в. в Младшем и Среднем жузах и связана с аннулированием политического института казахского общества — ханской власти[93]. Важной составляющей административных преобразований в Степном крае, а с 60-х гг. XIX в. и в Туркестане, стало создание системы местного самоуправления, представленного волостным и аульным звеньями. Несомненным ее достоинством являлось введение выборности должностных лиц — аульных и волостных старшин[94].

Во второй половине XIX в. в связи с завоеванием Россией Кокандского ханства и Старшего жуза и образованием на их территории Туркестанского генерал-губернаторства была проведена реструктуризация управленческой модели. В результате в центральноазиатских окраинах была сформирована унифицированная пятиуровневая модель: генерал-губернаторство — область — уезд — волость — аул (приложение 2, карта 1). В системе местного самоуправления в отношении кочевого населения наблюдалась преемственность с предыдущим периодом, и в ней сохранилось два уровня — волостной и аульный. Для оседлых земледельческих народов Туркестанского края вводилась одноступенчатая модель, на уровне аксакальств, которые соответствовали сельским обществам внутренних районов империи[95].

Ключевым моментом административных преобразований в центральноазиатских окраинах России в 70–90-х г. XIX в. являлся вопрос о целесоо-

---

[93] Подробнее см.: Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. М., 1952; Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблемы седентаризации в российской политике XVIII — начала XX вв.) Барнаул, 2003; Лысенко Ю. А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи.

[94] Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. Позиция центральных и региональных органов власти по вопросу организации системы местного самоуправления в казахской степи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность : материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2013. Вып. 3. С. 46–54.

[95] Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII — середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2013. № 4/1. С. 181–189.

бразности сохранения выборных начал в системе местного самоуправления для коренного населения региона. Единства в его решении не было у представителей как центральных, так и региональных органов власти. Определенная группа чиновников считала бесперспективным дальнейшее сохранение выборности при формировании органов местного самоуправления, настаивая на необходимости укрепления государственной власти в регионе посредством установления военно-административного режима. Она была убеждена, что традиционные социальные установки и нормы общежития не позволят «туземцам» быстро освоить достижения европейской цивилизации, в том числе в вопросе трансформации традиционной политической культуры.

Основанием для подобного рода заявлений выступали многочисленные свидетельства региональных органов власти о «предвыборных распрях» в аульных и волостных обществах, которые «принимали часто столь угрожающие общественному спокойствию и порядку размеры, что повторение выборов, а иногда и самое их допущение являются совершенно бесцельными»[96]. По сообщениям уездных начальников в ходе предвыборной кампании, кандидаты на должности тратили до 1500 рублей, формируя себе «партию» путем «угощения и подкупов». Победив на выборах, волостной правитель и его окружение стремились как можно скорее возместить финансовые затраты, понесенные ими во время предвыборной кампании, как правило, за счет «проигравшей партии». При этом использовались незаконные с точки зрения российской юридической системы методы: подача ложных исков, захват земли, угон скота, составление ходатайств о высылке и т.д. Кроме этого, предвыборная борьба противостоящих группировок порождала систему трайбализма, когда победившая «партия» стремилась на вакантные должности волостного правления и аульных старшин провести кандидатов из своих родовых звеньев. Таким образом, только один род или подрод становился полным хозяином волости. Проигравшая «партия», а вместе с ней и весь ее род, оказывалась абсолютно незащищенной от произвола. В лучшем случае такая ситуация приводила к разделу аула на две части, в худшем — к прямым столкновениям между противниками[97].

Другая группа администраторов, напротив, считала необходимым повсеместное распространение выборных начал среди народов центральноазиатских окраин. Свои аргументы они основывали на том, что коренным народам необходимо прививать идеи гражданского общества. Концепция их интеграции в политическое пространство России диктовала, по мнению чиновников, необходимость введения здесь общеимперских законов и уравнения в правах всех граждан

[96] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 53. Л.15об–17.

[97] Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Док. № 131. С. 404.

государства, в том числе в вопросах предоставления и организации местного самоуправления. Кроме этого, местное самоуправление, по представлениям многих чиновников, способствовало созданию социальной прослойки — чиновничества из местной этнической среды, обеспечивающей взаимодействие коренного населения с российскими органами власти.

На законодательном уровне практическую реализацию нашла вторая точка зрения. Поэтому во второй половине XIX в. неизменно расширялась социальная база как выбираемых, так и выборщиков. Право косвенного участия в выборах получило все население региона. Однако сама процедура голосования не носила характера всеобщности. Результаты голосования определялись по принципу мажоритарности: кандидат, набравший большинство голосов, считался избранным на должность. От системы местного самоуправления, действовавшей в Младшем и Среднем жузах в 30–40 гг. XIX в., был заимствован принцип контроля со стороны военных губернаторов областей и уездных начальников за выборами: им было предоставлено право утверждать результаты выборов. Если выборы признавались несостоявшимися, военному губернатору было позволено назначать новые выборы.

Безусловно, элементы представительной модели и система выборов на должность в органы местного самоуправления, созданные в центральноазиатских окраинах России, подготовили почву для внедрения в регионе в начале XX в. элементов европейской политической культуры. Важным направлением данного процесса стала интеграция региона в общероссийское партийное движение. Среди российских партий, имевших свои организации и филиалы в Степном крае и Туркестане, были социал-демократы, социалисты-революционеры, «Союз 17 октября», конституционные демократы, черносотенцы. Особенности социально-экономического развития региона, связанные с отсутствием здесь помещичьего землевладения, незавершенностью процесса формирования промышленного сектора, национальной буржуазии и рабочего класса, значительно снижали социальную базу и возможность политической агитации данных партий, а в некоторых случаях делали ее невозможной. В то же время программные положения некоторых либеральных партий, связанные с национальным вопросом, привлекали прогрессивно-либеральную часть центральноазиатского общества. В частности, казахская интеллигенция активно поддерживала кадетов и предпринимала в начале XX в. попытки создания собственной политической организации, идейно близкой им.

Важным моментом интеграции центральноазиатских окраин в политическое пространство России стало их участие в выборах в Государственную думу. Из общего числа депутатов-мусульман Степной край и Туркестан в Думе первого созыва представляли четыре депутата: А. Биримжанов,

А. Кальменов, Ш. Кощегулов, А. Букейханов[98]. Выборы во вторую Государственную думу проводились на основании избирательных законов от 6 августа и 11 декабря 1905 г. По итогам выборов в Думу прошло 10 депутатов от Степного края и Туркестана: Т. Абдухалилов, Т. Аллабергенов, М. Нурбердыханов, М.Т. Тынышпаев, С.А. Мухамеджанов, А. Кариев. Ш. Кощегулов, Т. Нороконев, С. Б. Каратаев, А.К. Беремжанов[99]. Представленный депутатский корпус входил в состав трудовой группы, мусульманской фракции и фракции кадетов, группы сибирских депутатов, работавших в Думе второго созыва.

Тем не менее по оценке исследователей, несмотря на некоторое оживление общественно-политического движения, широкая предвыборная агитация не получила распространения не только в сельской местности, но даже и городах Степного края и Туркестана. Коренное аграрное население региона оказалось вовлеченным в политические события, связанные с выборами в Государственную думу еще в меньшей степени, чем городское. Значительная часть городского населения выборы проигнорировала. Среди причин абсентеизма избирателей исследователи называют немногочисленность политических сил в крае[100]. К этому, на наш взгляд, следует добавить, что господство в сознании населения центральноазиатских окраин империи традиционных установок, низкий уровень политической культуры исключили возможность их активного участия в политическом процессе и выборах в Государственную думу.

Все это в известном смысле объясняет позицию правительства, связанную с внесением поправок в избирательный закон от 3 июня 1907 г. после разгона второй Государственной думы. Результатом стало лишение избирательных прав населения Степного края и Туркестана. На стадии подготовки новой редакции закона о выборах министр внутренних дел А.Г. Булыгин озвучил идею о том, что «кочевых и бродячих инородцев окраин империи» следует вовсе отстранить от участия в выборах, потому что «громадная часть этих инородческих племен стоит на крайне низкой ступени гражданского развития»[101]. Разработчики законопроекта о Государственной думе заявили о невозможности осуществления

---

[98] Русским населением Семипалатинской области в Думу первого созыва был избран чиновник областного статистического комитета Н.Я. Коншин, примкнувший к кадетам. Выборщики, представлявшие русское население Акмолинской области, избрали депутатом врача, социал-демократа В.И. Ишерского. Интересы Сибирского казачьего войска в I Государственной думе защищал И.П. Лаптев, присоединившийся к фракции демократических реформ. Уральскую область представлял редактор газеты «Уралец», юрист по образованию В.В. Недоносков; Тургайскую область — Н.Е. Дыхныч, крестьянин, примкнувший к кадетам.

[99] Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–9017 гг. : сборник документов и материалов / сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 276–314.

[100] Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 2007. С. 40.

[101] Материалы по учреждению Государственной думы. СПб., 1905. С. 124.

всеобщего избирательного права в стране, где нет «достаточного уровня гражданского развития», а большинство населения неграмотно. В то же время нельзя не согласиться с мнением ряда современных исследователей, что за объективной оценкой уровня развития политической культуры населения империи стояло в том числе желание «не допустить народ к государственному управлению и сохранить в неприкосновенности самодержавный строй»[102].

Следствием политической модернизации центральноазиатских окраин России на рубеже XIX–XX вв. стало формирование новых региональных политических этноэлит. В этот период они, малочисленные и разночинные по своему составу, находились на этапе осознания своего места и роли в общероссийском либерально-политическом движении[103]. Определяющей деятельностью региональных этноэлит в начале XX в. являлась трансляция и реализация просветительских идей, призванных пробудить сознание народов региона и привести к реформации и старосредневекового, и колониального. Революционные события в России 1917 г. предопределили быструю эволюцию их политических и идеологических взглядов и организационное оформление[104].

Просветительство и политическая практика лидеров национальных движений оказали определенное воздействие на сознание народов Центральной Азии. Тесная связь метрополии и трансляция ее политических событий на центральноазиатские национальные окраины привели к тому, что в традиционных обществах региона стали говорить о «свободе», «равенстве» и «национальных задачах». Анализ региональных периодических изданий начала XX в. свидетельствует о том, что под «равенством» и «свободой» понимались прежде всего право посылки депутатов в Государственную думу, участие в обсуждении законопроектов страны, право постановки на рассмотрение Думы законопроектов, непосредственно затрагивающих региональные этнопроблемы. Когда новым избирательным законом «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу», принятым в соответствии с Манифестом 1907 г., народы Степного края и Туркестана были лишены избирательного права, это было воспринято как «печальное» явление, как переход от «равенства» к «неравенству», как потеря «промелькнувшей свободы»[105].

«Свобода» и «равенство» в сфере внутренних прав традиционных обществ понимались как ограничение произвола и насилия местной администрации, решение религиозного вопроса (создание отдельного духовно-

[102] Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906-1917 гг. (социокультурный подход). Алматы, 2006. С. 161.

[103] Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 45–54.

[104] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2303. Л. 34–53.

[105] Айкап. 1912. № 7. С. 7.

го управления — муфтията для мусульман центральноазиатского региона, свобода отправления религиозного культа), развитие национальной системы образования на родных языках, прекращение земельных экспроприаций в Переселенческий фонд. «Самоопределение» многими понималось как стремление к местному самоуправлению наподобие русского земства[106].

Таким образом, на протяжении второй половины XIX — начала XX в. в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи осуществлялось внедрение демократических элементов западной политической культуры: выборность народных представителей, демократизация выборов через расширение электората, участие населения региона в общественно-политическом процессе, формирование элементов буржуазной демократии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение». Политическая борьба на выборах в Государственную думу Российской империи имела все необходимые атрибуты: партийные программы, агитацию, предвыборные обещания. В структурно-организационном аспекте демократическая политическая культура, свойственная западной цивилизации, была перенесена на местную почву и осваивалась коренными этносами. При этом следует отметить, что перенесение в традиционные общества региона новых элементов европейской политической культуры вряд ли можно считать самостоятельным направлением национальной политики государства, поскольку оно осуществлялось в рамках общеимперской политической модернизации.

Внешние проявления межцивилизационного взаимодействия России-метрополии с народами центральноазиатских окраин, характеризовавшиеся институционализацией заимствованных политических инокультурных инноваций, имели и обратную сторону, заключающуюся в усвоении цивилизацией-реципиентом новых ценностей, идей, обусловливающих качественно новую мотивацию поведения ее членов. В связи с этим нужно отметить, что на рубеже XIX–XX вв. политическая жизнь центральноазиатских окраин была отмечена рядом специфических черт: неразвитостью активных форм национально-освободительной борьбы, слабым проявлением антиколониальных настроений, замедленным формированием партийной системы, политической индифферентностью большинства населения региона.

Главная причина видится в незавершенности процесса политической модернизации в центральноазиатских окраинах. Несколько десятилетий (конец XIX — 1917 г.), отведенных на освоение политических инноваций, оказались слишком малым сроком для того, чтобы функциональное предназначение европейских политических институтов пришло в условиях господства традиционных политических культур в соответствие с их реальным содержанием.

---

[106] Восточное отделение правительства Алашорды : сборник документов. Семей, 2010.

Преобладание в политической сфере цетральноазиатских окраин традиционных норм, ценностей и установок предопределило трудность и замедленность процесса освоения элементов западной политической культуры. В социальной структуре этнических общностей региона продолжали сохранять свои позиции клановая и родовая идеологии, трайбализм и мусульманское этносознание, но не социально-классовые и политико-экономические интересы. Институционализация новых структур не сопровождалась деинституционализацией традиционных обществ, а привела лишь к совмещению и сосуществованию традиционного и современного.

В условиях господства родового и кланового сознания демократические выборы, антураж избирательных кампаний на административные должности системы местного самоуправления лишь прикрывали существенную черту традиционных обществ. Важнейшей особенностью традиционного потестарно-родового политического сознания было отсутствие понятия о власти и тем более партии как абстракциях. Иным словами, к 1917 г. в традиционной политической культуре пока еще не произошла деперсонификация сознания.

Освоение элементов западной политической культуры и местного самоуправления тормозилось отсутствием базиса парламентаризма — социальной структуризации общества исторически сложившимися отношениями предпринимательства и свободного найма рабочей силы, сильных профсоюзов, бюрократии современного типа, развитых политических партий и прессы. Органы местного самоуправления превращались в арену столкновения клановых и родовых интересов, соперничества в назначении своих членов на административные посты. Чиновники из местной этнической среды вынуждены были действовать в рамках двух систем ценностей. Однако незнание большинством их русского языка как языка официального делопроизводства, давление, которое они испытывали со стороны родственников, делали их пассивными проводниками имперской политики в центральноазиатском регионе.

Подводя итоги, отметим, что последовавшая после включения центральноазиатских окраин в сферу интересов Российской империи политическая модернизация данного этнорегиона привела к определенной трансформации традиционных политических установок, внедрению инокультурных инноваций. Это, в свою очередь, заметно изменило облик традиционных обществ региона, заложило основы политической системы, более адекватно отвечающей решению вставших перед ними проблем в новой исторической ситуации. Особенностью этих процессов стали асинхронность освоения западных политических структур и ценностей, в результате чего функциональное предназначение ряда современных политических институтов не отвечало их реальному содержанию. Наполнение новых форм частично модифицированным традиционным содержанием в значительной степени было обусловлено

прочностью цивилизационных основ, значимостью для центральноазиатских обществ традиционных политических ценностей и символов, бесперспективностью легитимации политических инноваций за счет ущемления легитимности освященных веками традиционных институтов.

1.2. Политико-правовой статус коренных народов Степного края и Туркестана в этносоциальной структуре российского общества. «Мусульманский вопрос» в системе администрирования региона

Одной из особенностей политики Российской империи в отношении народов национальных окраин большинством современных исследователей признается тенденция к их интеграции в социально-правовую систему российского общества на равноправных основаниях с другими категориями подданных. Во многом она была обусловлена историческим опытом взаимодействия Русского государства с иноэтничными общностями, а также наследованием ордынской социокультурной традиции, исключавшей этноизоляционизм и этногеноцид[107].

Колонизация Сибири на протяжении XVI–XVII вв., несмотря на особенности системы жизнеобеспечения многих аборигенных народов, своеобразие их социальных и духовных традиций, не вызывала у русских, как подчеркивает Е.П. Коваляшкина, «состояния «культурного шока», а Московское государство «не ставило вопроса об их человеческой полноценности». Собирательные названия «инородец», «иноплеменник» не имели уничижительной окраски. В классификации народов Сибири преобладала терминология, исключавшая этноцентризм и определяющая лишь характер отношений той или иной группы инородцев с государственной властью: «мирные», «немирные», «ясачные» и др.[108]

В XVIII в. изменения в российской политической системе и внешней ориентации на западноевропейскую культурную модель сопровождались коррективами в политике государства по отношению к сибирским инородцам. Принципы рационализма, а также осознание факта этнокультурной гетерогенности страны привели к неизбежной в данной ситуации регламентации и унификации принципов взаимодействия государства и традиционных институтов. Однако весь комплекс правительственных мероприятий, направленных на установление административного контроля и обеспечение

[107] Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной власти и областническая мысль. Томск, 2005. С. 41–46; Трепавлов В.В. Восточные элементы русской государственности (к постановке проблемы) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 1. С. 40–52; Шерстова Л.И. Этническая история тюрков Южной Сибири. Томск, 1999.

[108] Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. С. 51–52.

налоговых сборов, неизменно осуществлялся на основе признания за инокультурными народами юридического равноправия[109].

С 20-х гг. XIX в. социально-правовой статус казахов, как и всех народов Сибири, стал определяться нормами Устава об управлении инородцев и Устава о сибирских киргизах[110], разработанных под руководством М.М. Сперанского. В рамках данных законодательных актов казахи были причислены в разряд «кочевых инородцев» Сибири, сохранив за собой полученные ранее права «в равной степени с крестьянскими». Таким образом, в уставах наблюдалась преемственность и последовательность курса интеграции инородческих народов России в социальное пространство империи на равноправных основаниях.

Под преемственностью и последовательностью социальной политики государства нужно понимать стремление правящих кругов России уровнять в правах и обязанностях инородческое/казахское население с русским крестьянством. В этом смысле даже система местного самоуправления в Степи, созданная по Уставу о сибирских киргизах, была проведена в соответствие со схемой крестьянской волостной организации и волостного сельского управления. Функции (хозяйственные, податные, распорядительно-полицейские) аульных и волостных правителей были идентичны функциям сельских и волостных управлений государственных крестьян.

Устав о сибирских киргизах 1822 г. отменил систему патриархального рабства в Степи, предоставил казахам право иметь документ, удостоверяющий личность, гарантировал свободное передвижение по территории Российской империи и за ее пределами. Кроме этого, закон открывал широкие возможности для социальной мобильности кочевников и их причисления к сословиям государственных крестьян, мещан и купечества. В связи с этим им предоставлялось право заниматься любыми видами экономической деятельности, в том числе торговлей, как в самой России, так и за ее пределами. Особенно поощрялся переход к земледельческому труду.

Идеология Устава предполагала и рекрутирование представителей степной аристократии в управленческую среду: старшие султаны, волостные правители, аульные старшины выступили той социальной базой, на основе которой начался процесс формирования чиновничества из местной этнической среды. В силу несовершенства законодательной системы Российской империи этого периода в Уставе не получили детальной разработки экономические права казахского населения и прежде всего право на частную собственность. Подтверждалась только родоплеменная собственность на зимние

[109] Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 1992. С. 48.
[110] ПСЗ РИ. Издание второе. СПб., 1823. Т. XXXVIII. № С. 417–433.

пастбища. Вопросы принадлежности природных ресурсов региона остались вне поля зрения реформаторов[111].

Следует подчеркнуть, что стремление государства уравнять социальный статус казахского населения с русским крестьянством оказалось нереализованным. В отношении кочевников ни Уставом, ни последующими законодательными актами не была введена система личной (крепостной) зависимости. Кроме этого, казахи были освобождены от рекрутской повинности и службы в армии. Учитывая тот факт, что система управления в Степи, введенная Уставом 1822 г., строилась с учетом норм обычного права казахов и сохранением традиционных социальных институтов, она, безусловно, приобрела своеобразный характер и мало соотносилась с системой управления в русских крестьянских обществах. Эти обстоятельства заложили основы правового неравенства внутри единой социальной группы российского общества — сельского населения, способствовали формированию внутри нее особой подгруппы — казахов-кочевников (а в целом и всех инородцев Сибири), наделенной привилегиями, в этническом сознании которой со временем зафиксировалось представление об ее особенном положении[112].

Во второй половине XIX в. социально-правовой статус коренного населения Степного края и Туркестана регламентировался законодательными актами 60-х, 80–90-х гг., продолжившими линию на их интеграцию в сословие сельских обывателей и мещан. За ними сохранились все гражданские права, предоставленные Уставом о сибирских киргизах 1822 г.: право свободного передвижения по стране, перехода из одной социальной категории российского общества в другую и т.д.

Идеология пореформенного периода и тенденции экономического развития России во второй половине XIX в. поставили на повестку дня вопрос о регламентации экономических прав коренных народов центральноазиатских окраин. По Временным положениям 1867–1868 гг. все земельные и природные ресурсы Степного и Туркестанского генерал-губернаторств объявлялись собственностью государства и передавались в пользование аульным и кишлачным общинам безвозмездно. Личной собственностью признавались лишь те земельные участки, которые были пожалованы царем ханским потомкам. Переходя в оседлое положение, казахи и другие этносы, согласно ст. 279 Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1886 г., получали за собой право закрепления обрабатываемых земель как оседлое кишлачное население или крестьяне-переселенцы.

---

[111] Ерохина Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск, 2012. С. 69–74.

[112] Подробнее см.: Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи… С. 184–190.

Согласно ст. 212, 217, 218 Временного положения 1868 г. все земли, находящиеся в пользовании казахского населения, были подразделены на зимние, летние стойбища и обрабатываемые пашни. Законодательно определялось, что каждый казах имеет право на отведенном в его пользовании участке обрабатывать землю, разводить сады, огороды, рощи и возводить жилые и хозяйственные постройки. Земледельческие участки и зимние пастбища, на которых были возведены жилые и хозяйственные постройки, передавались по наследству. Их владелец лишался этого права, если прекращал заниматься земледельческим трудом и разрушал постройки. Летние пастбища находились в общинной собственности той или иной волости, регулирование процесса пользования ими осуществлялись на основе норм обычного права казахов. В числе экономических прав реформы 60-х гг. XIX в. предоставляли населению региона возможности сдачи земель, находящихся в общинном пользовании, в аренду. В Туркестанском генерал-губернаторстве арендные отношения были разрешены в 1905 г.

Следует подчеркнуть, что земельная реформа не дискриминировала коренное население Степного края и Туркестана в вопросе предоставления права частной собственности на землю. Позиция государства в этой сфере администрирования сформировалась еще в период освоения Сибири, сопровождавшегося запретами на создание в регионе крупного феодального и мелкого частного землевладения. Тенденции аграрной политики государства в вопросе землепользования экстраполировались и на законодательство более позднего периода. Реформы 1867–1868 гг. не предполагали создания мелкого частного землевладения как для коренного, так и для русского населения. В Положениях 1886 г. об управлении Туркестанским краем и 1891 г. об управлении Степным краем подчеркивалось, что «казенные земли предоставляются переселенцам в постоянное пользование. …Отведенные переселенцам участки лица сии не могут ни отчуждать, ни обременять долгами». За пользование землей крестьяне выплачивали государственные налоги и отбывали различные повинности[113].

Процессы экономической модернизации, развернувшиеся во второй половине XIX в., способствовали включению коренного населения Степного края и Туркестана в товарно-денежные отношения. В связи с этим в регионе большое распространение получили нормы гражданского права Российской империи, применявшиеся при заключении договоров купли-продажи, найма, имущественного найма, мены и т.д. Заключение всех типов договоров по закону должно было оформляться в письменной форме и заверяться в уездном управлении. Исследователи подчеркивают, что появление новых

[113] Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1961–1914 гг. Алма-Ата, 1965. С. 72–91.

правотворческих норм в традиционном центральноазиатском обществе, связанных с распространением на них законодательства Российской империи, способствовало изменениям норм обычного права и появлению в нем положений, определяющих взаимоотношение должника и кредитора, ответственность за неуплату долга, формы взыскания долга и процентов[114].

Важной составляющей процесса интеграции коренных народов Степного края и Туркестана в социально-правовое поле России стало распространение на него общеимперского уголовного законодательства. Временные положения 1867–1868 гг. ввели в регионе действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и уголовные нормы Свода военных постановлений. На основании военно-уголовного законодательства рассматривались такие типы преступлений, как измена существующему государственному строю, возбуждение соплеменников против правительства, явное сопротивление властям, нападения на почты, казенные и военные транспорты, повреждение телеграфных линий, убийство христиан и других лиц, изъявивших желание принять христианство, убийство должностных лиц. За совершенные преступления предусматривалось наказание в соответствии с Воинским уставом о наказаниях, принятом в 1875 г.

Процесс интеграции центральноазиатских этносов в общеимперскую социально-правовую модель предполагал определение для них ряда обязательств по отношению к государству, которые необходимо рассматривать как важную посылку формирования представления о принадлежности к новому правовому статусу — населению (гражданам) Российской империи[115]. Одним из таких обязательств стало включение коренных народов с момента принятия Устава о сибирских инородцах 1822 г. в состав податного сословия и поэтапное введение налоговой системы, сначала в виде натуральных выплат, а позднее и в денежном эквиваленте[116]. Утвержденные в 1867–1868 гг. Временные положения об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским и Туркестанским генерал-губернаторствами закрепили за кочевым населением региона покибиточную подать, за оседлым — поземельный налог. Помимо них, с 60-х гг. XIX в. на жителей края возлагались обязательства по выплате земских сборов и повинностей[117].

Особо отметим, что в системе налогообложения, созданной в казахской степи, фискальной единицей определялась хозяйственная и одновременно социальная единица — кибитка-семья. Кроме этого, кочевники были освобождены от платы за пользование земельными ресурсами, объявленными

[114] История Казахстана : в 5 т. Т. 3. С. 460–462.

[115] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2810. Л. 45–47.

[116] Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1883. С. 368.

[117] Там же. С. 393.

собственностью государства в 1867–1868 гг. — пастбища были переданы им в безвозмездное пользование. Данное обстоятельство значительно отличало «казахскую модель» сбора налогов от той, которая была распространена на русское крестьянское податное население Степного края, выплачивавшее государству подушный налог и налог земельный в виде барщины или оброка[118]. Таким образом, модель фискальной системы предполагала меньший по сумме сбор налоговых вычетов с коренных народов Степного края и Туркестана, по сравнению с русским крестьянским населением. Это обстоятельство выступало одним из сдерживающих факторов перехода кочевников в казачье или крестьянское сословие, а также фактором роста межэтнической напряженности в регионе.

Особое место в администрировании центральноазиатского региона Российской империи было отведено «мусульманскому вопросу». В областях Степного и Туркестанского генерал–губернаторств на рубеже XIX–XX вв. проживало 90,29% мусульманского населения страны: в Акмолинской области его удельный вес от общей численности населения составлял 64,43%, Закаспийской — 88,07%, Самаркандской — 97,62%, Семиреченской — 90,18%, Семипалатинской — 89,71%, Сыр-Дарьинской — 96,37, Тургайской — 90,99%, Уральской — 74,15, Ферганской — 90,29%[119](приложение 1, таблица 2; приложение 2, карта 7).

В то же время «мусульманская» Центральная Азия не являлась гомогенной: здесь выделялись два региона, отличающиеся друг от друга степенью проникновения догм и обрядов ислама в менталитет и повседневность коренных народов. Структура этнического самосознания оседлого населения Туркестанского края представляла собой сложную многоуровневую иерархию, верхний уровень которой определялся принадлежностью к исламу[120]. Исторически Туркестан являлся одним из центров исламской культуры. На территории позднесредневековых государств региона — Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата — располагались мусульманские святыни, крупнейшие мечети и религиозно-учебные центры. Социальные, судебные нормы и политическая жизнь этих государств регламентировались Кораном и шариатом[121].

В этническом сознании кочевых народов Степного края — казахов, а также туркмен, киргизов — преобладало родовое начало, социальные связи и отношения выстраивались на потестарно-родовых и клановых началах. Исламизация этих народов, начавшаяся в позднее Средневековье, осуществлялась на основе синтеза местных архаических верований, культуры но-

[118] Ключевский В. Подушная подать и отмена холопства в России // Русская мысль. 1886.
[119] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603.
[120] Бартольд В.В. Сарт. Сочинения. М., 1964. Т. 2. Ч. 2.
[121] Мейндорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 135–142.

мадизма, а также пришедшего из Туркестана суннизма с его суннитскими братствами и орденами[122]. В конечном итоге, у кочевых народов Центральной Азии был сформирован мусульманский языческий синкретизм, или «народный, умеренный традиционный ислам»[123].

Данные обстоятельства учитывались политической элитой Российской империи при выработке стратегического курса в отношении «степного» и «туркестанского» ислама. В целом, основные направления этого курса были сформулированы во второй половине XIX в. Однако «мусульманский вопрос» в системе администрирования центральноазиатских окраин не был «монолитным явлением», имел определенные нюансы, варьировал в зависимости от конкретной международной и внутриполитической ситуации. На тот или иной аспект религиозной политики в этом регионе огромное влияние оказывала позиция региональных властей.

Важнейшим внешнеполитическим фактором, определившим содержание государственной концепции в отношении «центральноазиатского ислама», стало расширение границ империи и включение в ее состав территорий со значительным по численности мусульманским населением. Так, в 60-е гг. XIX в. Россией были аннексированы территории Старшего жуза и Кокандского ханства, заключены неравноправные договоры с Хивинским ханством и Бухарскими эмиратом, установившие систему протектората над ними. В этот же период в состав государства окончательно был включен Кавказ. В результате этих внешнеполитических акций ислам стал второй по количеству своих адептов конфессией в империи: по Всероссийской переписи населения 1897 г. в стране насчитывалось 13,889 миллионов его приверженцев.

Завершение присоединения Юго-Восточного Казахстана и захват Кокандского ханства привели к увеличению протяженности российской границы с китайской провинцией Синьцзян. Политика цинских властей в отношении мусульманского населения данной провинции носила дискриминационный характер и потому выступала мощным дестабилизирующим фактором. На протяжении первой половины XIX в. здесь неоднократно вспыхивали антиправительственные движения, принимавшие форму газавата — священной войны против неверных, т.е. ханьцев. Фактор границы юго-восточных рубежей Российской империи с мусульманским Синьцзяном стал рассматриваться как важная посылка для формирования государственной концепции в отношении ислама в целом и «центральноазиатского ислама» в частности. Серьезные последствия для судьбы российского ислама имела и весьма не-

---

[122] Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: в 3 т. Т. 1: Источники и историография / под ред. А.П. Яркова. Тюмень, 2007. С. 13.

[123] Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи...

удачная для России Крымская война 1853–1856 гг., которая значительно ослабила позиции империи в «восточном вопросе»[124].

К числу важнейших внутриполитических обстоятельств, оказавших значительное влияние на формирование основ политики в отношении ислама, стал рост национального сознания и общественно-политической активности мусульман России, неизменно наблюдавшийся на протяжении всего пореформенного периода. Институционализация интеграционных процессов мусульманских народов империи стала рассматриваться как фактор, «способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи»[125].

Поэтому 80–90-е гг. XIX — начало XX в. стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма». На первый план в государственной идеологии выдвигалась доктрина «официального национализма». Следствием явилось поэтапное наступление на религиозные права мусульманского населения и активизация православной миссионерской деятельности среди них. С целью сохранения спокойствия в регионах с компактным проживанием мусульман империи на общегосударственном уровне приоритетным становилось следование политике веротерпимости и толерантности к исламским институтам. Но при этом четко обозначилась тенденция усиления контроля за их деятельностью, а также за деятельностью мусульманского духовенства.

Региональные практики администрирования исламских институтов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах выстраивались в русле общеимперских тенденций, но при этом учитывались их локальные особенности, основанные на глубине проникновения идеологии ислама в менталитет и повседневность коренных народов. Так, важной посылкой стратегии в отношении «степного/кочевого ислама» стала идея о том, что казахи «плохие мусульмане» и «пока не фанатичны»[126]. Закрепление позиций ислама в Степном крае, учитывая его близость к исламским центрам Поволжья и Туркестана, рассматривалось как дестабилизирующий фактор. Поэтому главную задачу религиозной политики России в данном этнорегионе чиновники видели в создании системы противовесов развитию ислама, дезинтеграции казахского мусульманского движения и вычленении его из общероссийского мусульманского движения[127].

---

[124] Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии: вторая половина XIX — 1917 г. Барнаул, 2003; Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в. коллективная монография / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014. С. 43–62.

[125] Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4. С. 7.

[126] Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Ч. II. С. 227.

[127] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594. Л. 49–49об.

В Туркестанском генерал-губернаторстве имперские власти демонстрировали веротерпимость и отказались от форсированного демонтажа исламских структур. В инструкциях, направляемых в этот край, за призывом верности отечеству и престолу следовало требование проявлять справедливость к нуждам и интересам мусульман. Первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман не находил нужным подчинять туркестанских мусульман какому-либо духовному управлению и формировать особое сословие мусульманских священников со своей иерархией по образцу Оренбургского или Таврического мусульманских духовных собраний. Предлагая сохранить существовавшие в регионе исламские нормы, К.П. Кауфман надеялся доказать туземцам лояльность и веротерпимость со стороны государства к их традициям и религии. В то же время администратор был уверен, что альтернативой исламу в Туркестане должно стать развитие светского образования в духе европейской/христианской морали и этики. Причем для более успешной русификации он настаивал на необходимости совместного обучения русских/православных и мусульманских детей в специально создаваемых русско-туземных школах. Игнорирование государством в Туркестанском крае ислама, по мнению К.П. Кауфмана, со временем должно было доказать его несостоятельность и уступить место цивилизованному и культурному христианству[128].

В русле идей К.П. Кауфмана в первые годы после образования Туркестанского генерал-губернаторства российское правительство выделяло крупные средства на религиозные нужды мусульманского края, восстановление старинных мечетей и медресе. В Казани за счет казны был массовым тиражом издан Коран, большая часть тиража была отправлена в Туркестан и роздана местным имамам. При образовании в Ташкенте в 1893 г. Туркестанской учительской семинарии для подготовки учительских кадров в русские и русско-туземные школы Туркестанского края в нее принимались абитуриенты и православного, и мусульманского вероисповедания. Учащимся-мусульманам предоставлялось 1/3 бюджетных мест. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. в регионе происходил рост численности мечетей[129]. Следует также подчеркнуть, что в Туркестане сохранились три столпа исламской социально-религиозной системы: сеть мусульманских начальных

[128] Лысенко Ю.А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник ТГУ. 2012. № 4. С. 194–199.

[129] Так, например, в г. Туркестане в 1864 г. насчитывалось 20 мечетей, в 1910 г. их было уже 41. В Чимкенте в 1868 г. было 18 мечетей, в 1910 г. — 36. В Перовске в 1910 г. действовало 4 мечети, в Казалинске — 5, в Аулие-Ате — 21. В Семиреченском уезде, включавшем г. Пржевальск и Пишпек, к 1912 г. имелось 228 мечетей, 175 имамов, 14 мулл, старометодных школ — 84, новометодных — 27, включая медресе и мектебы.

и высших учебных заведений, сеть мечетей и святых мест и сеть шариатских судов, обеспечивающих поддержание мусульманских норм жизни.

Однако, несмотря на различия в подходах и методах проведения религиозной политики в Степном крае и Туркестане, оба региона в условиях пореформенного времени и формирования правового пространства империи включались в систему общеимперской законодательной регламентации функционирования исламских институтов. На все мусульманское население страны было распространено общегражданское право (том XI Свода законов). Однако в сфере брачных отношений и семейно-наследственных вопросов в Степном крае сохранили свои позиции обычное право (адат) и традиционный суд, а в Туркестане — шарит и шариатские суды. Подобный «правовой плюрализм» объяснялся, на взгляд исследователей, особенностями этноконфессиональной ситуации в центральноазиатском регионе, отсутствием «русского православного элемента», стремлением в этих обстоятельствах местной администрации привлечь этноэлиты к управлению в низовой административной системе[130].

Несмотря на это своеобразие для российского мусульманского законодательства в целом и, в частности, для «центральноазиатского исламского законодательства» было характерно наличие значительного количества правовых норм, которые принято считать ограничительными. Одна из них затрагивала право лицам нехристианского вероисповедания приобретать недвижимость и владеть ею. Согласно 262 ст. Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г., «приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицам, не принадлежащим к русскому подданству, а равно и всем, за исключением туземцев, лицам нехристианских вероисповеданий воспрещается». Аналогично звучала и ст. 136 Временного положения об управлении Степными областями, которая запрещала приобретать лицам нехристианского вероисповедания земли в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях. Многочисленные требования мусульман снять данное ограничение оставались безответными. Безусловно, что данная ограничительная мера была направленна не против всех мусульман, поскольку местное коренное население сохраняло свои имущественные права, а прежде всего против мусульман внутренней России, т.е. татар. Таким образом российские власти стремились ограничить доступ в Степной край и Туркестан представителей данного этноса, считавшихся главными распространителями среди местных мусульманских народов религиозного фанатизма, идей «панисламизма» и «пантюркизма».

Особенно остро для центральноазиатских окраин России стоял вопрос о Мусульманском духовном правлении. На основании Временных положе-

[130] Усманова Д. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916 гг. Казань, 2005. С. 83.

ний духовные дела коренных этносов региона изымались из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания[131]. Следует отметить, что данный институт контролировал религиозные дела казахов Степного края с конца XVIII в. Заведование ими передавалось местным муллам, утверждаемым только из местной этнической среды — казахов, которые подчинялись общему Гражданскому управлению Министерства внутренних дел. Таким образом, звание указных мулл, т.е. назначение на должность муллы Оренбургским мусульманским духовным собранием, в Степи было отменено. Кроме этого, брачные и семейные дела казахов были изъяты из ведения мусульманского духовенства и подчинены народному суду[132].

В утвержденном 25 марта 1891 г. Положении об управлении Степным генерал-губернаторством большая часть статьей, затрагивающих проблемы жизни мусульман края, подтверждала ограничительные нормы Временного положения 1868 г.: муллы избирались из представителей местной этнической среды и утверждались в звании или устранялись от дел губернатором области. По Положению 1891 г. разрешалось иметь в каждой волости по одному мулле. Новым было и то, что избрание муллы в каждой волости стало необязательным. К исполнению религиозных обрядов допускались даже лица, не признанные официально духовными. Обязанности мулл не были определены, что лишало их статуса представителей органов управления, а, следовательно, и былой социальной значимости. Они также отстранялись от ведения метрических книг, от рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались ведению народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Закон предусматривал наказание мулл за вмешательство в названные выше дела как за самовольное присвоение власти. Возведение мечетей допускалось только с разрешения высшей администрации, не более одной мечети на волость. Все культовые сооружения и школы при них должны были содержаться за счет добровольных пожертвований, пособия из казны не предполагалось[133].

Только после издания Указа о свободе исповеданий от 17 апреля 1907 г. Министерство внутренних дел стало разрешать строительство мечетей сверх указанной нормы. МВД пришло к выводу, что контролировать процесс гораздо проще, если официально разрешить строительство мечетей, чем безуспешно бороться с нелегальными молитвенными домами. Существенную роль сыграло и то обстоятельство, что нелегальным строительством «…руко-

[131] Следует отметить, что данный институт контролировал религиозные дела казахов Степного края с конца XVIII в.

[132] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2001. С. 271.

[133] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1383. Л. 32.

водили, пропитанные религиозным фанатизмом татары, и чем дальше, тем труднее будет обнаружить эти тайные молитвенные дома»[134].

Аналогичные ограничительные нормы на законодательном уровне были введены и для мусульман Туркестанского края. Исламские институты региона, как отмечалось выше, подверглись наименьшей деформации после присоединения к Российской империи. Однако религиозная интеграция в общеимперское пространство не предполагала создания особого духовного правления для мусульман, по аналогии с Оренбургским, Таврическим и двумя Закавказским (для суннитов и шиитов) мусульманскими духовными собраниями. Так же, как и в Степном крае, по Временному положению об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г. духовно-религиозные дела мусульман региона были переданы в ведение МВД России. Положение 1886 г. об управлении Туркестанским генерал-губернаторством также оставило без внимания вопрос об управлении духовными делами населения края[135].

Рассмотрение гражданских дел между народами региона — заключение и расторжение брака, ряд семейно-имущественных дел — споры по завещаниям или при разделе наследства, принадлежавшее ранее муллам, было изъято из их компетенции и предоставлено народному суду. Кроме этого, был упразднен институт шейх-ул-ислама (исламского пастыря) — высшего авторитета в религиозных вопросах.

Противоречивым моментом в правовой регламентации мусульманских общин Степного края и Туркестана являлся вопрос о воинской повинности. В пореформенный период вопрос о привлечении на службу в российскую армию мусульманского населения России, в том числе центральноазиатского, безусловно, рассматривался правящими кругами в политико-юридической плоскости и предполагал социально-правовую нивелировку всех граждан империи. Однако, несмотря на, казалось бы, рациональность такого подхода, Манифест о введении всеобщей воинской повинности 1874 г. освободил азиатские народы империи, в том числе мусульман Степного края и Туркестана, от службы в армии[136].

Комментируя данную ситуацию, начальник Генерального штаба Российской армии А.Е. Генгрос подчеркивал, что «исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений

---

[134] Султангадиева Г. «Татарская» диаспора и конфессиональные связи казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. №.4 (11). С. 33.

[135] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. С. 281.

[136] Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70 гг. XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2012. № 4/2.

была необходимость их расформировывать, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание». Таким образом, введение воинской обязанности в азиатских национальных окраинах могло, по мнению правительства, привести к росту этнического самосознания народов и усилению национальных движений, что в конечном итоге могло угрожать безопасности и территориальной целостности государства. Поэтому привлечение мусульман к службе в рядах Российской армии было признано мерой преждевременной, хотя и подчеркивалась «принципиальная важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов»[137].

В 80–90-е гг. XIX в. вопрос о распространении всеобщей воинской повинности на мусульманское население Центральной Азии неоднократно выступал объектом детального рассмотрения правящих кругов Российской империи. При этом обсуждались различные варианты создания боевых подразделений из представителей коренных народов региона, степени комплектации их оружием и места прохождения воинской службы. Однако неизменно представители региональной власти были убеждены, что привлечение оседлых и кочевых народов Степного и Туркестанского края к исполнению воинской повинности, в какой бы то ни было форме, преждевременным. Опасения чиновников были связаны с возможностью формирования среди них, в случае введения обязательной службы в Российской армии, группы людей, «знакомых с усовершенствованными оружием, дисциплиною и порядками цивилизованных войск». Поэтому в 1890 г. Госсовет вновь признал введение воинской повинности среди мусульманского населения Степного края и Туркестана преждевременным[138].

События Первой русской революции 1905–1907 гг. и провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. вновь актуализировали проблему равенства граждан Российской империи в правах и обязанностях. В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована Комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой Комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно. Однако начавшаяся Первая мировая война отложила на неопределенное время решение данного вопроса.

Ограничительные меры в вопросе о введении воинской повинности для мусульман центральноазиатских окраин Российской империи, на наш

---

[137] Цит. по: Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. : сборник научных трудов / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 263.

[138] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 5845. Л.15.

взгляд, были обусловлены не только охранительными мотивами. В процессе дискуссии по этой проблеме неоднократно высказывалась мысль о незрелости гражданской позиции народов Степного края и Туркестана и неготовности ими выполнять долг по защите Отечества. Подтверждением данного тезиса стали события 1916 г., когда на территории региона началось масштабное вооруженное сопротивление мусульманских народов указу императора Николая II о привлечении их на тыловые работы в районе действующей армии.

Несмотря на меры по ограничению распространения ислама в Степном крае и Туркестане, предпринимаемые правительством, на протяжении второй половины XIX — начала XX в. в регионе фиксировался неизменный рост интереса к его институтам, образовательным учреждениям и т.д.[139] С 80-х гг. XIX в. стало резко увеличиваться количество обращений со стороны коренного населения в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД с просьбами о назначении для них особого муфтията и об учреждении при нем Духовного собрания, разрешения строительства новых мечетей и открытия при них учебных заведений.

В условиях революционных событий 1905–1907 гг. вопрос «учреждения особых духовных управлений для казахов областей Семипалатинской, Акмолинской, Уральской и Тургайской» стал предметом специального обсуждения Особого совещания, созданного при Комитете министров[140]. Региональные органы власти предлагали не создавать специального муфтията и «не озабочиваться тем, что бы учителя в мектебах и медресе хорошо знали догматы ислама»[141]. В Туркестане администраторы края, признающие целесообразность создания специализированного ведомства, контролировавшего и координировавшего бы деятельность мусульманских общин Туркестана, неизменно наталкивались на противодействие со стороны Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Последнее было убеждено, что «создание особых органов по образцу уже существующих (Оренбургское и Таврическое мусульманские духовные собрания. — *авт.*) нецелесообразно, так как это привело бы к укреплению и развитию магометанства в Туркестане». Таким образом, вплоть до 1917 г. на государственном уровне не был решен положительно вопрос о создании особого духовного правления для мусульман Степного края и Туркестана[142].

---

[139] Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Развитие исламского общественного движения в Казахстане в начале XX в. и позиция региональных органов власти // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2013. № 4/1.

[140] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594. Л. 185.

[141] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. С. 294.

[142] Там же. С. 301–302.

В целом, подчеркнем, что одним из основных моментов национальной политики Российской империи на протяжении XVIII — начала XX в. выступало стремление интегрировать многочисленные народы империи на принципе сословной нивелировки (а не национальной или религиозной). Государственная власть официально ставила все народы России в равноправное положение, рассматривая их как субъекты гражданского и публичного права. Однако реализация данного курса в отношении коренных народов Степного края и Туркестана, попытки их социально-правовой интеграции в сословие государственных крестьян имели противоречивые последствия. С одной стороны, они привели к выделению населения центральноазиатских окраин в особую страту российского общества, наделенную привилегиями, что ставило ее на социальной лестнице выше империообразующего (русского) этноса, исключало их слияние в социальном смысле. Социальная исключительность инородцев/туземцев выступала одним из многочисленных факторов осложнения межэтнической ситуации и в регионе.

С другой стороны, правовое положение мусульман центральноазиатских национальных окраин Российской империи в полной мере можно охарактеризовать как ограничительное. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. был принят ряд законов, препятствовавших дальнейшему развитию ислама в регионе и его проникновению в этническое самосознание коренных народов. Данные обстоятельства объективно способствовали запуску «защитных механизмов» традиционного общества. Они были направлены на необходимость сохранения в новых историчес-ких реалиях этноконфессиональной идентичности посредством активизации процессов этнической консолидации и формирования в этническом самосознании дихотомии мы — они. Эта дихотомия определяла стремление противопоставить себя — коренных этносов/мусульман — восточнославянскому/православному этносу.

Внешним проявлением данных процессов стала исламизация казахского общества на рубеже XIX–XX вв. При этом, пожалуй, наиболее важным с точки зрения ее содержания явился не столько рост численности мусульманских учреждений в Степном крае и паломничества к святым местам, сколько интеграция казахов в общероссийское мусульманское движение. В частности, делегаты от Степного края принимали участие во всероссийских съездах мусульман, в подготовке к выборам и самих выборах депутатов в состав мусульманской фракции первой и второй Государственных дум Российской империи в 1906–1907 гг. Именно от мусульманской фракции депутаты от Степного края и Туркестана, наряду с решением религиозных вопросов, призывали решать и экономические проблемы казахского общества, и проблемы его правового нивелирования в имперской этносоциальной структуре.

1.3. Место центральноазиатских окраин в экономике Российской империи. Коренные этносы в региональной системе межэтнического разделения труда

В исторической литературе достаточно детально отражен процесс экономического развития национальных окраин Российской империи. При оценке его общих тенденций и анализе государственных экономических интересов превалирующими остаются как минимум две точки зрения. Согласно первой из них, господствовавшей в дореволюционной отечественной историографии и в исследованиях советских авторов 60–80-х гг. XX в., экономическая политика России в этнорегионах имела исключительно прогрессивный характер и положительные последствия. Это нашло выражение в развитии капиталистического уклада в традиционных экономиках народов национальных окраин, в возможности многих из них, минуя феодальный способ производства, «перескочить» в капиталистическую формацию, в их интеграции в общероссийский и мировой рынок, увеличении социальной мобильности, урбанизации и т.д.

Сторонниками второй точки зрения выступала некоторая часть исследователей и публицистов XIX — начала XX в., советские обществоведы 20–30-х гг. XX в., а также современные ученые государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Экономическую политику России в отношении нерусских народов они рассматривали сквозь призму процесса колонизации. Поэтому ее результаты оценивались исключительно в негативном ключе. Подчеркивались «корыстные цели» российского самодержавия, стремившегося к усилению эксплуатации природных и демографических ресурсов национальных окраин, расширению сферы приложения российского капитала и поиску им «новых рынков сбыта товаров». Наибольшей критике подвергалась политика России в отношении традиционных обществ, прежде всего коренных народов Азиатской России. Отмечалось, что стремление имперских правящих кругов в пореформенный период интегрировать этноэкономики в общероссийскую систему сопровождалось их разрушением, кризисом традиционных систем жизнеобеспечения, глубокими социальными издержками, усилением колониальной эксплуатации и т.д.

На современном этапе открываются большие возможности для более взвешенной оценки экономической политики Российской империи в отношении национальных окраин, которую нужно проводить с учетом целого ряда обстоятельств. Выше уже отмечалось, что русская территориальная экспансия, по крайней мере до середины XIX в., носила преимущественно стратегический характер, определялась потребностями военной безопасности и государственной стабильности. Это делало российскую колониальную модель отличной от европейской: для последней, особенно в эпоху торгово-

промышленного колониализма, было характерно стремление захватывать «новые рынки сбыта и источники дешевого сырья для промышленности метрополий», для первой экономический императив никогда не являлся определяющим суть ее колониальных захватов.

Подтверждает данный тезис и специфичность экономики Российской империи-метрополии. Вызревавший в недрах крепостного права ее капиталистический уклад принял, как известно, весьма своеобразные формы. Он характеризовался слабостью российской буржуазии, незавершенностью процесса ее структурно-классового образования, господством в промышленном секторе экономики государственного капитализма, имевшего к тому же аграрно-сырьевую направленность. Отсюда неизбежно возникает вопрос о степени готовности российских буржуазных кругов осуществлять вывоз капитала в колонии и масштабах этого вывоза. Отметим, например, что в Степном крае крупнейшие промышленные компании второй половины XIX в. «Акционерное общество Спасских медных руд», «Акционерное общество Атбасарских медных копий», золотодобывающая «Русско-Азиатская корпорация» были созданы исключительно при участии иностранного капитала[143].

Вполне очевидно, что для эксплуатации населения и природных ресурсов колоний необходимо наличие соответствующей инфраструктуры, которая к середине XIX в. отсутствовала как в самой России-метрополии, так и в отдельных регионах проживания национальных меньшинств. Степень государственных вложений в их развитие еще предстоит оценить исследователям. Однако уже в дореволюционный период в историко-публицистической литературе развернулась дискуссия о цене колониальных приобретений Российской империи, об оправданности и сопоставимости с прибылью ее вложений в их экономики. Наиболее активно обсуждалась ситуация, связанная с Туркестанским краем, который вплоть до 1917 г. рассматривался как самый убыточный этнорегион в имперской системе. С 1867 по 1881 г., в период, когда его возглавлял генерал-губернатор К.П. Кауфман, из Туркестана в Государственное казначейство поступило около 54,7 млн руб. дохода, а на его содержание и развитие было израсходовано 140,6 млн. руб., т.е. почти в три раза больше[144]. Таким образом, большинство исследователей и государственных деятелей начала XX в. говорили о «слишком высокой цене» за возможность реализации «имперской идеи».

Говоря об экономической политике России, необходимо также учитывать гетерогенность этнорегионов. Она определяла их место и роль в общеимперской экономической системе, дифференцированный подход правящих кру-

[143] Фридман Ц.Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960.
[144] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 137.

гов к проводившимся преобразованиям и выстраиванию перспектив развития. Экономически более сильные прибалтийские провинции, Финляндия и Царство Польское сами вносили существенные коррективы в экономическую политику государства. В целом же, как отмечал А. Каппелер, «большинство нерусских окраин вплоть до середины XIX в. приносили России немного прибыли, если принять к тому же во внимание фискальные привилегии многих нерусских народов и значительные расходы на управленческий и военный аппарат»[145].

На протяжении XVIII — первой половины XIX в. основой экономической политики Российской империи в отношении казахского населения выступала торговля. Однако, несмотря на все предпринимаемые правительством меры, она развивалась исключительно в приграничной со Степью зоне укрепленных линий и имела низкий товарооборот. Включение казахов-кочевников в сферу межэтнического разделения труда на этом этапе стало результатом не столько экономической политики России, сколько объективных процессов развития русско-казахского и казахско-казачьего диалога. Формирование Уральского, Оренбургского, Сибирского казачьих войск и Алтайского горного округа как особых социально-экономических систем происходило на фоне усиления контактов казачества и русских крестьян с казахским населением в приграничной зоне Южной Сибири со Степью. Своеобразный социальный статус казачества и приписного крестьянства Алтая, не позволявший им в полном объеме заниматься индивидуальным хозяйством, а также потеря в силу различных обстоятельств некоторой частью казахов-скотоводов возможности ведения кочевого образа жизни способствовали межэтническому разделению труда между ними. Широкое распространение получила форма батрачества, или найма крестьянами и казаками на сезонные работы в свои хозяйства казахов.

Во 60–70-е XIX в. в России началась модернизация политической и социально-экономической системы, призванная создать условия для развития буржуазных отношений. По времени она совпала с завершением процесса формирования территории империи. В состав государства были включены крупнейшие этнорегионы: Кавказ, Южный Казахстан и Средняя Азия. Данные факторы, безусловно, внесли коррективы в имперскую идеологию. Геополитический контекст территориальной экспансии в Азии уступал место экономическому императиву. Российские чиновники и политики все больше начинали понимать необходимость проведения серии комплексных реформ, направленных на рационализацию хозяйства национальных окраин, их специализацию, повышение экономической отдачи, укрепление межре-

[145] Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 97.

гиональных связей и включения в общее экономическое пространство империи[146]. Индустриализация и крестьянская миграция из европейской части России во второй половине XIX — начале XX в. в азиатскую часть империи были призваны решить, в том числе, совокупность данных задач.

В общем дискурсе о характере российского колониализма и его экономическом аспекте следует иметь в виду и то, что на протяжении позднего Средневековья и Нового времени в регионе крайне медленными темпами проходил процесс этнической консолидации. По мнению ряда исследователей, для начала национальной мобилизации необходим ряд объективных факторов и условий, к числу которых, наряду с историческим основанием, опытом государственного устройства и управления, наличием национально окрашенных конфликтов интересов, важным условием выступает процесс модернизации (индустриализации)[147]. При этом индустриализацию саму по себе, безусловно, нельзя рассматривать в качестве решающей предпосылки зарождения «национализма». Для роста этнической идентичности более важными являются последствия индустриализации, порождающие рост социальной мобильности, укрепление социальной коммуникации и школьного образования. В свою очередь интенсивность социальной коммуникации определяется несколькими факторами: миграцией, урбанизацией, наличием сети коммуникаций — железных и шоссейных дорог, формировании СМИ. Таким образом, социальная коммуникация и система школьного национального образования выступают основной предпосылкой распространения национально мобилизующей информации.

В Центральной Азии до включения ее территорий в сферу влияния российских интересов господствовали традиционные социально-экономические отношения, глубокая патриархальность и отсталость всех основных форм жизнедеятельности. В условиях специфической экологической среды обитания кочевых народов региона — степной и полупустынной зонах — основной формой природопользования и жизнеобеспечения продолжало оставаться кочевое скотоводство. В оазисных районах господствовало экстенсивное земледелие с использованием примитивных сельскохозяйственных орудий труда — омача и кетменя. В целом экономическая жизнь населения Центральной Азии была достаточно изолированной и замкнутой, ориентированной на внутренний рынок, собственное производство и потребление. Социальные нормы и правила доиндустриального общества исключали возможность широкой социальной мобильности.

---

[146] Центральная Азия в составе Российской империи. С. 145.

[147] Хрох М. Консенсусное объяснение формирования наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/konsensusnoje_objasnenije_formirovanija_nacij_2011-03-31.htm

Такая ситуация объяснялась несколькими факторами: периферийностью и замкнутостью огромных степных пространств, резкой континентальностью и отсутствием выходов к морям и океанам. Все это исключало возможность контактов населения региона с европейской цивилизацией, заимствованием её достижений в области науки и техники. К числу неблагоприятных факторов следует отнести и господство в политических системах государств региона деспотичных по своей природе режимов, строивших свою политику в рамках ислама, что фактически исключало возможность развития рыночного сектора экономики[148].

Завершение процесса присоединения территорий Старшего жуза, завоевание Кокандского ханства и включение в сферу российских интересов посредством системы протекторатов Хивинского ханства и Бухарского эмирата поставило на повестку дня вопрос о их интеграции в социально-экономическое пространство России[149]. В Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах в пореформенный период наибольшее развитие получила добывающая и перерабатывающая промышленность[150], что предопределило сырьевую направленность экономики края и его специализацию (приложение 2, карты 11, 12). Добыча полиметаллических руд осуществлялась на востоке, в районе Рудного Алтая, в Центральном Казахстане велась активная разработка месторождений каменного угля, в районе Каспия и Ферганской долины формировалась нефтяная промышленность. В Туркестане в 1913 г. действовало 23 каменноугольных копи, добыча медной руды осуществлялась в Ферганской и Сыр-Дарьинской областях. В Хивинском ханстве разработкой полезных ископаемых не занимались; в Бухарском эмирате в Бальджуанском бекстве с 1897 г. была начата добыча золота на Сафет-Дарьинском золотом прииске[151].

Перерабатывающая промышленность была ориентирована на местное сельскохозяйственное сырье. Повсеместное развитие получили салотопенные, мукомольно-крупяные, мыловаренные, кожевенные, маслобойные предприятия. Как самостоятельные отрасли в этот период формировались добыча соли, производство стройматериалов.

Юг Степного края и Туркестан специализировались на выращивании и переработке хлопка, одной из ведущих отраслей экономики здесь стала

---

[148] Центральная Азия в составе Российской империи. С. 145.

[149] Там же. С. 145.

[150] Только в Усть-Каменогорском уезде действовало около 125 приисков. В 1904 г. на базе 8 из них возникла Алтайская золотопромышленная компания, в 1906 г. на базе 5 рудников и приисков Зайсанского уезда — Маркакольское золотопромышленное товарищество, 1912 г. — Южно-Сибирское золотопромышленное товарищество. По данным исследователей, добыча золота на Алтае составляла около 15 % общероссийской.

[151] Деева Е. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент, 1975. С. 7.

хлопчатобумажная промышленность. России необходимо было решить проблему зависимости от поставок высококачественного американского хлопка. Если в 1885 г. посевная площадь под хлопчатник в Туркестане составляла 41,4 тысяч десятин, то в 1915 г. это показатель возрос до 541,9 тысяч десятин[152]. К 1917 г. в Туркестане, Бухарском эмирате, Хивинском ханстве и Аму-Дарьинском отделе насчитывалось 1198 предприятий фабрично-заводского типа, из числа которых 43% принадлежало хлопкообрабатывающей промышленности[153]. На рубеже XIX–XX вв. последовало быстрое увеличение объемов вывозимого из региона хлопка-волокна: с 873 тысяч пудов в 1888 г. до 13,7 миллионов пудов в 1913 г.[154]

Значительным прорывом для ускоренной интеграции Степного края и Туркестана в имперское экономическое стало развитие коммуникаций (приложение 2, карта 2). В 70–80-е гг. XIX в. в регионе была проложена первая Оренбургская железная дорога, связавшая Тургайскую область и Оренбург с Центральной Россией. В 1891–1893 гг. началось строительство линии Покровская слобода — Уральск, в 1897 г. — линии Урбах — Астрахань. В этот же период была введена в эксплуатацию Закаспийская железная дорога, а в начале XX в. — Транссибирская магистраль и Оренбургско-Ташкентская железная дорога. Сеть железных дорог содействовала постепенной ликвидации хозяйственной замкнутости региона, создавала дополнительные рабочие места. Однако в целом темпы формирования инфраструктуры для развития промышленности края оставались крайне низкими. Строительство железнодорожных магистралей было обусловлено не столько экономическими, сколько стратегическим задачами. Усиление позиций Великобритании на Среднем Востоке требовало от российской политической элиты принятия решительных мер по наращивание военного присутствия в Центральной Азии и созданию условий для быстрой переброски армии. Поэтому первые железнодорожные ветки, построенные на территории региона, даже не имели законченных проектов и достраивались по мере продвижения русской армии вглубь центральноазиатских владений.

Важным содержанием процесса трансформации традиционного экономического пространства центральноазиатского региона стало развитие торговли, как внутренней, так и внешней. Торгово-экономические контакты казахского населения Степного края на протяжении первой половины XIX в. расширялись в основном за счет ярморочной торговли в приграничных со Степью регионах — Южном Зауралье, Поволжье, юге Западной Сибири.

---

[152] Уразаев Ш.З. Туркестанская АССР — первое социалистическое государство в Средней Азии. М., 1961. С. 9.

[153] Деева Е. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. С. 6.

[154] Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 40. М., 1957. С. 382–383.

Ведомости Оренбургской таможни свидетельствуют, что среди выезжающих в Степь преобладали представители средней и мелкой татарской буржуазии Оренбургской и Казанской губерний. Совершая перекочевки совместно с казахскими аулами, разъезжая по степи, татарские торговцы обменивали мануфактурные и галантерейные товары на скот и продукты животноводческого хозяйства казахов-скотоводов. Благодаря данной ситуации уже к середине XIX в. Казань и Казанская губерния превратились в один из центров кожевенного, свечносального и мыловаренного производства[155].

В пореформенный период сеть ярмарок покрыла собственно территорию Степного края. Так, в 1870 г. сезонные ярмарки стали действовать в Актюбинске, Иргизе, позднее — в 80–90-х гг. XIX в. — в форте Карабутак Иргизского уезда, Кустанае, Тургае, Акмоле, Павлодаре, Каркаралинске, Усть-Каменогорске. Центром торгово-экономической жизни «русского Туркестана» на рубеже XIX–XX вв. стал Казалинск, по своим торговым оборотам опередивший Перовск, Туркестан и Чимкент[156]. Принципиально новой тенденций развития товарно-денежных отношений в Степном крае в этот период стал тот факт, что казахское население пополняло ряды торговцев-скупщиков скота, вступая в конкурентную борьбу с татарским, башкирским и русским купечеством. Помимо этого, казахи активно инвестировали свои капиталы в открытие мелких предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, разъездной торговли[157].

Транзитное расположение территорий Степного края и Туркестана открывало широкие возможности для расширения внешней торговли с Китаем и рядом других государств Азии. В развитии русско-монгольских торгово-экономических связей решающую роль сыграл Пекинский договор 1860 г., а также торговые Правила сухопутной торговли 1862 и 1869 гг.[158] Согласно договорам в Урге учреждалось российское консульство, призванное защищать интересы российского купечества, последнему предоставлялось право заниматься на территории Монголии «торговыми делами совершенно свободно, без всяких стеснений со стороны местного начальства». По Петербургскому договору 1881 г. Россия добилась от Китая права на беспошлинную торговлю на всей территории Монголии и учреждения консульств в Кобдо и Улясутае.

---

[155] В 1857 г. в Казанской губернии насчитывалось 264 кожевенных завода, принадлежавших татарским купцам, сумевшим создать торговую сеть скупщиков скота и продуктов скотоводческого хозяйства. Подробнее см.: Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII — начало XX в). Уфа, 2001. С. 82–83.

[156] Касымбаев Ж.К. Роль городов Восточного Казахстана в развитии торговых отношений в конце XIX в. // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1976. № 5. С. 45.

[157] Добромыслов А. Торговля в Тургайской области. Оренбург, 1898. С. 22–34.

[158] Русско-китайские отношения. 1689–1916. М., 1960. С. 450.

В 80-х гг. XIX в. наметилась тенденция роста торговых контактов с китайской провинцией Синьцзян, регламентировавшихся Кульджинским договором 1852 г., Петербургским договором 1881 г. Традиционно интерес России к торговле с Синьцзяном был обусловлен отсутствием иностранной конкуренции на этом участке границы, родственностью народов, населявших сопредельные территории Синьцзяна и России, и историческими торговыми связями между ними[159]. С 1890-х гг. торговля в центральноазиатских окраинах России стала более сбалансированной благодаря открытию Семипалатинского, Туркестанского таможенных округов, а также таможни на границе Бухарского эмирата с Афганистаном[160]. В Кашгаре, Кульдже и Чугучаке в начале XX в. были открыты отделения Русско-китайского банка, на территории провинции действовало около 40 торговых фирм, принадлежавших российским подданным[161].

Установление торговых контактов с Монголией и Китаем давало значительный импульс для оживления экономической жизни приграничных регионов Степного края. Семипалатинская городская дума в связи с этим подчеркивала, что заключение договоров с Китаем «даст новую жизнь всему Призайсанскому и Прииртышскому краю, возбудит к торговой жизни города Усть-Каменогорск и Семипалатинск и даст возможность назначить и создать новые пункты в Зайсанском приставстве»[162]. Представители коренных этносов, наряду с русским купечеством, активно включались во внешнюю торговлю. Для поощрения их деятельности Устав торговый в редакции 1883 и 1908 гг. разрешал руководствоваться в проведении торговых операций не только российским и китайским законодательством, но и обычным правом народов Центральной Азии[163]. На участие в торговле коренных жителей Степного края и Туркестана указывал авторитетный исследователь Синьцзяна Н.В. Богоявленский: «Торговлею занимаются купцы из татар, сартов, таранчей, дунган; встречаются между ними и коренные русские, но в самом незначительном числе»[164]. Российский консул в Урумчи в 1902 г. писал: «Торговля ведется по-прежнему исключительно татарами и нашими среднеазиатскими сартами». Газета «Правительственный вестник» в 1914 г. сообщала, что «большинство российских торговцев, проживающих в Урумчинском

[159] Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974 гг.). М., 1977. С. 217.

[160] Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в. / под ред. А.В. Старцева. Барнаул, 2014. С. 84–92.

[161] Подробнее см.: Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX в.). Астана, 2000.

[162] РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 90об.

[163] Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX — начало XX.). Алматы, 2003. С. 62–63.

[164] Богоявленский Н.В. Русская торговля в Урумчинском округе в 1901 году // ИРГО. 1908. СПб., 1908. Т. 14, вып. 6. С. 363.

округе — татары и киргизы Семипалатинской области»[165]. В Кашгаре торговля производилась преимущественно русскоподданными узбеками из Коканда, Маргелана, Намангана, Оша, Ташкента.

В целом, коренное население Степного края и Туркестана объективно втягивалось в процесс развития товарно-денежных отношений. Региональная, межрегиональная и внешняя торговля способствовала включению региона в общероссийский рынок, установлению экономических и социальных связей между отдельными регионами Российской империи[166]. Включение центральноазиатского региона во внешнюю торговлю благоприятно сказывалось на развитии всей инфраструктуры, связанной с обслуживанием этой торговли. Получило дальнейшее развитие пароходство на Или и Иртыше, развивалось дорожно-строительное хозяйство.

Модернизация сопровождалась процессами урбанизации. К 1914 г. в Степном крае насчитывалось 26 городов, из них 7 были основаны в XVIII в., 24 — получили статус города в XIX столетии. Большинство из них в пореформенный период относилось к разряду малых поселений, общая численность городского населения к 1897 г. составляла 231951 человек[167]. Города Туркестана — Ташкент, Коканд, Андижан, Самарканд, Асхабад — превратились в крупнейшие центры экономической жизни, в них были сконцентрированы капиталистические предприятия, крупные финансовые учреждения, учебные заведения[168].

В целом, начавшаяся во второй половине XIX в. модернизация существенно изменила социально-экономическую структуру Степного края и Туркестана. Флагманами преобразований выступали добывающая и перерабатывающая отрасли, в также железнодорожное строительство. Наблюдалось оживление городской жизни, развитие кредитно-банковской системы, торговли, рынка труда. Важным следствием модернизационных процессов стало углубление и расширение товарности производства, в том числе в аграрном секторе, урбанизация. Все это, безусловно, создавало предпосылки для усиления социальной мобильности населения региона.

Усиление социальной мобилизации коренных народов Степного края и Туркестана в этот период характеризовалось их включением в процессы модернизации, формированием собственной ниши в сфере приложения капитала и применения наемного труда. Национальные буржуазии на рубеже XIX–XX вв. переживали период генезиса и первоначального накопления ка-

[165] Цит. по: Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне... С. 65.

[166] Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII — начало XX в). Уфа, 2001. С. 90.

[167] Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 77.

[168] Деева Е. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. С. 8.

питала. Сферой приложения их капиталов стала в основном обрабатывающая промышленность, в Туркестанском крае — хлопкоочистительная промышленность. Так, например, в Туркестане в начале XX в. из 220 хлопкоочистительных заводов 117 принадлежали национальной (узбекской, казахской) буржуазии, в том числе в Ферганской области — 94, Самаркандской — 15, Сыр-Дарьинской — 8 заводов. Из общего числа 75 кожевенных заводов владельцами 54-х из них были местные промышленники; из 34-х мыловаренных заводов в Ферганской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях 20 находились в собственности местной национальной буржуазии[169].

В Степном крае, как отмечал Ж. Абылхожин, природа номадизма предопределила преобладание «живого труда» (рабочая сила человека) над «трудом овеществленным» (т.е. воплощенным в средствах производства и предметах потребления). Это исключало возможность даже в отдаленной перспективе механизации производственного цикла у кочевников, а вместе с ней повешение производительности труда, получения прибавочного продукта и т.д. Таким образом, накопление в традиционном казахском обществе было невозможно, а если оно достигалось, то только в крайне ограниченных размерах, в формах, допускающих лишь очень небольшой прибавочный продукт[170]. Это обстоятельство объясняло слабое участие казахской буржуазии в создании промышленного сектора экономики края. Сферой приложения ее капитала стала в основном обрабатывающая промышленность. Созданные казахской буржуазией кожевенные, салотопенные производства, шерстомойки, мельницы и иные предприятия имели сезонную направленность, количество рабочих на них редко превышало 3–5 человек.

Значительной шире была представлена торговая национальная буржуазия. Такая категория торговцев, как алыпсатары, возникла и получила свое развитие вследствие роста спроса на российском и мировом рынках на казахский скот и сырье. Они, по сути, играли роль посредников, доставляя из самых отдаленных районов Казахстана скот для российских скототорговцев. Саудагеры вели самостоятельные торговые операции. Большинство из них занималось развозной торговлей в степи. Накапливая капиталы посредством прибыльной развозной торговли, саудагеры оседали в городах и крупных селах, где открывали лавки, харчевни, кумысные, постоялые дворы и т.д.

У подавляющего большинства баев-торговцев обороты были незначительны, однако и среди них встречались баи-купцы 1-й и 2-й гильдий, проводившие большие торговые операции с русскими купцами внутренних губерний России. Некоторые баи обладали не только большими стадами скота,

---

[169] Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 68–69.

[170] Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б. и др. История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001. С. 414.

но и значительной массой наличных денег. Так, например, в 1887 г. купец 2-й гильдии Байбулат Бокин имел 150 тысяч рублей деньгами и 1500 лошадей, Куанышев — 100 тысяч рублей и 1000 лошадей. Сулейман Тастамиров имел оборотный капитал на 60 тысяч рублей и 1500 лошадей[171]. Согласно данным губернаторских отчетов, в Семипалатинской области в 1879 г. насчитывалось 225 лавок, принадлежавших торговцам-казахам. В основном они занимались скупкой у населения скота и животноводческого сырья, которые затем сбывали большими партиями русским и среднеазиатским купцам. В том же году в Туркестане казахским баям-торговцам принадлежало 24 лавки, из которых в 16 торговали мясом, кумысом, деревянными частями юрт. Среднегодовой торговый оборот этих лавок не превышал одной тысячи рублей[172].

В начале XX в. темпы формирования национальной торговой буржуазии ускорились. По-прежнему многочисленной была группа мелких торговцев из казахов-маклеров, алыпсатаров, саудагеров. Так, если в 90-х гг. XIX столетия при обследовании казахских хозяйств в Павлодарском, Атбасарском, Кокчетавском, Кустанайском и Актюбинском уездах было зарегистрировано 640 алыпсатаров, то при повторном обследовании, проведенном 10 лет спустя, только в Кустанайском и Актюбинском уездах насчитывалось 849 скупщиков и перекупщиков с доходом в 223 тысяч рублей. Однако удельный вес казахов в торговле Степного края был невелик. Традиционно эта сфера деятельности принадлежала татарским и русским купцам. По данным переписи 1897 г. в регионе торговлей были заняты 39537 человек, из них казахов было только 4608, или чуть более 11 %[173].

В целом, по оценке исследователей, национальная торгово-промышленная буржуазия центральноазиатских окраин России была малочисленной и экономически слабой, не имела возможности играть самостоятельной роли в политической жизни региона. Ее капитал вкладывался в основном в сферу торгового обращения, лишь незначительная часть — в промышленость. Капиталовложения национальной буржуазии находили применение преимущественно в обрабатывающей промышлености, салотопенных и кожевенных предприятиях, мельницах, шерстомойках, отличающихся слабой технической оснащенностью и сезонностью работы, состоящих из нескольких работников.

---

[171] ЦГА РК. Ф. И–369. Оп.1. Д.7438. Л. 5–6.

[172] Подробнее см.: Ерофеева И.В. Характер торговли и формирование купеческого сословия в городах Северо-Восточного Казахстана в XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 112–132; Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана (на материалах Северо-Восточных областей). Алма-Ата, 1970. С. 343.

[173] ЦГА РК. Ф. И–342. Оп.1. Д. 538. Л. 7.

Коренные этносы принимали активное участие в формировании рынка рабочей силы региона. При этом трудовая миграция во второй половине XIX в. получила юридическую регламентацию на законодательном уровне. Временными положениями об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами 1868 г. и Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г. определялись правила «ухода в город» разорившихся скотоводов и земледельцев края. Удельный вес казахов, мигрировавших в город на заработки, в начале XX в. составлял, например, в Кокчетавском уезде 4,6 %, Атбасарском уезде — до 7,9 %[174]. Эти данные позволяют утверждать, что к началу XX в. отходничество сформировалось как отдельная социальная категория казахского общества.

В целом, по материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г., общая численность рабочих и служащих Степного края, занятых в промышленности и на транспорте, в связи и торговле, составляла около 18 тысяч человек (приложение 2, карты 13, 14). К началу Первой мировой вой-ны, по оценке исследователей, этот показатель вырос до 75 тысяч человек[175], в Туркестанском крае — около 35 тысяч человек. Среди фабрично-заводских рабочих местные этносы составляли большинство. Так, в 1913 г. из 20925 промышленных рабочих Туркестанского края русские составляли 22%, узбеки — 60%, казахи — 4,5%, таджики — 5,5%, уйгуры — 5,5%, представители других этносов — 5,1%. При этом основная масса рабочих — представителей местных национальностей — была занята на основном производстве, где узбеки составляли 69%, русские — 20,2%, казахи — 5,4%, таджики — 0,4%, уйгуры и другие — 1,3%. Среди чернорабочих узбеков было 50,5%, таджиков, — 24, 4%, уйгуров и дунган — 21%, русских — 13,2%, казахов — 1, 7%. Среди рабочих по двигателям и ремонту, требовавших квалификации и определенных технических навыков, представителей коренных национальностей было мало. Подавляющее большинство рабочих этой группы составляли русские — 79,9%[176].

На железнодорожном транспорте среди рабочих численно преобладали русские, имевшие более высокий уровень профессиональной подготовки. На Оренбургско-Ташкентской дороге в 1908 г. среди штатных рабочих и служащих они составляли 92,8 %, нерусские — всего 7,9% (в том числе: поляки — 0 3,11%, казахи — 2,2%, немцы — 0,72 % и др.). Казахи в этой сфере привлекались в качестве поденных рабочих, на сезонные работы по обслуживанию и ремонту путей сообщения. Всего на железнодорожном транспорте удельный вес казахского этноса в составе поденных рабочих был

[174] История Казахстана: в 5 т. Т. 3. С. 487.

[175] Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963.

[176] Заорская В.В., Александров К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. Табл. 5. С. 52.

около 20%, или 5–6 тысяч человек[177]. В Туркестане местный промышленный пролетариат составлял в начале XX в. 77 % от общего числа всех рабочих Туркестана[178].

Анализ сферы применения труда представителей коренного населения Степного края и Туркестана позволяет говорить о формировании социальной группы чиновников низовых звеньев административно-территориальной системы управления. Политика кооптирования представителей этноэлит в управленческую структуру обусловливалась территориальным ростом страны и включением в ее состав обширных регионов с иной, чем в центре, «моделью развития». Эта разнородность территорий, удаленность многих из них от основных политико-административных центров требовали усиления централизаторских и авторитарных тенденций государственной власти, усиления влияния бюрократии и увеличения ее численности. В условиях нехватки русских чиновников и языкового барьера в отдельных регионах выход виделся в мобилизации местных этноэлит к управлению низовыми административно-территориальными единицами. Мотивом привлечения на государственную службу представителей коренных этносов также выступало стремление заручиться их поддержкой и лояльностью с целью пресечения центробежных тенденций и регионализма[179]. Однако подчеркнем, что самодержавие строго ограничивало политическую самостоятельность и политические претензии традиционной верхушки. Формирование этнической управленческой страты, как и во многих других этнорегионах Российской империи, стало возможным благодаря развитию систем светского школьного образования с последующим обучением выпускников школ в высших учебных заведениях Российской империи[180].

Вторая половина XIX в. стала качественно новым этапом истории развития национального чиновничества центральноазиатских окраин. Идеология пореформенной эпохи отрицала сословно-классовый принцип организации управленческой системы, делала ставку на усиление социальной мобильности населения империи. Поэтому в казахской степи и Туркестане в органы регионального управления пришло новое поколение чиновников, получив-

[177] История Казахстана : в 5 т. Т. 3. С. 592.

[178] Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1985. С. 5; Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С 115–117.

[179] Подобнее см.: Макажанова З. Ш. Проблема формирования и своеобразие деятельности казахского чиновничества в системе органов колониального управления царизма (вторая половина X1X в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 2010; Султангалиева Г. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направления деятельности (XIX в.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.twirpx.com/file/297524/

[180] Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII — начало XX в). С. 215, 218–219, 221–226.

ших образование в российских учреждениях и не являвшихся в большинстве своем выходцами из сословия чингизидов. В системе местного самоуправления ставка была сделана на привлечение к государственной службе представителей «черной кости» — старшин, аксакалов, биев и т.д.

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. деятельность этночиновников стала гораздо шире и не ограничивалась сугубо должностными обязанностям, что явилось отражением социально-экономического и культурного развития региона в целом и казахского общества в частности. Казахские чиновники привлекались к участию во многих мероприятиях, проводимых региональной администрацией в Степи: сопровождали в качестве переводчиков русских чиновников, командировались в степь в период закладки военных укреплений, принимали участие в Хивинской и других военных кампаниях Российской армии в Центральной Азии, разрешали земельные споры между казахами и прилинейными жителями, казахами и казаками; приглашались в качестве экспертов в состав комиссий по разработке проектов реформ и их внедрению и т.д. Следует также отметить роль этночиновничества в изучении истории, устного народного творчества коренных народов. Многие из них являлись членами культурно-просветительных учреждений региона[181].

Таким образом, предложенный Российской империей традиционным обществам Степного и Туркестанского генерал-губернаторств вариант модернизации объективно способствовал разрушению традиционных социальных структур и отношений, создавал условия для роста мобильности населения, а значит, и для роста темпов этнической интеграции.

В то же время проводимые правительством шаги по индустриализации центральноазиатских окраин в основном соответствовали традиционным для того времени апробированным формам внешнего воздействия на отсталые экономики. Это выражалось прежде всего в подключении отсталых регионов к транспортным и торговым системам более развитых районов. Основная задача, которая при этом решалась, — это обеспечение бесперебойного обмена традиционной продукцией, производимой в отсталом регионе, на продукцию индустриального производства центральных районов. В таком случае патриархально неразвитое хозяйство интегрировалось в относительно совершенную рыночную и производственную инфраструктуру.

Данные обстоятельства позволяют говорить о слабом воздействии модернизационных процессов на традиционные общества и незавершенности

[181] Подобнее см.: Макажанова З. Ш. Проблема формирования и своеобразие деятельности казахского чиновничества в системе органов колониального управления царизма (вторая половина X1X в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 2010; Султангалиева Г. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направления деятельности (XIX в.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.twirpx.com/file/297524/

процесса индустриализации в центральноазиатском регионе Российской империи. Рост числа предприятий и объемов производства в Степном крае шел относительно медленными темпами по сравнению с промышленностью центральных губерний России. В 1913 г. в регионе насчитывалось только около 0,7% предприятий метрополии, на которых работало лишь 0,2% от числа всех работающих. Удельный вес промышленной продукции Степного края от общероссийской накануне Первой мировой войны составлял не более 0,3 %[182] (приложение 2, карты 15, 16).

По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. структура занятости, например казахского населения, выглядела следующим образом: от общей численности казахов традиционно животноводством продолжало заниматься 72%, земледелием — 24%, частной службой — 1,46 %, торговлей — 0,52 %[183]. Этнический состав городских жителей определила, главным образом, аграрная политика Российской империи и связанная с ней массовая миграция восточнославянских народов в регион. Поэтому в городах Степного края численно преобладали русские. Их удельный вес по переписи 1897 г. среди горожан Уральской области составил 82,8%, Тургайской — 76,2%, Акмолинской — 56,4%, Семипалатинской — 54%, всего по этим четырем областям — 66,7%. Казахи среди горожан этих областей составили 16%, татары — 14,3%, остальные этносы — 3%[184]. Еще более сельским являлся состав коренного населения Туркестанского края: по переписи 1897 г. из 4987 тысяч человек только 576 тысяч человек, или 11,6%, проживало в городах. В начале XX в. про-изошло некоторое увеличение численности городских жителей из числа коренных народов до 14,4%[185](приложение 1, таблица 1; приложение 2, карта 6).

Все это позволяет говорить о том, что традиционные общества Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в результате предложенного им варианта модернизации получили определенные условия для социальной мобильности, сопровождавшейся ростом этнического самосознания и этнической идентичности. Однако своеобразие социально-экономических преобразований и незавершенность индустриализации придали данным процесса крайне слабый импульс. Поэтому, безусловно, модернизация в этом смысле не являлась определяющим фактором роста этнической идентичности, и данный процесс необходимо рассматривать во взаимо-связи с другими факторами.

---

[182] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 153.

[183] Всероссийская перепись населения. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 84–87; Т. 84 Семипалатинская область. Спб., 1905 С. 88–89; Т. 85 Семиреченская область. СПб., 1905. С. 92–95; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 116–119. Т. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 62–63; Т. 88. Уральская область СПб., 1905. С. 88–109.

[184] История Казахстана : в 5 т. Т. 3. С. 571.

[185] Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 87.

1.4. Аграрно-переселенческая политика Российской империи как фактор формирования межэтнического конфликта

В Российской империи рубежа XIX–XX вв. как в стране с преимущественно аграрной экономикой вопросы землевладения и землепользования имели огромное социально-политическое значение. Земля являлась основным ресурсом, обеспечивающим развитие экстенсивной экономики. Спецификой аграрного вопроса в Степном крае и Туркестане является то обстоятельство, что борьба за земельные ресурсы имела не чисто социальный, а выраженный этносоциальный характер, осложнявшийся неоднородной структурой трансформирующегося под воздействием множества факторов традиционного общества. Аграрные противоречия были тесно вплетены в повестку политической жизни региона начала XX в., в причинно-факторные механизмы протестного общественного движения 1916 г. и революционных событий 1917 г.

Как уже отмечалось авторами ранее, применительно к центральноазиатским окраинам Российской империи аграрную политику необходимо оценивать во взаимосвязи трех компонентов: вопросы землепользования, переселенческое движение и седентаризация кочевников[186]. Государственное регулирование вопросов землепользования в казахской степи осуществлялось в связи с необходимостью укрепления южных границ империи и обустройства различных групп переселенцев, при этом право на земельное обустройство признавалось лишь за оседлым хозяйством.

Начальным этапом аграрно-переселенческой политики в рассматриваемом регионе стало строительство укрепленных линий и крепостей, которое сопровождалось основанием сельских поселений, изъятием земель из пользования кочевников и ограничением их передвижения. Новые линии строились без учета маршрутов сезонных кочевий казахов. В ходе их возведения происходило изъятие из эксплуатации кочевников территорий кстау и джайляу в Западном, Северном и Восточном регионах Степного края. Эти процессы вызвали масштабное изменение границ перекочевок между казахскими родами, сузили ареал их хозяйственной деятельности и стали одним из факторов, усиливших объективный кризис кочевого хозяйства и традиционных общественно-родовых отношений у казахов.

Этот этап реализации аграрной политики, в отличие от более поздних, не имел под собой экономико-статистического обоснования и базировался на представлениях правящей элиты о задачах укрепления границ империи. Для него характерна невысокая степень осознания представителями

[186] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) / под ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. С. 127–128.

власти социальных последствий производимых изменений для казахского общества в 40–50-х гг. XVIII в. В значительной степени это обусловлено спецификой господствующих среди российской правящей верхушки представлений об избыточности используемых казахами земельных площадей. В своей работе «Истоки модернизации Казахстана» российский исследователь А.Ю. Быков отмечал: «Большинство представителей колониальной власти считали размеры земельных угодий, находящихся в эксплуатации кочевников, чрезмерными, а сами земли — «лежащими впусте»[187].

Региональные и местные органы власти сталкивались с проявлениями массового недовольства киргизов ограничением их землепользования уже в середине XIX в. Примером может служить жалоба аксакалов и биев султану-правителю Средней части оренбургских казахов войсковому старшине А. Джантюрину о лишении их хлебопахотных и сенокосных угодий от 10 мая 1849 г.: «Неизвестно, почему с 1847 и 1848 годов с заведения на зауральной стороне номеров между старой и новой линиями в особенности от Орской крепости до дистанции г. Нижне-Уральска лишили нас всех лучших сенокосных и хлебопахотных мест, кроме того, жители номеров во время зимы не дозволяют нам пасти скот наш на тебеневках»[188]. В своих жалобах заявители в большинстве случаев указывали на разрушительные для кочевого хозяйства и жизнеобеспечения казахского населения последствия проводимой в степи политики, но долгое время этот массив обращений оставался без должного осмысления.

В середине XIX в. пошла на спад казачья колонизация территории Степного края, в целом завершился процесс формирования территории казачьих войск[189]. На вторую половину XIX — начало XX в. приходится период значительных социально-экономических и политических трансформаций в развитии Российской империи в целом и ее окраин. Завершение присоединения центральноазиатских окраин к России совпало с отменой крепостного права, которая привела к существенному ослаблению контроля над пространственной мобильностью населения и небывалому росту миграции за Урал. В европейской части страны активно проявляли себя ростки капиталистической экономики, которые вскоре распространились и на окраины империи, в том числе Степной край. Эти процессы потребовали пересмотра организационно-правовых основ управления степными областями, в том числе аграрно-переселенческой политики.

---

[187] Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (проблема седентеризации в российской политике XVIII — начала XX века). Барнаул, 2003. С. 28.

[188] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : документы и извлечения. Барнаул, 2014. С. 175–176.

[189] Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981. С. 7.

В ходе разработки проекта Положения об управлении в казахских степях в 1867 г. Степная комиссия подготовила объяснительную записку о поземельном пользовании и владении в казахских степях, отметив неурегулированность прав казахов на находящуюся под их кочевьями землю в российском законодательстве[190].

Земли в казахской степи находились в пользовании и распоряжении волостных обществ. Комиссия отмечала отсутствие у кочевников представлений о собственности на землю, присущих оседлому населению: «Им не было даже надобности думать о межевых планах и актах в подтверждение своих прав, когда земля, по их понятиям, существует для того, чтобы кормить стада, и каждый киргиз признавал за своим собратом законное право кочевать и занимать места под стойбища и пастбища»[191].

В то же время в документе приведен ряд аргументов в пользу более определенного решения вопроса о казахском землепользовании в связи с естественным приростом и увеличением плотности населения, ограничением перекочевок после введения в Степном крае разделения на округа и необходимостью подтверждения прав на землю в случаях присвоения пастбищ влиятельными родоначальниками и султанами. Авторы записки отмечали наличие множества просьб о разрешении земельных споров, которые были следствием правового вакуума и обострения борьбы за землю между различными группами кочевого населения.

Комиссия рекомендовала правительству при решении земельного вопроса принять меры, которые удовлетворяли бы требованиям народа, не нарушая его быта, и в то же время соответствовали бы выгодам России. В связи с вышеизложенным комиссия предложила признать земли, занимаемые казахскими кочевьями, государственными и предоставить их в общественное пользование казахов. Казахским обществам предлагалось распределять между собою землю по фактическому использованию или по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства[192]. Кроме того, предлагалось находящееся во временном пользовании Сибирского казачьего войска десятиверстное пространство, после отвода из него земли казакам, отдать в бесплатное пользование казахов, поскольку с переходом десятиверстного расстояния в пользование казаков многие из кочевников остались без зимних стойбищ и по необходимости должны платить ремонтную пошлину за землю, которой они прежде пользовались бесплатно[193].

---

[190] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : документы и извлечения. С. 176.

[191] Там же. С. 177–178.

[192] Там же. С.179.

[193] Там же. С. 181.

Отмена крепостного права привела к росту миграционной активности населения Российской империи: усилились урбанизационные процессы, связанные с развитием городов как промышленно-торговых центров, интенсифицировалась миграция крестьянского населения из европейских губерний в азиатскую часть страны. Вместе с тем первоначально крестьянские переселения находились вне сферы прямого правового регулирования, что стало основанием для периодического использования правительством ограничительных мер. Переселения были неорганизованными, поэтому их участники не пользовались мерами государственной поддержки и в основном самостоятельно решали с местным кочевым населением и казаками вопросы землепользования.

Первые самовольные крестьянские поселки возникли в 1860-е гг. в Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областях. Земли кочевников передавались переселенцам преимущественно без прямого участия властей, на основе договоренностей, которые отдельные исследователи приравнивают к отношениям аренды, подчеркивая их преимущественно добровольный характер: «Случались, конечно, и в этот период самовольные захваты казахских земель и насильственное водворение самовольцев при поддержке представителей царской власти, плохо расположенной к казахам. Но все же в основе лежало соглашение между русскими крестьянами и коренными жителями»[194]. Именно самовольные переселенцы, лишенные поддержки государства и рассчитывающие лишь на собственные силы, более активно и результативно осваивали полезные в новых для них природных условиях хозяйственные навыки кочевого населения, выстраивали с представителями других культур продуктивные взаимовыгодные контакты. Как свидетельствуют материалы ряда этнографических исследований, русские заимствовали у казахов навыки ведения скотоводческого хозяйства, отдельные элементы одежды, способы заготовки мясомолочной продукции[195]. Это существенно облегчало условия их адаптации к территории вселения.

Правительство долгое время воздерживалось от законодательного оформления миграционной политики, периодически прибегая к точечным мерам стимулирования переселения целевых групп в стратегически значимые территории Дальнего Востока и ограничения крестьянского переселения в Степной край и Туркестан. Возможно, своевременному введению мер государственного регулирования миграции препятствовало лобби из числа землевладельцев, незаинтересованных в сокращении числа дешевых рабочих рук в Европейской России. Продолжали применяться меры наказания за подготовку к переселению без разрешения и за подстрекательство к переселению.

---

[194] Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. С. 23.

[195] Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы) : дис. … д-ра ист. наук. М., 2015. С. 77.

Однако в условиях земельного голода в европейской части страны и недостаточной миграционной емкости городов сдержать самовольное переселение крестьян было невозможно. В 1870-х гг. масштабы миграции крестьян из Европейской России, сыгравшей основную роль в формировании русского населения Степного края и Туркестана, заметно увеличились. Однако и в этот период государственное регулирование переселения и соответствующих вопросов наделения землей заметно запаздывало.

В 1881 г. были утверждены Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли, согласно которым крестьяне могли переселяться на окраины при наличии разрешения соответствующих органов власти. Переселенцы получали по 45 десятин земли и другие льготы[196]. Тем не менее уже в 1883 г. переселение крестьян в Степной край было официально приостановлено, что не повлияло на неорганизованные потоки переселенцев.

Принятый в 1889 г. закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и порядке переселении лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» строился на идее контроля органов власти над всеми стадиями крестьянской миграции: от выбора лиц, имеющих право переселиться, до процедур водворения новоселов в местах прибытия. Всякий, кто не получил официального разрешения, считался самовольным переселенцем и подлежал принудительному возвращению. Крестьянские переселения были узаконены при условии строгого контроля и регламентации «сверху». В 1891 и 1892 гг. этот закон был распространен на Тургайскую и Уральскую области.

Однако введенные правила не только не способствовали организованному переселению, а скорее сдерживали его. По мнению большинства исследователей, в это период отведение участков под заселение и ссудная помощь значительно отставали от объективной потребности в них. На основании нового закона до 1892 г. было выдано разрешение на переселение 17289 семьям, а фактически прошло за это время за Урал 28911 семей. Таким образом, число самовольных переселенцев по-прежнему оставалось высоким и даже возрастало, поэтому правительству пришлось причислить их к местам водворения и тем самым узаконить факт самовольного переселения[197].

Качественно новый этап развития аграрно-переселенческой политики в Степном крае связан с образованием в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги, в обязанности которого входило содействие заселению прилегающих к строящейся дороге территорий. Проект правил по заселению прилегающих к дороге местностей, разработанный подготовительной комиссией под руководством А.Н. Куломзина, был утвержден императором 13 июня 1893 г. Согласно проекту казенные земли, не используемые местным населением и непосредственно находящиеся

[196] Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. С. 24.
[197] Там же. С. 26.

в ведении государства, подлежали прирезке для создания переселенческого фонда, причем к такой земле должны были быть отнесены только земельные участки, непосредственно прилегающие к Сибирской железной дороге. Однако на практике к числу таких земель была отнесена большая площадь, в том числе Петропавловский и Омский уезды Акмолинской области[198].

Таким образом, в связи с постройкой Сибирской железной дороги впервые был поставлен вопрос о комплексном планомерном заселении казахских степей русскими переселенцами и, соответственно, об изъятии «излишков» земель из казахского землепользования. Поэтому следующим шагом стала подготовка методики расчета норм казахского землепользования и выявлению «излишков» земель. Изначально в основу этой работы были положены представления о нерациональности использования огромных степных просторов кочевниками, низкой рентабельности кочевого животноводческого хозяйства и архаичности образа жизни казахов.

С целью определения норм казахского землепользования и выявления излишков земель, годных под переселенческие участки, в 1896 г. в казахские степи (Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области) была направлена экспедиция под руководством земского статистика Ф.А. Щербины. Результаты экспедиции впоследствии использовались в качестве экономико-статистического обоснования для массового изъятия земель у кочевого населения. Экспедиция обследовала территории 12 уездов указанных областей. К моменту проведения экспедиции на территории данных уездов уже активно создавались переселенческие поселки, жители которых арендовали пахотную и сенокосную землю у казахов.

Экспедиция приняла за норму площадь угодий, необходимых для содержания 24 единиц скота. В результате были рассчитаны дифференцированные земельные нормы для степных уездов[199]. На основе произведенных экспедицией Ф.А. Щербины расчетов был разработан циркуляр от 5 марта 1901 г., которым руководствовались в своей работе временные партии для образования переселенческих участков в Акмолинской и Семипалатинской областях.

Вокруг этих расчетов развернулась активная борьба: генерал-губернаторы и представители казахов считали эти нормы недостаточными для кочевого хозяйства, а Главное управление землеустройства и земледелия сочло рассчитанные нормы повышенными. Представители Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия сетовали, что «сторонники киргизского (казахского. — *авт.*) кочевого быта, игнорируя или находя малоубедительными приведенные основания, выдвигают в качестве возражения против колонизации степи неблагоприятные, будто бы, почвенные и климати-

[198] Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. С. 28.
[199] Там же. С.29.

ческие условия, традиционную привычку киргиз (казахов. — *авт.*) к скотоводству и невозможность, будто бы, перехода к земледелию»[200].

Рост значимости аграрно-переселенческой политики и связанной с ней управленческой деятельности потребовал создания специализированной структуры в системе органов государственной власти. В 1896 г. в составе Министерства внутренних дел было учреждено Переселенческое управление. Оно занималось выдачей разрешений на переселение, руководило передвижением и водворением переселенцев, а также предпринимало попытки совершенствования миграционного законодательства. С 1896 г. переселенческое управление организовало учет переселенцев и начало публиковать статистические сведения о размерах переселенческого движения за Урал. С целью выявления «свободных» земель для переселенцев территория Степного края в течение ряда лет обследовалась специальными статистическими партиями Переселенческого управления: в 1896–1901 гг. статистические партии обследовали 13 уездов Степного края; в 1904–1912 гг. — 17 уездов, в том числе 10 уездов повторно.

Первые данные о масштабах переселения в пореформенный период представлены в переписи населения Российской империи 1897 г., которая дала возможность оценить масштабы и направления миграции в пореформенный период. Основную массу неместных уроженцев в Степном крае составляли выходцы из губерний Европейской России и Сибири[201]. В различных областях Казахстана переселенцы распределялись неравномерно (табл.). Большинство (62%) осело в Акмолинской области, затем в Тургайской и Уральской (24%), менее всего — в Семипалатинской, Семиреченской и Сырдарьинской губерниях (14%).

Внутреннее переселение по местам водворения в 1897–1904 гг.[202]

Области вселения	Число вселившихся, человек							
	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
Акмолинская	13240	17705	23375	24602	7856	7048	6394	4315
Семипалатинская	230	706	3616	2436	807	349	432	254
Семиреченская	114	161	936	708	393	278	217	-
Тургайская	423	1272	3815	4099	3902	7789	9062	17076
Всего по России	66379	143510	158356	163476	85017	80856	88041	30699

В целом, как отмечали сотрудники Переселенческого управления, «выход сельского населения из различных губерний и областей России с целью

[200] Влияние колонизации на киргизское хозяйство / Переселенческое управление Главного Управления землеустройства и земледелия. СПб., 1907. С. 4.

[201] Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). С. 66–67.

[202] Пространство и население России в 1905 году. СПб., 1906. С. 130.

переселения в другие местности империи составляет по отношению к общей численности сельского населения крайне незначительную величину»[203]. Однако эта незначительная в масштабах империи величина существенно меняла численность жителей в конкретных территориях вселения и усиливала борьбу за земельные ресурсы между переселенцами и кочевниками.

Официальные цифры не отражают всего масштаба переселенческого движения в Степной край на рубеже XIX–XX вв. Описывая процесс колонизации азиатских окраин Российской империи, Н.М. Ядринцев акцентировал внимание на высокой доле стихийных, а потому неучтенных миграций: «Факт так называемых самовольных переселений играет и до сего времени весьма важную роль в истории нашей колонизации. Переселения так же, как и в древний период, ветвятся в две формы. Легальную — при помощи официального перечисления, и самовольную, совершающуюся без всяких формальностей, завещанную от вольных движений прошлого. Некоторые факты свидетельствуют, что проявления последней весьма значительны»[204]. Из-за чрезмерной концентрации переселенцев на отдельных направлениях вновь прибывшие сталкивались со значительными трудностями, что приводило к масштабному «обратному» переселению и хаотичной циркуляции мигрантов между переселенческими районами.

Переселение в Туркестан было затруднено высокой плотностью населения в Ферганской долине и непригодностью большей части территорий к земледелию без предварительной ирригации. Однако и там с 1887 г. проводилась работа по определению границ частных владений с целью выявления свободного земельного фонда. С 1903 г. началось организованное переселение в Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области на казенные земли. Под влиянием волнений стихийных переселенцев в 1905 г. вблизи г. Верный Переселенческое управление начало передавать русским крестьянам обработанные и густонаселенные земли[205]. Тем не менее, до Столыпинской земельной реформы масштабы переселения в Туркестан были незначительными.

Пространство степных окраин Российской империи в начале XX в. являлось полем активных миграционных и межкультурных контактов. В этот период миграция стала более осознанно и целенаправленно использоваться в целях русификации недавно присоединенных территорий. Переселение в Степной край и Туркестан русских крестьян, повышение в этих территориях численности и доли русского населения рассматривалось как важный элемент конструирования империи. Предполагалось, что развитие граж-

[203] Пространство и население России в 1905 году. СПб., 1906. С. 132.

[204] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С.170.

[205] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998. С. 58.

данственности и цивилизованности должно было постепенно уравнивать и в правах, и в обязанностях коренных жителей степи и остальных верноподданных империи[206]. Геополитическое значение заселения центральноазиатских окраин русским земледельческим населением подчеркивал Н.М. Ядринцев: «Перевес русского населения на Востоке окажет также значительное влияние и на наше политическое положение в Азии»[207].

Региональные власти в изучаемый период негативно воспринимали активную деятельность по заготовке переселенческих участков на вверенных им территориях. Архивы Российской Федерации и Республики Казахстан содержат многочисленные свидетельства попыток степных генерал-губернаторов остановить процесс или хотя бы снизить темпы изъятия земель у кочевников. Обращаясь к министру внутренних дел, степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин в 1904 г. писал: «Министерством земледелия проявлена была тенденция к понижению земельного фонда, который мог быть предоставлен в пользование киргиз (казахов. — *авт.*) …в киргизских (казахских. — *авт.*) волостях отошли под переселенческие участки лучшие земли, с хорошей почвой, угодьями и водой, и на долю кочевников оставлялись, по преимуществу, урочища с маловыгодными природными условиями»[208]. Сторону кочевников в данном вопросе приняло также Главное управление государственного коннозаводства: руководитель этого ведомства в 1898 г. направил министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову просьбу оставить достаточное количество сенокосных угодий в пользовании казахов-коневодов Актюбинского и Кустанайского уездов, где были расположены заводские степные конюшни[209].

Обсуждение вопроса об избыточных землях казахского землепользования и обращении их в переселенческие участки способствовало активизации деятельности казачьих войск по легитимизации и защите их земельных прав, что осложнило и без того непростую обстановку в регионе[210].

Переселение крестьян из центра на окраины было составной частью Столыпинской аграрной реформы и одним из важных элементов укрепления политического пространства империи. На местах были образованы особые переселенческие районы: Акмолинский, Семипалатинский, Тургайско-Уральский, Семиреченский, Сыр-Дарьинский. В период 1907–1914 гг. наблюдался наиболее значительный приток переселенцев. За 9 лет

---

[206] Ремнев А., Суворова Н. Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2012. С. 78.

[207] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 185.

[208] РГИА. Ф. 391.Оп. 2. Д. 1216. Л. 36об.

[209] РГИА Ф. 391. Оп. 1. Д. 408. Л. 74–75.

[210] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 111.

(1907–1914 гг.) в Степном Казахстане осело 714395 человек. Большинство переселенцев прибыли в первые четыре года, затем их приток резко уменьшился. В 1913–1914 гг. число переселенцев увеличилось, что было связано с голодом в Поволжье.

По данным В.А. Тресвятского, движение переселенцев и ходоков в Степной край с 1906 по 1915 г. составило соответственно 29 и 25% от общей численности переселенцев и ходоков за Урал. Доля «обратных» составила 38% общей численности переселенцев[211]. Всего за период с 1896 по 1914 г., после вычета «обратных», в областях Казахстана осталось свыше двух миллионов человек, что значительно пополнило численность населения региона.

В 1906 г. Переселенческое управление было передано из Министерства внутренних дел в Главное управление землеустройства и земледелия. Основное внимание в его работе в этот период уделялось заготовке земельного фонда. Поскольку вопрос о заготовке переселенческих участков не мог быть решен отдельно от вопроса землеустройства казахов-кочевников, данная проблематика становится основной в работе коллегиальных и совещательных органов при МВД и Главном управлении землеустройства и земледелия.

Комплексным отражением правительственных подходов к решению аграрно-переселенческого вопроса в центральноазиатских окраинах империи является журнал Совещания о землеустройстве казахов (далее — Совещание), заседания которого проходили в марте-ноябре 1907 г.[212] В частности, в развернутом отчете Совещания изложен государственный подход к судьбе кочевого хозяйства. Совещание сочло невозможным закрепить земельные права в отношении кочевников, передвигающихся со своими стадами на сотни и тысячи верст: «Закреплять определенные земельные площади возможно только за оседлым населением, которое само крепко сидит на земле и пользуется прилегающими к местам его оседлости землями в твердо установившихся и постоянных границах»[213].

Участвовавшие в работе Совещания представители казахского населения — члены Государственной думы второго созыва (Каратаев, Беремжанов, Нороконев и Кощегулов) от лица кочевников потребовали прекратить образование переселенческих участков в степных областях. Однако большинство участников Совещания сочли это невозможным, поскольку образование переселенческих участков, по их мнению, производится в законно установленном порядке. Совещание постановило, что образование переселенческих участков не грозит интересам кочевников, и посчитало возможным включать

[211] Тресвятский В.А. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып.1. Степной край. Пг., 1917.

[212] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199–275.

[213] Там же.

в состав временных комиссий выборных представителей от казахов, а также дополнить законодательство нормами, позволяющими переходящим к оседлости кочевникам получать землю наравне с переселенцами, независимо от места их административной приписки[214].

Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия последовательно исходило из убеждения, что «нельзя серьезно отстаивать неприкосновенность втуне лежащих земель и сохранение просторов: земля слишком дорога, слишком велика в ней нужда, чтобы можно было расточать земельные богатства»[215]. Очевидно, что на высшем государственном уровне эту точку зрения разделяли. По оценке отечественного исследователя В.С. Дякина, «столыпинская реформа стала побудительным толчком к «простым» решениям в казахских степях»[216]. Массовая конфискация казахских земель проводилась под лозунгом перевода их от кочевого образа жизни к оседлому и сопровождалась рассуждениями о том, что власть переориентируется на интересы казахской бедноты, не имеющей скота.

Как отмечали И.Л. Ямзин и В.И. Вощинин, «государство вначале признавало необходимость земельного простора для кочевников в расчете на медленную эволюцию киргизского (казахского. — *авт.*) хозяйства в сторону оседлого быта»[217]. Однако для создания переселенческих участков у кочевников изымали все новые и новые земли. «Для организации этих изъятий было создано не сплошное землеустройство киргиз (казахов. — *авт.*), а «инструкция» о порядке определения государственного земельного фонда в степных областях, т.е. установлен административный порядок экспроприации киргизского населения усмотрением царской бюрократии»[218].

19 декабря 1910 г. был издан закон о дополнении ст. 270 Туркестанского положения, позволяющий распространить на Туркестанский край действие одобренной Советом Министров 9 июня 1909 г. инструкции, которая предусматривала порядок определения государственного земельного фонда из излишних для кочевого населения земель и устанавливала возможность и основания перевода желающих из числа кочевников на оседлое положение, с предоставлением им переселенческих наделов. Таким образом, появилась возможность заменить прежнее закрепление фактического землепользования отводом кочевникам, переходящим к оседлости, земельных наделов по переселенческим нормам, на одинаковых основаниях с русскими переселенцами, т.е. в бессрочное пользование и с уплатой за отведенный надел об-

[214] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199-275.
[215] Влияние колонизации на киргизское хозяйство. С. 15–16.
[216] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма… С. 56.
[217] Ямзин И.Л., Вощинин В.И. Учение о колонизации и переселениях. М. ; Л., 1926. С. 35.
[218] Там же. С. 36.

рочной подати[219]. Норма составляла не более 15 десятин земли на каждую мужскую душу.

Большинство исследователей истории Российской империи оценивают политику правительства в земельном вопросе как основную причину обострения общественно-политической ситуации и межэтнических отношений в Степном крае и Туркестане на рубеже XIX–XX вв. Этого мнения, в частности, придерживается А. Каппелер: «Казахи-кочевники, все еще составлявшие свыше трех четвертей местного населения, видели в захвате переселенцами их бывших летних пастбищ угрозу для своего экономического существования»[220].

Результаты реализации аграрной политики Российской империи в Степном крае и Туркестане оказались весьма противоречивыми. На многих территориях в ходе взаимодействия принимающего населения и переселенцев образовались локальные постмиграционные сообщества, объединенные отношениями по поводу совместного освоения природных ресурсов, создания взаимоприемлемой системы экономического развития территории[221]. Однако и свидетельства конфликтного сосуществования кочевников и крестьян-переселенцев, особенно в первое десятилетие XX в., довольно многочисленны.

Оценивая воздействие аграрно-переселенческой политики на кочевое общество, необходимо прежде всего отметить ее роль в процессе разложения кочевой общины. Этот процесс начался самостоятельно, под влиянием объективно обусловленного имущественного и социального расслоения населения, но был существенно ускорен изъятием части земель под переселенческие участки. Как отмечает С.Ш. Казиев, «стремительно меняющийся мир и наплыв переселенцев обострили внутренние конфликты в кочевом социуме»[222]. Исследователи констатируют развитие товарных отношений в кочевом обществе и разрушение прежнего родового солидаризма. По мнению А. Каппелера, «…пастухи-кочевники были оттеснены в южные засушливые районы. Это не только создало для казахов тяжелые экономические проблемы, но и потрясло всю их социальную структуру, основанную на кочевничестве»[223].

Сужение ареала кочевания повысило уровень межродовой и внутриродовой конфликтности в борьбе за лучшие пастбища. При этом виновником

---

[219] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 54. Л. 9–10.

[220] Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 219.

[221] Тарасова Е.В. Типология постмиграционных сообществ: анализ основных понятий // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай — Казахстан, XIX–XX вв.). Барнаул, 2007. С. 103–112.

[222] Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). С. 92.

[223] Каппелер А. Россия — многонациональная империя... С. 140–141.

происходящих и далеко не желательных изменений в общественном укладе кочевники считали переселенца, интересы которого защищало государство.

При оценке политики центральных органов власти становится очевидным навязывание населению региона модернизации «сверху»: многократно декларируя свое стремление к максимальному учету интересов казахского населения, на практике правительство последовательно и неуклонно проводило курс на изъятие земель у кочевников, при помощи прямых и опосредованных методов пыталось ускорить оседание казахов, а при рассмотрении обращений и жалоб, разрешении конфликтных ситуаций в большинстве случаев становилось на сторону переселенцев. Особую негативную роль в этот период сыграло навязывание не столько сути модернизационных изменений (отдельные ее аспекты, такие как развитие образования, инфраструктуры, торговли, находили большую поддержку у казахской интеллигенции и формирующейся буржуазии), сколько темпов модернизации. Значительная часть казахского населения не успевала осмыслить привнесенные извне цели общественно-экономического развития, а потому не готова была стать их активным проводником.

В связи с тем, что вследствие разнонаправленных, но интенсивных управленческих воздействий разрушилась родовая община казахов, часть казахского населения перешла к более интенсивным по сравнению с кочевым скотоводством формам хозяйственной деятельности — земледелию, ремеслу и торговле. У казахов появились представления о частной собственности на землю, укреплялся институт аренды земли. Однако процессы модернизации оказались незавершенными. Проведенные преобразования не привели к полной интеграции казахов в российское общество. Интенсивное разрушение кочевого хозяйства и базирующейся на нем родовой общины повлекло за собой маргинализацию части казахского общества, углубление в нем имущественного и социального расслоения. Несовершенство механизмов седентаризации препятствовало эффективному решению задачи оседания кочевого населения. В начале XX в. доля земледельческого населения в Степном крае и Туркестане существенно увеличилась, но произошло это преимущественно за счет переселенцев из европейской части Российской империи.

Еще одним фактором, дестабилизировавшим обстановку в регионе, стало резкое изменение этнодемографического баланса под воздействием переселенческого движения[224] (приложение 2, карты 3–5, 10). До середины XIX в. доля пришлого населения в Степном крае и Туркестане была крайне незначительной. По данным переписи 1897 г. доминирующей по численности этнической группой Степного края являлись казахи, а малочисленность

[224] Тарасова Е.В. Население степных окраин Российской империи накануне революций 1917 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/2(88). С. 187–191.

и территориальное размещение других этнических групп свидетельствуют об их недавнем появлении. Спустя 10–15 лет ситуация существенно изменилась: «Акмолинская область еще недавно с преобладающим киргизским населением стала русской — переселенцев в ней больше, чем киргиз», — отмечали в 1912 г. сотрудники Переселенческого управления[225]. В южных уездах удельный вес русских в составе населения был намного ниже. Наиболее крупной диаспорой региона после русских и украинцев являлись татары. Таким образом, в результате активизации переселенческого процесса в начале XX в. население Степного края становится полиэтничным. Столь значительное и резкое снижение этнической концентрации обостряло инстинкт самосохранения автохтонного населения.

Немаловажную роль в формировании межэтнической конфликтности сыграла разница в мировоззрении и ценностях. Часть крестьян-земледельцев считали кочевое хозяйство неэффективным, а такие родовые обычаи как барымта — преступными, эти взгляды поддерживались официальными властями. Для переселенца обработка земли была важным способом обозначить границы своей территории, и потрава посевов воспринималась как серьезный вызов. Для скотоводов-кочевников сохранение маршрутов перекочевок и многовековых обычаев, пусть и не вписывающихся в законодательство Российской империи, было важно для идентичности. Они являлись носителями различных картин мира и способов взаимоотношений с пространством. Политика властей на местах, будучи недостаточно зрелой и взвешенной, часто лишь усиливала существующую конфликтность.

Проблемы регулирования переселенческого движения и борьба за земельные ресурсы между коренным и пришлым населением широко использовалась общественными движениями в информационной войне против правительства, что также способствовало дальнейшему росту этнически окрашенного противостояния.

По мнению С.Ш. Казиева, накопление взаимных претензий и обид привело к кризису межэтнического доверия в первом десятилетии XX в.: «Рост отчуждения и враждебности к официальной власти, попирающей прежний социальный порядок, и русским переселенцам, отнимающим родовые земли, имел место во многих районах российской Центральной Азии»[226]. Однако это противостояние стало одним из консолидирующих население Степного края и Туркестана факторов.

---

[225] Обзор мероприятий правительства по переселенческому делу за 5 лет существования 3-й Государственной Думы. СПб., 1912. С. 19.

[226] Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). С. 117.

1.5. Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтирной модернизации

Военно-политические успехи Российской империи в 60-е гг. XIX в., следствием которых стало окончательное поглощение территорий Старшего жуза, Кокандского ханства и образование Туркестанского генерал-губернаторства, поставили на повестку дня вопрос об урегулировании российско-бухарских и российско-хивинских отношений[227]. По российско-бухарскому мирному договору, подписанному эмиром Музаффаром 23 июня 1868 г., Бухара переходила под протекторат России и лишалась возможности проведения самостоятельной внешней политики. Кроме этого, Россия получила возможность учреждения торговых агентств в городах эмирата, право свободной торговли и перемещения по его территории и в другие государства русских купцов.

Состоявшееся в декабре 1972 г. в Петербурге Особое совещание ратифицировало российско-бухарский договор 1868 г. и приняло решение о необходимости подготовки проекта торгового договора с Бухарой, который был подписан в сентябре 1873 г. По условиям договора Бухарский эмир получал некоторые хивинские территории по правобережью Аму-Дарьи. Взамен он предоставлял свободный доступ российским купцам на свои рынки, беспошлинный транзит товаров. Кроме этого, государства обязывались обменяться торговыми агентами и дипломатическими представителями[228]. Согласно ст. 16 договора Бухара предоставляла России право учредить в столице эмирата политического представителя, который должен стать «доверительным лицом» и советником эмира во всех делах[229].

В 70-е гг. XIX в., несмотря на определенное противодействие МИД, Россией было активизировано наступательное продвижение в Восточном Прикаспии[230]. В мае 1873 г., после санкционированного генерал-губернатором Туркестана К.П. Кауфманом военного похода на Хиву, состоялось подписание Гендемианского договора. По его условиям на территории ханства вводился протекторат Российской империи. Решение его внешнеполитических и регулирование его международных отношений переходило в сферу российской деятельности. Российские коммерческие круги получали право экстерриториальности, широкий доступ на рынки ханства, возможность открытия

[227] АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 1–9. Д. 15. Ч. 1.

[228] Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 184–187. Приложение.

[229] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 316–317.

[230] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6814. Л. 21–27.

факторий, складов, пристаней и освобождение от налоговых выплат. По договору следовала аннексия территории Хивинского ханства на правобережье Аму-Дарьи. Часть ее передавалась Бухарскому эмирату. Вторая часть вошла во вновь созданный административный район во главе с российским чиновником — Аму-Дарьинский отдел.

В последующем по действующему договору система отношений с Хивой осуществлялась через начальника Аму-Дарьинского отдела, в административном отношении подчиненного военному губернатору Сыро-Дарьинской области. Его функции были приближены к функциям политического агента правительства при иностранном государстве: любое обращение хана к генерал-губернатору Туркестанского края осуществлялось при посредничестве начальника Аму-Дарьиньского отдела, причем последний доводил до сведения туркестанского генерал-губернатора ту или иную просьбу хана, всегда со своим заключением, которое обычно имело решающее значение. Начальник отдела также осуществлял контроль за посещением ханства официальными лицами, для того чтобы, «обставив возможно большей стеснительностью представления хану, тем самым избежать непроизводительных для хана трат, связанных с выдачею им разных подарков представляющимся ему лицам»[231].

До начала XX в. непосредственные деловые отношения туркестанского генерал-губернатора с хивинским правителем были крайне немногочисленны. Они состояли из обмена дружественными телеграммами по случаю официальных торжественных дней и личными письмами при обмене посольствами по случаю, например, приезда в край нового генерал-губернатора. Контакты через начальника Аму-Дарьинского отдела также носили эпизодический характер и касались просьб хивинского хана о «высылке огнестрельного оружия, об исходатайствовании разрешения прибыть в Петербург наследнику хивинского престола, о чеканке тенге и высылке из пределов ханства русского или иностранно-подданного, уличенных в предосудительных проступках»[232]. Аналогичная ситуация имела место в Бухарском эмирате.

Сохранение российскими властями традиционных принципов внутриполитического и социального устройства Бухарского эмирата и Хивинского ханства на протяжении 70–90-х гг. XIX в. было опосредовано сложной внешнеполитической ситуацией в центральноазиатском регионе. Противостояние России и Англии, их борьба за раздел региона на сферы влияния делала весьма целесообразным сохранение буферной зоны в лице Бухарского и Хивинского государств до его окончательного размежевания. Усилия российской и британской дипломатии, направленные на решение данного вопроса, дали первые позитивные результаты в 1873 г. Согласно достигнутым

[231] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1 Д. 33. Л. 1–1об.
[232] Там же. Л. 2.

договоренностям границей этих сфер определялось верхнее и среднее течения Аму-Дарьи[233].

Начиная с середины 1880-х гг. взаимоотношения России и Великобритании переместились на уровень закрепления достигнутых к этому времени результатов. Это можно было объяснить прежде всего тем, что большая часть независимых территорий Среднего Востока оказалась либо захвачена, либо признавала лидирующую роль одной из держав. Раздел сфер влияния находился в стадии завершения, нужно было зафиксировать его в форме международных договоренностей. Англо-русское соглашение по определению границы Афганистана 1885–1887 гг. и Памирское разграничение 1895 г. оказались наиболее значимыми событиями для русско-британских отношений в Средней Азии в период с середины 1880-х до середины 1890-х гг.

Как отмечает Л.М. Смирнова, «если предыдущие 10–15 лет были насыщенными в плане активных действий, не раз ставивших великие державы на грань крупных международных скандалов и вооруженных конфликтов, то после кризиса 1885 г. межгосударственные отношения не выходили за рамки политических и дипломатических решений. В результате двух соглашений была окончательно определена северная граница Афганского государства, что особенно было важно в отношении спорных ее участков, а также были более-менее четко и конкретно обозначены пределы распространения влияния Великобритании и России в Центральной Азии, что позволяло обеспечивать должный контроль за территориями и использовать их с наибольшей для себя выгодой»[234].

Стабилизация англо-российских отношений на Среднем Востоке поставила на повестку дня вопрос о дальнейшей судьбе Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Необходимость включения данных государств в юридические границы Российской империи диктовалась несколькими важными обстоятельствами. Во-первых, в пореформенный период происходил неизменный рост интереса российских коммерческих кругов к центральноазиатским рынкам. Во-вторых, немаловажным обстоятельством, обусловившим появлением у российской политической элиты тенденций на юридическое включение Хивы и Бухары в состав империи, выступил «исламский фактор». Как известно, оба государства являлись оплотом ислама. Несмотря на это в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве региональные органы власти следовали традиционному для Туркестана курсу в отношении ислама — полного его игнорирования. Делая ставку на светскую власть бухарского эмира и хивинского хана, российские политические круги противопоставили себя

[233] Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М., 1875. С. 3–4.

[234] Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века : автореф. дис. …канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 19.

могущественному мусульманскому духовенству, что способствовало «росту на рубеже XIX–XX вв. антирусских настроений и радикализации форм внутриполитической борьбы». Полной неожиданностью в связи с этим для российской власти стали события 1898 г. в Андижане, принявшие форму религиозно-радикального мусульманского движения[235].

Кроме этого, при дворе эмира традиционно соперничали две исламские элиты — шиитская, состоящая из потомков рабов-персов, и суннитская, представленная коренными национальностями эмирата, к которой примыкали влиятельное бухарское духовенство и главы суфийских орденов. С установлением протектората России над Бухарой расстановка сил на политической арене эмирата изменилась. Отмена рабства, на которой настояла российская сторона, послужила залогом лояльности шиитов по отношению к «опекающей державе», что вызывало отрицательную реакцию со стороны влиятельной суннитской группировки. В январе 1910 г. внутриконфессиональный конфликт перешел в новую стадию и принял форму резни шиитов в Старой Бухаре. Попытки подобных выступлений предпринимались и в 1911 г. Между тем «российские дипломаты были настолько скованы в своих действиях и так опасались вероятных осложнений в Бухаре, что не смогли добиться от эмира, стремившегося избежать конфликтов с духовенством, принятия соответствующих мер в отношении зачинщиков беспорядков»[236].

Для безопасности и внутренней территориальной целостности империи, пресечения активизации антироссийских настроений со стороны коренного мусульманского населения центральноазиатских окраин целесообразной была признана их интеграция в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Поэтому с 90-х гг. XIX в. Россия преступила к фронтирной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства. С целью сохранения стабильной ситуации в регионе каждый этап и конкретные реформы, направленные на трансформацию политической и экономической систем двух государств, осуществлялись только после согласования с эмиром и ханом.

Административно-политический контроль над деятельностью бухарского эмира стал официально осуществляться с 1885 г., когда в рамках нового российско-бухарского договора в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство. Возглавлявший его политический агент на-

---

[235] История и историография национально освободительных движений второй половины XIX — начала XX в. в Средней Азии и Казахстане: итоги, поиски, перспективы изучения. Ташкент, 1989. С. 43–49; Касымбеков К. Ф. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1978.

[236] Бороздин С.С. Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867–1914) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 21–22.

ходился в двойном подчинении — МИД и Военного министерства[237]. Права и обязанности агента были определены гораздо позднее — 5 мая 1903 г. Ему вменялось в обязанность осуществлять взаимодействие с эмиром и его правительством по широкому спектру вопросов российско-бухарских политико-экономических отношений. Агент также «осуществлял надзор над памирскими бекствами, цензурой газет и театральных пьес в русских поселениях эмирата; покровительствовал поселившимся в Бухарском эмирате христианам; распределял воды реки Зарафшан; следил за благоустройством городов, постройкой больниц, почтово-телеграфных зданий и других учреждений»[238].

В 1908 г. в Старой Бухаре была учреждена должность полицейского чиновника. Однако данной меры для осуществления контроля над религиозной ситуацией в эмирате оказалось, по мнению туркестанской администрации, недостаточно. Из-за угрозы новой эскалации суннито-шиитской резни в 1910 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов инициировал переговоры с бухарским эмиром по вопросу об учреждении в эмирате российского полицейского управления. Вопрос не без некоторого сопротивления со стороны Сеид Алим-хана был решен положительно, и в марте 1911 г. полицейское управление начало функционировать в Старой Бухаре. Оно подчинялось российскому политическому агенту в Бухаре и начальнику туркестанского районного охранного отделения. Позднее российские полицейские управления, как и полицейский розыск, были созданы в других крупных городах эмирата, что, безусловно, свидетельствовало об ограничении прав эмира и укреплении российского политического влияния в регионе[239].

Важным направлением фронтирной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства стал ряд экономических реформ, носивших протекционистский характер. Как подчеркивает в связи с этим Р.Ю. Почекаев, договоры 1873 г., заключенные с двумя государствами, «не смогли обеспечить привилегированное положение российских торговцев и вытеснить с рынков центральноазиатских владений России английских товаров». Последние «продолжали успешно конкурировать с русскими товарами благодаря бухарцам и хивинцам, которые практически беспошлинно провозили их в русские области, выдавая за товары местного происхождения. При этом Россия не могла самостоятельно принять мер к решению этой проблемы, поскольку Гандемианский и Шаарский договоры не предусматривали механизмов

[237] Перевезенцева Т. В. Бухарский эмират под протекторатом Российской империи (конец XIX — начало XX в.) // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конференции. Казань, 2015. С. 13–18.

[238] Матвеева Н. В. Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886–1917 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Душанбе, 1994. С. 5.

[239] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 321.

вмешательства во внутренние дела Хивы и Бухары, в том числе и в экономическом отношении»[240].

Единственной эффективной мерой, способной решить проблему, могло быть включение Хивы и Бухары в единую таможенную зону и выстраивание единой линии таможен, таможенных застав, постов и кордонов на протяжении всех азиатских границ России[241]. Выработка конкретного плана интеграции двух суверенных государств в таможенную систему России решалась на протяжении нескольких лет достаточно сложно. Центральным в нем являлся вопрос о схеме налоговых таможенных сборов в пользу этих государств и России.

Наконец, в 1894 г. Особому совещанию, в состав которого вошли представители МИД, Военного министерства и Министерства финансов, удалось согласовать проект устройства «таможенной части в Средней Азии». Проект был внесен на рассмотрение Госсовета и утвержден императором Николаем II 6 июня 1894 г. Согласно п. 2 проекта наряду с таможнями в Туркестанском крае открывались также таможни в Асхабаде (центр Закаспийской области) для контроля таможенного дела в Хивинском ханстве, непосредственно в Бухаре (для контроля таможенного дела в эмирате) и в Келифе. Пункт 3 оставлял министру финансов инициативу по открытию дополнительных таможенных пунктов вдоль пограничных рек — Пянджа и Аму-Дарьи[242].

Содержание и план реализации таможенного договора были согласованы с эмиром Абдул-Ахадом и с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II. Тем самым российское правительство стремилось избежать осложнения международной ситуации на Среднем Востоке и подчеркивало свое стремление сохранить статус Хивы и Бухары как автономных государств. Проведенные переговоры позволили начать процедуру включения Бухары и Хивы в таможенную зону России от имени самих правителей этих государств. После издания указа Николая II 24 июля 1894 г. эмир предписал всем региональным правителям-бекам «Об оказании всевозможного дружеского содействия русским таможенным властям повсюду, где в пределах бухарских владений будет устроена таможня». Аналогичное соглашение было заключено и с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II. В июле 1894 г. он издал соответствующий манифест, в котором сообщал подданным о включении ханства в таможенную черту Российской империи[243].

---

[240] Почекаев Р.Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право : журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 175.

[241] Ремез И.А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения с Российской империей. Ташкент, 1922. С. 30.

[242] Высочайше утвержденное мнение Госсовета об устройстве таможенной части в Средней Азии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XIV. СПб., 1898. № 10774. С. 434–435.

[243] Почекаев Р.Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства... С. 177.

Включение Бухары и Хивы в единую таможенную черту с Россией способствовало увеличению товарооборота между ними. Этому в немалой степени способствовала протекционистская политика России, позволявшая ей в рамках таможенного союза устанавливать новые таможенные тарифы на ввозимые в Хиву и Бухару, а через них, транзитом в Россию, товары. Наиболее высокие тарифы были установлены на чай, индиго, кисею, которые в большом количестве поступали на центральноазиатский рынок из Британской Индии. Наиболее последовательно протекционистская политика России в рамках таможенного объединения проводилась в отношении чая — самого востребованного в регионе товара. Одновременно начался усиленный ввоз из России мануфактуры, разнообразных сортов сахара, керосина, посуды, железных изделий и т. д. Всего промышленные товары из России в Бухару составляли 96,5 % всех товаров, ввозимых в ханство[244].

Однако включение Бухары и Хивы в единую в Россией таможенную систему не привело к упразднению зякета в этих государствах. Как известно, зякет представлял собой религиозный налог, выплачивавшийся мусульманской общиной в пользу ее нуждающихся членов. Формальным основанием правителей Бухары, претендовавших на данный вид налога, являлось позиционирование ими своей власти как не только светской, но и духовной. Зякет, прямо предусмотренный шариатом, имел очень неопределенный объект обложения, что позволяло среднеазиатским правителям злоупотреблять правом его сбора. После включения в таможенную черту эмиры не собирались отказываться от данного источника дохода. В результате наряду с российскими таможенными постами в тех же местностях функционировали и местные закятчи, и один и тот же товар российских купцов фактически облагался таможенным сбором дважды. Размер зякета не был фиксирован и устанавливался зякетчи самовольно, приводя к произволу с их стороны[245].

На рубеже XIX–XX вв. сложившаяся в налоговой системе Бухарского эмирата ситуация стала предметом обсуждения правительственных кругов Российской империи. Несмотря на все ее несовершенство, речь о кардинальной модернизации и отмене зякета не велась. Главное, на чем было сосредоточено внимание российских чиновников, — это концентрация усилий на соблюдении Хивой и Бухарой условий Гендемианского и Шаарского мирных договоров 1873 г. в отношении российского купечества. В связи с этим деятельность начальника Аму-Дарьинского отдела, контролировавшего хивинского хана, была направлена на отстаивание права российских купцов не выплачивать зякет. Определенные успехи в решении данного вопроса

[244] История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. С. 378.

[245] Хорошхин А.П. Заметка о зякете в Бухарском ханстве // Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 294–295.

были достигнуты в 1895 г., когда по настоянию исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора Д.И. Субботича Мухаммад Рахим-хан II издал распоряжение о прекращении взимания с русских подданных, торгующих в Хивинском ханстве, «всякого рода торговых сборов и зякета с тех хивинских подданных, которые покупают товары у русских купцов»[246].

На практике данное постановление нарушалось местными сборщиками налогов. Кроме этого, русские купцы в начале XX в. продолжали выплачивать в пользу хивинской казны «далляль» и «аминан» — весовой сбор и особый налог на хлопок, причем все эти сборы, по мнению начальника Аму-Дарьинского отдела, «в общей сложности значительно превышали размер торговых пошлин, установленных в империи»[247]. Вплоть до 1917 г. вопрос об отмене налогообложения российский купцов в пользу хивинской казны так и не был решен положительно. В Бухарском эмирате российские власти в лице туркестанской администрации и политического агента в Бухаре также прилагали значительные усилия, направленные на отмену зякета для российского купечества, торгующего в Бухаре. Однако добиться каких-либо определенных успехов в этом вопросе им так и не удалось.

Либеральная позиция России в вопросе реформирования налоговой системы Бухарского эмирата и Хивинского ханства объясняется, на наш взгляд, рядом обстоятельств. С одной стороны, ее кардинальная модернизация означала бы нарушение норм международного права и открытое вмешательство России в дела суверенных государств. Поэтому Россия действовала в этом вопросе взвешенно и крайне осторожно и, пойдя на сохранение главного мусульманского налога — зякета, подчеркивала тем самым формальную независимости Хивы и Бухары от империи. С другой стороны, реформирование налоговой системы этих государств, структурированной в рамках шариата, неизбежно привело бы «к открытому противостоянию с влиятельным мусульманским духовенством и консервативными политическими кругами обоих ханств». Именно поэтому российская администрация отдавала предпочтение в решении проблемы более либеральным методам — дипломатическим переговорам и консультированию властей Бухары и Хивы, что в конечном итоге снижало эффективность предпринимаемых в данном направлении усилий[248].

Не менее значимым моментом фронтирной модернизации стало поэтапное изъятие из обращения хивинских и бухарских денежных знаков и включение этих государств в рублевую зону. Хива и Бухара имели собственные

[246] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 12.

[247] Там же. Л. 12.

[248] Почекаев Р.Ю. Ислам, налоги и империя: налоговый институт зякет в Бухаре и Хиве в эпоху российского протектората // Страны и народы Востока. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. М., 2015. С. 106.

денежные системы и чеканили серебряные монеты под названием кокан или теньга. После завершения присоединения территории Туркестана в состав Российской империи региональные органы власти стали принимать хивинские и бухарские деньги от местного населения для выплаты налогов в пользу российской казны, рассчитывая их по стоимости 20 копеек за штуку. При этом на 1890 г. официальный курс серебряной монеты, в чистом весе содержащегося в нем серебра, составлял для хивинских коканов — 15,04 коп., бухарской теньги — 14,32 коп. серебра[249].

Исходя из этих данных Правительствующий сенат в ноябре 1890 г. постановил принимать «туземные деньги» на территории Туркестанского генерал-губернаторства до мая 1892 г. из расчета 1 кокан (теньга) за 20 копеек, в период до 1 мая 1893 г. начать принимать среднеазиатскую монету из расчета 15 копеек за монету, до 1 мая 1894 г. — 12 коп., до 1 мая 1895 г. — 10 копеек за монету. С 1 мая 1895 г. необходимо было полностью прекратить прием коканов и теньга в кассы Министерства финансов Российской империи[250].

Последовавшее в 1892–1893 гг. падение мировых цен на серебро вынудило российское правительство запретить ввоз в империю с 1 сентября 1893 г. «всякой иностранной серебряной монеты», исключение было сделано для китайского ямба и хивинского кокана. Кроме этого, хивинский хан продолжал выплачивать контрибуцию, возложенную на него российско-хивинским договором 1873 г. собственной монетой, равной 20 копейкам серебра за штуку. Последняя выплата по контрибуции была проведена ханом в 1900 г. и составила 55670 руб., после чего чеканка хивинской монеты была прекращена[251].

Бухарскому эмиру, в связи с колебанием курса серебра на мировых рынках, российское правительство в 1893 г. предложило прекратить чеканить собственную серебряную монету — теньгу. Кроме этого, эмиру было рекомендовано в связи с подготовкой вхождения государства в российскую таможенную зону прекратить ввоз на территории эмирата иностранной серебряной монеты. Соответствующий указ эмир издал в августе 1893 г.[252] В руках эмира оставалось право чеканить золотую и медную монеты со своим именем, что, по мнению российского правительства, подтверждало статус эмира как автономного правителя и не наносило вред престижу его власти.

Окончательное прекращение чеканки серебряной монеты в Хиве и Бухаре рассматривалось российским правительством как важный и первый шаг на пути к переходу от действующей там монетной системы к русско-денежному обращению[253]. Однако в 1901 г. чеканка теньги по соглашению между

[249] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1 Д. 33. Л. 79.
[250] Там же. Л. 79об.
[251] Там же. Л. 80.
[252] Там же. Л. 80об.
[253] Там же. Л. 84.

бухарским и царским правительством была возобновлена. Эмир передавал в русское казначейство весь запас теньги и всю монету, которая будет отчеканена, из расчета по установленному курсу: 1 теньга = 15 копеек. Чеканка теньги продолжалась недолго и была прекращена в 1904–1905 гг.

В связи с увеличением числа русских торговцев на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства появилась необходимость в урегулировании возникающих между ними и коренным населением судебных вопросов. Поскольку российские подданные по российско-бухарским соглашениям были изъяты из сферы действия местной юриспруденции, то российский политический агент в Бухаре с 1888 г. наделялся правом производить следствие и разрешать судебные дела, возникавшие как между русскими, с одной стороны, так и между бухарцами — с другой. В ряде случаев он вместе с русскими мировыми судьями, действовавшими на территории русских поселений в Бухарском эмирате, имел возможность рассматривать дела, возникавшие между самими бухарцами; эти решения приравнивались к вердиктам шариатских судов. Такая альтернатива местным судам привела к тому, что уже к концу XIX в. бухарцы зачастую отдавали предпочтение русскому правосудию и даже записывались в очередь для того, чтобы их дела были рассмотрены именно русскими представителями[254].

В начале XX в. последовало дальнейшее закрепление российской судебно-правовой системы в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Так, в примечании к ст. 117 Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством от 1906 г. были оговорены правила функционирования «мировых судей в Бухарском ханстве, Самаркандского окружного суда и российского политического агентства в Бухаре по возникающим в пределах Бухарского ханства судебным делам». Согласно примечанию ст. 117 все дела по преступлениям и проступкам, совершаемым в Бухарском эмирате русскими подданными или иностранцами-христианами, все гражданские дела между проживающими в эмирате русскими подданными или иностранцами-христианами, а также те, в которых ответчиками являются проживающие в Бухаре русские подданные или иностранные подданные — христиане, наконец, все возникающие в пределах эмирата гражданские дела между Государственным банком и частными лицами, рассматривались в пределах Туркестанского края и Степных областей подсудности состоящих в Бухарском эмирате мировых судей и Самаркандского окружного суда. Меры к исполнению решений данных судов в пределах Бухарского эмирата принимались по просьбе истцов российским политическим агентством в Бухаре. В тех случаях, когда при-

[254] Лагофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 145–146.

нятые меры были направлены против туземцев и иностранцев-нехристиан, агентство обращалось к эмиру[255].

На мировых судей Бухарского эмирата возлагались обязанности по производству предварительного следствия, как по делам о преступлениях, совершаемых в пределах эмирата русскими подданными или иностранцами-христианами, так и по возникающим в нем делам о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны, а равно и по тем уголовным делам, в которых русские подданные или иностранцы-христиане являлись потерпевшими. Окончательное следствие по данным видам правонарушений передавалось в компетенцию политического агента в Бухаре. Возникающие между пребывающими в Бухарском эмирате русскими подданными или иностранцами-христианами и туземцами или иностранцами-нехристианами гражданские дела, в которых ответчиками являлись одни туземцы или иностранцы-нехристиане, а также дела о преступлениях и проступках туземцев Бухарского эмирата или иностранцев-нехристиан, в которых пострадавшими являлись русские подданные или иностранцы-христиане, подлежали ведению российского политического агента в Бухаре. Последний рассматривал такую категорию дел «сообразно местным законам и обычаям», для чего осуществлял взаимодействие с бухарским эмиром. Эту же категорию дел политический агент мог рассматривать в роли третейского судьи, при условии, что обе стороны, и истец, и ответчик, этого пожелают. Решение третейского судьи не могло быть обжаловано.

С момента подписания российско-хивинского мирного договора Хивинское ханство в судебно-правовом отношении было отнесено к Аму-Дарьинскому отделу Сыр-Дарьинской области, а территория отдела была разделена между двумя мировыми судьями. Административно Аму-Дарьинский отдел был отнесен на основании указа императора Николая II от 2 июня 1898 г. «О расписании окружных судов» к ведению Самаркандского окружного суда[256]. Но даже к 1909 г. круг обязанностей и пределы власти указанных учреждений не были определены. Жалобы и претензии русских подданных на хивинцев, в том числе по уголовным преступлениям, рассматривались хивинскими властями по требованию начальника Аму-Дарьинского отдела на основании местных обычаев и законов. В условиях модернизационных тенденций подобное положение дел не могло устраивать российскую сторону[257].

Поэтому генерал-губернатор Туркестанского края Д.И. Субботич возбудил ходатайство перед Министерством юстиции о введении в Хиве судебных правил, аналогичных действующим в Бухарском эмирате. В мае 1909 г.

[255] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1 Д. 33. Л. 193.
[256] Там же. Л. 192об.
[257] Там же. Л. 194.

Министерство юстиции внесло на рассмотрение в Государственную думу законопроект о русской юрисдикции в Хивинском ханстве, который был утвержден несколько месяцев спустя.

Не менее значимой для фронтирной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства можно считать военную реформу. Она представляла собой попытку создания регулярных «национальных» воинских частей, которые должны были нести службу непосредственно в центральноазиатском регионе. Реформа интересна еще и потому, что коренное население Степного края и Туркестана юридически было освобождено от несения воинской повинности[258].

Создание регулярных национальных частей в Бухаре и Хиве было мотивировано двумя обстоятельствами. Во-первых, молниеносное российское завоевание центральноазиатских государств в 1866–1868 гг. продемонстрировало слабость бухарской и хивинской армий, их неспособность воевать с сильным противником. Во-вторых, правители этих государств целенаправленно интегрировались в военную систему Российской империи. Так, эмир Сайид Абудл-Ахад имел придворный чин генерал-адъютанта, множество имперских наград, звание генерала от кавалерии, был наказным атаманом Терского казачьего войска и одновременно шефом пятого Оренбургского казачьего полка. Генералом по Терскому казачьему войску числился и его сын Сайид Алим-хан. Хивинские ханы, сначала Сайид Мухаммад — Рахим II, затем Сайид Исфендиар II — носили звание генерал-лейтенанта по Оренбургскому казачьему войску[259].

Именно эти обстоятельства вселяли уверенность политическим кругам России о полной лояльности правителей Бухары и Хивы. Практическая реализация военной реформы была связана с созданием отвечающей реалиям и запросам времени бухарской и хивинской армий, их перевооружением и повышением боеспособности. Тот факт, что к началу XX в. из общего числа российских военнослужащих на территории эмирата — около 8000 человек, большая часть принадлежала к казачьему сословию, а также традиционная историческая роль казачьих войск, связанная с охраной азиатских рубежей империи, предопределили тот факт, что в ходе военной реформы в Бухаре и Хиве ставка была сделана на формирование «национальных» подразделений по принципу казачьих бригад.

Начало реформы можно отнести к 1893 г., когда бухарский эмир обратился к России с просьбой направить в эмират офицеров российской армии для инструктажа. С 1895 г. началась реорганизация бухарской армии. В на-

[258] Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4/2. С. 65–73; Почекаев Р.Ю. Казачьи «мотивы» в военном деле Бухары и Хивы под российским протекторатом // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 204–209.

[259] Почекаев Р.Ю. Казачьи «мотивы» в военном деле Бухары и Хивы… С. 206.

чале XX в. она стала состоять из 12 линейных пехотных батальонов — сарбазов, одной гвардейской роты — джиляу, двух крепостных артиллерийских рот и конной милиции. В 1904 г. император Николай II отправил в подарок бухарскому эмиру четыре 2,5-дюймовых горных пушки образца 1883 г. В 1909 г. были присланы еще две горные пушки. Они поступили на вооружение гвардейской конно-горной батареи[260].

Между тем, несмотря на значительные денежные затраты, бухарская армия, по оценкам современников, была крайне слабо подготовлена и не могла действовать в условиях современной войны[261]. Низкий уровень ее боевой подготовки усугублялся и тем, что после русского покорения Центральной Азии бухарские войска больше ни с кем не воевали и не могли, таким образом, приобрести боевой опыт.

В Хивинском ханстве процесс реформировании армии был менее активным. Это объяснялось территориальной замкнутостью ханства, его отдаленностью от границ империи, отсутствием транспортных коммуникаций. В начале XX в. по инициативе генерал-губернатора Туркестанского края А.Б. Вревского и начальника Аму-Дарьинского военного отдела генерал-майора М.Н. Галкина было предложено создать в Хивинском ханстве милицию, вооружив ее российским оружием. Однако реализация проекта осуществлялась крайне медленными темпами и не была завершена к 1917 г.[262] Вопрос о формировании регулярных частей в ханстве на высшем уровне даже не обсуждался.

Поэтапная трансформация Российской империей политико-правовой и социально-экономической систем Бухарского эмирата и Хивинского ханства объективно способствовала формированию рыночного сектора экономики этих государств. Главной задачей модернизации стала необходимость создания хлопковой базы, которая должна была обеспечить сырьем российскую текстильную промышленность. Если в 1885 г. в Ферганской долине только 14 % земледельческих площадей были отданы под разведение хлопка, то в 1915 г. они составляли уже 40 %. Транспортная проблема была решена строительством сети железных дорог. Наибольшее значение имела линия Оренбург — Ташкент, установившая в 1906 г. прямую связь Бухары с Центральной Россией.

Почти все промышленные предприятия на территории Бухарского эмирата — около 52 — принадлежали русским предпринимателям и располагались в неширокой полосе вдоль железной дороги[263]. К началу XX в. русские

---

[260] Холикова Р.Э. Из истории военного дела в Бухарском эмирате // Молодой ученый. 2014. № 9 (68). С. 399–402.

[261] Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб., 1911.

[262] Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. Л., 1968.

[263] Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 273.

капиталовложения в Бухарский эмират достигли крупных объемов — семь отделений русских банков в основном занимались кредитованием расширяющихся производств каракуля и шерсти, а также хлопкосеянья. Значительные капиталовложения были привлечены в начале XX в. для работ по ирригации и орошению наименее развитых и малонаселенных территорий Бухарского эмирата в бассейне реки Кашка-Дарьи[264].

Постепенное включение Бухарского эмирата в систему общероссийского рынка, распространение товарно-денежных отношений, увеличение объемов русско-бухарской торговли, наличие заметного по числу и культурно-бытовому влиянию русского меньшинства на территории самого эмирата, открытие этого владения для русского и европейского влияния, тяга к бытовым достижениям европейской цивилизации и многие другие факторы привели к тому, что уже к концу XIX в. в этом регионе отмечался значительный и стабильный рост потребностей в европейских товарах, в том числе длительного пользования.

В то же время следует отметить, что модернизационное воздействие затрагивало лишь отдельные территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В первую очередь это русские анклавы — города, заселенные преимущественно русскими переселенцами в узкой полосе вдоль железной дороги и лишь отчасти в самой Бухаре. Внутренние районы этих государств, горные бекства, расположенные на востоке эмирата, а также степные и полупустынные окраины Хивы русскому влиянию практически не подвергались. В целом втягивание Бухарского эмирата и Хивинского ханства в сферу культурного и экономического влияния России проходило медленно и крайне неравномерно[265].

В завершение следует отметить, что «терпимая» политика России в отношении центральноазиатского мусульманского анклава и мягкие формы и методы фронтирной модернизации привели к формированию оппозиционно настроенной части российского политического истеблишмента, настаивающей на кардинальном разрешении «бухарского и хивинского вопросов».

---

[264] В начале XX в., помимо отделения Государственного банка, учрежденного в 1892 г., в столице эмирата функционировали 7 отделений частных банков: Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли, Московского учетного, Азовско-Донского коммерческого, Сибирского торгового, Соединенного и Волжско-Камского коммерческого. Некоторые из них имели свои конторы не только в столице, но и в других городах эмирата. Так, Русско-Азиатский банк открыл отделение в г. Карки, Московский учетный банк имел специальное комиссионное бюро в Чарджуе. Некоторое время существовали комиссионерства Соединенного банка в Карши, Азовско-Донского — в Карки. Акционеры этих банков были тесно связаны с иностранным капиталом. Русско-Азиатский, Соединенный, а также Азовско-Донской банки находились в зависимости от французского финансового капитала, а Русский для внешней торговли и Сибирский торговый банки — от немецкого. Подробнее см.: Хотамов Н.Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х годов XX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990. С. 56–62.

[265] Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 2. С. 156–158.

Осенью 1909 г. по инициативе туркестанских властей состоялся ряд совещаний, в ходе которых туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов и поддержавший его самаркандский генерал-губернатор Н.В. Галкин призвали ускорить процесс реформирования Бухарского эмирата и Хивинского ханства с последующей их аннексией. В пользу этого решения приводился ряд аргументов: необходимость защиты «русских интересов» в Хиве и Бухаре, нестабильная религиозная ситуация, связанная с противостоянием суннитов и шиитов, деспотический характер верховной власти и т.д.[266]

В январе 1910 г. обсуждение «бухарского и хивинского вопроса» было перенесено в столицу империи. На Особом совещании при Совете Министров было признано целесообразным присоединение Бухарского эмирата к России, но при условии предварительного проведения целой серии реформ. Предлагалось в ближайшем будущем ввести российскую администрацию и создать систему управления эмирата по российскому образцу; создать российскую модель формирования чиновничества, финансово-налоговую систему с ее разделением на «государственную казну» и «казну эмира»; ликвидировать «игрушечную армию» эмира, усилив взамен гарнизоны российской армии[267]. При этом российское правительство настаивало на том, чтобы реформы проводились от имени бухарского эмира. Для этого по поручению министра иностранных дел С. Д. Сазонова в 1912 г. политический агент в Бухаре Сомов начал переговоры с эмиром. Последнему ценой невероятных усилий удалось убедить эмира и заручиться его поддержкой. Но вплоть до 1917 г. Россия так и не смогла реализовать намеченную программу реформ. Любые более-менее решительные шаги в данном направлении вызывали волну протеста консервативных кругов эмирата, прежде всего мусульманского духовенства. Поэтому Россия действовала крайне осторожно и не стремилась к форсированию событий.

Не менее противоречивыми по содержанию стали попытки урегулирования «хивинского вопроса». Целесообразность аннексии Хивинского ханства была призвана еще в 1910 г. в ходе петербургских совещаний представителей Совета Министров. Однако к разработке конкретного плана реформ в Хиве российское правительство подошло только накануне Первой мировой войны. Инертность властей объяснялась территориальной отдаленностью и замкнутостью ханства, наличием во внутриполитической ситуации сложных межэтнических туркменско-казахско-каракалпакских проблем и сильной антиханско-российской оппозицией.

---

[266] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 320.

[267] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 614. Л. 12–17об.

К 1914 г. программа реформ в Хиве так и не была создана, что во многом определялось позицией МИД и Военного министерства следовать принципу невмешательства в хивинские дела. События 1916 г., связанные с началом массового протестного движения народов Степного края и Туркестана, несколько активизировали действия российского правительства. Летом этого года было принято решение об учреждении в столице ханства должности российского военного комиссара с правами фактического правителя страны. За ханом сохранились лишь внутренние атрибуты власти. Однако и это решение не было воплощено в жизнь. Как и Бухарский эмират, Хивинское ханство сохранило свой автономный статус вплоть до революционных событий 1917 г.

Глава 2
ПРОЦЕССЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

2.1. Просветительское движение и этносоциальные проекты этноэлит Степного края и Туркестана в начале XX в.

Процессы модернизации традиционных обществ центральноазиатского региона России активизировали социальную группу, которую в историографии принято называть традиционалистами. Носителями идеи сохранения незыблемых начал жизни, мусульманской общины, использования «татарской или арабской письменности» выступали, как правило, представители мусульманского духовенства Степного края и Туркестана. Они крайне отрицательно относились к процессу трансформации традиционных институтов и связей общества, подвергали резкой критике наступающую индустриальную цивилизацию, разрушающую мораль, традиционный быт и культуру коренных народов, осуждали способы управления краем, распространение православия и русской культуры, рассматривали русское завоевание как угрозу моральному порядку[268].

Идейные воззрения представителей традиционалистского мышления нашли выражение в произведениях казахских поэтов рубежа XIX–XX вв., объединенных исследователями в так называемое эсхатологическое литературно-философское направление «Зар-Заман» (дословно «Время скорби» по одноименному названию поэмы Ш. Канай-улы). Анализ стихотворных произведений данного поэтического жанра позволяет утверждать, что традиционалисты называли время, в котором они жили, эпохой скорби, критически оценивали отмену института ханской власти, земельные изъятия у кочевников в пользу русских крестьян-переселенцев, развитие товарно-денежных отношений и связанную с ними поляризацию казахского общества[269].

Для поэтических произведений Ш. Канай-улы (1818–1881), Дулата Бабатай (1802–1874), Мурата Монке-улы (1843–1906), Абубакира Кердери-улы (1861–1903) были характерны апокалиптические настроения в оценке будущего казахского народа, предсказывалось грядущее поражение мусульман и торжество «неверных», связанное с оседанием кочевников и порабощением их русскими. Спасение и защиту от наступления православной России

[268] Казиев С.Ш. Национально-политические процессы и межнациональные отношения в Казахстане: 1920–1925 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1999. С. 16.

[269] Бейсембиев К.Б. Идейно-политические течения в Казахстане в конце XIX — начале XX вв. Алма-Ата, 1961. С. 90.

поэты видели в исламе, рассматривая исламские ценности как фундамент традиционной духовной культуры. В то же время недовольство политикой царизма серьезно деформировало коллективное сознание, породив у многих устойчивую тягу к пессимизму и отчаянию. Поэтому для произведений традиционалистов были характерны пропаганда идеи загробного воздаяния, переноса акцента с земной жизни на «вечную», оплакивание земного существования и проклятье его в адрес[270].

Несомненно, произведения поэтов направления «Зар-Зарман» отражали антироссийские настроения определенных групп центральноазиатского общества, недовольных вторжением в их жизнь новых социальных ценностей и установок. Однако, как считает Н.Д. Нуртазина, традиционалисты не смогли понять в полной мере «сущность происходящих перемен и их последствия для казахского народа». В то же время они не призывали к открытой борьбе, считая ее бесполезной и обреченной на поражение, и отрицали возможность компромисса и диалога с враждебной цивилизацией. Идейно они были более близки татарскому кадимизму, сторонники которого выступали за сохранение мусульманской уммы, идеализировали политический строй Бухарского эмирата[271].

Призывы к ретрадиционализации и реисламизации казахского общества не нашли широкой поддержки у населения Степного края. Исследователи связывают данное обстоятельство с «глубокими изменениями в структурах повседневности и в социальных практиках, предопределивших начало вестернизации казахского этноса через приобщение к русской цивилизации»[272]. Поэтому наиболее востребованным оказался реформаторский проект, предложенный центральноазиатскому обществу формирующейся национальной интеллигенцией.

Политическая и социально-экономическая модернизация Степного края и Туркестана на рубеже XIX–XX вв. открывала для традиционных обществ возможности внедрения буржуазных национальных идентичностей в противовес прежним формам самоотождествления — религиозным и трайбалистским. Их носителем выступила новая региональная этноэлита/интеллигенция, которая благодаря успешной интеграции в социокультурное пространство Российской империи была достаточно европеизирована и представляла собой наиболее образованную часть центральноазиатского общества. Именно ее деятельность была объективно направлена на укрепление

[270] Нуртазина Н. Идея Конца Света и образ России в казахской ментальности [Электронный ресурс]. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1353613920

[271] Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). Алматы, 2008. С. 60–64.

[272] Казиев С. Ш., Бурдина Е. Н. Просветительское движение и проекты национального возрождения в Казахстане в конце XIX — XX вв. // Под единым шаныраком : сборник научных статей. Петропавловск, 2015. С. 112–117.

этничности коренных народов, усиление их этносоциальной мобилизации и способствовала росту этнополитических процессов в регионе.

В исторической литературе утвердилось мнение, согласно которому огромное влияние на формирование мировоззрения этноэлит Центральной Азии оказало просветительское направление общественно-политической мысли второй половины XIX в. В Туркестане его идеологом и родоначальником по праву считается Ахмад Дониш (1827–1897), ярчайшими представителями — узбекские просветители-демократы Мукими (1850–1903), Фуркат (1858–1908), Завки (1853–1921), каракалпакский поэт Бердах (1827–1900) и др.

В Степном крае носителями идей просвещения стали Ч.Ч. Валиханов (1835–1865), И. Алтынсарин (1841–1889) и А. Кунанбев (1845–1904). Главным условием прогресса казахского общества они считал просвещение, развитие образования, призывали своих современников к изучению науки, возвышению ее роли и знаний в практической жизни[273].

Ученый-востоковед Ч.Ч. Валиханов являлся сторонником кардинальных социальных реформ, направленных на искоренение устаревших обычаев и предрассудков, засилья мусульманского духовенства в казахской степи. И. Алтынсарин направлял свои просветительские взгляды в практическую плоскость и прилагал значительные усилия по организации системы начального школьного образования среди казахского населения. Несомненной заслугой просветителя в процессах этнической интеграции казахского этноса стало издание им в 1879 г. «Киргизской хрестоматии» для детей, обучающихся в русско-казахских школах, на казахском языке с русским алфавитом[274]. Великий поэт А. Кунанбаев познакомил население степи с произведениями русских классиков, переведя их на казахский язык[275].

С полным основанием можно утверждать, что казахские просветители второй половины XIX — начала XX в. выступали активными реципиентами европейских начал через русскую культуру и признавали утилитарный характер изучения русского языка для казахов. Именно русский язык должен был стать «ключом к осмыслению мира», обретя этот ключ, можно было надеяться на более успешную борьбу «за равноправное положение нашего (казахского. — *авт.*) народа среди великих народов земли»[276]. И как считает большинство исследователей, деятельность казахских просветителей,

---

[273] Бейсенбиев К. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1978. С. 124.

[274] Бейсенбиев К. Очерки истории общественно-политической и философской мысли... С. 140.

[275] Абай. Слова назидания. Алма-Ата, 1983.

[276] Там же. С. 67.

безусловно, заложила основы проевропейского и пророссийского культурного поворота казахского общества[277].

Помимо просветительской идеологии, мировоззрение национальных интеллигенций Степного края и Туркестана формировалось на основе татарского мусульманского реформаторского движения — джадидизма. Таджикский ученый А. Махмадаминов отмечает, что влияние прогрессивных идей И. Гаспринского — идеолога и теоретика джадидизма — наблюдается в творчестве джадидских литераторов Бехбуди, Мунзима, Хамдии Бухорои, Васли, Аджзи, Мирзо Сироджа, Хошима Шоика, Абдурауфа Фитрата, Хамзы Ниязи, Ходжи Муина, Вадуда Махмуди, Хатоии Самарканди, Фахриддина Роджи, Абдукадыра Шакури и др.[278] Религиозные деятели Туркестана вели с ним переписку по целому ряду вопросов реформирования мусульманской общины Туркестана и открытия в Верном отделения общества «Таракион-Ислам» («Прогресс мусульман»).

Представители формирующейся казахской интеллигенции также активно интегрировались в тюркско-мусульманское общероссийское движение, возглавляемое татарскими и башкирскими националами. Они принимали участие во всероссийских мусульманских съездах. В казанской типографии «Каримов, Хусаинов и К°» с 1890 по 1915 г. было издано 117 книг на казахском языке, в том числе работы Ш. Кудайбердиева, А. Байтурсынова, М. Дулатова, И. Алтынсарина[279].

На начальном этапе развития джадидизм представлял собой социально-религиозное движение, направленное на реформирование системы школьного образования мусульман Российской империи с ориентацией на европейские стандарты. Однако в начале XX в. произошла политизация содержания и форм деятельности отдельных представителей. По сути джадидизм предложил интеграцию тюркско-мусульманского общества России, его модернизацию. Ее конечным результатом должно было стать формирование тюркской нации, наподобие современных европейских наций, «объединявшей российских татар, кавказских и центральноазиатских тюрков на ценностях обновленного ислама и культурного национализма»[280]. Пантюркизм, безус-

---

[277] Бейсембиев К.Б. Идейно-политические течения в Казахстане в конце XIX — начале XX вв. Алма-Ата, 1961; Зиманов С.З., Атишев А.А. Политические взгляды Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1965; Галиев В.З. Караванные тропы (из истории общественно-политической жизни XVII–XIX вв.). Алматы, 1994; Галиев В.З. Кнгига, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакыпе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»). Алматы, 2011; Зиманов С.З., Идрисов К.З. Общественно-политические взгляды М. Сералина. Алма-Ата, 1989; Косач Г. «Казахский образованные класс» в Российской империи // Казахстан и Россия: общество и государство. М., 2004. С. 12–77.

[278] Махмадаминов А. Исмоилбеки Гаспарони ва адибони тоджик (Исмаилбек Гаспринский и таджикские литераторы) // Рудаки. 2007. № 16. С.160.

[279] Бейсембиев К.Б. Идейно-политические течения в Казахстане... С. 63.

[280] Косач Г.Г. Джадидизм в Оренбурге: Начало XX столетия // Исмаил Гаспринский и рождение единства российских мусульман : материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. М. ; Н. Новгород, 2011. С. 30.

ловно, следует считать реакцией традиционного мусульманского общества на «политику царизма и позицию значительной части русской элиты, поддерживавшей панславизм» и выступал переходным этапом от религиозных форм этнической идентичности мусульманских народов России к этнонациональному самосознанию[281].

По мнению Н.Д. Нуртазиной, обновленчество было цивилизационной альтернативой ассимиляции и культурной маргинализации мусульманских народов, и в то же время оно не сводилось только к пантюркизму. Она считает, что «джадидизм включил в свое содержание панисламизм и пантюркизм с единственной целью — для координации усилий в борьбе за модернизацию, за новую национально-мусульманскую школу, т.е. за прогрессивные идеалы джадидизма». Кроме того, пантюркизм новых мусульман Туркестана носил оборонительный характер, в нем не было агрессивности и наступательности, ксенофобии и фанатизма.

Как уже указывалось выше, казахская интеллигенция активно интегрировалась в тюркско-мусульманское общероссийское движение. Однако, на наш взгляд, ислам как маркер этносоциальной мобильности казахского общества никогда не играл определяющей роли для казахской интеллигенции. Данная ситуация была связана с тем, что несмотря на влияние региональных исламских центров, процесс исламизации казахского населения не завершился принятием его классических форм[282]. На рубеже XIX–XX вв. в Степном крае сложился собственный вариант регионального (бытового/народного) ислама[283], который характеризовался синкретизмом исламских и языческих культов, господством норм обычного права — адата, отсутствием шариатских судов, сословия ходжа и т.д.[284]

В то же время казахская политическая элита не могла игнорировать проблемы религиозной жизни казахского общества. Например, А. Букейханов полагал, что ислам может выступить силой, способной объединить казахов в их возможности противостоять колониальным властям, выступить мощ-

---

[281] Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и развитие тюркизма. Казань, 1996. С. 42.

[282] Милославский Г.В. Интеграционные процессы в мусульманском мире. М., 1991. С. 24–25.

[283] Под народным, бытовым исламом мы понимаем локальный вариант исламской религиозной традиции, который в процессе формирования аккумулирует многие этнические традиции, архаические (языческие) культы, создает цельную и оригинальную систему, легко приспосабливаемую к природно-климатическим условиям региона. В результате доктринальные, догматические элементы ислама, трансформируясь и приспосабливаясь к местным представлениям и религиозным практикам, буквально вплетаются в ткань традиционного мировоззрения и культурную среду, создавая цельный и нерасчлененный в сознании людей религиозный комплекс.

[284] Путешествие Генриха Мозера // Царская колонизация в Казахстане (по материалам русской периодической печати XIX в.). Алматы, 1995. С. 300; Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии основные факторы и перспективы. М. ; Бишкек, 2005. С. 45.

ным ресурсом этнической консолидации. В периодических изданиях казахской интеллигенции вопросы развития ислама в казахском обществе рассматривались сквозь призму пробуждения национального самосознания. Например, газета «Айкап», издававшаяся в 1910–1915 гг., призывала: «необходимо учиться либо в мусульманской, либо в русской школе», ссылаясь при этом на слова пророка Мухаммада о том, что «получать знания должны все мусульмане, и мужчины, и женщины». Причиной всех экономических и социальных проблем мусульман Востока признавался «недостаток знаний и просвещения, леность, которые оборачиваются против нас (мусульман. — *авт.*). Знаний и просвещения требуют от нас ислам и жизнь»[285].

В программных установках национально-буржуазной партии Алаш, оформившейся в период революционных событий 1917 г., специальный раздел был отведен «духовно-религиозным вопросам». Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что, по представлениям казахских националов, «религия должна быть отделена от государства». Однако при этом светский характер идейных установок лидеров Алаш не помешал им решение «женского вопроса» оставить «на разрешение мусульманского духовного собрания, согласно требованиям Корана и киргизских обычаев». В этом же контексте предлагалось рассмотрение текущих религиозно-духовных вопросов отнести к сфере компетенции мусульманского духовного собрания, которое должно их решать «согласно обычаям киргизского народа и шариата»[286]. В рамках решения «духовно-религиозного вопроса» лидерами алаш-ордынского движения оговаривалось создание для казахов своего мусульманского управления — муфтията. В ведение духовенства предлагалось передать запись актов гражданского состояния как дань традиции. Программой предусматривалось предоставление права казахскому населению принимать решения о количестве мечетей в рамках одной административной единицы[287].

В значительно большей степени влияние на казахскую элиту оказала татарская буржуазно-демократическая мысль и ее центральная идея тюркско-мусульманской автономии всех народов Российской империи как средства защиты «духовного своеобразия территориальными границами»[288]. С.Д. Асфендиаров считал, что в 90-е гг. XIX — в начале XX в. в Степном крае доминировало пантюркистское направление и ощущалось сильное влияние татар-

---

[285] Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. Алматы, 1998. С. 45.

[286] Мартыненко И. Алаш-Орда : сборник документов. Алма-Ата, 1989. С. 89.

[287] Бейсенбиев К.Б. Идейно-политические течения в Казахстане...

[288] Хабижанова Г., Валиханов Э., Кривков А. Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2003. С. 129.

ской буржуазии и духовенства[289]. Не случайно поэтому на начальном этапе освободительного движения в идеологии казахского национализма преобладала тенденция к интеграции в общероссийское тюркско-мусульманское движение. Позднее произошла ее трансформация в идею создания тюркско-мусульманской автономии туркестанских народов России.

Важным посылом этой консолидации стало обращение не столько к исламу, сколько осознание необходимости сохранения существовавшей несколько столетий системы потестарно-родовых отношений, обеспечивавших жизнеспособность казахской общности. В качестве устойчивых маркеров формирования национальной идентичности казахов были выбраны национальная история, как ее основа — хозяйственно-культурный тип казахов — скотоводов-кочевников и казахский литературный язык. Как подчеркивал в связи с этим казахстанский исследователь Е. Сыдыков, «алашское движение не было проникнуто явно выраженным религиозным духом», а «казахская политическая элита не испытывала тяготения к построению чисто исламского государства»[290].

Прогрессивное развитие казахского традиционного общества представлялось казахской интеллектуальной элите в контексте европейских светских идей и ценностей. Показательным в связи с этим является заявление одного из лидеров алаш-ордынского движения А. Букейханова: «Мы — западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток. Наши взоры устремлены на Запад»[291]. Он также отрицал свою принадлежность к исламским и пантюркистским движениям, ближайшими союзниками и партнерами считал русские демократические силы. Представители казахского вестернистски настроенного слоя не мечтали об общетюркской консолидации, не пытались выйти из российского цивилизационного пространства, связывая «будущее своего народа с либерализацией политического строя империи и добиваясь гражданского равноправия казахского населения», прекращения крестьянского переселения, подрывавшего казахское кочевое хозяйство[292].

Можно согласиться с С.Н. Малтусыновым, считающим, что казахское национальное движение, при всей своей разноликости, развивалась как одно из течений российского либерального движения. «Представители национальной элиты... пытались мобилизовать энергию нации на достижение жизнен-

---

[289] Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание в Казахстане в 1916 г. М. ; Алма-Ата, 1936. С. 46.

[290] Сыдыков Е. Проблемы идейной эволюций национально-освободительного движения в Казахстане // Отан тарихы. Отечественная история. 1998. № 2. С. 45–46.

[291] Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. С. 44.

[292] Казиев С.Ш. Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5(31). С. 53.

но важных для последней целей и задач. При этом реализация требований о политических свободах, демократизации политического строя виделась ими на путях мирной эволюции политической системы России в сторону парламентаризма, реформирования монархии, достижения компромисса между либеральной демократией и существующей властью»[293].

Поэтому основной формой этнической мобилизации в деятельности казахской интеллигенции в межреволюционные 1907–1917 гг. стал упор на возрождении интереса к национальной истории, приобщение к печатной культуре, массовая пропаганда либеральных политических идей, главным образом через периодическую печать. Именно эти годы стали периодом формирования национальной периодики. Особой популярностью среди коренного населения Степного края пользовались газеты, издававшиеся на казахском языке: «Айкап» и «Казах»[294].

Представители казахской либеральной интеллигенции понимали, что идеи прав личности и правового государства, всеобщих выборов невозможно в одночасье внедрить в традиционное сознание народных масс. Именно поэтому они считали своим долгом вести просветительскую работу, направленную на повышение правовой сознательности и культуры населения региона. Через национальную прессу они «стремились пробудить у рядового большинства центральноазиатского общества интерес к избирательному праву, к правам личности, правовым нормам организации общественной жизни и т.д.»[295].

Огромное внимание на страницах казахских газет «Казаха», «Айкап» А. Байтурсынов, М. Дулатов, А. Жанталин уделяли раскрытию механизмов функционирования российского парламента, его взаимодействия с правительством, порядка подготовки и принятия законов, своеобразия российского парламентаризма в сравнении с европейскими стандартами демократического устройства государства и общества. Придерживаясь в области политики идеи главенства закона и легитимных методов борьбы, казахская либеральная интеллигенция пыталась «убедить народ в целесообразности использовать избирательную систему в качестве инструмента налаживания диалога с имперской властью для отстаивания прав казахов как полноправных граждан государства». Выборы, по убеждению национальной интеллигенции, должны были способствовать консолидации казахского общества. Через изменение отношения рядовых членов казахского общества к выборам и Государственной думе центральноазиатская этноэлита стремилась решить задачи консолидации коренных народов, роста процессов этнического самосознания[296].

---

[293] Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная Дума России 1906–1917 гг.: социокультурный подход. Алматы, 2006. С. 204.

[294] Журнал «Айкап» издавался М. Сералиным в Троицке с января 1911 по август 1915 г. См.: Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009.

[295] Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане… С. 146.

[296] Там же. С. 146.

Крайне важным для формирования социальной базы национального движения представлялось просвещение национальной историей представителей своего народа. Для более успешной этнической мобилизации казахского населения важна была критика этнического угнетения со стороны господствующей нации. Объектом критики казахских авторов являлась имперская власть в лице отдельных ее представителей, отказывающая казахам в равноправии с русскими крестьянами и казаками, в праве на сохранность их родовых земель. Поэтому огромное значение в своей публицистической и общественно-политической деятельность казахские либералы придавали критике аграрной политики России.

Не менее значимым аспектом деятельности представителей казахского западничества, направленного на этническую мобилизацию коренного населения Степного края, являлась работа с прессой. Они сотрудничали с такими официальными изданиями, как газета «Түркістан уалаятының газеті», выпускавшаяся в виде приложения к официальному печатному органу Туркестанского генерал-губернаторства — «Туркестанским ведомостям», «Дала уалаятының газеті», выпускавшаяся как «Особое прибавление к «Акмолинским областным ведомостям», «Киргизская степная газета», «Семипалатинские областные ведомости», «Семипалатинский листок», в журналах «Русское богатство», «Русская мысль» и «Жизнь», научных сборниках «Известия Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» и «Записки Семипалатинского подотдела Императорского русского географического общества»[297].

В отличие от Степного края в Туркестане джадидизм развивался как религиозно-политическое движение. Во многом данная ситуация объясняется его территориальной отдаленностью от России, более поздним включением в сферу политического влияния империи, исторически более сильным влиянием ислама на коренные народы региона и наличием крупных мусульманских духовно-образовательных центров в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Наряду с татарским реформаторским движением значительное влияние на развитие туркестанского варианта джадидизма оказывало младотурецкое революционное движением и его идеология пантюркизма и панисламизма. По примеру младотурецкой буржуазно-националистической партии «Иттиход ва таракки» («Единение и прогресс») джадиды часто именовали себя младобухарцами (в Бухаре), младохивинцами (в Хиве), младосартами или младомусульманами (в Туркестанском крае).

Особенностью джадидизма в Туркестане, в отличие от Степного края, являлась его более широкая социальная база. Если в Степном крае либеральное

[297] Аккулулы Ж.С. Новые сведения о публицистике Алихана Букейханова // Букейханов А. Полное собрание сочинений / сост. Ж. С. Аккулулы. Астана, 2009. Т. 3. С. 40–56.

движение было представлено в основном интеллигенцией и мелким чиновничеством, то в Туркестане к нему себя относила прогрессивная часть мусульманского духовенства, мударрисы и богословы, интеллигенция, чиновники системы местного самоуправления, учащаяся молодежь, разночинцы (врачи, судьи), деятели культуры и литературы. Однако ядро движения составляла формирующаяся узбекская, таджикская буржуазия, являвшаяся достаточно динамичной и мобильной благодаря развитию в экономике региона рыночного сектора. Более многочисленная и интегрированная в общероссийский рынок, она имела значительные возможности для финансирования проводимых джадидскими кругами мероприятий и инициатив.

Признавая очевидные объективно-позитивные последствия российской колонизации края, представители национальной интеллектуальной элиты Туркестана, тем не менее, прекрасно понимали, что в условиях политической и экономической зависимости, в которой находились туркестанцы, в их общественном сознании будет стремительно расти чувство национальной ущербности и неполноценности, что самым губительным образом может сказаться на темпах и перспективах развития центральноазиатских народов, как современных и самодостаточных наций. Поэтому они высказывались за необходимость ликвидации некоторых традиционных обрядов, стеснительных для нарождающейся буржуазии, за ограниченную реформу ислама и религиозных школ, за приспособление ислама к буржуазному развитию национальных окраин Российской империи и потребностям национальной буржуазии. Они предлагали пересмотреть традиционную общественно-философскую систему с позиций развития культуры, науки и образования, выступили инициаторами создания новометодных школ со звуковой системой обучения и образовательной программой преподавания, в которую были включены светские дисциплины: история, арифметика, география, родной язык и другие предметы.

К. К. Раджабов дает следующую характеристику идейных и политических позиций национальных демократов Туркестана: «...при всей их антиколониалистической настроенности они оставались сторонниками мирных и легальных методов, эволюционного пути развития. Они стремились добиться либерализации управления Туркестаном и участия в нем коренных народов исключительно законными средствами. По сути, избранный национальными демократическими силами путь реформации общества на этом этапе трансформировался в идеологию автономистского движения»[298].

Вехами на пути идейной и организационной консолидации джадистского движения в Туркестане были важные политические события начала XX столе-

[298] Раджабов К.К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918–1924) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ташкент, 2005. С. 36.

тия: Первая российская революция 1905–1907 гг., участие в работе Государственной думы, Первая мировая война и национально-освободительное движение 1916 г. По мнению С. Агзамходжаева, к 1917 г. джадизм уже носил организованный характер, а Ташкент, будучи административным и культурным центром центральноазиатского региона, стал местом локализации реформаторов[299].

Практическая деятельность туркестанских джадидов, безусловно, интегрировала региональные этнические общности. Огромное значение в этом смысле имела просветительская деятельность отдельных представителей джадидиского движения, направленная на формирование сети новометодных школ в Туркестанском крае[300]. В условиях тотального контроля со стороны российской региональной администрации за развитием исламских институтов в данном направлении был, по сути, совершен прорыв: к 1911 г. число школ нового типа достигло как минимум 63-х с численностью обучающихся 4106 детей. Из них в Самаркандской области функционировало пять новометодных мектебов с общим числом учащихся 195 человек, в Семиреченской области в 12 новометодных школах училось 825 человек, а в Ферганской области 30 джадидских школ посещали 1436 детей[301]. По степени концентрации джадидских школ особо выделялся Ташкент, на территории которого локализовалось 15 новометодных школ с 1230 учащимися и 24 учителями[302]. О высокой степи постановки образовательного процесса в новометодных школах Туркестана свидетельствует тот факт, что многие из них получали финансовую помощь от различных региональных благотворительных джадидистских организаций. Некоторые из них — общества «Джамъияти хайрия», «Кумак», «Имдодия», «Тарбияи атфол», «Джамъияти таъмими маорифи Бухоро» регулярно направляли талантливую молодежь — выпускников новометодных школ — на обучение в Германию, Турцию и центральные города России[303].

Мощным толчком к дальнейшему развитию джадидизма в Туркестанском генерал-губернаторстве послужила русская революция 1905–1907 гг. В эти годы была предпринята попытка организационного оформления джадидистских организаций Туркестана в политическую силу[304]. Так, в программной статье Махмудходжи Бехбуди, опубликованной 11 октября 1905 г. в газете «Хуршед», звучал призыв ко всем мусульманам Туркестана объединиться

[299] Агзамхождаев С. История Туркестанской автономии. Ташкент, 2006. С. 40, 63.

[300] Бобровнихов Н.А Русско-туземные училища, мактабы и медресе в Средней Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. №46. С. 80.

[301] Худайкулов А.М. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1995. С. 16.

[302] Гафаров Н. У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2013. С. 31.

[303] Уразбаева Р.Дж. История образования в Каракалпакстане (последняя четверть XIX — начала XX вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ташкент, 2012. С. 20.

[304] Пясковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958. С. 550.

в одну политическую партию и войти в состав «Иттифок ал-муслимин» («Союз мусульман»), образовавшийся в августе 1905 г. по итогам первого Всероссийского съезда мусульман в Нижнем Новгороде. Тогда же в Коканде был создан джадидский кружок «Молодая партия».

В Бухарском эмирате общественно-политическая ситуация, связанная с господством эмирского режима, исключала возможность легальной деятельности джадидов. Поэтому в историографии утвердилось мнение, согласно которому деятельность тайного общества бухарских джадидов «Тарбияи атфол» («Воспитание детей»), возникшее в 1910 г., по своему характеру являлось оппозиционным и было направленно против реакционного, феодально-монархического режима эмира[305]. Согласно архивным данным, оно насчитывало в своих рядах до четырех тысяч человек и выступало за буржуазные преобразования в эмирате[306]. Младобухарцы идеалом считали турецкую форму государственного устройства — республику[307].

Менее радикально настроенная часть джадидов Бухары в марте 1909 г. создала организацию в составе 9 человек «Ширкати Бухорои шариф» («Товарищество священной Бухары»), задачей которого являлось, в основном, создание сети новометодных школ, подготовка и издание учебников для них, приобретение методической литературы. Одним из культурных начинаний бухарских джадидов, стимулировавших рост этнического самосознания узбекского и таджикского народов, стало образование книготоргового товарищества «Баракат» («Процветание») и публичной библиотеки «Маърифат» («Просвещение»), открывшихся в центре Бухары в 1914 г.[308] Собственно сам процесс создания новометодных школ в Бухарском эмирате осуществлялся в условиях сильного противодействия со стороны консервативно настроенного мусульманского духовенства. Поэтому успешную деятельность джадидов в этом направлении (в 1911–1912 учебном году в эмирате насчитывалось 57 новометодных мектебов[309]), безусловно, можно считать достаточно прогрессивной в общественной жизни Бухары[310].

В Хивинском ханстве джадидизм имел более либеральные формы. Деятельность его представителей была связана исключительно с культурно-просветительской работой и потому носила легальный характер. Хан и духовенство, земельные собственники и наместники в первое время относились

[305] Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае. С. 130.

[306] РГВИА. Ф. 400. Оп. 262/912. Д. 133. Л. 7.

[307] Хотамов Н. Бухарские джадиды и основные этапы их деятельности. Душанбе, 2000. С. 55.

[308] Табаров С. Мунзим — руководитель общества джадидов и председатель партии младобухарцев. Душанбе, 2004. С. 59.

[309] Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 гг.). М., 1960. С. 260.

[310] Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Ташкент, 1927. Вып. 16. С. 84.

к нему терпимо. Не случайно среди сторонников джадидизма были крупные и влиятельные сановники, такие как Хусейн-бек и Ислам-ходжа[311]. В открытии в Хивинском ханстве новометодных школ, как и в других регионах Центральной Азии, большую роль сыграли татарские интеллигенты. По некоторым данным, первая школа этого типа в Хиве была основана в 1889 г. татарским предпринимателем из Оренбурга Абдулгани-баем Хусайновым[312]. В 1904 г. первая джадидская школа, основанная местными просветителями, была открыта в Новом Ургенче, а в 1906 г. — в Хиве. Хивинский хан Мухаммад Рахим II (Феруз) поддерживал организацию школьного движения. Активную деятельность по реформе образования проводил главный визирь ханства Ислам-ходжа, известный своими прогрессивными взглядами и поддерживавший, в целом, джадидиское движение в Хиве[313].

Джадиды Туркестана, Бухары и Хивы прилагали значительные усилия по созданию учебников для новометодных школ на таджикском и узбекском языках[314]. В начале XX в. начался процесс формирования новотаджикской литературы, которая поднимала темы Родины, нации, религии, науки и просвещения[315]. В ней появляются ранее не встречавшиеся жанры и формы, заимствованные из европейской культуры — роман, повесть, рассказ, памфлет, свободный стих и др. Не менее значимыми в этносоциальной мобилизации народов Туркестана стали усилия джадидов, связанные со становлением национального театра и письменной национальной драматургии. В 1913 г. была основана первая театральная труппа в Центральной Азии «Турон». У истоков этого движения стоял Махмудходжи Бехбуди, написавший со своими коллегами за 1914–1917 гг. около 20-ти драматических произведений. В издаваемых джадидами газетах и журналах — «Таракки», «Шухрат», «Хуршид», «Садои-Туркистон» (издавались в Ташкенте), «Самарканд», «Ойина» (издавались в Самарканде), «Турон», «Бухорои-Шариф» (издавались в Бухаре), «Садои-Фаргона» (издавалась в Коканде) — затрагивались актуальные вопросы развития центрально-азиатского общества: вопросы реформирования сферы образования, женской эмансипации, языковой культуры, национальной идентичности, регулирования расточительных обычаев и т.д.[316]

---

[311] Гафаров Н. У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2013. С. 30.

[312] Зиманов С. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976. С. 53.

[313] Худайкулов А. М. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1995. С. 17.

[314] Расулов К. История культуры таджикского народа в первой четверти XX века : дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2010. С. 137.

[315] Айни С. Намунаи адабиёти тоджик. М., 1926. С. 529.

[316] Гафаров Н.У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2013. С. 42.

Таким образом, накануне революций 1917 г. традиционным обществам центральноазиатских окраин России был предложен ряд проектов, объективно направленных на этносоциальную мобилизацию и ускорение процессов этнической консолидации[317]. Традиционалистский проект ориентировал коренное население Степного края и Туркестана на ретрадиционализацию и реисламизацию, т.е. сохранение, а в некоторых случаях — возрождение, традиционных институтов и религиозных начал, возрождение этносов региона через обновление социальных и культурных ценностей и норм ислама. Однако, по оценкам исследователей, потенциал модернизации и адаптации в новых исторических реалиях в традиционных обществах Степного края и Туркестана рубежа XIX — начала XX в. превалировал над консервативными тенденциями[318]. Поэтому традиционалистский проект был обречен на неуспех.

Пантюркистский и панисламистский проект был создан поволжскими татарскими джадидами. Он предлагал решение национального вопроса в рамках создания единой тюркско-мусульманской нации нового типа, на основе объединения всех тюркских народов России. На этапе формирования региональных политических элит Степного края и Туркестана и поиска ими идейных основ, теоретические разработки данного проекта оказывали на них определенное воздействие. Свидетельством является активное участие казахской, таджикской, узбекской интеллигенции в общероссийском мусульманском движении, в работе Мусульманской фракции Государственной думы (о чем речь пойдет ниже), в реализации реформы мусульманской школы и т.д. Однако наиболее продвинутые в социальной и культурной модернизации татары не смогли преодолеть недоверия к ним представителей кочевых и оседлых тюркских народов Степного края и Туркестана. В связи с этим стоит подчеркнуть, что татары, проживавшие в Центральной Азии, дистанцировались от мусульманских общин коренных народов региона, имели свои «татарские мечети», недоступные другим этносам. Создание мусульманских просветительских организаций в регионе на рубеже XIX–XX вв. осуществлялось по этническому признаку и не предполагало интернационализации. Огромную работу, начатую И. Алтынсариным, считавшим казахский язык особым языком, отличающимся от татарского языка и чагатайского тюрки, завершил А. Байтурсынов. Это привело к вытеснению чагатайского языка, или «тюрки», являвшегося в определенной степени нормирован-

[317] Казиев С.Ш. Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/2. С. 128–133.

[318] Казиев С.Ш. Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5(31). С. 5–156.

ным и обязательным для многих тюркских народов языком. «Свертывание использования языка тюрки сопровождалось созданием казахского литературного языка и очищением его от арабских и персидских заимствований. Этот шаг означал отказ западнической части казахской элиты от идей пантюркизма и панисламизма». Как считает С.Ш. Казиев, «для казахов, например, куда более значимым являлось взаимодействие с русскими, с которыми налаживались тесные партнерские или конкурентные отношения». Поэтому этноэлиты Степного края и Туркестана присоединили свой голос не к тюрко-мусульманскому объединительному течению, а к российскому общедемократическому движению[319].

Проект национально-территориального автономизма, предложенный региональными этноэлитами, предполагал борьбу за буржуазные права и свободы, решение «национального вопроса». Мусульманские интегралисты из числа казахов брали за образец мусульманские партии и включались в их деятельность, примыкали к российским либеральным партиям. Однако в начале XX в. для реализации этого проекта отсутствовали «необходимые ресурсы». Несмотря на предпринимаемые усилия, направленные на этническую мобилизацию в виде апелляции к национальной истории, создания письменных и современных литературных языков, публицистической и просветительской деятельности, региональные этно-элиты не смогли преодолеть ряд барьеров.

К их числу можно отнести межродовые и межклановые конфликты, которые раздирали этносы, господство традиционных установок, низкий уровень политической культуры. В связи с этим А. Букейханов многократно подчеркивал политическую индифферентность основной массы казахских кочевников: «Широкие массы, как везде, были нейтральны в вопросах политических и обнаружили только некоторый интерес к вопросам религиозным, на которых базируются наши тюркофилы-панисламисты»[320].

Просветительская работа этноэлит действительно привела к созданию казахского письменного языка, узбекского и таджикского литературного языка и адаптированной графики арабской письменности. Их публицистическая активность сопровождалась формированием национальной печати. В то же время уровень грамотности коренных народов Степного края и Туркестана до 1917 г. оставался крайне низким. Все это значительно снижало усилия интеллектуалов в использовании письменности для пропаганды идей этнической консолидации.

---

[319] Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы).

[320] Букейханов А. Киргизы // Формы национального движения в современных государствах / под ред. А.И. Костелянского. СПб., 1910. С. 577–600.

Немаловажным фактором, выступившим препятствием на пути продвижения проекта национально-территориального автономизма, стала незавершенность процесса формирования национальной буржуазии и интеллигенции. Национальная идея продвигалась узким кругом просвещенной интеллигенции, ее численность не была велика. По данным А.С. Елагина, в 1914–1915 гг. насчитывалось около двадцати казахов, «имевших высшее образование, в основном выходцев из зажиточной, феодально-байской верхушки»[321]. Согласно расчетам В.К. Григорьева, высшее и незаконченное высшее образование имели около 120 казахов (в их числе С. Лапин, А. Букейханов, М. Тынышпаев, М. Чокаев, Б. Каратаев). Окончивших же мектебы, училища и учительские семинарии (в их числе А. Байтурсынов, А. Джангильдин, А. Асылбеков, М. Жумабаев, К. Тогусов и другие) было около 700 человек[322]. В результате вплоть до 1917 г. не произошло завершения формирования идеологии национально-освободительного движения коренных народов Степного края и Туркестана и его организационного оформления.

В Туркестане была предпринята попытка формирования в начале XX в. новой этнорегиональной идентичности «туркестани». Ее появление было связано с осознанием того, что этническое и политическое единство жителей Туркестана в условиях русской колонизации является единственным средством народного выживания. Все дореволюционные политические деятели Туркестана отождествляли себя с «туркестанцами». В то же время процесс этнической интеграции в регионе, по мнению ряда исследователей, носил «верхушечный» характер и «...проходил не в среде сельских жителей, а в кругу городской интеллигенции»[323].

Однако в начале XX в. в условиях модернизации традиционных обществ Степного края и Туркестана региональными этноэлитами были предприняты значительные усилия, направленные на усиление процессов этнополитической мобилизации. Практические шаги в данном направлении были связаны с воссозданием или реконструированием интеллектуалами, принадлежащими к региональным этническим группам, традиций, обычаев, символов и особенно языка; их популяризацией и распространением в широких массах во имя обретения особой этнической/национальной идентичности. На этом этапе в групповое сознание коренных народов началось успешное внедрение представления об ущербности, ущемленности, «остаточности» этнообразующих маркеров, связанного с колониальной политикой Россий-

[321] Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны 1918–1920 гг. Алма-Ата, 1966. С. 202.

[322] Григорьев В.К. Противостояние (большевики и непролетарские партии в Казахстане 1917–1920 гг.). Алма-Ата, 1989. С. 48.

[323] Lemercie-Quelquejay Ch. From Tribe to Umma // Central Asian Survey. Vol. 3. 1984. Pp. 15–26.

ской империи в регионе. Итогом стало формирование в этническом самосознании коренных народов комплекса «народа-жертвы».

Однако даже в годы Первой русской революции, парламентского движения в стране и последующий постреволюционный период, вплоть до 1917 г., в деятельности этноэлит Степного края и Туркестана не произошло перехода к следующему этапу этнической мобилизации — политизации этнического/национального наследия. Не произошло трансформации исторического и культурного наследия региональных этнических общностей, их языков в сторону значимого политического ресурса. Во многом это было связано со слабыми по времени и степени воздействия импульсами модернизации на традиционные общества центральноазиатских окраин России, господством традиционного мышления и незавершенностью организационного оформления региональных этноэлит.

2.2. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Интеграция этноэлит Степного края и Туркестана в общероссийское мусульманское движение

Включенность Степного края и Туркестана в политическое пространство Российской империи сделала закономерным участие народов региона во внутриполитических процессах, имевшие место в России в начале XX в. Революционные события 1905–1907 гг., развитие парламентаризма, формирование партийной системы не оставили безучастным население центральноазиатских окраин страны.

Политическая палитра Степного края и Туркестана была достаточно многообразна и представлена филиалами российских партий различного толка. Наиболее активно в годы Первой русской революции позиционировали себя региональные отделения Российской социал-демократической рабочей партии[324]. В Степном крае активно действовал Омский филиал Сибирского социал-демократического союза. В Туркестане большую роль в пропаганде марксизма сыграли созданная в 1904 г. социал-демократическая группа в Асхабаде, а годом спустя — Кызыларватская организация РСДРП[325]. В период

[324] Так, для Степного генерал-губернаторства особое значение имел Сибирский социал-демократический союз, возникший в 1904 г., и его Омский филиал. Под его руководством осуществлялась широкая пропагандистская работа среди рабочих северных и северо-восточных районов края и были созданы социал-демократические организации в Петропавловске, Кокчетаве, Актюбинске, Акмолинске, Семипалатинске. См.: Барабаев М. Распространение идей марксизма-ленинизма в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1965. С. 47–56; Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. С. 55–56; Шафиро Ш. Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане (1905–1907 гг.). Алма-Ата, 1964. С. 34–35.

[325] Деева Е. А. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент, 1975. С. 21; Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. С. 58–89.

Первой русской революции — в феврале 1906 г. — состоялась первая Туркестанская конференция РСДРП, на которой было принято решение о создании «Союза Туркестанских организаций РСДРП». Всего на территории края в период Первой русской революции действовало 15 организаций и 5 кружков РСДРП. В Степном крае в эти годы насчитывалось около 500 социал-демократов[326].

Социальную базу социал-демократического движения в центральноазиатских окраинах, как правило, составляли рабочие железнодорожных линий и депо Оренбургско-Ташкентской и Транссибирской магистралей. Именно в этом секторе экономики края в начале XX в. было сконцентрировано наибольшее количество рабочих. Так, например, в Петропавловской организации РСДРП состояли 147 человек, в Уральской — 150 человек. Кроме этого, социал-демократическими организациями была широко налажена пропагандистская работа среди солдат Туркестанского военного округа. Газеты «Самарканд» и «Русский Туркестан» в этот период превратились фактически в легальные печатные органы социал-демократов.

Исследователи советского периода, детально изучавшие развитие социал-демократии в Туркестане, неоднократно подчеркивали, что местные группы РСДРП вели усиленную пропаганду среди коренных этносов региона. В своих листовках и прокламациях они всегда обращались ко всем национальностям: «Мы будем препятствовать и противодействовать притеснению и русских, и армян, и грузин, и туземцев, и персиян. Всем притесненным без различия национальности и веры мы будем по мере возможности помогать словом и делом». В период работы Первой Туркестанской конференции РСДРП в феврале 1906 г. ее участники призывали усилить пропагандистскую работу среди трудящихся коренных национальностей, подчеркивая, что в условиях Туркестана «национальный вопрос» имеет исключительное значение[327].

Однако следует отметить, что, несмотря на все предпринимаемые усилия в данном направлении, результат работы социал-демократов среди рабочих коренных этносов центральноазиатских окраин оказался минимальным. Как следует из всеподданнейшего отчета военного губернатора Самаркандской области Н.В. Родзянко за 1905 г., коренное население держалось в стороне от революционного движения. Все попытки привлечь их к этому движению «оказались вполне неудачными». Ему вторил военный губернатор Сырдарьинской области И.В. Федотов в 1906 г. — «коренное население совершенно индифферентно к агитации революционеров»[328].

---

[326] Вахабов М. Туркестан в период трех революций. Ташкент, 1957; Пясковский А.В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. М., 1958; Шафиро Ш. Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане (1905–1907 гг.). Алма-Ата, 1964. С. 49–50.

[327] Очерки истории Коммунистической парии Туркестана. Ташкент, 1958. С. 331.

[328] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3450. Л. 12; Д. 3600. Л. 14–15.

В историографии советского периода приводятся единичные факты участия узбеков, таджиков и казахов — рабочих промышленных предприятий — в забастовках и стачках в период Первой русской революции. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами. Во-первых, коренные этносы Степного края и Туркестана даже в начале XX в. были слабо интегрированы в процесс экономической модернизации, демонстрируя крайне низкие темпы социальной мобильности и отдавая предпочтение традиционной системе социально-хозяйственных связей и ценностей. В системе разделения труда доля рабочих кадров от общей численности коренных народов региона была незначительной. Во-вторых, в сознании тех из них, кто был занят в промышленном производстве, господствовали традиционные этнорелигиозные установки. В-третьих, препятствием на пути широкого внедрения идей социал-демократии в сознание коренных этносов препятствовал языковой барьер (приложение 1, таблица 1; приложение 2, карты 8, 9). Русский язык был крайне слабо распространен и еще не выступал в роли языка модернизации, языка межнационального общения. Поэтому с полным основанием можно говорить о слабом политическом влиянии идей социал-демократии на народы центральноазиатских окраин России.

Наряду с социал-демократизмом в Степном крае и Туркестане в начале XX в. появились партийные ячейки социалистов-революционеров. В связи с отсутствием в регионе помещичьего землевладения и, как результат, слабой восприимчивости крестьянских масс к эсеровским идеям «социализации земли», сферой деятельности представителей этой немарксистской социалистической партии в Степных областях стали в основном городские слои населения, в частности, демократическая интеллигенция, учащаяся молодежь, некоторые слои рабочих и т.п. В русле эсеровских идей о буржуазных преобразованиях в аграрном секторе экономики широкую поддержку казахского населения они могли бы получить, акцентируя внимание на проблеме крестьянского переселения в Степной край и землеустройстве кочевников. Однако эсеры никогда не рассматривали коренное население центральноазиатских окраин России как сферу своего партийного влияния, считая его «политически незрелым».

События Первой русской революции активизировали деятельность эсеров Степном крае. Так, осенью 1905 г. их первая партийная группа была зафиксирована в Омске. В ходе революции она трансформировалась в комитет, который стал насчитывать в своих рядах около 100 человек. Небольшие организации партии эсеров в 1905–1907 гг. функци-онировали в городах северного и северо-восточного регионов Степного края, территориально тяготевших к Омску — Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Петропавловске, Павлодаре. Их численности не превышала 40 человек[329].

[329] ЦГА РК. Ф. 726. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–6.

Основными направлениями деятельности эсеров в Степном крае стал выпуск нелегальных изданий, организация выступлений рабочих, поддержка кампании по бойкоту Первой Государственной думы. Однако их роль в политической жизни региона оставалась слабой. По сведениям Департамента полиции МВД в период 1907–1911 гг. с небольшими перерывами их работа проявляла себя только в Омске. Ликвидация омской группы партии социалистов-революционеров в марте-апреле 1911 г. привела к тому, что местные социалисты-революционеры практически свернули свою деятельность в Степном крае[330].

Либерально-оппозиционное движение в Степном крае и Туркестане было представлено двумя политическими силами: отделами партии «Союз 17 октября» и конституционными демократами. Однако отдел партии «Союз 17 октября» не смог консолидироваться и организационно оформиться даже в период революционного подъема 1905–1907 гг. Это объяснялось отсутствием в регионе широкой социальной базы для буржуазного движения: только начавшаяся экономическая модернизация сопровождалась периодом «первоначального накопления». Поэтому местная буржуазия, в том числе национальная, не была консолидирована и крайне индифферентно относилась к участию в социально-политическом движении. Не имея сформированного электората, октябристы не сумели добиться сколько-нибудь существенных успехов в период избирательных кампаний в Государственную думу первого и второго созывов. В последующие год члены этой партий в Степных областях фактически ни в чем себя не проявляли[331].

В 1906 г. на базе Всероссийского союза инженеров и техников (Ташкент), Союза строителей (Самарканд), Союза интеллигентных людей (Коканд, Андижан) была сформирована кадетская партия в Туркестане[332]. Конституционные демократы в Степном крае сделали ставку на буржуазную интеллигенцию, чиновников и торговых служащих. Это позволило им привлечь на свою сторону значительные силы и создать в период Первой русской революции ряд отделов партии в крупных промышленных центрах края — Омске, Семипалатинске, Петропавловске, Усть-Каменогорске. Местные кадеты, следуя общепартийной платформе, выступали за поэтапную трансформацию политической и экономической системы в государстве на основе синтеза буржуазных идей и некоторых атрибутов феодальной эпохи. Конечным итогом эволюционного реформирования, по их мнению, должна была стать конституционная монархия. В 1906–1907 гг. кадеты Степного края развернули широкую пропагандистскую кампанию по разъяснению программных уста-

[330] Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 2007. С. 29.

[331] Там же.

[332] Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008. С. 46.

новок своей партии, принимали активное участие в думских избирательных кампаниях. Активная социально-политическая позиция местных ячеек партии, актуальные и доступные для восприятия лозунги сделали ее очень популярной среди значительной части населения Степного края.

Не случайно поэтому к кадетам примкнули представители казахской национальной интеллигенции и туркестанские джадиды, считавшие программу этой партии наиболее приемлемой для эволюционного пути развития центральноазиатского общества. Возможность демократизации общественно-политической жизни России джадиды напрямую связывали с установлением конституционно-монархического правления[333]. По мнению ряда зарубежных исследователей, защита российскими и туркестанскими джадидами конституционной монархии как наиболее приемлемой для мусульман формы государственного устройства является неслучайной и имеет свои как объективные, так и субъективные предпосылки. Так, Д. Ташкулов считает, во-первых, конституционная монархия в начале XX в. была распространенной формой государственного устройства в развитых странах, а во-вторых, конституционно-монархический строй отвечал интересам господствовавших общественных сил и политических элит в крае, которые, понимая невозможность достижения полного суверенитета в тех исторических условиях, выбирали наиболее оптимальный вариант развития[334].

По мнению Т.В. Котюковой, был еще один немаловажный фактор, который нельзя не учитывать. Это менталитет мусульманского населения с его сильным традиционалистским уклоном. Как мы полагаем, именно поэтому мусульманское население России столь активно поддержало идею конституционной монархии, а вместе с ней и программу кадетов. Кроме того, определенную роль сыграл аспект национально-территориального устройства Российской империи, отраженный в политической программе партии. Кадеты выступали за конституционный строй и народное представительство, избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Они ратовали за введение широкого местного самоуправления по всей территории империи, в раздел I программы — «Основные права граждан» (п. 1), говорилось о равенстве всех граждан России, независимо от пола, вероисповедания и национальности, перед законом[335].

---

[333] Алимова Д.А. Джадиды в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент, 2000. С. 18; Эргашев Б. Джадиды: либералы или демократы // Звезда Востока. 1991. № 12. С. 127–131.

[334] Ташкулов Д. Основные направления политико-правовой мысли народов Узбекистана во второй половине XIX — первой четверти XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 1995. С. 141.

[335] Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). С. 88–90.

В декабре 1905 г. в Уральске по инициативе казахской интеллигенции состоялся съезд делегатов пяти областей Степного края, на котором была предпринята попытка создания национальной партии — филиала конституционно-демократической партии России. Делегаты выдвинули программные установки о прекращении крестьянского переселения из центральных районов страны, признании земельного фонда, находящегося в пользовании казахов, их собственностью, государственной поддержке развития национальной школы, культуры и языка. В программном документе съезда, опубликованном на страницах татарского журнала «Ал-гаср ал-джадид», были определены важнейшие задачи, решение которых позволило бы обеспечить будущее казахского народа. Так, в разделе «Народное самоуправление» объявлялось о необходимости отмены Степного положения 1891 г. в отношении института крестьянских начальников и областных управлений и распространении на казахов норм законов о земском самоуправлении (п. 16). Наиболее важными являются положения раздела «Земля», отражающие чаяния простого населения: «В основном законе должно быть написано, что земля и воды киргизского народа навечно принадлежат ему и не являются собственностью никого другого. Упраздняются законы, передающие киргизские земли казне и русским мужикам. Без разрешения самих киргизов русские никогда не могут приобрести их земли. Русские мужики пусть увеличивают свою численность в местах, где они живут»[336].

В феврале 1906 г. в Семипалатинске на втором съезде казахов было инициировано организационное оформление партии Алаш, завершившееся в 1917 г. На съезде к общим положениям программы кадетов также были дополнительно добавлены требования о прекращении переселения в Степной край крестьян, признании всех земель региона собственностью коренного населения, открытии национальных школ, развитии национальной культуры и предоставлении мусульманам края свободы вероисповедания. Вполне очевидно, что в рамках борьбы за демократические свободы, отстаиваемые кадетами, лидеры национальной казахской интеллигенции планировали решать национальные интересы, став общей частью, единого российского либерально-демократического движения[337].

Консервативное направление общественно-политического движения в Степном крае было представлено черносотенными организациями. Наиболее активную роль в их создании сыграло духовенство Омской епархии, возглавляемое епископом Омским и Семипалатинским Гавриилом. По его настоянию священнослужители епархии были обязаны вступать в монархи-

[336] Цит. по: Хабутдинов А.Ю. Туркестанское восстание 1916 г.: пролог конца Российской империи // Ислам в Содружестве Независимых Государств. 2011. No 3(4).

[337] История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 2000. Т. 3. С. 616.

ческую организацию. Организационно черносотенцы оформились в годы Первой русской революции. Так, в Семипалатинске действовало отделение черносотенной «Партии упорядочения произвола», а в Омске в сентябре 1908 г. начал функционировать отдел Русского народного союза имени Архангела Михаила[338].

Идеологической основой местных черносотенных организаций оставалась официальная государственная доктрина, выраженная известной формулой «православие, самодержавие и народность». Данная теория, призванная защитить основы существующего в государстве политического строя, отвергалась возможность широких преобразований и установления конституционного режима в стране. Газета «Голос Сибири», которая являлась печатным органом Омского отдела Союза Михаила Архангела, в 1910 г. в номере от 3 марта категорически заявляла: «Невозможность конституционного строя в России доказывается всем ходом русской истории. Нельзя создать имперский парламент для 250 миллионов и 25 народностей. Разделение власти по самой ее сущности невозможно».

Выступая в защиту частной собственности, в том числе помещичьей, черносотенцы в Степном крае поддерживали политику министра внутренних дел А.П. Столыпина на разрушение общины, считая при этом целесообразной передачу крестьянам в собственность надельной земли, которой они обладали на правах постоянного пользования. Поэтому вполне закономерно, что черносотенцы приветствовали развитие переселенческого движения в Степной край и считали оправданным массовое изъятие земельных ресурсов у казахского населения для регулирования «чересчур широкого землепользования кочевников».

Если исходить из программных установок черносотенных организаций Степного края, то очевидной становится причина их непопулярности среди населения региона, особенно коренного. Не нашли широкой социальной поддержки их идеи и по причине отсутствия в степных областях класса помещиков. Рабочему вопросу они не уделяли большого внимания, находя его для окраин страны неактуальным. Ярко выраженные националистические лозунги черносотенных организаций Степного края отталкивали от них либерально настроенные мелкобуржуазные элементы и представителей национальной интеллигенции.

Параллельно с формированием организаций и групп российских партий в годы Первой русской революции в Степном крае и Туркестане получило развитие рабочее и аграрное движение[339]. Рабочее движение в 1905–1907 гг. характеризовалось массовыми акциями протеста. Стачки и забастовки

[338] Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 2007. С. 31.

[339] История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 616.

проходили фактически на всех крупных промышленных объектах Степного края и Туркестана: на железнодорожных мастерских Закаспийской и Оренбургско-Ташкентской магистралей, Спасском медеплавильном заводе, Карагандинских и Экибастузских угольных копях, крупных нефтяных промыслах на острове Челекен у Красноводска, принадлежавших бакинским нефтяным фирмам «Нобель», «Вишау» и др.[340] Администрациям этих предприятий рабочие, как правило, предъявляли экономические требования, связанные с улучшением условий труда, повышением заработной платы, предоставлением социальных гарантий. Следует отметить участие в рабочем движении представителей коренных этносов. Так, одним из руководителей стачки рабочих в Караганде являлся казах Б. Сыхимбаев, стачки на Надеждинском золотом прииске — Мейерхан Камелев. В состав руководителей экибастузских стачечников входили казахи Чекембай Аульбеков, Темироян Кашкандаев, Сабит Якунов и др.[341]

Наиболее активно в годы Первой русской революции коренное население Степного края и Туркестана включилось в аграрное движение. Причиной его массовости стала аграрная политика государства, связанная с крестьянским переселением и изъятием земли у автохтонного населения[342]. Значительно осложняло ситуацию присутствие в регионе Сибирского и Семиреченского казачьих войск, в безвозмездное пользование которых были переданы огромные земельные массивы[343].

Аграрное движение принимало разнообразные формы. Так, в 1908 г. в циркулярном письме МВД, разосланном военным губернаторам областей Степного генерал-губернаторства, сообщалось о многочисленных случаях межэтнических столкновений между русскими и казахами края, собранными Департаментом полиции. В частности, в письме утверждалось, что «в июне 1901 г. в Темире Уральской области во время ярмарки произошло столкновение казаков с киргизами, которые разгромили торговые ряды и нанесли казакам и торговцам побои. … В июле 1905 г., во время объезда акмолинским военным губернатором области, киргизы одного из аулов Акмолинского уезда отказались заготовить очередную перемену лошадей, а предъявивших им от имени начальства это требование стражников избили и связали, когда же на выручку последним явился урядник с крестьянами, то им было оказано серьезное сопротивление. В июне 1906 г. в Петропавловском уезде той же области произошло кровавое столкновение крестьян с киргизами-скотокра-

[340] Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. С. 53.

[341] Лунин Б.В. У истоков великой дружбы. Ташкент, 1972. С. 208–209.

[342] Тарасова Е.В. Вопрос о нормах киргизского землепользования в политике Российской империи в Степном крае и Туркестане (конец XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №4/2. С. 199–201.

[343] Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана (1861–1917 гг.). Алма-Ата, 1967.

дами. Наконец, в текущем году 27 мая в гор. Тургае во время ярмарки киргизы, вторгнувшись самовольно толпой на огород местной воинской команды, избили караульных, произвели разгром караульного помещения и лесного склада, увезли в степь, истязали и убили учителя Колдырева, а один из буянов позволил себе даже замахнуться дубиной на шедшего во главе команды воинского начальника. 11 же июня в Атбасаре, также во время ярмарки, произошло столкновение киргизов с русскими, сопровождающееся убийством с обеих сторон 3 человек и поранением 34 человек, в том числе двух стражников. Причем, вызванной на место воинской команде потребовалось не менее двух часов на восстановление порядка, оттеснение толпы в степь»[344].

Описанные случаи давали основание центральным органам власти расценивать «настроение киргизского населения» как «враждебное по отношению к русским» и как «происходящее в его среде противоправительственное движение». В то же время подчеркивалось, что «в казахско-русских столкновениях … виноваты … обычно сами новоселы, от которых больше всего и достается киргизам. Все дела подобного рода — чисто экономического характера и ведаются прокурорским надзором; ничего политического в них нет. … Пропаганда об изгнании русских новоселов если и была, то она не заслуживает внимания; Семиреченские киргизы в 800 тысячную массу коих вкраплено уже 200 тысяч русских крестьян и казаков, отлично сознают свое бессилие и едва ли рискнут на какие-либо выступления, сопряженные с крупным воздействием и потерей прав на землю»[345].

Важно подчеркнуть, что протестное движение казахских скотоводов в решении вопросов землепользования не носило исключительно антирусской направленности. Предпринимались попытки объединения усилий двух этносов в решении данной проблемы. Примером может служить обращение казахских крестьян к русским крестьянам-переселенцам — «От киргиз — русским», которое было опубликовано в феврале 1907 г. в газетах «Оренбургский край», «Уральский дневник». В нем подчеркивалась гибельность аграрной политики царизма в Степном крае не только для казахского населения, но и «для всей трудовой России». В обращении содержался призыв консолидировать усилия двух народов для решения проблемы землеустройства в регионе[346].

Помимо межэтнических столкновений, казахские скотоводы активно использовали такие формы протестного движения, как потрава посевов хлеба, сенокосных и пастбищных угодий, угон скота, отказ выполнять гужевую

[344] Опубликовано: Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 гг. : сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957. С. 69–70; История Казахстана (XVIII — начало XX в.) : сборник документов и материалов. Алматы, 2001. Док. № 106. С. 274–275.

[345] РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 929. Л. 11–14об.

[346] История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. 2000. С. 617.

повинность и платить недоимки, избиение представителей администрации. Скотоводы требовали также пересмотра невыгодных условий аренды земли у Сибирского и Семиреченского казачьих войск, а также земель Алтайского горного округа[347]. На волне революционных настроений 1905–1907 гг. среди казахов Степного края зародилась и получила широкий размах так называемая петиционная кампания. В ходе нее кочевники обращались, как правило, в центральные государственные органы — Департаменты и Управления МВД, Министерство земледелия и Государственных имуществ с просьбами-петициями о решении аграрного вопроса и других проблем[348].

Следует отметить, что аграрное движение казахского населения начала XX в. создавало объективные условия для усиления этноконсолидационных процессов. Ярким свидетельством данного тезиса стало проведение в различных областях края в этот период волостных и уездных съездов казахов. Один из них, например, состоялся в июне 1910 г. в Семиреченской области. На съезде было принято решение «1) Всеподданнейше ходатайствовать о земельном устроение киргиз и прекращении дальнейшего заселения (Семиреченской. — *авт.*) области переселенцами; 2) уполномочить окончившего университет Сардыбека Сыртанова организовать для этого депутацию; 3) для приобретения средств на расходы последней обложить денежным взносом волости и произвести сборы в мечетях; 4) представиться этой депутации эмиру Бухарскому, прося его содействия к испрошению аудиенции у государя императора (Николая II. — *авт.*)» [349].

Делегированный казахским населением области С. Сыртанов позднее встречался с «влиятельными туземцами» Туркестана. В ходе этих консультаций были уточнены требования, с которыми казахское население Семиреченской области планировало обратиться к императору: 1) решение вопроса о землеустройстве кочевников; 2) доступность начального школьного образования на родном языке; 3) свобода в вопросах вероисповедания[350].

Напомним, что участие казахского населения в революционных событиях 1905–1907 гг. выразилось и в так называемой петиционной кампании. Наиболее четкие требования казахского населения были изложены в Каркаралинской петиции, составленной на Куяндинской ярмарке 26 июня 1905 г. и подписанной по одним подсчетам исследователей 14,5 тысяч жителей 31 волости Семипалатинской области[351]. Принятие петиции произо-

---

[347] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Межэтнические процессы на Алтае в XVIII — начале XX в. (на примере русского и казахского этносов). Барнаул, 2013.

[348] Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи... Док. № 83, 93.

[349] РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 929. Л. 1–2.

[350] Там же. Л. 1об.

[351] Галиев В.З. Книга, разбудившая народ… С. 178.

шло в ходе митинга, организованного местными чиновниками и православным духовенством во главе с уездным начальником в честь принятия Манифеста. Митинг носил ярко выраженный протестный характер. Выдвинутые манифестантами лозунги «Долой полицию» и «Долой крестьянских начальников» получили бурную поддержку казахов и татар[352]. В Каркаралинской петиции были озвучены следующие требования: 1. Гарантии свободы совести, организация особого для казахов Степного края выборного духовного управления мусульман, установление явочного порядка строительства мечетей и школ, отмена цензуры на религиозные книги на казахском, татарском и арабском языках, прекращение преследований и практики высылок активистов народного движения, арестов библиотек; 2. Допуск преподавания в аульных школах на родном и русском языках; 3. Издание газет на казахском языке без предварительной цензуры; 4. Признание земель, занятых казахами, их собственностью; 5. Введение делопроизводства в волостных органах управления и народных судах на казахском языке; 6. Внедрение института суда присяжных в судопроизводство и требование к судьям знать казахский язык; 7. Ликвидация института крестьянских начальников и урядников[353].

В дополнение к петиции 22 июля было подано прошение от 42 казахских представителей Каркаралинского уезда о предоставлении казахам избирательных прав.

Другой митинг прошел в октябре 1905 г., на этот раз в Казалинске Сырдарьинской области. Здесь политические требования населения в большей степени формировались под влиянием клерикалов. Митингующие обратились с петицией, требуя прекратить преследования религиозных деятелей и групп государственными органами, возвращения судебных полномочий по делам семьи и брачных отношений в шариатские суды. Основной акцент в петиции был сделан на экономических жалобах казахов, требовавших выделения адекватных размеров земельных владений с полным правом собственности глав домохозяйств. Кроме того, подписанты желали сохранения полного доступа казахов к озерам и рекам, ликвидации репрессивных законов о контроле за пастбищами казахского крупного рогатого скота.

В повышении политического сознания населения Степного края и Туркестана и их интеграции в политическую жизнь страны определенную роль сыграли и выборы в Государственную думу. Поскольку Туркестан занимал достаточно специфическую социально-правовую и экономическую нишу,

---

[352] Революционное движение в Казахстане 1905–1907 гг.: сборник документов и материалов. С. 87.

[353] Алаш қоз ғалысы. Движение Алаш : сборник документов и материалов. Астана, 2008. С. 34–36.

правительственные круги признали целесообразным разработать отличный от Общих правил проект о выборах в Государственную думу для него. Последний был принят Особым совещанием и 23 апреля 1906 г. и утвержден Николаем II[354]. Выборы во вторую Государственную думу проводились на основании избирательных законов от 6 августа и 11 декабря 1905 г.[355]

Важной составляющей революционных событий 1905–1907 гг. стало осознание коренным населением центральноазиатских окраин языковой и конфессиональной общности (пантюркизм и панисламизм) с мусульманскими народами Российской империи и его интеграция в общероссийское мусульманское движение. Поэтому мусульманское население центральноазиатских окраин в период Первой русской революции активно включилось в «петиционную кампанию».

В ходе данного движения в 1905–1907 гг. от мусульманских регионов империи: Казанской, Вятской, Уфимской, Пермской, Самарской, Симбирской и Оренбургской губерний в центральные государственные органы власти поступали петиции, в которых содержались просьбы о скорейшем решении вопросов функционирования мусульманских общин. Только в первые месяцы 1905 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД было передано 256 прошений. В социальном плане участниками кампании выступили широкие социальные слои: представители мусульманского духовенства, мусульман-мещан, ясачных крестьян, казаков-казахов и башкир, приписанных к Оренбургскому и Семиреченскому казачьим войскам[356].

На протяжении 1905–1906 гг. прошения об открытии Особого правления духовными делами мусульман региона поступили от 26 волостей Акмолинского уезда, двух волостей Петропавловского уезда, одного уезда Кокчетавской волости Акмолинской области, от нескольких волостей Семипалатинского уезда Семипалатинской области, прошения от казахской и татарской общин городов Верного, Семипалатинска, Петропавловска и Лепсинска[357].

---

[354] Малтусынов С. Н. Аграрный вопрос в Казахстане... С. 162–166.

[355] По итогам выборов в Думу прошило 14 депутатов от Степного края, в том числе от казахского населения — 6: мулла Ш. Кощегулов — от Акмолинской области, бий Х.Т. Нороконев — от Семипалатинской области, адвокат Б. Каратаев — от Уральской области, адвокат А. Беремжанов — от Тургайской области, Т. Аллабергенов — от Семиреченской, инженер путей сообщения М. Тынышпаев — от Семиреченской. От русского населения в Думу было избрано 8 депутатов: военный врач А.К. Виноградов (социал-демократ) — от Акмолинской области, агроном И.Ф. Голованов (социал-демократ) — от Тургайской, ветеринарный врач И.И. Комсодамианский (его гражданская позиция была созвучна с идеями социал-демократов и трудовиков) — от Уральской, юрист Н.Я. Коншин (примыкал к социал-демократам) — от Семипалатинской, сельский врач И.П. Лаптев (член партии демократических реформ) — от Сибирского казачест-ва Акмолинской области, фельдшер Я.И. Егошкин (беспартийный) — от Семиреченского казачества, фабрикант М.А. Гаврилов (примыкал к трудовикам) — от г. Верного.

[356] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 24.

[357] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Л.132.

Петиции поступали в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, Совет министров и Правительствующий сенат. Исследователи отмечают, что ни одна из них не содержала революционных идей, призывавших к свержению или реформированию существующей политической системы в государстве. Напротив, мусульмане всех регионов подчеркивали свою преданность российскому монарху, в верноподданнических тонах благодарили императора за дарованную указами 1903–1905 гг. веротерпимость и свободу вероисповедания[358]. Основной упор в петициях делался на описание накопившихся у мусульман проблем. Завершались петиции конкретными предложениями в деле реформирования и дальнейшей организации повседневной жизни мусульманских общин[359].

Анализ петиций позволяет утверждать, что у мусульманских общин отдельных этнорегионов России имелись общие проблемы, связанные с особенностями их правового положения в этноконфессиональной структуре российского общества. Поэтому в обращениях от мусульман Поволжья, Сибири, Туркестана и Степного края затрагивались одни и те же вопросы, например, о воинской повинности, политике русификации, высказывались идеи о необходимости связать семейное и наследственное право, действующее в Российской империи, с традиционном шариатским правом.

В то же время в петициях мусульманских общин отдельных этнорегионов России четко прослеживаются региональные требования, связанные со своеобразием их правового статуса в общемусульманском законодательстве. Так, для мусульман Казанской, Уфимской, Оренбургской губерний главной была проблема полной свободы вероисповедания, свободы веры. Понималась данная проблема через необходимость изъятия из ведения Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД всех духовных дел мусульман империи (избрание муфтиев, строительство мечетей и молитвенных домов, вопросы мусульманского образования на всех уровнях и т. д.) с последующей их передачей в компетенцию Оренбургского духовного собрания. При этом мусульмане апеллировали к существующим в Российской империи принципам организации жизни православного населения, подчинявшегося исключительно Святейшему Синоду. Кроме этого, мусульманские народы Поволжья и Урала требовали предоставления им права проведения мусульманской пропаганды, которая по Духовному уставу империи была предоставлена только официальной государственной религии — православию. Ряд петиций содержал просьбы «не открывать при медресе русских классов», «вести

[358] Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Нижний Новгород, 2005. С. 37.

[359] Лысенко Ю.А. Причины и формы участия народов центральноазиатских окраин Российской империи в мусульманском движении начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4(92). С. 94–100.

преподавание только на родном языке»[360]. Таким образом, вопрос свободы веры осознавался этой частью мусульман империи через уравнение мусульманской уммы в правовом смысле с положением Русской православной церкви (РПЦ) и православной общины.

Мусульмане центральноазиатских окраин Российской империи свободу вероисповедания рассматривали в иной плоскости. Это было обусловлено тем, что религиозная политика государства исключала возможность создания для них Особого духовного правления, по аналогии с Оренбургским, Таврическим и двумя Закавказским (для суннитов и шиитов) мусульманскими духовными собраниями. В Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве духовно-религиозные вопросы мусульман были переданы в ведение МВД России, текущие вопросы рассматривались в региональных органах власти — областных правлениях. Поэтому центральной проблемой петиций мусульман центральноазиатских окраин являлось обоснование необходимости открытия Особого духовного правления или передачи всех дел, связанных с функционированием мусульманских общин края в ведомство Оренбургского духовного собрания[361]. Таким образом, вопрос свободы веры для них сводился к уравнению в правах с остальными мусульманскими народами России.

В ходе «петиционных кампаний» 1905–1907 гг. обозначилась еще одна важная посылка. Авторы прошений наряду с актуальными вопросами повседневной, религиозной жизни начинали затрагивать и проблемы этнического характера, увязывая их с духовной жизнью. Этномоменты, имевшие место в петициях, часто выражались с помощью исторической памяти либо этноса в целом, либо отдельной его части. Иногда авторы петиций прибегали к кратким историческим экскурсам. Например, в обращении казахов Уральской и Тургайской областей в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД подчеркивалось: «С давних пор, мы, киргизский народ, магометанской веры, в делах религиозных пользовались решением муфтиев и кадиев тех ханств, в соседстве с которыми жили. Так, киргизы, присоединившиеся к Хивинскому ханству, находились под влиянием в религиозном отношении от Хивинских кадиев, между тех как киргизы в пределах Туркестана, Ташкента и Самарканда подчинялись кадиям этих городов…»[362].

Ярким маркером роста этнического самосознания, нашедшим отражение в петициях, безусловно, следует считать элементы противопоставления этноса другим этноконфессиональным региональным группам. Например, в прошении мещан-мусульман Лепсинска Семиреченской области отмечалось:

[360] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 26.

[361] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : сборник документов и извлечений. Док. № 119. С. 341–348.

[362] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 602. Л. 103–105об.

«До настоящего времени мы — мусульмане, и обряды нашей веры находятся в полном подчинении уездной полицейской и областной властей; остальные веры изъяты из полицейского надзора, то в силу дарованных милостей, желательно было бы и нам быть самостоятельными, имея свое высшие духовное лицо, на правах благочинного, определив его резиденцию в областном городе Верном…»[363]

С этой же точки зрения следует рассматривать и ходатайство мусульман Семиреченской области от апреля 1906 г., в котором они настаивали на открытии в Туркестанском крае «Мусульманского духовного собрания с правами мусульманских собраний, существующих в России». При этом была высказана идея о том, что в Туркестанском духовном собрании «от каждой мусульманской общины (нации) должна быть установлена квота по одному члену»[364].

Со стремлением сохранить этничность нужно связывать и ходатайство казахов Степного края об учреждении особого Степного мусульманского духовного правления. В петиции выражена идея «видеть во главе этого управления европейски образованного человека: чтобы муфтий был избираем из киргизов с высшим или средним образованием и даже без высших познаний в мусульманском богословии»[365]. Данный факт, безусловно, свидетельствовал о стремлении казахов противопоставить себя мусульманам другой этнической принадлежности. В постреволюционный период, на волне дальнейшего роста этнического сознания и консолидации казахов, казахская политическая элита учла данное религиозное требование. Оно было трансформировано в идею создания в рамках общероссийского тюркско-мусульманского возрожденческого движения национально-культурной автономии казахов-мусульман Степного края и Туркестана — автономии Алаш.

Религиозное движение мусульман Российской империи в годы первой русской революции активизировало процесс их организационного оформления. В августе 1906 г. сторонники пробуждения национального самосознания мусульманских народов из Поволжья, Закавказья, Степного края и Туркестана провели Первый Всероссийский съезд мусульман, на котором был создан Всероссийский мусульманский союз — Иттифак аль-муслимин, или сокращенно «Иттифак» — «Союз». Его главным требованием стало «уравнение народов России во всех политических, гражданских и религиозных правах»[366]. На съезде также рассматривался широкий круг вопросов политического реформирования страны. Идеалом некоторых лидеров

[363] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Л. 137–137об.

[364] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. С. 306.

[365] Там же. С. 304–305.

[366] Кузеев Р.Г. Национальные движения и федерализм в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 45–58.

мусульманского движения виделась парламентская демократическая республика с культурно-национальной автономией для дисперсных мусульманских групп (поволжских, сибирских татар и др.). Их оппоненты, признавая единство российских мусульман, отстаивали переустройство России на федеративных началах с предоставлением ее народам национально-территориальной автономии[367].

Результатом участия на Первом Всероссийском съезде мусульман 1906 г. представителей Степного края и Туркестана стало принятие решений о реорганизации их духовного управления. В частности, в постановлениях съезда было зафиксировано образование Туркестанского духовного управления во главе с шейхул-исламом. Кроме этого, решением съезда было признано целесообразным разрешить в каждом аульном обществе Степного края строить по одной мечети и медресе. У казахов, «как и у других мусульман, имамы должны обучать детей, при неспособности имамов к учительской деятельности в их приходы должны быть назначаемы особые учителя-мугаллимы»[368].

Важным следствием мусульманских съездов России в революционный период стало идейное оформление джадидизма. Последний ставил своей целью обновление ислама, т.е. осмысление его и толкование философских, правовых норм в соответствии с новой исторической ситуацией, демонстрировавшей все более углубляющийся разрыв в сфере экономической, научно-технической жизни между мусульманскими народами и странами Запада. Джадидизм, таким образом, по мнению Л.Р. Полонской, стал «главной формой выражения политического сознания мусульман», «формой выражения собственного стремления мусульманских народов выжить в условиях общественного развития»[369]. В этой связи среди своих первоочередных и основных целей реформаторы рассматривали просвещение, «приобщение мусульман к современным достижениям европейской мысли»[370].

По оценке исследователей, джадидизм в Степном крае не получил такого развития, как, например, в Туркестане, среди мусульман Поволжья и Крыма, и нашел свое выражение лишь в попытках реформировать начальную мусульманскую школу, внеся в нее элементы европейского образования. Во многом это объяснялось тем, что в Степном крае не сложилось организационных структур, объединявших мусульманское духовенство, к тому же оно было лишено вакуфов, поэтому религиозная жизнь проявлялась поч-

[367] Мажитов С.Ф. Некоторые вопросы национально-освободительного движения в Казахстане. М., 2002. С. 7.

[368] Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. С. 301.

[369] Полонская Л.Р. Ислам на современном Востоке: проблемы, политики, идеологии. М., 1998.

[370] Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. С. 40.

ти исключительно в функционировании мечетей и начальных религиозных школ. Отсутствие образованной мусульманской духовной элиты не привело в Степном крае к формированию широкого народно-освободительного движения религиозного содержания. Свидетельством может выступить тот факт, что в крупном антиколониальном восстании в центральноазиатских окраинах Российской империи, развернувшемся в 1916 г., выступления казахов не приняли религиозную направленность.

Важно подчеркнуть тот факт, что «мусульманское движение» в России в революционный период 1905–1907 гг. и в последующий период не опиралось на авторитет исламского духовенства и исламских духовных властей в лице лидеров Оренбургского, Таврического и закавказских мусульманских духовных собраний. Это заставляет не без основания сомневаться в «смысловой сущности самого названия». Как правило, лидерами этого движения становились представители этноэлит, интегрированные в социально-политические процессы страны, способные адекватно оценивать перспективы модернизации для своих народов и формулировать в соответствии с ними национальные идеи. Поэтому мусульманское движение стало составной частью общественно-политического движения в Российской империи и одновременно составной частью национальных движений, а Мусульманская партия, созданная в 1906 г. в Нижнем Новгороде, выступила в роли механизма решений национальных задач, а для центральноазиатской национальной интеллигенции — возможностью еще раз заявить об этносоциальных проблемах региона.

Таким образом, в условиях политической модернизации Степного края и Туркестана коренное население региона закономерное включалось в общественно-политические процессы и принимало участие в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг. Следует отметить, что территориальная отдаленность региона от политического центра империи, слабые импульсы модернизации, отсутствие ярко выраженной социальной мобильности населения привели к тому, что общественно-политическое движение получило в центральноазиатских окраинах более позднее развитие по сравнению с другими регионами империи. Однако оно развивалось в русле общеимперских тенденций.

Общественно-политическое движение в исследуемом регионе было представлено организациями и филиалами российских партий, выражавших интересы различных социальных групп населения Степного края и Туркестана. Его содержанием стала борьба широких общественных сил за буржуазные преобразования в стране, реформирование политической системы, расширение демократических прав и свобод. Важным фактором политизации и активизации общественного сознания населения региона стали выборы в Государственную думу Российской империи.

Своеобразием общественно-политического движения стало присутствие в нем народно-освободительной борьбы коренных этносов. Ее целью стало решение целого спектра проблем, которые были порождены имперской колониальной политикой. Более позднее включение Туркестана в процессы интеграции в общеимперское пространство и более позднее его открытие для крестьянского переселения, чем Степного края, определили разновекторность развития национально-освободительного движения их народов. Так, в Степном крае роль лидера и защитника интересов казахского населения взяла на себя национальная интеллигенция. Она была интегрирована в общероссийское партийное движение и выступала на платформе партии кадетов. В Туркестане в условиях господства традиционных социальных отношений наибольшее влияние на общественно-политическую жизнь населения региона в начале XX в. продолжал оказывать ислам. Поэтому оформление идеологии национально-освободительного движения здесь осуществлялось на основе идей панисламизма. Его содержанием стало развитие реформаторского движения в исламе — джадидизма.

2.3. Представители Степного края и Туркестана в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия в решении региональных этносоциальных проблем

События 1905–1907 гг. в России продемонстрировали слабые тенденции этноконсолидационных процессов у коренных народов Степного края и Туркестана. В условиях революции и формирования в Российской империи парламентской системы роль защитникам национальных интересов населения центральноазиатских окраин страны взяла на себя региональная этноэлита. Функционирование Государственной думы в историографии отождествляется прежде всего с деятельностью партийных фракций, созданных кадетами, социал-демократами, октябристами, трудовиками и др. В то же время Манифест 17 октября 1905 г., несомненно, придал мощный импульс росту этнического самосознания народов России, созданию национальных общественных и политических организаций, формированию национальных политических элит, а также развитию процессов межэтнического взаимодействия[371]. Сложная этносоциальная и этноконфессиональная стратификация российского общества формировала более многообразную палитру политических сил парламента страны, которые создавались в том числе по национально-территориальному и конфессиональному принципу. Одним из таких

[371] Лысенко Ю. А. Социально-политическое движение в центральноазиатских окраинах Российской империи накануне революций 1917 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 101–108.

формирований стала мусульманская фракция Государственной думы, участники которой объединились на основе религиозной идентичности для защиты интересов и решения проблем населения мусульманских регионов Российской империи: Поволжья, Кавказа, Крыма, Степного края и Туркестана[372].

Как свидетельствуют новейшие исследования, «за весь период существования дореволюционной Думы в нее было избрано 79 депутатов-мусульман: 25 депутатов в Думу 1-го созыва, 37 мусульман — во вторую, 10 — в третью и 7 — в четвертую Думы»[373]. Из общего числа депутатов-мусульман Степной край и Туркестан в Думе первого созыва представляли четыре депутата: А. Биримжанов, А. Кальменов, Ш. Кощегулов, А. Букейханов[374]; во второй Думе — 10 депутатов: Т. Абдухалилов, Т. Аллабергенов, М. Нурбердыханов, М.Т. Тынышпаев, С.А. Мухамеджанов и А. Кариев. Ш. Кощегулов, Т. Нороконев, С. Б. Каратаев, А.К. Беремжанов[375].

Формирование депутатского корпуса Государственной думы третьего и четвертого созывов осуществлялось на основе нового Закона о выборах от 3 июня 1907 г., по которому коренное и европейское население Степного края и Туркестана было лишено избирательного права. В новых политических реалиях защиту интересов региона взяла на себя мусульманская фракция Думы. Ее представители занимали автономную позицию, но принимали достаточно активное участие в работе различных думских комиссий, обсуждавших, в том числе, проблемы функционирования мусульманской общины России. Депутаты Думы прежних созывов от Степного края и Туркестана

[372] По данным Д.М. Усмановой, в Думе представительство от отдельных мусульманских регионов, если соотносить его с данными переписи 1897 г., было явно непропорциональным: Волго-Уральский регион в четырех Думах был представлен всего 40 депутатами, Туркестан и Степной край — 16, Кавказ и Крым — 23 депутатами. По национальной принадлежности депутаты-мусульмане представляли основные этнические группы страны следующим образом: больше всего было татар (25), далее следовали азербайджанцы (11), казахи (9), башкиры (71), лезгины (4), узбеки (3), крымские татары (2), туркмены и чеченцы (по 1). Наконец, этническая принадлежность 4 депутатов-мусульман не выяснена. См.: Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917 гг. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2004. С. 29.

[373] Усманова Д. Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916 гг.). Казань, 2005. С. 146–179.

[374] Русским населением Семипалатинской области в Первую Думу был избран чиновник областного статистического комитета Н.Я. Коншин, примкнувший к кадетам. Выборщики, представлявшие русское население Акмолинской области, избрали депутатом врача, социал-демократа В.И. Ишерского. Интересы Сибирского казачьего войска в Первой Государственной думе защищал И.П. Лаптев, присоединившийся к фракции демократических реформ. Уральскую область представлял редактор газеты «Уралец», юрист по образованию В.В. Недоносков; Тургайскую область — Н.Е. Дыхныч, крестьянин, примкнувший к кадетам.

[375] Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–9017 гг. : Сборник документов и материалов / сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 276–314.

А. Байтурсынов и С.Б. Каратаев оказывали юридическую помощь в законотворческой деятельности фракции[376].

Избранный от Степного края и Туркестана депутатский корпус Государственной думы первого и второго созывов опирался в своей работе на приговоры, наказы и прошения, полученные от избирателей. Приговоры, наказы и прощения стали принципиально новым явлением общественно-политической жизни России начала XX в. С одной стороны, они формировали основы «для диалога между гражданами и высшей властью независимо» и понимание возможности «решения важнейших социальных проблем легитимным, а не насильственным путем»[377]. С другой стороны, способствовали этноинтеграционным процессам, вовлекая население национальных окраин в орбиту политической жизни страны и прививая ему элементы европейской политической культуры.

Составление петиций от коренного населения Степного края и Туркестана инициировалось, как правило, этноэлитой и являлось массовым явлением в период избирательных кампаний. Проведенный С.Н. Малтусыновым контент-анализ данной группы источников позволяет утверждать, что казахское население выражало полное доверие Думе, связывая с ней возможность решения своих социально-экономических проблем. К их числу относилось требование введения в стране всеобщих, прямых выборов на основе тайного голосования, равноправия в области языка, религии и образования, реформирования системы местного самоуправления, учреждения земства в крае. Последнее свидетельствовало о начале формирования идеи автономии, получившей логическое завершение в программных установках партии казахской интеллигенции и мелкой буржуазии Алаш, оформившейся в 1917 г.[378]

Земельный вопрос являлся центральным в наказах и петициях коренного населения центральноазиатских окраин России. Он обсуждался при проведении избирательных собраний, которые, как правило, заканчивались принятием резолюций с требованием приостановить переселение крестьян в Степной край и Туркестан и «отрезку киргизских земель под переселенческие участники до разрешения вопроса в Думе»[379]. Население мусульман города Ташкента в наказе депутату А. Абдукариеву высказало более радикальное требование упразднения в «Туркестанском крае Управления земледелия и государственных имуществ» и возвращения изъятой у «туземцев в городах, степи и кочевые места земли».

---

[376] Аманжолова Д.А. Казахское общество в первой четверти XX века: проблемы этноидентификации [Электронный ресурс]. URL: https://e.mail.ru/messages/inbox/

[377] Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане… С. 185.

[378] Там же. С. 202.

[379] ЦГА РК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

Таким образом, депутаты от Степного края и Туркестана в своей работе наибольшее внимание уделяли земельному вопросу, связывая его, в целом, с судьбой крестьянской общины и проблемой малоземелья в европейской части страны. Они поддерживали аграрную программу думской оппозиции, так называемый «проект — 42-х» депутатов, в котором предлагалось провести принудительное отчуждение помещичьей земли на началах «справедливой оценки» с последующей ее передачей крестьянам. Эти меры были направлены против насильственного разрушения общины и массовой миграции аграрного населения в азиатскую часть империи. В состав созданной 26 марта 1907 г. Аграрной комиссии вошел депутат от Самаркандской области Туркестана Т.А. Абдулхалилов.

Приостановка крестьянского переселения в Степной край и Туркестан давала надежды на прекращение массового изъятия земель у коренного населения и решение вопроса о его землеустройстве. Особого внимания в связи с этим заслуживает речь депутата от Уральской области Б.Б. Каратаева, произнесенная им на заседании второй Государственной думы 16 мая 1907 г. В ней депутат впервые с трибуны Думы высказался о проблеме экспроприации земли у казахского населения в Переселенческий фонд: «В настоящее время никто из депутатов Государственной Думы не спрашивал, да и не справляется о том, имеются ли в данный момент излишние земли среди азиатских областей для переселения крестьян, все ли части Степных областей исследованы в естественно-историческом, хозяйственно-статистическом, почвенном и климатическом отношениях, чтобы сломя голову решиться на переселение туда крестьян? Никто не задавался вопросом о том, не сопряжено ли это переселение с крайним стеснением как самих крестьян, так и киргизов, не сопряжено ли это переселение с разорением и расстройством хозяйств туземных киргизов? Переселение, не согласованное с интересами местного населения, во всяком случае, не может почитаться справедливостью. Оно может почитаться всегда насилием сильного над слабым». Б.Б. Каратаев настаивал на более рациональном и взвешенном решении переселенческого вопроса, предлагая сначала определить колонизационный потенциал региона и провести работу по землеустройству коренного населения, как оседлого, так и кочевого[380].

В период работы второй Думы под давлением депутатского корпуса было созвано Правительственное совещание по вопросу землеустройства казахов-кочевников. В его работе приняли участие депутаты от Степного края Каратаев, Беремжанов, Нороконев, Кощегулов. Однако, несмотря на требования последних немедленно прекратить образование переселенческих

[380] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты, 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 2. С. 673–675.

участков в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях, большинство участников Совещания сочло невозможным как выполнение данного требования, так и закрепление земельных прав кочевников. По решению Совещания землеустройству подлежали лишь хозяйства казахов, перешедших на оседлый образ жизни[381].

Решение переселенческого вопроса на заседаниях третьей Государственной думы (1907–1912 гг.) продолжалось без участия депутатов от Степного края и Туркестана. Думское большинство в этот период стояло на позициях поощрения свободного переселения. Это нашло выражение в создании в ноябре 1907 г. Переселенческой комиссии, ставшей самой многочисленной из всех думских комиссий (66 депутатов) и увеличении расходов бюджета на переселение в 1908–1909 гг. В то же время часть социал-демократической фракции и фракции «Народной свободы» критиковали деятельность Переселенческого управления, подчеркивая необходимость пересмотра его политики в отношении коренного и старожильческого населения Степного края и Туркестана. Трудовики, кадеты и прогрессисты принципиально не оспаривали права государства на земли коренного населения региона. Однако они считали необходимым принятие специального закона, регулирующего отношения между населением и государством в вопросах землепользования[382]. Мусульманская фракция подчеркивала незаконность изъятия земель у оседлого населения региона, апеллируя к ст. 279 Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. и ст. 120 Степного положения 1891 г., согласно которым обрабатываемые коренными оседлым населением земли переходили в их пользование и не могли быть экспроприированы.

Попыткой решения проблемы землеустройства коренного и пришлого населения Степного края и Туркестана следует считать законопроект 60 депутатов «Об учреждении землеустроительных комиссий и земельном устройстве киргиз Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской. Сырдарьинской, Семиреченской и Закаспийской областей», который был внесен на рассмотрение в Государственную думу в июне 1908 г. При областных управлениях предлагалось создание специальных комиссий с обязательным включением в их состав представителей администрации, переселенческого и коренного населения. Однако главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин отверг думское предложение, подчеркивая несвоевременность повсеместного землеустройства кочевников, не перешедших на оседлый образ жизни[383].

---

[381] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199–275.

[382] Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв третий. Сессия I. СПб., 1908. Т. 2. С. 1216–1247.

[383] Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные подходы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). С. 140–145.

Курс на увеличение темпов переселенческого движения в Степной край и Туркестан был продолжен Думой третьего созыва на основании результатов поездки летом 1909 г. депутата Государственной думы, члена аграрной комиссии А.Л. Трегубова в Семиреченскую и Семипалатинскую области. В своем отчете о поездке А.Л. Трегубов связывал переселенческое движение с необходимостью решения задач внутренней и внешнеполитической безопасности России. В первом случае подчеркивалась культуртрегерская роль крестьянства, призванного закрепить позиции православного государства в регионе с преобладанием мусульманского населения. Во втором — с геополитическим фактором, а именно территориальной близостью китайской провинции Синьцзян, населенной «фанатизированным» уйгурским и дунганским населением. Данное обстоятельство рассматривалось как определенный вызов, угроза территориальной целостности Российской империи.

Позиция А.Л. Трегубова подкрепляла мнение чиновников МВД и Главного управления землеустройства и земледелия о необходимости увеличения масштабов переселения крестьянства в Степной край и Туркестан. Для решения проблемы землеустройства переселенцев требовалось принятие закона, регламентирующего процесс конфискации земельных ресурсов у коренного населения региона. Активизация действий в данном направлении стала возможной после отстранения в 1908 г. от власти туркестанского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, его заместителя К.А. Кондратовича, военного губернатора Семиреченской облас-ти М.Е. Ионова и начальника Управления земледелия и государственных имуществ Туркестана В.М. Лазаревского, оказывавших противодействие насильственному изъятию земель у казахского и киргизского населения[384].

В 1910 г. последовало обращение Главного управления землеустройства и земледелия в Государственную думу с ходатайством о внесении поправки к ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем, аналогичной примечанию 1 ст. 120 Положения об управлении Степным краем от 1891 г. В рамках данной поправки предлагалось земли, оказавшиеся, по мнению Главного управления землеустройства и земледелия, «излишними» для кочевого коренного населения, изымать у последнего с последующей передачей в ведение Управления. Данная инициатива обсуждалась в Думе около года, и, наконец, 5 декабря 1910 г. дополнение к статье 270 Положения об управлении Туркестаном, несмотря на некоторое противодействие со стороны Аграрной комиссии и мусульманской фракции, было утверждено.

Депутат мусульманской фракции Думы С.Н. Максудов так оценил данный закон: «Признание киргизских земель государственной собственностью

[384] Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008. С. 117.

я считаю актом глубоко несправедливым. Почему? Потому что земли, занимаемые киргизами, были собственностью киргизских родов... Переселенческое управление предлагает нам разрешить ему приступить к фактическому отбиранию земель... Представители Туркестанской администрации говорят о признании за киргизами только права постоянного пользования, ревизия (К.К Палена. — *авт.*) стояла за необходимость признания права полной собственности... Господа, пора быть осторожней в таких вопросах. Какой смысл имеет из друзей создавать врагов?». С С.Н. Максудовым был солидарен К.Б. Тевкелев, председатель Мусульманской фракции, член Переселенческой комиссии Государственной думы, подчеркивавший, что «в определении так называемых излишков царит полный произвол»[385].

Государственная дума четвертого созыва сохранила преемственность позиций в аграрно-переселенческой политике. Выносимые в период ее деятельности законопроекты, как принятые, так и отклоненные, были направленны исключительно на расширение крестьянского землепользования в Степном крае и Туркестане и создание более благоприятных условий для этого. В целом, Государственная дума третьего и четвертого созывов в решении аграрно-переселенческого вопроса следовала в русле подходов политических и военных верхов России на проблему переселения как важнейшего условия утверждения позиций государства в Степном крае и Туркестане и установления контроля над новыми границами с Китаем, Афганистаном и Ираном[386]. В связи с этим объективно исключалась возможность решения вопроса землеустройства коренного кочевого населения и тем более вопроса прекращения экспроприации у него земельных ресурсов.

Одним из направлений деятельности депутатов Государственной думы стали усилия по ликвидации ограничительных норм российского законодательства, затрагивающих интересы мусульманских регионов империи. Наиболее актуальным в связи с этим являлся вопрос о восстановлении избирательного права, в том числе для коренного и европейского населения Степного края и Туркестана.

Целесообразность снятия ограничений в избирательном законодательстве диктовалась рядом обстоятельств. Во-первых, факт признания на государственном уровне народов центральноазиатских окраин империи «политически незрелыми» вызвал волну протеста со стороны этноэлит и региональной общественности. На страницах местных периодических изданий на протяжении всего периода работы Думы третьего и четвертого созывов неоднократно появлялись публикации, требовавшие решительным образом изменить сложившуюся ситуацию. В отдельных публикациях подчеркивалась

[385] Цит. по: Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России… С. 120.
[386] Там же. С. 131–132.

мысль о том, что исключение населения Степного края и Туркестана от решения общегосударственных проблем противоречит общей логике либерализации российского общества и препятствует его интеграции в социально-политическое пространство государства[387].

Во-вторых, отсутствие в Думе депутатов от Степного края и Туркестана, владеющих достоверной информацией по наиболее злободневным региональным проблемам, значительно сдерживало законодательную инициативу действующего депутатского корпуса, направленную на их решение[388]. Раз в два года выносимые на обсуждение законопроекты «О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства и Степных областей» составлялись, как это ни парадоксально, региональными органами власти. Данная практика выходила за рамки общей логики формирования представительной системы, так как исключала возможность участия населения в их обсуждении и корректировке.

С критикой сложившейся ситуации неоднократно выступали члены Думы. Так, в 1913 г. на слушаниях по законопроекту «О сметах раскладок земских повинностей Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей на 1913–1915 гг.» представитель Финансовой комиссии заявил: «Признавая, что отсутствие в Государственной думе представителей от названных областей лишает законодательные учреждения возможности входить при оценке нужд края в подробности особенностей местной жизни, в устранении чего настоятельно необходимо предоставить населению края права представительства в Государственной думе»[389]. Аналогичная идея была высказана депутатом от Забайкальской области Н. К. Волковым на заседании Думы 16 мая 1916 г. при обсуждении положения о пользовании водами в Туркестане. Он отметил огромное значение Туркестана и подчеркнул необходимость обсуждения закона, который должен поставить на правовые основы водопользование в этом крае, в присутствие депутатов от региона. «И вот нам, — продолжал Волков, — к сожалению, приходится обсуждать его при крайне ненормальных условиях. Мы не слышим здесь голоса представителей этого края, мы не знаем, насколько этот закон соответствует этим местным бытовым, экономическим и иным условиям. …Такое положение едва

[387] Котюкова Т.В.Туркестан и Государственная дума Российской империи. Документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 127–129.

[388] Агзамходжаев С.С. «Туркистон мухторияти»: борьба за свободу и независимость (1917–1918 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1996. С. 64–66; Зурабов А. Вторая Государственная дума (впечатления). СПб., 1908. С. 15; Котюкова Т. «Право», которого не стало: Политическая дискуссия о туркестанском представительстве в Государственной думе // Центральная Азия. Традиция и современность. М., 2011.

[389] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. СПб., 1913. Ч. I. С. 2641.

ли может быть признано терпимым. Я считаю, что оно должно быть изменено. Туркестан, как и другие части империи, должен получить свое представительство в законодательных учреждениях»[390].

В период работы Думы первого и второго созывов лидер партии кадетов П.Н. Милюков обращался к депутатам с кардинальным предложением о введении всеобщего избирательного права. Однако большинство депутатов сочли тогда данное предложение радикальным и несвоевременным. Третья Дума к вопросу об изменении законодательного права не обращалась, поскольку являлась крайне реакционной по своему составу. Ситуация преломилась в период работы Думы четвертого созыва (ноябрь 1912 г. — октябрь 1917 г.), что было связано с политизацией мусульманского общественного движения в масштабах всей империи и в целом ростом мусульманского движения на Востоке. Игнорирование данного вопроса было политически неверным решением.

С инициативой о внесении изменений в избирательное право России выступали различные фракции IV Государственной думы. Так, в январе 1913 г. 24 депутата-трудовика во главе с А.Ф. Керенским и А.В. Чхеидзе внесли законодательное предложение о всеобщем избирательном праве, настаивая на реанимации Закона о выборах 3 июня 1907 г. и возвращении, таким образом, избирательного права Степному краю и Туркестану. В конце февраля этого же года с аналогичным заявлением от имени 32 членов Государственной думы «Об изменении положения о выборах» выступил кадет П.Н. Милюков[391].

Годом позже, в феврале 1914 г., прогрессисты предложили сразу две законодательные инициативы. Первая из них (ее подписали 37 депутатов) — «Об изменении положения о выборах в Государственную думу» — предлагала вернуться к закону выборах в редакции 17 октября 1905 г. и на его основе развивать представительную систему в стране. Вторая инициатива, подписанная 38 депутатами, — «О восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской» — была направлена на решение вопроса о представительстве мусульманских регионов в Государственной думе[392].

Однако все перечисленные выше инициативы, предложенные депутатскими фракциями, были отклонены. Причина данной ситуации видится рядом современных исследователей в незрелости самой представительной

[390] Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия IV. Т. 2. СПб., 1916. С. 1381.

[391] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. Ч. I. С. 1801.

[392] Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв четвертый. Сессия II. 1913–1914. Вып. III. (№ 198–311). СПб., 1914. № 285 (IV) 2.

системы Российской империи, а также в неготовности депутатского корпуса к кардинальному решению вопроса о представительстве в Думе депутатов от мусульманского населения[393]. Факт выдвижения инициатив, направленных на решение проблемы, свидетельствовал о том, что Дума признавала ее наличие. Однако отсутствие практических действий в данном направлении было связано с опасениями депутатов, в случае положительного решения вопроса, формирования региональных политических элит и, как следствие, перераспределения партийных сил в Государственной думе.

Необходимо также понимать, что деятельность Государственной думы контролировалась политическим истеблишментом страны, который в вопросе изменения избирательного законодательства занимал правую позицию. Чиновники МВД, Военного министерства и Генерального штаба под лозунгами неподготовленности населения Степного края и Туркестана «для участия в законодательной работе государства» маскировали стремление избежать любых проявлений национализма и сепаратизма. Последние, по их мнению, были неизбежны в случае подключения региона к политическим процессам, происходящим в стране[394].

В самом регионе — Степном крае и Туркестане за десятилетний период обсуждения в российском парламенте вопроса об изменении закона о выборах так и не произошло консолидации общественно-политических сил для его решения. При этом стоит подчеркнуть, что наиболее активно в дискуссии о региональном представительстве в Думе выступала европейская часть центрально-азиатского общества. Тем не менее все предпринятые попытки восстановления избирательных прав следует рассматривать как важный фактор роста политико-правовой культуры населения Степного края и Туркестана.

Значительное внимание в деятельности депутатов Государственной думы от мусульманских регионов, в том числе от Степного края и Туркестана, уделялось вопросам, связанным с пересмотром ограничительных норм российского законодательства в вопросах вероисповедания. Депутаты выступали с критикой религиозной политики государства в отношении ислама и предлагали реформировать систему управления духовными делами мусульман Российской империи. Ее центральным направлением должно было стать изъятие из ведения Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД всех функций по контролю и координации жизнедеятельности мусульманских общин с последующей их передачей в компетенцию Оренбургского, Таврического и Закавказского мусульманских духовных собраний. Парламентарии также настаивали на снятии законодательных ограничений

[393] Котюкова Т. «Право», которого не стало...

[394] Котюкова Т. В. Туркестан и Государственная дума Российской империи. Документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. С. 127–129.

в вопросах мусульманской религиозной пропаганды и паломничества к святым местам, невмешательстве государства в управление конфессиональной школой, перераспределении государственного бюджета в сторону уравнительного финансирования как православных, так и исламских структур. При этом депутаты апеллировали к существующим в Российской империи принципам и нормам организации жизни православного населения, подчинявшегося исключительно Святейшему Синоду[395]. Таким образом, решение вопроса свободы веры для мусульман виделось в необходимости уравнения мусульманской общины в правовом смысле с положением Русской православной церкви и православной общины. Для мусульман Степного края и Туркестана обосновалась необходимость открытия регионального Особого духовного правления, вопрос свободы веры для них сводился к уравнению в правах с другими мусульманскими народами России[396].

Принципы свободы совести, провозглашенные в Манифесте 17 октября 1905 г., нашли отражение в законодательной инициативе Думы первого созыва «Основные положения законопроекта о свободе совести». Среди подписавших данных законопроект 50 депутатов-кадетов стояла и подпись депутата от Степного края Ш.Г. Сыртланова. В период работы II Государственной думы была создана Вероисповедная комиссия из 33 депутатов, в том числе трех представителей мусульманской фракции: С.Б. Каратаева, С.Н. Максуди, М.Ш. Тукаева. Ею было подготовлено несколько законопроектов, затрагивающих в целом сферу конфессиональных отношений в России, в частности, имевших важное значение для мусульманской уммы. Среди них «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», «Об инославных и иноверных религиозных обществах», «О вызываемых провозглашению 17 октября 1905 г. свободою совести изменениях в области семейственных прав», «Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям». Однако, как отмечает Д.М. Усманова, дальше обсуждения указанных проектов на заседаниях Вероисповедной комиссии дело не продвинулось, что было связано со стремлением правительства составить единый законопроект о свободе совести, регламентирующий все аспекты конфессиональных отношений в стране[397].

Вопрос о создании Особого духовного управления для мусульман Степного края и Туркестана активно лоббировался депутатами от данного регио-

[395] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 26.

[396] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.): сборник документов и извлечений. Док. № 119. С. 341–348.

[397] Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999.

на в процессе подготовки мусульманской фракцией Думы проекта реформы мусульманских духовных учреждений. В целом, разработка проекта осуществлялась на основе постановлений III Всероссийского мусульманского съезда (15 августа 1906 г.), один из которых предполагал учреждение муфтиатов в Степном крае и Туркестане[398].

В период работы Государственной думы третьего созыва было образовано несколько комиссий, занимавшихся подготовкой законопроектов о свободе совести: по делам православной церкви, по старообрядческим вопросам и по вероисповедным делам. Предпринимались попытки и с парламентской трибуны привлечь внимание к проблемам функционирования мусульманской уммы России. Наиболее показательными в этом смысле стали выступления членов мусульманской фракции К.М. Тевкелева весной 1908 г. и С. Максуди — год спустя, в которых ораторы подчеркивали инертность правительства в решении мусульманского вопроса и его нежелание подойти к кардинальному реформированию системы управления мусульманских духовных учреждений[399]. Отсутствие в Думе третьего созыва представителей от Степного края и Туркестана предопределило тот факт, что мусульманский вопрос на ее заседаниях решался в русле проблем мусульман Волго-Уральского региона. Наиболее прорывным в этом смысле оказался, например, принятый Думой в конце октября 1909 г. закон «Об изменениях законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое»[400].

В то же время в период работы Государственной думы третьего созыва бывшие и действующие депутаты мусульманской фракции продолжали работу над завершением законопроекта о реформе мусульманских духовных учреждений. Несомненным фактом интеграции мусульман Степного края и Туркестана в общероссийский мусульманско-политический процесс следует считать появление в проекте пункта о необходимости создания отдельного муфтията для мусульман Степного края и Туркестана[401]. Завершалась работа по подготовке законопроекта в период работы Государственной думы четвертого созыва.

Активизация усилий мусульманской фракции в данном направлении была связана с началом работы в 1914 г. Межведомственного совещания по мусульманским делам при МВД. В ответ на правительственные шаги в июне 1914 г. по инициативе председателя мусульманской фракции Думы К.М. Тевкелева

---

398 Усманова Д. Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916 гг.). С. 384.

399 Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия II. Спб., 1908. Ч. II. С. 2371–2377.

400 Усманова Д. Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916 гг.). С. 379.

401 III Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде. Постановления и резолюции. Казань, 1906. С. 20.

был созван очередной Всероссийский мусульманский съезд. В нем приняли участие 40 человек из числа активистов мусульманского всероссийского движения, в том числе бывшие парламентарии от казахского населения А. Букейханой и С.Б. Каратаев. Главным итогом съезда стало завершение работы по подготовке законопроекта и его утверждение. Состоящий из 11 глав и 120 параграфов законопроект предполагал создание, в том числе на территории Степного края и Туркестана, отдельного административного органа управления делами мусульман данного региона[402]. Однако правительство, как известно, не поддержало данный проект. Работа Межведомственного совещания с привлечением региональных чиновников — генерал-губернаторов и губернаторов областей Степного края и Туркестана и ведущих экспертов-исламоведов, прежде всего А. Рыбакова, завершилась принятием решения о преждевременности создания особого духовного управления для мусульман данного региона и «оставлении системы управления им без изменения».

Не менее важной задачей деятельности депутатов от Степного края и Туркестана в период их работы в Государственной думе стало решение вопросов, связанных с функционированием мусульманской школы. В парламенте России данные вопросы рассматривались в русле общей проблемы унификации системы начального школьного образования в масштабах всех империи с передачей функций контроля и управления как за государственными, так и за конфессиональными школами единому центру — Министерству народного просвещения.

В октябре-декабре 1904 г. по инициативе министра народного просвещения А.С. Будиловича была организована работа специальной комиссии по изучению состояния начального образования у восточных народов России[403]. Результатом стали Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России[404]. Правила завершали многолетнюю межведомственную дискуссию о целесообразности передачи мусульманской школы в ведение Министерства народного просвещения (МНП). Организация общего руководства всеми училищами «инородцев», как казенными, так и частными, теперь изымалась из сферы деятельности Оренбургского мусульманского духовного собрания и возлагалась на инспекторов инородческих училищ и на местные органы Министерства народного просвещения. С целью реализации политики русификации согласно Правилам являлось подтверждение обязательности изучения инородческим населением

[402] Проект Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи. СПб., 1914. 28 с.

[403] Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 278.

[404] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. 33.

русского языка[405]. Частные мусульманские школы могли открывать, согласно п. 36 Правил, с разрешения инспектора народных училищ при условии соблюдения ряда требований. К их числу относились: «удостоверение о том, что содержание училища обеспечено необходимыми для этого средствами, что при нем будет состоять класс русского языка», а заведующий училищем имеет «соответствующую педагогическую подготовку» — «не ниже курса одноклассного училища МНП»[406].

Положения Правил, затрагивающих судьбу мусульманской школы, вызвали волну протеста мусульманской общественности. Поэтому их действие было приостановлено в пределах всей империи[407]. В Думе второго созыва по инициативе мусульманской фракции было внесено законодательное предположение «Об изменениях правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев», подписанное 31 депутатом. Проект опирался на многочисленные приговоры и ходатайства мусульманских обществ, поступавшие в 1905–1906 гг. в правительственные учреждения, а с началом работы парламента и в адрес мусульманской фракции. Как подчеркивает Д. Усманова, «основным их положением была отмена Правил 1906 г. как преследующих цель исключительно распространение среди инородцев русского языка и игнорирующие истинные нужды народа»[408].

В сентябре 1907 г. при МНП собралось новое межведомственное совещание с участием лиц администрации, ведущих педагогов страны, представителей Казанского и Оренбургского учебных округов, Кавказа, Степного края, Туркестана и Восточной Сибири. В конце 1907 г. в «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» были внесены поправки, затрагивающие, главным образом, формат функционирования инородческой мусульманской школы[409]. Прежде всего мусульманская школа вновь выводилась из-под контроля МНП: пп. 9, 32−33, 36 Правил редакции 1906 г., определявшие ведомственную принадлежность мусульманской школы Министерству народного просвещения, были изъяты из новой редакции закона.

На заседаниях Государственной думы третьего и четвертого созывов проблемы народного образования, в том числе мусульманской школы, рассматривались в рамках законопроектов «О введении всеобщего начально-

---

[405] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 238–241об.

[406] Там же. Л. 241об.

[407] Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 3(7). С. 89.

[408] Усманова Д. Мусульманские представители в российском парламенте... С. 409.

[409] Фальборк Г.А., Чарнолуский В. И. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, правила, инструкции. СПб., 1911. Т. IV. С. 500–502.

го обучения в Российской империи», «О начальных училищах», «О высших начальных училищах»[410]. В вопросе о начальной школе для нерусского населения наиболее дискутируемыми были следующие вопросы: о языке преподавания, продолжительности обучения, программе, преподавательском составе, государственных субсидиях и, наконец, народностях, за которыми допускается право преподавания на родном языке, и пр. При обсуждении этих вопросов было высказано много различных мнений, как взаимоисключающих, так и занимающих некое промежуточное положение. Однако все дебаты и столкновения мнений, попытки депутатов найти компромиссное решение и договориться оказались, в конечном счете, бесполезными: из трех указанных выше законопроектов Госсоветом был утвержден только один — «О высших начальных училищах»[411].

Этноэлиты Степного края и Туркестана, в том числе бывшие члены Государственной думы, продолжали пристально следить за деятельностью мусульманской фракции и поддерживать контакты с ее депутатами. В 1916 г. по инициативе лидера фракции К.Б. Тевкелева было принято решение о создании Мусульманского бюро — внедумской политической структуры, призванной консолидировать мусульман империи для решения их общих проблем[412]. В феврале 1916 г. К.Б. Тевкелев лично встречался в Оренбурге с А. Байтурсыновым, приглашая последнего прибыть в Петроград для участия в работе Мусульманского бюро[413]. Немного позднее к А. Байтурсынову присоединился А. Букейханов.

На заседаниях бюро широкому обсуждению были подвергнуты следующие вопросы: 1) общей реформы управления духовными делами русских мусульман; 2) отмены всех ограничений в отношении мусульман; 3) пересмотра законоположений по управлению Туркестанским краем и о расширении прав проживающих там мусульман; 4) освобождения от призыва в войска преподавателей мектебов и медресе; 5) праздничного отдыха торговых служащих мусульман «в смысле предоставления им права производить торговлю в дни христианских праздников»; 6) учреждения особого Казахского муфтията; 7) общего упорядочения земельного дела в местностях, населенных казахами, и, в частности, «о надлежащем обеспечении землею соплеменников их, переходящих от кочевого к оседлому быту, а также о прекращении дальнейшего наплыва переселенцев в Киргизские степи»[414].

---

[410] Бабин В.Г. Национальный вопрос и проблемы образования в Государственной думе России. 1906–1917 гг. Барнаул, 1997.

[411] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д.662. Л. 147–234.

[412] Лысенко Ю.А. Причины и формы участия народов центральноазиатских окраин Российской империи в мусульманском движении начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №. 4/2. С. 94–100.

[413] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 620. Л. 62.

[414] Там же. Л. 38.

Анализ проблем, ставших предметом обсуждения Мусульманского бюро, позволяет утверждать, что представители этноэлит Степного края и Туркестана придавали важное значение парламентскому движению и рассматривали все инициативы мусульманской фракции как важный механизм решения не только узкосоциальных проблем региона, но и как возможность преодоления в целом широкого спектра социально-экономических проблем имперского периода.

В целом, непродолжительное по времени участие представителей Степного края и Туркестана в работе Государственной думы первого и второго созывов свидетельствовало о росте гражданской активности коренного населения региона и его готовности интегрироваться в общероссийский политический процесс. Высокая степень доверия парламенту была опосредована уверенностью в возможности решения региональных этносоциальных проблем легитимным путем, путем конструктивного диалога с властью. Именно поэтому представители Степного края и Туркестана прибегали к публичным выступлениям на заседаниях Думы, принимали участие в законотворческой деятельности отдельных фракций и комиссий, отрабатывали процедурные и организационные вопросы.

После отстранения населения Степного края и Туркестана от участия в парламентском движении страны представители региональной политической элиты и формирующейся интеллигенции продолжали сотрудничество с мусульманской фракцией, кадетами, прогрессистами, социал-демократами и эсерами в Думе третьего и четвертого созывов. Ими был предложен ряд мер, направленных на стабилизацию межэтнической напряженности в регионе, решение аграрного вопроса и землеустройства коренного населения с учетом особенностей его традиционного социально-экономического уклада.

В то же время вполне очевидно, что деятельность депутатов от Степного края и Туркестана, их усилия по взаимодействию с отдельными парламентскими фракциями и группами, направленные на решение региональных этносоциальных проблем, оказались малоэффективными. Подтверждением данного тезиса следует считать принятие правым большинством Думы третьего созыва поправки к Положению об управлении Туркестанским краем, узаконившей процесс массового изъятия земель у коренного населения в Переселенческий фонд, а также нерешенность вопроса о землеустройстве кочевых народов региона. Не удалось депутатам от центральноазиатских окраин устранить ограничительные нормы российского законодательства в области политических и духовно-религиозных прав коренного населения.

С одной стороны, сложившаяся ситуация объясняется незначительным по времени опытом парламентской деятельности депутатов от Степного края

и Туркестана и их отстранением на законодательном уровне от решения региональных проблем. С другой — отсутствием у региональной этноэлиты четкой программы политических и социально-экономических требований, что нашло выражение в определенной отстраненности депутатов от Степного края и Туркестана от обсуждения общегосударственных проблем, слабом взаимодействии с депутатскими фракциями и группами. В период работы в Думе и после него они в большей степени следователи в фарватере политики мусульманской фракции. Используя трибуну парламента для критики отдельных аспектов региональной политики и действий властей, депутаты от Степного края и Туркестана оказались не способными в тот исторический период представить альтернативную правительственному курсу концепцию национальной политики в России.

Сложившиеся к 1916–1917 гг. в Степном крае и Туркестане этнополитическая ситуация и последовавшее народное движение коренных народов региона свидетельствовали о том, что предоставленные депутатам возможности в решении этносоциальных проблем традиционного центральноазиатского общества не были использованы в полном объеме.

2.4. Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания коренных народов центральноазиатских окраин России в 1916 г.

В условиях Первой мировой войны 25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». По плану Генштаба на тыловые работы планировалось мобилизовать около 400 тысяч человек из числа коренного населения Туркестана в возрасте от 19 до 43 лет, Степного края — в возрасте от 19 до 31 года включительно[415].

Следует отметить, что региональные органы власти выступали против принятия данного решения. В частности, исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора Ф.В. Мартсон подчеркивал, что «призыв туземцев в ряды армии даже как временная мера в настоящую войну при религиозном единстве с народностями, настроенными к вам враждебно, может вызвать крупное брожение и создать благоприятную обстановку для выступления Афганистана и Персии»[416].

[415] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. Док. № 1–2. С. 25–26.
[416] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1 Д. 4462. Л. 5.

27 июня 1916 г. последовал циркуляр МВД «О привлечении реквизиционным порядком инородцев к строительным работам в районе действующей армии». При этом никаких правил проведения призыва коренного населения Туркестана и Степного края разработано не было. 4 июля 1916 г. распоряжением Степного генерал-губернатора от призыва на тыловые работы из числа инородцев освобождались утвержденные муллы, учителя и учащиеся средних и высших учебных заведений, волостные управители и аульные старшины, а также мелкие чиновники волостной администрации — служащие, писари, переводчики и др.[417]

В первых числах июля 1916 г. в Ташкенте состоялось совещание при исполняющем обязанности туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофееве с участием губернаторов Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской областей, на котором было принято решение возложить выполнение указа о мобилизации на органы местного самоуправления, т.е. волостную и аульную администрацию. Нельзя не согласиться с связи с этим с А.Ю. Бахтуриной, которая подчеркивала, что «фактически, высшие правительственные чиновники в Туркестане, как и в Петрограде, довольно смутно представляли себе возможные последствия мобилизации, не учтя хозяйственных интересов, быта, нравов и обычаев коренного населения. Все это свидетельствовало о том, что отрыв туркестанской администрации от коренного населения Туркестана был огромным»[418].

Свидетель описываемых событий, один из лидеров казахской либеральной интеллигенции М. Тынышпаев писал: «Никто населению Степного края не сумел вовремя объяснить сущность призыва на тыловые работы». В Туркестане предпринятые некоторыми губернаторами областей поездки по уездам и городам с целью разъяснения сути указа о мобилизации, не дали желаемого эффекта[419]. Кадии и бии, которым было поручено составление списков лиц, подлежащих призыву, начали по-своему толковать императорский указ. В условиях отсутствия у коренного населения метрических свидетельств на практике процедура составления списков мобилизованных породила массовое взяточничество и злоупотребления.

Указ о реквизиции на тыловые работы и последовавшие за ним действия региональной администрации по его реализации привели к началу восстания коренных народов Степного края и Туркестана. Восстание началось 4 июля 1916 г. в г. Ходженте Самаркандской области. Во второй декаде июля восстанием были охвачены вся Фергана, «старый город» Ташкент, прилегающие

---

[417] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Док. № 5. С. 28–29.

[418] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 306

[419] Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы, 1993. С. 41–42.

районы Сыр-Дарьинской области, значительная часть уездов Самаркандской области. В течение второго полугодия 1916 г. движение охватило огромную территорию с многомиллионным населением: современные Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Киргизию и докатилось до Южной Сибири и калмыкских степей. В восстании участвовали все народы региона: таджики, узбеки, туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки и др.[420]

На начальном этапе восстания сопротивление властями принимало достаточно разнообразные формы. Повстанцы поджигали канцелярии и дома волостных управителей, аульных старшин, уничтожали делопроизводство и списки мобилизованных. В некоторых регионах имели место случаи физической расправы над представителями администрации, в том числе аульно-волостной. В Семиреченской области 6 июля 1916 г. состоялось собрание представителей 16 волостей рода албан, на котором было принято решение саботировать призыв на тыловые работы — «людей не давать, с гор не спускаться, в случае насильственных мер со стороны властей предпринять действия по разрушению телеграфа и здания волостной администрации»[421].

7 июля 1916 г. генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухотин доносил министру внутренних дел Б.В. Штюрмеру о том, что обнародование указа о мобилизации вызвало массовый уход казахов, работающих на пароходных предприятиях, обеспечивающих перевозку ополченцев и лошадей, а также занятых пастьбой скота, закупленного для нужд армии[422]. К концу июля 1916 г. региональной администрации стало известно о готовности казахского и киргизского населения Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Ферганской области перейти в пределы Китая, Афганистана и Персии.

Характер межэтнических киргизско-русских столкновений восстание приняло в ряде волостей Пишпекского, Пржевальского и части Джаркентского уездов. Во главе движения здесь стали манапы — влиятельные и зажиточные скотоводы, которые в начале августа 1916 г. подняли на белой кошме и провозгласили ханом Мукуш Шабданова. В загорных волостях (Сусамырской, Джумгальской и др.) манап Канаат Абукин был провозглашен «кочкорским ханом», в Пржевальском уезде племя бугу провозгласило ханом Батырхана Нагиева. Лидеры киргизского народного движения призвали население к газавату: «Не бойтесь умирать здесь, ибо смерть в войне с русскими священна, таких людей ожидает рай!»[423].

В уездах Сыр-Дарьинской области протесты коренного населения приняли особенно острую форму. Восстание здесь началось 11 июля в старом

[420] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1967. Л. 17–24 об.

[421] История Казахстана : в 5 т. Алматы, 2000. Т. 3. С. 643–644.

[422] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Док. № 6–7. С. 29.

[423] Цит. по: Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 319.

Ташкенте, быстро распространилось на большую часть волостей и уездов области и приняло характер вооруженной борьбы. Например, в кишлаке Той-Тюбе «толпа в несколько тысяч человек, вооруженных кто чем мог, включительно до огнестрельного оружия, подступила к дому волостного правителя», который охранялся специальной воинской командой. Несмотря на открытый войсками огонь, восставшие разгромили дом волостного управителя и его канцелярию, убили его и еще нескольких лиц. Воинская команда еле прорвалась через толпу и бежала в Пскент. Прибывший в Той-Тюбе на следующий день с 60 солдатами пскентский участковый пристав доносил, что «считает себя недостаточно обеспеченным вооруженной силой для поддержания в участке при создавшемся положении должного порядка»[424].

Еще более массовым и ожесточенным стало восстание в Самаркандской и Ферганской областях. Здесь восстание приняло религиозную окраску, военные действия повстанцев были направлены не против мобилизации, а против русской власти и русского населения. Повстанцы требовали отсрочить проведение мобилизации на тыловые работы до окончания мусульманского поста — уразы, «за это время детально разработать план призыва рабочих, постепенно подготовить народ»[425]. В Андижане и ряде городов области восстание приняло характер вооруженного столкновения с полицией, приведшего к жертвам как со стороны местной администрации, так и коренных жителей. Что бы прекратить межэтнические столкновения ферганский военный губернатор А.И. Гиппиус отказался выполнять распоряжение командующего Туркестанским военным округом о проведении мобилизации и сделал заявление населению о том, что на тыловые работы будут отправлены исключительно добровольцы[426].

В этих обстоятельствах 12 июля 1916 г. генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухомлинов издал объявление о привлечении к строгой ответственности лиц за агитацию против призыва на тыловые работы, 19 июля 1916 г. — постановление о наказании смертной казнью виновных в вооруженном сопротивлении, 21 июля — запрет на проведение стачек и забастовок и изъятии у коренного населения оружия[427]. В Туркестане вновь назначенный на должность генерал-губернатора в конце июля 1916 г. А.Н. Куропаткин предпринял аналогичные меры. Кроме этого, он отстранил от должности ряд региональных чиновников, оказавшихся, по его мнению, виновными в произошедших событиях, а также предложил план мобилизации. По плану предусматривалось создание ответственных за проведение мобилизации туземных комитетов, за-

[424] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Док. № 205.
[425] Там же. Док. № 96.
[426] Цит. по: Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 293–298.
[427] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Док. № 9, 12, 14.

мена повинности денежным взносом, принималось во внимание семейное положение мобилизуемых[428]. В конце июля последовало распоряжение Николая II о переносе сроков мобилизации коренного населения Степного края и Туркестана на тыловые работы до 15 сентября.

Тем не менее предпринятые администрацией меры не смогли предотвратить рост протестного движения. В некоторых регионах Степного края — Семиречье и Тургае — восстание приняло более организованный характер и переросло в народную войну. Так, в Тургайской области в рядах повстанцев насчитывалось около 50 тысяч человек. В ноябре 1916 г. здесь было избрано несколько ханов и верховный главнокомандующий войск А. Иманов. Им был создан военный совет — кенес, в контролируемых районах отстранена от управления низовая аульно-волостная администрация, власть перешла к повстанцам. С ноября 1916 г. до февраля 1917 г. армия А. Иманова вела партизанскую войну с отрядами Российской армии, направленной на подавление восстания[429].

Несмотря на противодействие со стороны коренного населения Степного края и Туркестана мобилизация была проведена. Из запланированных 220 тысяч коренных жителей Туркестана было мобилизовано 123305 человек. Распределение тыловых рабочих было явно неудовлетворительным. Учет потребности рабочей силы отсутствовал. Отдельные фронты, не надеясь на центральные ведомства, адресовали заявки на рабочих прямо в Ташкент, не согласовывая их с разверстками Военного министерства. Поэтому при распределении тыловиков происходило дробление эшелонов на сотни, десятки и даже отдельные единицы, более чем 100-тысячная масса рабочих-тыловиков Туркестана оказалась рассеянной по огромной территории Российской империи — от «непосредственно ближайшего тыла фронта и кончая глубоким тылом страны (Сибирью и Туркестаном). Всего в Европейской части России работало 101600 мобилизованных из числа коренных жителей Туркестана, на Кавказе — 7405 человек, в Сибири — 4000, в Туркестане — 10304 человека[430].

По данным П.А. Ковалева, на тыловые работы фронтов действующей армии было распределено 33687 коренных жителей Туркестана, на заводские предприятия металлургической, топливной, лесной, текстильной промышлености различных городов России (Петроград, Москва, Рязань, Тула, Орел, Оренбург, Киев, Харьков, Керчь, Мариуполь, Тбилиси, Батум и т.д.) — 17100 человек; на строительство новых железных дорог Центра и окраин России — 28270; на различных общественных предприятиях, заводах — 44248 человек (на лесоразработках Белоруссии и Украины, в помещичьих

[428] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Док. № 20, 28, 30

[429] История Казахстана: в 5 т. Т. 3. С. 647–649.

[430] Ковалев П.А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент, 1957. С. 93.

хозяйствах Кубани, Среднего и Нижнего Поволжья)[431]. Мобилизованные рабочие получали заработную плату по одному рублю в день, которая могла быть повышена «смотря по старанию рабочих»[432].

Восстание было жестоко подавлено властями. По судебным приговорам, утвержденным генерал-губернатором Куропаткиным, в Туркестанском крае на 1 февраля 1917 г. было приговорено к смертной казни 347 (приговор был приведен в исполнение в отношении 52 человек), каторжным работам — 168, тюремному заключению — 129 человек[433]. Определить число погибших из числа коренного населения Туркестана и Степного края не представляется возможным. Источники содержат лишь отрывочные сведения о числе погибших от рук карательных войск, но и их достаточно для того, чтобы представить масштабы их действий. Так, отряд хорунжего Александрова доносил, что за один день, 10 августа 1916 г., им был поголовно уничтожен целый аул. Конвоем в Пишпеке «переколото» 138, в Беловодске — 517 пленных киргизов. По сведениям Семиреченского областного статистического комитета, убыль киргизского населения и потери в их хозяйстве в результате восстания 1916 г. и карательных мер царизма только по Пишпекскому и Пржевальскому уездам выразилась в следующих цифрах: из 62340 киргизских хозяйств осталось 20365[434].

Из числа русских жителей Туркестана 2325 человек были зверски убиты, пропали без вести 1384 человека, из числа военных «убитых, раненых и контуженных при завоевании территории» — около 3700 человек; из русских должностных лиц убито 7 человек. «Разрушено и разорено свыше 9000 хозяйств крестьян-переселенцев, разрушен участок железной дороги, сожжены мосты, сельскохозяйственные школы, уничтожено и пострадало несколько храмов и больниц». По решению генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина у коренного населения Джизакского уезда Самаркандской области «было конфисковано 2000 десятин земли на участках, где была пролита кровь русских людей». В Семиреченской области во избежание межэтнических столкновений между русским и киргизским населением последних было запрещено селить на территории Пржевальского и Джаркентского уездов. Для размещения возвращавшихся из Китая участников восстания, бежавших туда под натиском карательных войск, было принято решение размещать во вновь созданном Нарынском уезде, образованном из части Пржевальского и Джаркентского уездов[435].

---

[431] Ковалев П.А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент, 1957. С. 93–94.

[432] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Док. № 29.

[433] Там же. Док. № 49.

[434] Цит. по: Турсунов Х. Восстание 1916 г в Средней Азии и Казахстане. С. 321.

[435] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Док. № 49.

Среди политических кругов и российской общественности отношение к событиям в центральноазиатских окраинах России было неоднозначным. По инициативе общественного деятеля Туркестана В.А. Чайкина во фракции эсеров Государственной думы четвертого созыва в августе 1916 г. была организована поездка ее членов в Туркестан. В состав комиссии вошли председатель мусульманской фракции Думы К.Б. Тевкелев, представитель фракции трудовиков А.Ф. Керенский. В поездке по региону их сопровождали глава местных джадидских лидеров Ш. Мухамедиаров и М. Чокаев. За период пребывания в Туркестане с 15 августа по 2 сентября 1916 г. депутаты посетили ряд населенных пунктов — Самарканд, Джизак, Андижан и Коканд, где были организованы встречи с европейским и коренным населением, проведены митинги[436].

10 сентября у председателя Думы М.В. Родзянко состоялось частное совещание с участием около 30 депутатов Думы различных фракций. В своем докладе А.Ф. Керенский главную вину за беспорядки возложил на краевую и «туземную» администрации и подчеркнул, что дальнейшее проведение мобилизации в крае грозит полным разрушением экономики его областей, снабжающим армию и страну продовольствием.

События в Степном крае и Туркестане стали предметом особого рассмотрения на пятой сессии Государственной думы четвертого созыва. На двух ее заседаниях 13 и 15 декабря 1916 г. было заслушано пять депутатов, в выступлениях которых ответственность за произошедшее в Степном крае и Туркестане возлагалась на правительство и самодержавие. Депутаты подчеркивали незаконность «Высочайшего повеления», которое было принято без консультации с местными губернаторами, «без учета экономических и бытовых условий» коренного населения. Депутат К. Мансырьев в выступлении сделал упор на произволе местной администрации и центрального ведомства, на неумении ими «правильно» и «грамотно» применить закон «О привлечении инородцев на тыловые работы» и «организовать столь ответственное дело». Но, как подчеркивает Т.В. Котюкова, «депутаты так и не отважились осудить в целом общественно-политический строй, осудить режим национального и социального гнета»[437]. Поэтому, кроме обличительных речей в адрес правительства, в Думе так и не последовало конкретных законодательных инициатив, направленных на решение региональных этносоциальных проблем Степного края и Туркестана, порожденных колониальной политикой России и ставших истинной причиной событий 1916 г.

---

[436] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). С. 311.

[437] Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1907 гг.). М., 2008. С. 133–150.

В разные исторические эпохи события 1916 г. оценивались по-разному, их называли «бунтом в Семиречье», «среднеазиатским мятежом», «среднеазиатским восстанием», «национально-освободительным движением». Традиционно причинами восстания 1916 г. считались аграрная политика, связанная с переселением в регион крестьянства из европейской части страны и масштабной экспроприацией земельных ресурсов у коренного населения, а также политика русификации и ограничительные меры в духовно-религиозной сфере. Значимость восстанию 1916 г. придавал тот факт, что оно началось в разгар мировой империалистической войны, в условиях разразившегося в стране глубокого системного кризиса. Это позволяло считать его частью общероссийского революционного движения против господствовавшего социально-политического режима.

В историографии феномен данного исторического события, его причины и значение для судеб коренных народов Туркестана и Степного края остаются на протяжении многих десятилетий дискуссионными. В отчетах и рапортах чиновников российской колониальной администрации о событиях 1916 г. указывался широкий спектр его причин, прежде всего политического характера. В частности, акцентировалось внимание на просчетах имперского центра в управлении краем, кадровой чехарде, коррумпированности региональных органов власти. Либерально настроенная часть политической элиты Российской империи считала главной причиной протестного движения населения Туркестана и Степного края аграрную политику России и связанную с ней масштабную экспроприацию земель у коренного населения в переселенческий фонд[438].

В советской историографии в условиях господства марксистко-ленинской методологии национально-освободительное движение 1916 г. оценивалось как антиимпериалистическое, антивоенное[439]. Его главными причинами считались особенности социально-экономического и политического развития Российской империи, предопределившие неизменный рост «колониального гнета военно-феодального империализма» на коренное население Туркестана и Степного края[440].

В зарубежной историографии 60–80-х гг. XX в. преобладали крайне узкие оценки событий народно-освободительного движения народов Степного

---

[438] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 281.

[439] Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. 1924. № 6. С. 270–274; Он же. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда, 1926. С. 46–122; Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алматы, 1966; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977; Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

[440] Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане; Усенбаев К. Восстания 1916 г. в Киргизии. Фрунзе, 1967.

края и Туркестана в 1916 г. Так, американский исследователь Э.Д. Сокол подчеркивал исключительно религиозную направленность движения «мусульман Средней Азии против русских». По мнению исследователя, в восстании нашла отражение «известная борьба ислама против неверных»[441]. Исключительно нерешенностью межэтнических проблем объяснял причину национально-освободительного движения 1916 г. Ч. Хостлер. Исследователь считал его «самым огромным антирусским восстанием» в истории Российской империи[442]. В современных национальных историографиях государств постсоветской Центральной Азии причины протестного движения коренных народов Степного края и Туркестана в 1916 г. анализируются в контексте политики Российской империи в данном этнорегионе[443]. При этом присутствуют как либеральные оценки данной политики, так и крайне правые, авторы которых пытаются гипертрофировать роль межэтнического противостояния в данных событиях или представить действия колониальной администрации, направленные на подавление движения, как этноцид[444].

Как нам представляется, по своим причинам, внутреннему содержанию, регионально-локальным особенностям, методам борьбы, характеру внутриэтнического и межэтнического противостояния, восстание 1916 г. было более глубоким, противоречивым и сложным социальным явлением в истории центральноазиатских народов Российской империи.

Выше уже отмечалось, что на протяжении второй половины XIX — начала XX в. Россия проводила политику модернизации в отношении своих центральноазиатских национальных окраин. Включение в данный процесс коренных этносов означало проведение совокупности реформ и мероприятий, направленных на внедрение новых рационально организованных (с точки зрения имперского мышления) форм администрирования и суда, оседания кочевников и приобщение их к земледельческому труду, развития системы светского школьного образования, медицины, вовлечения в процесс создания рыночного сектора экономики и городской инфраструктуры и т.д.

Огромное влияние на выработку центральноазиатской модели модернизации оказал укоренившийся в российской управленческо-бюрократической среде тезис о неготовности аборигенного населения региона к восприятию «норм и начал русской государственности». Из него плавно вытекала мысль об отказе от введения в крае ряда государственных институтов (земства, выборного городского самоуправления, представительства в Государственной

[441] Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor, 1954. Pp. 188.

[442] Charles W. Hostler. Turkism and the Sarts. L., 1957. P. 148.

[443] История Казахстана : в 5 т. Т. 3. 627 с.

[444] Бедельбаев А.Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16, № 1. С. 201–205.

думе) и повинностей (в первую очередь всеобщей воинской повинности)[445]. Кроме этого, Россия сама остро нуждалась в модернизации, которая неизменно переплеталась с милитаризацией, поглощала все внутренние силы империи. Это значительно ограничивало возможности модернизации центральноазиатских национальных окраин, тем более, что сами они не проявляли большой модернизационной активности, их отношение к экономическим и социальным нововведениям было, безусловно, неодинаковым и неоднозначным.

Совокупность указанных факторов предопределила результаты модернизации центральноазиатского общества, которые оказались крайне противоречивыми. С одной стороны, модернизация сопровождалась интеграцией Степного края и Туркестана в общероссийское политическое пространство и выражалась в участии населения в формировании партийной системы страны, событиях революции 1905–1907 гг., общероссийском мусульманском движении, избирательных кампаниях в Государственную думу. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. в регионе осуществлялось внедрение демократических элементов западной политической культуры: выборность народных представителей в системе административно-территориального устройства, демократизация выборов через расширение электората, формирование элементов буржуазной демократии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение». Политическая борьба на выборах в Государственную думу Российской империи имела все необходимые атрибуты: партийные программы, агитацию, предвыборные обещания[446].

В то же время нужно понимать, что институционализация заимствованных политических инокультурных инноваций, переносилась в цивилизацию–реципиент искусственно и не могла в ближайшей исторической перспективе дать высокий положительный эффект. Не удивительно поэтому, что на рубеже XIX–XX вв. политическая жизнь центральноазиатских окраин была отмечена рядом специфических черт: неразвитостью активных форм национально-освободительной борьбы, замедленным развитием национальных политических партий, политической индифферентностью большинства населения региона. Кроме этого, созданная модель административно-территориального устройства с включением в нее системы местного самоуправления с выборностью должностных лиц слабо формировала гражданскую активность населения и консервировала родовые отношения[447].

---

[445] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика...

[446] Лысенко Ю.А. Социально-политическое движение в центральноазиатских окраинах Российской империи накануне революций 1917 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 101–108.

[447] Lysenko Yuliya A., Anisimova Inna V., Bochkareva Irina B. and others. Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th — early 20th) // Bylye Gody. 2015. Vol. 38. Is. 4. Pp. 955–964.

Важным аспектом дискурса о конечных результатах модернизации традиционного центральноазиатского общества следует считать проблему его готовности воспринимать в данный исторический период ценности и достижения европейской цивилизации. Нельзя отрицать тот факт, что политика государства, направленная на инкорпорацию в общеимперское пространство, способствовала процессу трансформации традиционных норм общежития, социальной организации, ментальных установок коренных народов региона. С исторической арены благодаря этим процессам ушли традиционные социальные категории, смысловое содержание многих категорий претерпело значительную трансформацию. Включенность в товарно-денежные отношения и интеграция в общероссийский рынок способствовали формированию национальных буржуазий, рабочих кадров и национального чиновничества. Несомненным позитивным результатом модернизационных процессов явился факт формирования национальных интеллигенций, которые в связи с уходом с исторической арены традиционных политических элит взяли на себя роль защитника интересов коренных народов Центральной Азии. «Продуктом» модернизации следует считать и резкий рост процессов этнической консолидации народов Степного края и Туркестана, выразившийся в формировании идеологий национально-освободительных движений, национальных СМИ, театров, систем национального школьного образования[448].

В то же время модернизация, исходящая извне, действительно могла восприниматься традиционными кругами как форма колониальности, направленная на подавление собственной культурной идентичности, ликвидацию суверенитета, трансформацию традиционных потестарно-родственных, клановых социальных связей и отношений[449]. Поэтому реформы во многом выступили отправным рубежом, простимулировавшим консервацию социально-экономических основ системы жизнедеятельности традиционных обществ Центральной Азии и возрождение «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи. Ограничительные меры в духовно-религиозной сфере вызвали, например, резкий рост исламизации казахского общества, идеология и ритуальная практика ислама стали восприниматься как важная составляющая этнического самосознания.

В конечном итоге реализация русского имперского модернизационного проекта в Туркестане и Степном крае, чаще именуемого в историографии «политикой ассимиляции и русификации», дала ограниченные результаты,

---

[448] Нурула-Ходжаева Н.Т. Джадиды Бухары и их незападный национализм // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11. № 1. С. 33–42.

[449] Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка. 01.10.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://zaimka.ru/remnev-imperium/

практически не нарушив политическую традицию (деспотическое управление, отсутствие наций нового типа, регионально-клановые, родовые конфликты, особенности распределения собственности, национальные религии и верования) коренных народов. Край продолжал оставаться обособленной частью империи во всех смыслах. Противоречивые по своим последствиям итоги начавшейся модернизации в центральноазиатских окраинах Российской империи со всей очевидностью отразились в ходе событий восстания 1916 г.[450]

Ярким свидетельством данного тезиса является собственно повод восстания 1916 г., а именно мобилизация коренных этносов региона на тыловые работы в действующую армию. Вопрос о введении всеобщей воинской повинности для населения Степного края и Туркестана рассматривался правящими кругами в политико-юридической плоскости и предполагал социально-правовую нивелировку населения данного региона со всеми подданными империи. Кроме этого, введение всеобщей воинской повинности вполне отвечало тенденциям национальной политики России, направленным на русификацию «инородцев», полное их слияние с русским народом и должно было сыграть, в целом, цивилизующую роль[451].

Однако, несмотря на очевидность необходимости введения воинской повинности для автохтонного населения центральноазиатских окраин, имперские правящие круги проявляли в данном вопросе определенную сдержанность вплоть до 1915 г.[452] Главным основанием для этого решения, по их мнению, выступала «гражданская незрелость» населения Степного края и Туркестана, а также опасения чиновников, связывающих идею формирования национальных мусульманских воинских подразделений с неизбежным ростом угрозы территориальной целостности империи[453].

Освобождение от несения воинской повинности центральноазиатских народов привело к оформлению их особого юридического статуса в имперской этносоциальной структуре, закрепленного на ментальном уровне. Именно сохранение «особых прав» как неотчуждаемого достояния и главного признака должно было, по убеждению аборигенов, оградить их от постоянно возраставшего притока переселенцев, серьезно ущемлявших их жизненно важные интересы в вопросах землепользования. Специфичность податного состояния определялась освобождением «аборигенов» от отбывания рекрутской

---

[450] Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 97–112; Она же. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. 2011. № 8. С. 98–126; Она же. Туркестан в дискурсе фронтирной модернизации Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 1. С. 43–54.

[451] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 340 б. Л. 5–5об.

[452] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 18. Л. 3–16об.

[453] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. С. 86.

повинности, а после военной реформы 1874 г. — от службы в рядах Российской армии по призыву. Утрата данной привилегии рассматривалась ими, безусловно, как наступление на их права. Именно в данном ключе и необходимо рассматривать, по нашему мнению, реакцию туземного населения на указ о мобилизации на тыловые работы.

Дискуссионным в современной историографии остается вопрос о роли национальной интеллигенции в движении 1916 г. Последняя, безусловно, являлась продуктом модернизационных процессов и была интегрирована в социально-политическое, управленческое пространство империи. Интеллигенция связывала будущее своих народов с Россией и признавала за ней историческую роль в процессе их европеизации и модернизации. Лидер казахской интеллигенции и движения Алаш А. Букейханов еще в 1903 г. отмечал, что царское правительство ставит перед собой задачу «смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа», и подчеркивал, что царизм способствует развитию среди казахов культуры и просвещения, что в своей колониальной политике исходит из «интересов самих казахов», стремится «удешевить хлеб» и «обеспечить существование кочевников»[454].

Этим отчасти объясняется тот факт, что казахская интеллигенция, в большей степени подвергшаяся модернизации, с воодушевлением приняла указ о мобилизации инородцев на тыловые работы. Печатный орган казахской либерально-демократической интеллигенции газета «Казах» в марте 1916 г. писала: «... надо понять значение призыва и сейчас же взять в руки его подготовку... нужно выбрать такой путь, что бы наши поколения могли бы сказать, что их предки выбрали для них такой путь, идя по которому они стали славной армией нашего царя». Несколькими днями позже в газете появилась еще одна статья, автор которой указывал: «Приказ царя — истина, ему возражений быть не может. …Приказы мы не можем не выполнять. …Аксакалы и передовые граждане должны об этом толковать, разъяснять. …Надо скорее выполнить приказание, послать людей на работы!»[455].

Аналогичную позицию заняли туркестанские джадиды. Редактор журнала «Аль Ислох» Абдурахман Сайях писал: «Дорогим единоверцам рекомендуется… подчиниться указанному высочайшему повелению…, ибо защищать дорогую родину — есть дело обязательное для всего населения отчества, как русских, так и мусульман»[456].

Практическая деятельность казахской интеллигенции по реализации указа о мобилизации на тыловые работы была связана с разработкой плана моби-

---

[454] Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. : сборник воспоминаний и материалов / под ред. Н. Тимофеева. Алма-Ата, 1937. С. 9.

[455] Там же. С. 12.

[456] Цит. по: Турсунов Х. Восстание 1916 г в Средней Азии и Казахстане. С. 208.

лизации, проведением разъяснительно-пропагандистской работы среди населения «для объяснения им цели призыва киргиз и убеждения их в необходимости подчиниться Высочайшему повелению». По инициативе редактора газеты «Казах» А. Байтурсынова совместно с губернатором Тургайской области М.М. Эверсманом был разработан план мероприятий по проведению мобилизации. Еще один лидер алаш-ордынского движения М. Тынышпаев с генерал-губернатором Туркестанского края А.Н. Куропаткиным в качестве переводчика посещал населенные пункты, в которых проживали казахи, и разъяснял суть происходящих событий. Джадидистские лидеры Туркестана принимали участие в создании в уездах, областях и городах края туземных комитетов содействия колониальным властям по осуществлению набора рабочих[457]. Эти факты давали основания советским исследователям оценивать позицию алашевцев как реакционную, свидетельствующую о пресмыкательстве перед царской администрацией и об их непосредственной помощи царизму в проведении мобилизации, направленной против основной массы трудового населения региона[458].

Противоречивость модернизации центральноазиатских окраин привела к серьезным внутриэтническим конфликтам среди участников в ходе движения 1916 г. Как указывалось выше, в процессе реформирования административно-территориального управления данным регионом была создана система местного самоуправления[459]. Она породила мощное противоборство между различными подразделениями одного рода или клана за власть. Приведем в связи с этим фрагмент донесения помощника главного военного прокурора В.Е. Игнатова командующему войсками Туркестанского военного округа А.Н. Куропаткину в декабре 1916 г.: «Вообще мысль о том, что туземные власти — волостные правители, старшины и пятидесятники — продали население за большие деньги и что благодаря этому на население свалилась теперь вся тяжесть новой повинности, хотя бы и рабочей, было общим убеждением населения и глубоко укоренившимся взглядом в населении всего края на все эти должности, как на общий источник крупных доходов. Местные власти горячо борются на выборах за получение в свои руки всех этих должностей и расходуют на эти выборы десятки тысяч в полной уверенности, что, добившись доходных мест, они быстро возместят свои расходы»[460].

Поэтому нападение на представителей местной администрации было повсеместным, «толпа жестоко мстила своим туземным властям за их участие в составлении списков или требовала от них выдачи этих списков,

[457] Турсунов Х. Восстание 1916 г в Средней Азии и Казахстане. С. 209.

[458] Брайнин С., Шафиро Ш. Восстание казахов в Семиреченской области в 1916 г. М., 1936. С. 45.

[459] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 421.

[460] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. С. 68–69.

сомневаясь в их правильности или же наивно полагая, что уничтожением списков они избавятся и от самого набора». По данным Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, на 1 января 1917 г. по Туркестанскому краю повстанцами было убито из лиц русской и туземной администрации: в Ферганской области русских чиновников — один, туземной — 34, в Сыр-Дарьинской области — один русский чиновник и трое волостных управителей, в Самаркандской области — трое русских чиновников и 12 — представителей туземной администрации, в Семиреченской — два русских чина и 12 представителей местной администрации[461].

Господство традиционных политических ориентиров среди коренного населения, несмотря на предпринятые попытки модернизации, выразилось в повсеместном возврате к архаичным формам организации верховной власти во время событий 1916 г. Так, в Тургайской области ханами были провозглашены Абдугафар Джанбусинов, Ай-Жаркен Канаев, Оспан Шулаков. В одном только Иргизском уезде, по данным региональной администрации, оказались избранными еще девять ханов[462]. Мокуш Шабданов был провозглашен ханом племени киргизского рода сарыбагыш, Батырхан Ногаев — ханом племен богу[463]. У туркмен Мервского уезда во главе движения встала бывшая ханша Гюль Джамал. В Джизакском уезде Абдурахман Джевачи Адбуджабаров был избран джизакским беком, Туракул Турадбеков провозглашен Санзарским беком[464].

В уездах и волостях Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей, где исторически в системе социальных отношений господствующую роль играл ислам, национально-освободительное движение 1916 г. приняло религиозную окраску. Яркий примером может выступить восстание в Джизаке и Джизакском уезде Самаркандской области, где во главе движения стал ишан Назыр-Ходжа Абдусалямов. В лозунгах повстанцев звучал призыв «Долой царя и русских!», «Если будете убитыми, станете шахидами, то есть жертвами во имя ислама, если убьете — будете газы — героями! Бейте русских, сделаем мусульманабад — мусульманский мир!»[465]. Таким образом, целью движения провозглашалось отделение от Российской империи и создание мусульманского государства; русскому население региона был объявлен газават; повстанцы совершали свои нападения под белым знаменем с религиозными надписями. В городах Коканде и Андижане беспорядки, начавшиеся 9 июля 1916 г., проходили при активном участии «фанатично настроенной

[461] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. С. 84.
[462] Там же. С. 620–624.
[463] Там же. С. 369.
[464] Там же. С. 90.
[465] Цит. по: Турсунов Х. Восстание 1916 г в Средней Азии и Казахстане. С. 235.

молодежи — учеников медресе». Они выступали главной движущей силой восстания в этих городах[466].

Таким образом, восстание народов Степного края и Туркестана в 1916 г. необходимо рассматривать через призму модернизационных процессов, которые происходили в регионе на протяжении второй половины XIX — начала XX в. По сути, они означали искусственное привнесение из вне институтов и ценностей европейской политической культуры и социально-экономической модели, но не могли в ближайшей исторической перспективе дать высокий положительный эффект. В переходный период определенная часть традиционного общества Степного края и Туркестана выступала активным реципиентом модернизационных тенденций, интегрировалась в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. На историческую арену вышли новые социальные страты центральноазиатского общества: национальная буржуазия, рабочие кадры, чиновничество и интеллигенция. Однако большая часть традиционных социальных групп региона воспринимала модернизацию как форму колониальности, направленную на подавление собственной культурной идентичности, ликвидацию суверенитета, трансформацию традиционных потестарно-родственных, клановых социальных связей и отношений.

Противоречивость социальных процессов переходного периода в полной мере проявилась в ходе восстания 1916 г. С одной стороны, наблюдались тенденции этноконсолидационных процессов, придавших движению мощный импульс, массовость и масштабность. С другой стороны, события 1916 г. продемонстрировали определенный раскол центральноазиатского общества, выразившийся в неоднозначной позиции интеллигенции к указу Николая II о мобилизации инородцев, внутриродовых и межэтнических столкновениях в ходе восстания, реставрации архаических (с точки зрения теории модернизации) политических институтов и социальных норм, возрождении «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи.

[466] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. С. 70–71.

Глава 3
ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТЕПНОМ КРАЕ И ТУРКЕСТАНЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

3.1. Политика Временного правительства по «национальному вопросу»

Национальный вопрос занимал значительное место в общественной жизни России начала XX в. Кризис царской политики в сфере этносоциальных отношений, события 1905 г. обусловили распространение идей национализма и связанный с этим рост общественных движений в империи. С исключительной остротой данная проблема зазвучала после Февральской революции 1917 г., когда в стране ожидался непосредственный переход от теоретических размышлений о «национальных интересах» к практическим шагам по решению насущного вопроса. Приход к власти Временного правительства знаменовал собой новый этап в политической истории России и предполагал изменение характера национальной политики государства. В состав Временного правительства вошли представители различных политических движений России начала XX в.: кадеты, октябристы, прогрессисты, представители думской фракции центра. Поддерживали Временное правительство эсеры. При этом позиция Временного правительства в решении этносоциальных проблем отдельных регионов опиралась на программу партии кадетов, которая занимала в нем ведущие позиции. В связи с этим для анализа политики Временного правительства в данной сфере целесообразно рассмотреть национальные программы ведущих политических партий, вошедших позднее в состав Временного правительства или оказавших на него существенное влияние.

Ни одна российская политическая партия начала XX в., составляя свою программу, не могла обойти национальный вопрос. При этом многие партии, как правило, эсеровского типа, создавались как «национальные», объявляя своей главной целью защиту интересов одной из «наций» России. Так, в 1905–1906 гг. в России были сформированы Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП), «Поалей Цион» (Еврейская социал-демократическая рабочая партия), Грузинская партия социалистов-федералистов, Армянская партия революционного социализма, партия польских социалистов, Латышский социал-демократический союз, украинская «Спилка», Белорусская социалистическая громада; впоследствии образовались Чувашский союз партии социалистов-революционеров, Эстонская партия социалистов-революционеров, Осетинская организация партии социалистов-революционеров, магометанская Поволжская организация партии социалистов-революционе-

ров и др.[467] Каждая партия предлагала тот путь разрешения национального вопроса, который, по ее мнению, наиболее соответствовал интересам представляемого ею класса или социального слоя.

Партия кадетов (Конституционно-демократическая партия), образованная в 1905 г., уже в первом проекте партийной программы уделила национальному вопросу значительное внимание, выделяя два пункта: предоставление автономии Польше и децентрализация России. Однако если вопрос о польской автономии нашел поддержку у большинства делегатов учредительного съезда кадетской партии, то идея «децентрализации» России вызвала серьезные возражения. Ее осуществление виделось возможным только «после установления прав гражданской свободы и правильного народного представительства для всей империи», и притом не повсеместно, а «по мере выяснения потребности местного населения и естественных границ автономных областей». И даже при этих условиях предполагалось «открытие законного пути для установления местной автономии»[468]. Позднее вопрос о децентрализации государства уйдет из программы кадетов на второй план.

Кадеты в первом пункте программы партии, принятой на Учредительном съезде в Москве 12–18 октября 1905 г., заявляли о равенстве всех граждан России и отмене «всяких сословных различий и всяких ограничений личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения»[469].

Решение национального вопроса виделось кадетам в предоставлении гарантии «всем населяющим империю народностям, помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан, право свободного культурного самоопределения, как то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.»[470]. Отдельным пунктом программы стало положение о предоставлении права получения начального образования на национальном языке. Таким образом, кадеты видели решение национального вопроса прежде всего в предоставлении народам России культурной, но не политической автономии.

Среди всех национальных окраин Российской империи только Польша и Финляндия получали особый статус. «В Царстве Польском вводится авто-

[467] Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос и программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976. С. 24.

[468] Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 205–206.

[469] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. М., 2001. С. 56.

[470] Там же. С. 57.

номное устройство с сеймом, <…> при условии сохранения государственного единства и участии в центральном представительстве на одинаковых с прочими частями империи основаниях. <…> В Царстве Польском должны действовать общегосударственные гарантии гражданской свободы и права национальности на культурное самоопределение и должны быть обеспечены права меньшинства». Что касается Финляндии, то программа кадетов предусматривала «всецелое» восстановление конституции Финляндии, обеспечивающей ее особенное государственное положение[471].

При обсуждении национального вопроса в Государственной думе первого созыва кадеты заняли умеренную позицию. Они поддерживали право национального самоопределения и выступали за «гарантированную законами свободу национального развития для всех народностей». Однако, как писал лидер партии кадетов П.Н. Милюков, «вопросы национальные сами по себе грозили осложнить вопросы социальные и конституционные, составлявшие нашу главную задачу. Разница желаний и требований различных национальностей слилась бы при этом в общие формулы: я уже понимал, что это есть способ к повышению требований наименее готовых к «автономии» народностей»[472]. Лишь в отношении польского вопроса, т.е. предоставления Польше автономии, точка зрения кадетов оставалась неизменной в связи с тем, что, по мнению П.Н. Милюкова, поляки были «наиболее готовые» к обретению автономии[473]. Такой позиции кадеты придерживались и в последующие годы.

Кадеты не соглашались и с идеей разделения России на самостоятельные государства, считая правильным путь, когда в едином государстве будет обеспечено равенство представителей всех народов перед законом. Так, член ЦК партии кадетов Б.Э. Нольде в докладе на IX съезде кадетской партии в июле 1917 г. предлагал в решении национального вопроса основываться на принципе «личном» (на определенных стремлениях каждого гражданина), а не «местном» (без прикрепления национальностей к определенным территориям), а также отказаться от возможности учреждения автономии любого типа. По мнению Б.Э. Нольде, уступками националистам было невозможно сохранить государственное единство и территориальную целостность России, стабильность в обществе[474].

---

[471] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. М., 2001. С. 60.

[472] Милюков П. Н. Воспоминания. С. 246.

[473] Там же. С. 246.

[474] Воронов С. Н. Поиск формы государственного устройства России в правовой политике Временного правительства (март–ноябрь 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6 (257). С. 154.

Национальный вопрос имел особую трактовку в программе партии «Союз 17 Октября». Октябристы исходили из необходимости сохранения в России «единства ее политического тела, … исторически сложившегося унитарного характера». Они считали нужным противодействовать «всяким предположениям, направленным прямо или косвенно к расчленению империи и к идее федерализма». Исключение было сделано только для Финляндии, за которой признавалось особое положение, «дающее ей право на известное автономное государственное устройство при сохранении государственной связи с империей»[475]. Формулируя права национальных меньшинств, октябристы признавали за отдельными народами самое «широкое право на удовлетворение и защиту своих культурных нужд», но в пределах, допустимых идеей единой общероссийской государственности и интересами других этносов.

Прогрессисты, часть которых после Февральской революции перешла на сторону кадетов, являлись сторонниками сохранения единого и неделимого полиэтнического российского государства и считали нецелесообразным и даже «вредным» предоставление нациям и народностям права на политическое самоопределение. По мнению прогрессистов, предоставление личности равных гражданских и политических прав, распространение местного самоуправления на всю территорию России, закрепление за народностями права пользоваться родным языком в школе и местном суде являются достаточными мерами для защиты прав национальных меньшинств. Концепция унитарного устройства российского государства предусматривала поэтапное расширение права местного самоуправления с учетом национально-культурных особенностей тех или иных национальных регионов страны[476].

Требования эсеров, энесов[477], трудовиков по национальному вопросу определялись их общей политической платформой, которая в целом была революционной и содержала идею социализма. В трактовке эсеров понятие «нация» носило общий характер и воспринималось как совокупность индивидов (людей), связанных сознанием своего единства, главными факторами которого являются: общность происхождения, общность языка, религии, быта, нравов, обычаев и исторического прошлого[478]. Ни экономической, ни территориальной общности у нации эсеры не признавали, а видели

[475] Полный сборник платформ всех русских политических партий... С. 92

[476] Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 137.

[477] Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, или энесы) – неонародническая партия городской интеллигенции, была создана в период революции 1905 г. в Российской империи. Среди партий, близких к народникам, партия народных социалистов была единственной, исключившей террор как средство политической борьбы. После Февральской революции 1917 г. энесы поддержали Временное правительство. В июне 1917 г. произошло объединение партии с трудовиками. Прекратили свою деятельность в 1918 г.

[478] Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. С. 26.

в ней только единство духовной жизни. Отрицали эсеры и фактор религиозной общности, поскольку социалистическая нация как тип характеризуется общностью материалистического, атеистического мировоззрения. Достаточно обширное толкование придавалось и понятию «национализм», характеризуя его как «стремление к сохранению особенностей, присущих данному народу».

При этом в программе партии эсеров среди реформ, которые станут целью революционной борьбы, национальный вопрос отдельно не звучит. Эсеры заявляют о праве наций на самоопределение и возможных национальных автономий, подчеркивая, что важнейшими реформами в политической и правовой областях являются «установление демократической республики, с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских; возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями; признание за ними безусловного права на самоопределение»[479].

Материалы состоявшейся в апреле 1907 г. конференции партии эсеров свидетельствуют о том, что эсеры предлагали эклектическую национальную программу, которая не содержала единых требований по отношению к различным народам. Для ряда народов, имевших более или менее четко очерченную территорию (Польша, Финляндия, Кавказ), эсеры требовали федерации, создания «своего», национального (буржуазного) государства. Требование федеративного устройства России эсеры дополняли предложением о введении «культурно-национальной автономии» для национальных меньшинств[480]. В одном из номеров центральной партийной газеты «Дело народа» появилась статья, предлагавшая превращение России в «союз областей». На III съезде, проходившем в Москве с 25 мая по 4 июня 1917 г., партия эсеров одним из программных пунктов требовала введения нового административно-территориального деления страны в форме «федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей». Позднее данное требование было выставлено и в платформе эсеров в Учредительном собрании.

Февральская революция в России стала новым импульсом для усиления национального движения в стране, которое не только не ослабло, но и значительно усилилось. В одной из своих работ И.В. Сталин писал, что «окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная буржуазно-демократическая интеллигенция. «Национальные советы» в Латвии, Эстском крае, Литве, Грузии, Армении,

[479] Полный сборник платформ всех русских политических партий... С. 23.

[480] Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий... С. 26.

Азербайджане, в горах Кавказа, Киргизстане и Среднем Поволжье; «Рада» на Украине и Белоруссии; «Сфатул Церий» в Бессарабии; «Курултай» в Крыму и Башкирии, «Автономное правительство» в Туркестане — вот те «общенациональные» институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия»[481].

По мнению Е.Н. Трофимова, в период правления Временного правительства были обозначены новые подходы к практическому решению национальных проблем Российской империи и впервые были опробованы различные варианты национальной политики[482], большинство из которых носило умозрительный характер.

Временное правительство столкнулось с ростом национальных движений, развитием автономистских идей, а нередко и стремлением к полной государственной самостоятельности со стороны представителей ряда этнорегионов, и основной задачей его стали разработка и реализация отвечающей потребностям многонационального государства политической программы. Несмотря на различные политические взгляды, министры Временного правительства на первых порах нашли общий язык. Основные направления внутренней политики Временного правительства по Декларации 3 марта 1917 г. сводились к амнистии лиц, преследовавшихся старым режимом; введению гражданских свобод независимо от сословия и национальности; организации народной милиции с выборным начальством, подчиненной местному самоуправлению; перестройке местного самоуправления на демократических началах всеобщих выборов; подготовке выборов в Учредительное собрание, которое окончательно определит пути дальнейшего развития России[483].

В своих воспоминаниях министр иностранных дел Временного правительства кадет П.Н. Милюков писал: «Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, как не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения»[484].

В первые месяцы своей работы Временное правительство формировало свою позицию к решению национального вопроса в крупных этнорегионах страны: Финляндии, Польше, на Украине, Кавказе и в Средней Азии. Решение

[481] Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 156.

[482] Трофимов Е.Н. Россия многонациональная. М., 2013. С. 89.

[483] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 123.

[484] Милюков П. Н. Воспоминания. С. 485–486.

данной задачи стало предметом деятельности рабочего органа при Временном правительстве — Юридического совещания, первое заседание которого состоялось 8 марта 1917 г.

Одним из первых шагов, направленных на решение национального вопроса в стране, стало предложение военного и морского министра на заседании Временного правительства 4 марта 1917 г. о необходимости отмены национальных, вероисповедных, сословных и политических ограничений при производстве нижних чинов в офицеры[485]. 20 марта 1917 г. постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», согласно которому упразднялись «все установленные действующими узаконениями на ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности», было издано[486]. Сделаны шаги в решении еврейского вопроса, в частности, была отменена процентная норма для евреев при их поступлении в высшие учебные заведения[487]. На заседаниях Временного правительства обсуждались и конфессиональные вопросы, так, 27 марта 1917 г. было принято решение о восстановлении автокефалии грузинской церкви.

В отношении Финляндии автономные права были частично расширены, однако дальше принятия «Акта об утверждении Конституции Великого княжества Финляндского», который отменял прежние нарушения конституционных прав населения региона, предоставлял культурную автономию и в перспективе ставил рассмотрение вопроса о расширении прав сейма, Временное правительство не пошло. Проект автономии, выдвинутый сеймом, предусматривал сохранение компетенции России во внешних сношениях и в военном управлении, а также сохранение должности генерал-губернатора Финляндии. Попытки финского сейма усилить свои позиции и расширить свои полномочия привели к его роспуску. Только в октябре 1917 г. был сформулирован законопроект, рекомендовавший Учредительному собранию считать Российское государство неделимым, но «признать в его рамках самостоятельность Финляндии в пределах, установленных законом о взаимных отношениях России и Финляндии, ввести в государстве Российском областную автономию»[488].

Модель разрешения польского вопроса была обозначена еще в программе партии кадетов и предполагала предоставление Польши широкой авто-

---

[485] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 1. Март – апрель 1917 года. М., 2001. Док. № 4. С. 29.

[486] Революция и «национальный вопрос»: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР. М., 1930. С. 53.

[487] Архив новейшей истории России. Т. VII. Док. № 4. С. 30.

[488] Трофимов Е.Н. Россия многонациональная. С. 90.

номии. Временное правительство подтвердило данное положение, однако, как отмечают исследователи, обещание предоставить независимость Польше носило чисто умозрительный характер, польские земли были оккупированы Германией, и все державы — участники войны — высказывались за предоставление Польше независимости[489]. Декларирование европейскими державами независимости Польши приводило и Временное правительство к необходимости признания данного статуса.

С вопросом о независимости Польши неразрывно был связан и вопрос об автономии Прибалтики, который, по мнению министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко, был «наиболее трудно защитимым положением» для русских интересов. Терещенко писал: «Задачи наши на северном Балтийском море ясны и понятны каждому. Россия без незамерзающей гавани на Балтийском море вернется к временам допетровским. Но тут есть пункт, на который я не могу не указать… Ведь если бы были сильны чувства к единой великой России, великой демократической и свободной России, то не было бы тех болезненных проявлений желания отойти от центра, желания самоопределиться…, которое мы видим сейчас не только в определенных национальностях, но даже в определенных русских группах»[490]. Решение такой ситуации, «излечение стремления к отторжению и ослаблению великой России», по мнению министра, возможно только путем создания сильного, демократического центра, признаваемого всеми областями.

Наибольшей сложностью отличались отношения на Украине, которая в большей степени, чем Финляндия или Польша, в хозяйственном, культурном и политическом аспектах была связана с Россией. В марте 1917 г. Украина объявила в Киеве о создании Центральной Рады, состоявшей из политических партий, профессиональных и гражданских союзов. Практически сразу украинскими националистическими силами была выдвинута идея автономии Украины, которая была полностью отвергнута Временным правительством. В своей декларации, озаглавленной «Первый универсал», Рада объявляла, что «украинский народ сам должен творить свою судьбу, не настаивая на провозглашении автономной Украины». В газете «Речь» правительственная позиция осуждала принятие «Универсала», отмечая, что «Рада отказалась за себя и за украинский народ <…> — повиноваться Временному правительству и объявила себя правительством Украины… Надо признать, что гг. украинцы шутят плохие шутки с Россией. Они будут иметь против себя не только Временное правительство. Их торопливость будет осуждена

[489] Трофимов Е.Н. Россия многонациональная. С. 92.
[490] Революция и «национальный вопрос»... С. 57.

решительно всеми общественными организациями, за исключением разве самых непримиримых сторонников «дезаннексии»[491].

Резко осуждая высказывания об автономии Украины, Временное правительство решение всех вопросов, связанных с «национальной идеей», относило к компетенции Всероссийского учредительного собрания. Во Временном правительстве так и не выработали единой позиции по украинскому вопросу. Принимались меры, противоречащие друг другу. Так, в июле 1917 г. Украине было дано обещание признать в качестве краевого органа Временного правительства Генеральный секретариат, но в уже в августе, после возвращения кадетов во Временное правительство, была принята «Временная инструкция Генеральному Секретариату Временного правительства на Украине», которая конкретизировала функции Секретариата, низводя его до степени исполнительного органа Временного правительства. «Инструкция» также говорила о необходимости увеличения в Секретариате представительства национальных меньшинств Украины, «которые должны служить опорой влияния России в украинских делах»[492]. Отношения между украинской Центральной Радой и Временным правительством получили тенденции к дальнейшему ухудшению на фоне усиления на Украине идей сепаратизма.

Практически сразу национальная программа Временного правительства получила практическое воплощение в Степном крае и Туркестане, где автономистские идеи и влияние русских революций привели к формированию молодой либерально-демократической интеллигенции[493]. В национальном движении восточных народов после Февральской революции наметились два основных течения: унитаризм, представленный мусульманской, преимущественно татарской торговой буржуазией и националистически настроенной интеллигенцией, требовавшими объявления только «культурно-национальной автономии», и национал-федерализм, выражавший интересы молодой национально-промышленной буржуазии. Руководящая роль в федералистском движении мусульман принадлежала азербайджанской буржуазии, эти идеи поддерживались и националистическими партиями: казахской Алаш-Орда и туркестанской Шуро-и Улема. Так, решение о федерации и «национально-территориальной автономии» было принято и поддержано в Туркестане на I и II съездах мусульман (апрель, сентябрь 1917 г.).

---

[491] Революция и «национальный вопрос»: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР. М., 1930. С. 81.

[492] Там же.

[493] Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б., Лысенко М.Ф. Элементы европейской политической культуры в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций (конец XIX – начало XX в.) // Былые годы. 2015. № 4.

Необходимо отметить, что как в Степном крае, так и в Туркестане Февральская революция и установление власти Временного правительства были встречены с большим энтузиазмом. Народы региона, получив заверение в отмене национально-конфессиональных ограничений и содействии всем их начинаниям в области культуры и самоуправления, выражали свое приветствие новой власти. В качестве примера приведем цитату из докладной записки военного губернатора Уральской области на имя товарища министра внутренних дел: «Падение старого режима и установление в России нового государственного строя с Временным правительством были встречены населением Уральской обл. вполне спокойно и с большой радостью <…>. Отовсюду телеграфируют, что население признает Временное правительство и выражает надежду, что с установлением нового государственного строя на тех началах, которые будут приняты всенародным Учредительным собранием, нашу Родину ожидает светлое будущее…»[494].

Однако Временное правительство было не столь решительно в проведении нового политического курса. Так, в Степных областях после Февральской революции развернулась острая борьба за власть на местах, в которую были включены общественные исполнительные комитеты, советы, киргизские комитеты, комиссары Временного правительства. В этих условиях Временное правительство основную ставку делало на институт комиссаров и земство[495]. Институт комиссаров был введен 4 марта 1917 г., а Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах было принято лишь 19 сентября 1917 г., согласно которому комиссар призван осуществлять надзор за точным и повсеместным соблюдением законов, постановлений и распоряжений правительства местными органами управления и самоуправления. Согласно Положению, на эти должности назначались только «лица, имевшие высшее, преимущественно юридическое, образование», что, безусловно, ограничивало принятие на данную должность представителей коренных национальностей. Комиссары состояли в ведомстве МВД и увольнялись Временным правительством по представлению министра. Временному правительству через институт комиссаров не удалось привести систему управления к единовластию в Степном крае и, тем более, выработать и реализовать единый политический курс.

Определенные надежды в решении национального вопроса в центральноазиатских окраинах возлагались на работу образованного 23 марта 1917 г. Особого совещания при Временном правительстве, компетенцией которого стала разработка законов и постановлений об организации органов местного

[494] 1917 год в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1977. Док. № 14. С. 44–45.

[495] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 г. Алматы, 2011. С. 12.

самоуправления в стране. В частности, именно Особое совещание выработало проект о введении земства в регионах, не охваченных земской реформой имперского периода: в Сибири, Архангельской губернии, Степном крае, Туркестане. Проведение земской реформы стало следствием политического видения Временным правительством России как единого государства с унифицированной системой управления. И речь при этом идет не об административно-территориальном устройстве страны, а именно об организации системы государственной власти, которая, по видению Временного правительства, исключала автономистские идеи.

Постановление о введении земских учреждений в «областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской» было обнародовано 17 июня 1917 г. Введение земства в Степном крае увязывалось с переделом территориальных границ, но в целом работа по организации земства в областях не заняла много времени, поэтому уже в октябре 1917 г. первые уездные земские собрания открылись в Тургае и Иргизе. Согласимся с мнением исследователей, что введение земского самоуправления имело большое значение и стало важным этапом в становлении структур гражданского общества[496].

Для Сырдарьинской, Закаспийской, Ферганской, Самаркандской областей правила о реализации постановления Временного правительства о введении земских учреждений были разработаны председателем Туркестанского комитета Временного правительства В. Наливкиным 26 августа 1917 г.[497] Позднее, в сентябре-октябре, данные Правила были подвергнуты пересмотру и уточнению «применительно к местным условиям»[498]. Конечно, введение в Туркестане положения о земских учреждениях стало важным шагом, однако непоследовательность, с которой действовали власти, и «ряд затруднений, связанных с проведением законов о земском и городском самоуправлении в Туркестанском крае», свели позитивные последствия реформы практически на нет.

В отношении Туркестана Временное правительство выступало наиболее консервативно. Слабость национальной идеи в регионе, малочисленность интеллигенции не привели к формированию в начале XX в. национально-освободительного движения, что предопределило развитие политического курса. Первым актом Временного правительства в Туркестане стало решение об амнистии участникам восстания 1916 г. Далее, постановлением Времен-

[496] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 г. С. 62–65.

[497] Там же. С. 57–59.

[498] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 83. С. 201–202.

ного правительства от 7 апреля 1917 г. был образован Туркестанский комитет «в целях установления прочного порядка <…> и для разрешения возникающих вопросов управления краем»[499]. По мысли Временного правительства, будучи его органом, комитет должен был заменить собою отстраненного от власти туркестанского генерал-губернатора Куропаткина. В состав комитета наряду с известным политическим деятелем кадетом Н.Н. Щепкиным, на которого возлагались полномочия председателя, входили и представители казахской национальной интеллигенции А.Н. Букейханов, М. Тынышпаев и др. Члены комитета были присланы в Ташкент из Петербурга в апреле 1917 г. Резко негативно оценивалась деятельность комитета в первые годы установления советской власти. По мнению П. Галузо, «комитет и в это время был не чем иным, как органом власти русского империализма в колонии. Всеми имеющимися в его распоряжении средствами на место полуразрушенного силою пролетариата аппарата царской власти в Туркестане комитет стремился создать аппарат господства русского империализма и закрепить это господство»[500]. Отбросив идеологическую подоплеку, можно согласится, что, учреждая Туркестанский комитет, Временное правительство практически не изменило систему администрирования регионом, сложившуюся в имперский период. Управление регионом вверялось генеральному комиссару Временного правительства по управлению Туркестанским краем[501].

Компетенции генерального комиссара были обширны: «Управление пограничными делами края и непосредственные сношения с эмиром бухарским и ханом хивинским; назначение и увольнение должностных лиц в крае <…>; надзор за всеми в пределах Туркестанского края правительственными и общественными учреждениями и должностными лицами, за исключением учреждений и чинов государственного контроля, банка и судебного ведомства <…>»[502]. Назначение во главе Туркестанского края генерального комиссара и наделение его широкими полномочиями в управлении регионом, отрицало саму возможность предоставления народам Туркестана широких автономных прав и реализации идеи о праве наций на самоопределение.

Не произошло существенных изменений и в политике Временного правительства в отношении Хивы и Бухары. Эмир бухарский и хивинский хан

---

[499] Постановление Временного правительства об образовании Туркестанского комитета // Революция и «национальный вопрос»: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР. М., 1930. С. 72.

[500] Галузо П. Из истории национальной политики Временного правительства (Украина, Финляндия, Хива) // Красный архив. 1928. № 5(30). С. 46.

[501] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Барнаул, 2016. Док. № 85. С. 203–204.

[502] Там же. С. 203.

присягнули Временному правительству, которое обещало сохранить обязательную силу договоров, заключенных с ними Российской империей. Временное правительство предприняло попытку реформировать отношения с Хивой и разработало проект основных законов Хивинского ханства, обсуждавшийся на заседании юридического совещания 6 ноября 1917 г. В проекте предусматривалось сохранение политической зависимости этого государства от России. Верховная власть в Хивинском ханстве «принадлежит признанному российским правительством хану и избранному от всего народа меджлису»[503]. На территории Хивы учреждалась должность комиссара Правительства России, который давал согласие на проведение выборов меджлиса, назначаемых по инициативе хана. Проект законов содержал главу о правах и обязанностях хивинских граждан, в которой формально закреплялись основные права человека и их юридические гарантии, хотя, в целом, содержание проекта основных законов говорит об очевидных ограничениях суверенитета Хивинского ханства[504]. Также проект не содержал положений, касающихся национального вопроса, отсутствуют идеи о возможной культурной или культурно-национальной автономии региона, что, в целом, и является продолжением имперского стиля политики.

Необходимо отметить, что Временное правительство, в принципе, стремилось нивелировать понятие «этническая принадлежность». Члены юридического совещания считали необходимым заменить термин «русский подданный» на термин «российский гражданин», что указывало бы не на этническую принадлежность лица, а на Россию как государственный союз, в состав которого входят упоминаемые в законодательстве лица. По мнению С.Н. Воронова, «в тех условиях чрезвычайно важно было ввести юридическую конструкцию, которая бы позволяла найти и обеспечить новую форму государственного единства населения России. Новое понимание сущности гражданства должно было способствовать реализации принципа равенства прав граждан страны, ослаблению остроты межнациональных противоречий»[505]. Но данный подход совершенно не отвечал надеждам национальных регионов, стремившихся реализовать идею автономизации.

Достаточно быстро национальная либерально-демократическая интеллигенция испытала разочарование в политике Временного правительства. «Февральская революция, свергнувшая монархию, передала власть опять в руки того же царского чиновничества и местного русского кулачества. Местный комитет Временного правительства, состоящий из этих элементов,

[503] Основные законы Хивинского ханства // Красный архив. 1928. № 5(30). С. 74.

[504] Воронов С.Н. Поиск формы государственного устройства России в правовой политике Временного правительства (март–ноябрь 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6 (257). С. 165.

[505] Там же. С. 158.

вместо равноправного отношения к киргизскому населению поставил своей задачей угнетение и истребление киргизского населения» — так характеризовала положение в Средней Азии программа организованного после Февральской революции «Революционного союза киргизской молодежи»[506]. С критикой правительственного курса выступило и Временное центральное бюро российских мусульман, образованное сразу после событий Февральских событий, подчеркивая, что «в настоящее время даже самые умеренные слои мусульманского населения, его буржуазные и феодальные верхи не склонны становиться под знамя партии к.-д[507]… Мусульмане России в массе своей, населяющей окраины государства, были в течение многих лет жертвами русского империализма, и они менее всего готовы защищать этот империализм»[508].

Осенью 1917 г. в правительственной декларации последней коалиции национальному вопросу уделялось значительное внимание[509]. Революционные настроения в стране, анархия, автономистские тенденции требовали от Временного правительства более четкой политической позиции. Однако и в сентябре 1917 г. государственная власть вновь отложила решение всех национальных вопросов до работы Учредительного собрания, сроки созыва которого не оговаривались. По мнению последней коалиции, Учредительное собрание должно было выработать основы, на которых произойдет «признание за всеми народностями права на самоопределение». Декларация содержала пункт об образовании при Временном правительстве Совета по национальным делам с представительством всех народов, в целях подготовки материала по национальному вопросу для Учредительного собрания. Но реализовать намеченный план помешали события октября 1917 г.

Как отмечал С.Н. Воронов, Временное правительство, пройдя через несколько политических кризисов, приблизилось к пониманию права самоопределения народов России в интерпретации социалистов. В ходе заседаний Временного совета Российской республики (предпарламента) делегаты от социалистических партий и кадетов уже сходились во мнении о том, что самоопределение есть право выбирать между любой мерой автономии и самостоятельности. Однако при подготовке и принятии политических решений по национальному вопросу кадеты последовательно при-

---

[506] История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. I. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.). М., 1935. С. 210–211.

[507] Речь идет о партии кадетов, составлявших основу Временного правительства.

[508] Революция и «национальный вопрос»: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР. С. 287.

[509] Из правительственной декларации последней коалиции // Революция и «национальный вопрос»: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР. С. 56.

держивались той же позиции, которая была выработана задолго до 1917 г.: максимально возможная уступка национальным сообществам России — культурная автономия[510].

Таким образом, выступая за единую, неделимую, демократическую Россию, Временное правительство не учитывало националистические веяния времени и не могло справиться с нарастающим общественно-национальным движением в стране и усилением дезинтеграционных настроений. Определенная пассивность и инертность в решении национального вопроса, противоречивость подходов, непоследовательность в принятии решений обусловили несостоятельность национальной политики Временного правительства.

3.2. Мусульмане Степного края и Туркестана в общероссийском мусульманском движении: тенденции и противоречия

Февральская революция, приведшая к падению самодержавия в Российской империи, открыла большие перспективы для многонационального государства, народы которого стремились к свободе, равноправию и демократии. Этот период как время ломки прежних общественных отношений оказал существенное влияние на развитие политического и национально-социального мышления мусульманского населения. Согласимся с мнением одного из ведущих специалистов по изучению мусульманского движения С. Исхаковым, что анализ поведения российских мусульман в период падения самодержавного и установления демократического, а затем советского строя в России, равно как и опыта этноконфессиональных взаимоотношений мусульман с другими народами в 1917–1918 гг., необходим для понимания национальной политики как Временного правительства, так и Советского государства в отношении мусульманского населения, а также для осмысления проблем современной России[511].

События февраля 1917 г. выступили стимулом для развития идеи религиозной идентификации мусульманских народов. Несмотря на то, что процесс активизации мусульманского движения после Февральских событий протекал несколько хаотично и спонтанно, можно, как считают исследователи, все-таки говорить о параллельном развитии его регионального и общероссийского направлений. Последнее, несмотря на этнические различия, сумело оформиться в единое политическое движение и предприняло

[510] Воронов С. Н. Поиск формы государственного устройства России в правовой политике Временного правительства (март–ноябрь 1917 г.)... С. 167.

[511] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 4.

попытку взять инициативу в разрешении национальных и региональных проблем[512].

В первые дни, последовавшие после Февральской революции, роль лидера мусульманского движения взяла на себя мусульманская фракция Государственной думы и созданное по ее инициативе в 1916 г. Мусульманское бюро. Их лидеры уже в начале марта 1917 г. выступили с инициативой проведения всероссийского мусульманского съезда. Прологом его проведения стало совещание мусульманских общественных деятелей, проходившее в Петрограде 15–17 марта 1917 г. География его участников свидетельствовала о готовности отдельных мусульманских регионов России интегрироваться и сообща решать вопросы, порожденные революционными событиями. Так, помимо членов мусульманской фракции IV Государственной думы — К.Б. Тевкелева, Г. Еникеева, Г. Байтерякова, К. Хасанова, на совещании присутствовали члены Мусульманского бюро — А.-З. Валидов, С. Джантюрин, М. Курбангалиев, А. Букейханов, А. Цаликов, М. Чокаев, И. Леманов, а также региональные представители: М. Исхаков (Москва), С. Шамгулов (Уфа), Х. Агафуров (Екатеринбург), Х. Ярулин (Петропавловск), И. Шаниахметов (Коканд), Н. Максудов (Троицк), от Степного края — казахи Д. Сейдалин, М. Дулатов, М. Бочтаев, от Закаспийской области — туркмен К. Бердиев, крымских татар представлял У. Боданинский[513]. На совещании были приняты целеполагающие решения о создании Временного центрального бюро российских мусульман, в состав которого вошли члены фракции, ее бюро и ряд региональных представителей, и подготовке созыва Всероссийского мусульманского съезда[514].

Следует отметить, что Временное центральное бюро российских мусульман (ВЦБРМ) осуществляло активное взаимодействие со Временным правительством и его структурами. Так, в начале апреля 1917 г. Временным правительством был создан Туркестанский комитет Временного правительства (ТКВП), в состав которого вошли Максудов, Давлетшин, Букейханов, Тынышпаев. Компетенцией Комитета стало курирование вопросов, связанных с управлением Туркестанского края, Закаспийской области Хивинского ханства и Бухарского эмирата. ВЦБРМ 10 апреля этого года обратилось к членам ТКВП с предложением руководствоваться в своей деятельности следующими положениями: немедленное устранение в Туркестане всех представителей

---

[512] Аманжолова Д. А. Мусульманское движение в России в начале XX в. М., 2001. С. 43; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.). СПб., 1998; Султанбеков Б. История Татарстана: Сталин и «татарский след». Казань, 1995. С. 27.

[513] Исхаков С. Российские мусульмане и революция... С. 120.

[514] Решения совещания мусульман // Революция и «национальный вопрос». Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3. 1917. Февраль – октябрь. М., 1930. С. 292–293.

старой власти, полное равноправие туземного населения с русским, с гарантией представительства меньшинства населения во всех местных учреждениях, общественных организациях, принятие мер для борьбы с колониальными взглядами и политикой[515].

На региональном уровне в мусульманских регионах страны в послефевральский период приходили многочисленные политические акции, направленные на поддержку революции и свержения самодержавия. Анализ телеграмм в адрес Временного правительства, проведенный Д. Усмановой, позволил исследователю утверждать, что в целом мусульман России волновали те же проблемы, что и все российское общество — продолжающаяся мировая война, вопросы либерализации и демократизации жизни, реформы в государственном управлении, будущее государственное устройство страны[516].

Рост политической активности мусульманского населения в регионах России выразился в повсеместном создании мусульманских комитетов, партий, общественных структур. Одними из первых на февральские события откликнулись мусульмане Крыма. В конце марта 1917 г. представители всех слоев населения в Симферополе провели съезд, на котором был образован альтернативный выборный политический орган — Временный крымский мусульманский исполнительный комитет, получивший признание центрального Временного правительства[517]. Одно из решений съезда касалось создания национально-культурной автономии крымских татар, однако Мусульманский исполнительный комитет, рассматривая вопрос о будущем государственном устройстве России, высказался за «установление демократического республиканского строя на национально-федеративных началах».

В апреле 1917 г. в Баку состоялся I Съезд кавказских мусульман, решения которого были чрезвычайно важны для дальнейшей консолидации мусульман России[518]. Аналогично мусульманским съездам в других регионах, в Баку была принята резолюция о том, что «…формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на территориально-федеративных началах», в резолюции также подчеркивалась значимость реализации территориальной автономии Азербайджана. Однако важнейшим решением съезда стала Резолюция о необходимости создания центрального общемусульманского органа с законодательными функциями для всей России.

---

[515] Исхаков С. Российские мусульмане и революция… С. 126.

[516] Усманова Д. Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916 гг.).

[517] Хаяли Р.И. Политические партии крымских татар (1917–1928 гг.) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2017/03/23009

[518] Силантьев Р.А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М., 2010. С. 85.

С 16 по 23 апреля 1917 г. в Ташкенте проходил Краевой съезд туркестанских мусульман, который был созван по инициативе организации Шуро-и Исламия. На съезде присутствовало более 150 представителей казахов, узбеков, туркмен и других народов Туркестана. В качестве главного вопроса на съезде рассматривался вопрос об отношении к Временному правительству и об управлении Туркестаном в сложившихся после свержения самодержавия условиях. По первому вопросу было вынесено постановление, что Временное правительство должно находиться под контролем Советов рабочих и солдатских депутатов и народа. По второму вопросу съездом принята резолюция о необходимости установления в России демократической республики на федеративных началах[519]. Одним из решений съезда стало Постановление о порядке управления Туркестаном, в котором содержался механизм реализации национального регионального самоуправления; в состав структуры региональной власти должны были входить духовное, финансовое и образовательное управления, автономная судебная и законодательная системы. Именно этот набор институтов, схожий с органами экстерриториальной автономии, по мнению участников съезда, на первых порах выражал собою национальную автономию[520]. Во главе Туркестанского краевого мусульманского совета (Тукрамус), который являлся исполнительным органом Шура-и исламия, стал М. Чокаев, видный политический деятель. На апрельском съезде Шура-и исламия были выбраны делегаты на I Всероссийский мусульманский съезд. В это же время мусульманский казахский съезд прошел в Верном, делегаты которого призывали создать отдельный муфтият для степных областей (Казахстанское духовное собрание).

В начале мая во Владикавказе состоялся I Общегорский съезд народов Северного Кавказа и Дагестана, на котором была провозглашена Горская независимая республика и учреждено Горское духовное управление[521]. В дальнейшем решения съезда стали основой, на которой начали формироваться элементы территориальной автономии Северного Кавказа.

Активно проходили процессы политизации мусульманских сообществ внутренней России. Так, в апреле 1917 г. в Уфе прошел губернский съезд мусульман, основной целью которого стала подготовка к I Всероссийскому съезду мусульман. В целом, проведение региональных мусульманских съездов, формирование национальных органов власти стало своего рода реализацией выдвинутого Временным правительством лозунга о равноправии всех народов России независимо от их религиозной и этнической принадлежности

[519] Революция и «национальный вопрос»... С. 345–346.

[520] Файзрахманов А.Ш. Вопросы федеративного устройства России в решениях национальных съездов в 1917 г. // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 7 (87). С. 257.

[521] Силантьев Р.А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М., 2010. С. 86.

и подготовило почву для дальнейшей консолидации мусульманских народов страны и активизации мусульманского движения.

Безусловно, наиболее важным для судеб мусульман России явился I Всероссийский мусульманский съезд, проходивший 1–11 мая 1917 г. в Москве и собравший представителей практически всех мусульманских народов страны. В общей сложности на съезде присутствовали почти 900 делегатов, представлявших мусульманскую политическую элиту, выражавшую различными способами, в том числе петициями, основные устремления своих народов и их различных социальных групп[522]. Съезд принял ряд резолюций по аграрному вопросу, отношению к войне, рабочему движению. Не менее важным стало принятие Резолюции об образовании Всероссийского центрального национального совета мусульман (Высший мусульманский совет), или Милли Шуро, с целью координации действий мусульманских народов, председателем которого был избран лидер национал-культурных автономистов меньшевик осетин-мусульманин А. Цаликов.

Главным вопросом съезда явилась форма будущего государственного устройства России. Делегатами было выдвинуто требование об автономии «тюркско-татарских мусульман внутренней России и Сибири» и создании представительного органа «тюркско-татарской нации» — Милли Меджлиса. В итоге, на съезде стала очевидной борьба между двумя основными течениями в национальном движении «мусульманства»: унитаристами, представляющими прежде всего интересы татарской торговой буржуазии, и федералистами, выражающими интересы национальной интеллигенции[523]. Как отмечает Р.А. Силантьев, «развернувшаяся <…> дискуссия поссорила татар и мусульман других национальностей, которые голосовали не за национально-культурную, а за территориальные автономии»[524]. Руководящая роль в федералистском направлении русских мусульман принадлежала азербайджанской интеллигенции и буржуазии. Мусульмане Туркестана примыкали к позиции федералистов. В результате длительных прений между сторонниками федеративного устройства и унитаристами большинством голосов на съезде была принята резолюция М.А. Расул-Заде, видного азербайджанского общественного и политического деятеля, о необходимости федеративного устройства России. В постановлении подчеркивалось, что «формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика

[522] Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/is16.html

[523] Революция и «национальный вопрос». Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3. 1917. Февраль – октябрь. М., 1930. С. 288.

[524] Силантьев Р.А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. С. 92.

на национально-территориально-федеральных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией»[525]. Таким образом, по решению съезда национальным окраинам, входившим в Российскую республику как равноправные части, предоставлялась государственно-политическая автономия.

По мнению крупнейшего российского специалиста по истории мусульманского движения С. Исхакова, расхождения между федералистами и унитаристами (сторонниками национально-культурной автономии) носили не идейно-теоретический, а этнопрагматический характер[526]. Как известно, за национально-территориальное устройство России выступали мусульманские делегаты Кавказа, Туркестана, Крыма, Башкирии, Степного края. Поволжские татары и часть представителей Северного Кавказа настаивали на национально-культурной автономии. По мнению С. Исхакова, расхождения между федералистами и унитаристами произошло потому, что «многие мусульмане не придавали большого значения различиям между территориальной и национально-культурной автономией». Позиция татарских лидеров объяснялась прагматизмом, связанным с тем, что в районе своего компактного проживания — Поволжье — они к 1917 г. составляли этническое меньшинство. Поэтому в случае создания национально-территориальной автономии они не имели бы возможности «использовать для себя выгоды этой формы автономии» и «лишились бы моральной и иной поддержки со стороны своих сородичей». Унитаризм и соответствующая ему национально-культурная автономия рассматривались татарами как средство защиты своей национальности и культуры[527].

Говорилось на I Всероссийском мусульманском съезде и о культурно-просветительной работе. В резолюции, посвященной этому вопросу, содержались ключевые положения о развитии школьного образования, необходимости придать начальной школе статус обязательной и бесплатной, подчеркивалась важность обучения на родном языке и преподавания русского языка как отдельного предмета.

Бурные дебаты вызвало обсуждение на съезде женского вопроса. Вообще, включение женского вопроса в повестку дня мусульманского съезда было делом неоднозначным. Однако феминизация мусульманского общества становилась все отчетливее, мусульманские женщины выступали за социальное и политическое равноправие. Свидетельством тому является активиза-

[525] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Барнаул, 2016. Док. № 77. С. 187.

[526] Исхаков С. Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: http://conjuncture.ru/ischakov_27-11-2000/

[527] Исхаков С. Российские мусульмане и революция. 1917–1918 гг. С. 176.

ция женского мусульманского движения. Так, в конце апреля 1917 г. в Казани прошел I Всероссийский съезд мусульманок, на котором говорилось о необходимости эмансипации женщины Востока. На съезде в Москве в составе делегатов присутствовало 112 женщин, из них 9 — представляли делегацию Съезда мусульманок России и его резолюцию[528]. Прогрессивная часть делегатов съезда настаивали на рассмотрении предложений, выдвинутых женщинами-мусульманками, однако фракция мусульманского духовенства выступила с резким протестом идеи предоставления женщинам равных прав с мужчинами. Несмотря на серьезные разногласия, съезд принял резолюцию по женскому вопросу, согласно которой «мусульманки как в политических, так и в гражданских правах должны быть равноправными с мужчинами» [529]. В целом, решения съезда звучали прогрессивно и сразу были восприняты в регионах с энтузиазмом. Однако единения в мусульманском движении не произошло. После съезда тюркские окраины, представленные в ВМС, работали изолированно. Что касается туркестанских мусульман, то они последовали за джадидами, являвшимися, по выражению М. Чокаева, национал-революционерами и федералистами[530].

Важным направлением деятельности I Всероссийского мусульманского съезда стала работа его аграрной секции. На ее заседаниях обсуждался широкий спектр проблем, порожденных аграрной политикой Российской империи, в том числе в Степном крае и Туркестане. Несомненным успехом деятельности членов секции следует признать ряд решений, затрагивающих интересы данных этнорегионов. В частности, резолюция, предложенная съезду аграрной секцией и единогласно принятая им, предлагала приостановление землеустроительных работ в степных областях и Туркестане, приостановление выселения казахов, немедленного решения вопроса об их землеустройстве[531].

Попыткой интеграции мусульман России для решения актуальных социально-политических и культурно-религиозных задач следует считать создание на I Всероссийском съезде мусульман Всероссийского мусульманского совета (ВМС). В его состав вошли 30 человек, представлявших фактически все мусульманские регионы страны. Председателем Исполнительного комитета ВМС был избран А. Цаликов. Туркестан в Исполкоме представляли З. Валидов, У. Ходжаев, К. Тогусов, Степной край — М. Таначев, Д. Дос-

[528] Чубукчиева Л.З. Женский вопрос на Всероссийском мусульманском съезде в Москве: по материалам личного архива Шефики Гаспринской // Ученые записки Таврического национального университета им. В. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2012. Т. 25 (64). № 1. С. 200.

[529] Революция и «национальный вопрос»... С. 296–298.

[530] Исхаков С.М. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. T. XVIII. 2001. C. 210.

[531] Исхаков С. Российские мусульмане и революция... С. 179.

Мухамедов. С момента создания Исполкома ВМС 12 мая до октября 1917 г. его деятельность связана с попытками координации всероссийского мусульманского движения и руководства «национально-политическими делами мусульман». В частности, на заседаниях Исполкома рассматривались вопросы подготовки к выборам в Учредительное собрание, проходило обсуждение проектов Положения о выборах и процедур создания избирательных комиссий и округов; обсуждалась возможность отправки в Хиву специалистов для консультаций хана о проведении реформ. Отдельным направлением работы Исполкома ВМС следует считать его взаимодействие с органами власти в лице Временного правительства и Советов. Так, в июле 1917 г. члены Исполкома ВМС приняли участие в работе I Всероссийского съезда Советов, настаивая при этом, чтобы все 12 членов структуры были включены в состав ВЦИК. Кроме этого, лидеры мусульманского движения, составлявшие ядро Исполкома ВМС, работали в Комиссии по духовным делам при Департаменте духовных дел МВД, в Государственном комитете по народному образованию при Министерстве народного просвещения[532].

Возвращаясь к I Всероссийскому мусульманскому съезду, отметим, что он стал первым в череде мусульманских съездов. В июне 1917 г. в Казани проходил Первый армейский мусульманский съезд (Казань, 12–21 июня 1917 г.), а затем и Всероссийский съезд духовенства. Во время очередного правительственного кризиса и событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде, когда в столице произошли массовые демонстрации с требованием отставки Временного правительства и передачи всей власти Советам, вечером 3 июля состоялось частное совещание мусульманских политиков, на котором был поднят вопрос о необходимости принятия мер к тому, чтобы добиться включения в реорганизуемое коалиционное правительство представителей мусульманских народов страны. 4 июля прошло заседание Исполкома ВМС с участием членов Всероссийского мусульманского совета. Было решено требовать включения в состав коалиционного правительства представителей от мусульман и направить делегацию для переговоров с правительством, во время которых глава Временного правительства князь Г.Е. Львов согласился с предложениями ВМС о включении представителя Мусульманского совета в состав правительства. Однако далее обсуждения решение этого вопроса не пошло. Предложения мусульманских политиков не были реализованы в связи с резким изменением политической ситуации[533].

---

[532] Исхаков С. Российские мусульмане и революция... С. 187–189.

[533] Исхаков С.М. Меньшевик А. Цаликов об отношении российских мусульман к Первой мировой войне. 1917 г. // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]. URL: http//sbornik.lib.smr.ru/

Позднее на заседании исполкома Всероссийского мусульманского совета 18 июля 1917 г. в связи с июльскими событиями в Петрограде было принято воззвание «К мусульманам России», в котором подчеркивалось, что победа революции «даст всем свободу, закрепит благосостояние всех и каждого, крушение ее уровняет всех в нищете, ибо надолго в стране водворится террор реакции и анархии. Наши мечты о свободном самоопределении народов России — обратятся в горькую правду рабского существования <…>. Наша участь связана неразрывно с судьбой революционной демократии страны, и наше сознание говорит, что все мы должны сплотиться прочной силой вокруг того, что носит название — правительство спасения революции. Долг всех наших организаций, долг каждого сознательного гражданина в отдельности, все усилия направить на то, чтобы и мусульмане всячески отметали от себя анархию»[534].

Это обращение важно прежде всего тем, что выражает идею единства мусульманских народов и России. Несмотря на идеи регионализма, федерализма, мусульмане в революционных событиях видели себя частью единого государства.

Подчеркивая общее позитивное значение Московского мусульманского съезда, отметим, что Высшему мусульманскому совету, образованному по его решению, не удалось стать всероссийским координирующим центром мусульман. Одной из причин стали все отчетливее проявлявшиеся автономистские стремления национальных окраин. Второй, не менее значимой причиной раскола общероссийского мусульманского движения стала межэтническая борьба за лидерство членов Исполкома ВМС. Наиболее отчетливо данная тенденция обозначилась в период подготовки II Всероссийского мусульманского съезда, когда определялось место его проведения. 25 июня 1917 г. на заседании Исполкома ВМС против проведения съезда в Казани высказалось четверо членов — этнических казахов, А. Цаликов и У. Ходжаев отказались участвовать в голосовании. Данный факт позволяет некоторым исследователям утверждать, что борьба за лидерство в ВМС происходила преимущественно между татарскими и казахскими националами[535].

Противоречия проявились в ходе работы II Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в Казани 21 июля — 2 августа 1917 г. По мнению ряда исследователей, возникновению расхождений способствовали «слабые связи между тюркскими народами, которые поддерживались лишь стараниями татар, несмотря на возникшие благоприятные условия для укрепления и углубления их, не развивались дальше, ибо каждый народ считал себя, с одной стороны, свободным от центральной власти, а с другой — не проявлял особого желания связывать себя также какими-либо общими принципами и с братски-

[534] Воззвание Всероссийского мусульманского совета // Революция и «национальный вопрос». Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3. 1917. Февраль – октябрь. М., 1930.С. 311–312.

[535] Исхаков С. Российские мусульмане и революция... С. 196.

ми народами»[536]. Исходя из этого февральские события стали катализатором развития автономистских, а не интеграционных тенденций в мусульманском движении. Свидетельством такой позиции можно считать отсутствие представителей Кавказа и Центральной Азии на Казанском съезде.

Отсутствие делегатов Степного края и Туркестана может быть объяснено проведением в это же время национальных региональных съездов. По этому поводу в исполкоме Всероссийского мусульманского совета разразилась целая дискуссия. Ряд членов Исполкома ВМС поддержали желание регионов провести национальные съезды, подчеркивая, что такое положение вполне естественно, так как «вопрос о предвыборной тактике может быть разрешен лишь на областных национальных съездах»[537], в то время как Г. Исхаков и А. Цаликов «видели в данном случае печальное для мусульман явление», свидетельствующее о разложении «тюрко-татарских племен». При обсуждении А. Цаликов подчеркивал, что во имя единства мусульманских народов необходимо не просто провести съезд, но чтобы съезд был именно общемусульманским. Однако эти заявления не возымели результата, единства позиций достичь не удалось, что привело к проведению в конце июля наряду с II Общероссийским мусульманским съездом общеказахского и общебашкирского съездов.

Несмотря на разногласия и неполное представительство мусульманских народов, съезд в Казани имел важное значение, так как был рассмотрен широкий круг вопросов и выражено общее настроение мусульманских народов о модернизации социально-политических отношений в стране.

Параллельно с Всероссийским мусульманским съездом в Казани в июле 1917 г. прошел целый ряд мероприятий: II Всероссийский мусульманский военный съезд, Всероссийский съезд мусульманского духовенства, что, безусловно, свидетельствовало о росте национальной и религиозной идентификации. На объединенном заседании трех съездов было принято решение о создании «национально-культурной автономии для мусульман внутренней России и Сибири», созданы органы управления этой автономии: Временное национальное управление в составе трех министерств. Для придания автономии легитимного характера Исполком Всероссийского мусульманского совета обратился к Временному правительству России с просьбой признать Национальное управление мусульман внутренней России и Сибири[538],

---

[536] Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. Казань, 2005. С. 136; Закиров Р.З. К вопросу об особенностях тюрко-татарского национального движения в 1917–1918 годах // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2007. № 18. С. 58–59.

[537] Деятельность Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета // Революция и «национальный вопрос»... С. 307–308.

[538] Обращение исполкома ВМС к Временному правительству // Революция и «национальный вопрос»... С. 318–320.

однако последнее замедлило принятие данного решения, а приход к власти большевиков в октябре 1917 г. еще более осложнил ситуацию с формированием институтов Национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири.

Важно подчеркнуть, что идеи федеративного устройства сохраняли на съезде свое звучание. Согласно резолюции, народам «Туркестана, Киргизии, Кавказа и Крыма» предоставлялось самостоятельное решение вопроса о форме правления. Принятие такой формулировки не являлось случайностью, так как к этому времени народы указанных регионов четко обозначили свою позицию. Так, на съезде туркестанских мусульман, проходившем в июне 1917 г., была принята резолюция о необходимости установления в России демократической республики на федеративных началах, общеказахский июльский съезд, проходивший в Оренбурге, признал, что Россия должна быть демократической федеративной парламентской республикой с предоставлением автономии казахским областям. На Кавказе и в Крыму федералистские идеи также были по-прежнему сильны.

В целом, резолюции I и II Всероссийских съездов мусульман, прошедших весной-летом 1917 г., зафиксировали положение о преобразовании России в федеративную республику с предоставлением мусульманским народам права автономии. Важно и то, что ни на одном из мусульманских съездов регионального и общероссийского уровня не ставился вопрос о выходе из состава России. Подобная умеренность представителей мусульманских регионов России в трактовке становившегося популярным права наций на самоопределение не случайна и была обусловлена, как представляется, длительной целенаправленной политикой интеграции окраин в имперское пространство, сложившимися хозяйственными связями, а также начальным этапом становления национального движения[539].

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что революционные события 1917 г. открыли новые возможности развития мусульманского движения в стране. Съезды, проходившие весной 1917 г. в национальных окраинах, можно отчасти отнести к проявлению стихийного регионализма, но единство позиций по ряду вопросов и общее стремление сохранить государство позволяют говорить об интеграционной составляющей в мусульманском движении. Большинство национальных, мусульманских и не только, движений страны государственное устройство России видели в качестве федеративной демократической республики. Механизмы работы съездов и принятые резолюции были схожи между собой. Это прежде всего первоочередность требования национально-территориальной автономии и «демократического федеративного государственного строя»; требование создания центрального правительственного

[539] Бочкарева И.Б. Автономистское движение в Туркестане в период революций 1917 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 55.

органа, решение национального вопроса; необходимость созыва Всероссийского учредительного собрания как высшей политической инстанции и т.д.; и в то же время — отсутствие решений о конкретном политическом статусе и форме автономии, ее компетенции, разграничении полномочий между будущим федеральным центром и местными национальными властями. Резолюции были обращены прежде всего к своему народу для декларации намерений и отражали текущую политическую обстановку, нося рекомендательный характер для принятия их во внимание Временным правительством[540].

Завершая анализ развития мусульманского либерального движения в период между Февралем и Октябрем, необходимо подчеркнуть, что степень вовлечения в него мусульман России, по оценке исследователей, оставалась крайне низкой. Идеи федеративно-автономистского развития страны транслировали и продвигали немногочисленные группы этноэлит, интегрированные в общественно-политическое пространство страны. Большая часть мусульманского населения, не знающая русский язык, в условиях господства традиционных норм общежития не владела информацией о происходящих в России политических трансформациях. Так, на прошедшем 17 июля 1917 г. мусульманском съезде казахи отмечали, что большинство кочевников Ферганской области находились в полном неведении относительно подробностей Февральского переворота. Один из лидеров казахского автономистского движения М. Чокаев в своих мемуарах вспоминал: «До слуха нашего доходили раскаты русской революции, но смысла ее мы не понимали». Служившие в Российской армии мусульмане Кавказа, по свидетельству Н.Н Брешко-Брешковского, «много не понимали, и прежде всего, не понимали, как это можно «без царя». Слова «временное правительство» ничего не говорили им…»[541].

В условиях господства традиционных религиозных установок большинству мусульман России были непонятны западные ценности и нормы политической культуры. У многих возникали опасения, связанные с тем, что новый политический строй не сможет кардинальным образом изменить социально-правовой статус мусульман России и приведет к новому «самодержавию, даже если оно именуется «свободой». По свидетельству С. Айни, мусульмане Хивы и Бухары были не меньше, чем российские мусульмане, обеспокоены революционными событиями 1917 г. и убеждены, что «свобода» принесет им эмансипацию женщины, обучение их детей в «школах неверных» и падение авторитета мусульманского духовенства и шариата[542]. Подобные апокалиптические настроения, безусловно, порождались тревогой

[540] Файзрахманов А.Ш. Вопросы федеративного устройства России в решениях национальных съездов в 1917 г. // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 7 (87). С. 258.

[541] Цит. по: Исхаков С. Российские мусульмане и революция... С. 130.

[542] Айни С. История революции в Бухаре // Памир. 1986. № 4. С. 125.

и страхом перед наступившими переменами, неизбежностью изменения традиционного образа жизни.

Ярким свидетельством негативного отношения мусульманского населения к революционным веяниям являются события в Бухаре и Хиве весной 1917 г. Как известно, после падения самодержавия хивинский хан Сеид-Асфендиар-Богадур-Хан пошел на уступки младохивинцам и в апреле 1917 г. объявил о начале буржуазных преобразований в государстве. В рамках декларированной ханом конституционной монархии в стране провозглашалось равенство всех граждан перед законом, свобода создания союзов, введение местного самоуправления и т.д. По аналогичному сценарию развивались события в Бухарском эмирате. Однако, как считают большинство исследователей, и Хива, и Бухара были вынуждены пойти на этот шаг под давлением Временного правительства, которое, в обмен на формальное признание их суверенитета, поставило условием проведение реформ[543]. Поэтому, когда 8 апреля младобухарцы устроили манифестацию в поддержку реформы и направились ко дворцу эмира, их встретила контрманифестация во главе с муллами. В результате младобухарцы были вынуждены разойтись, а эмир уже 14 апреля отменил свой манифест-программу реформ.

В двадцатых числах апреля 1917 г. Временное правительство было вынуждено направить в Бухару члена Туркестанского комитета Временного правительства генерал-майора Давлетшина. Последний в своем сообщении доносил в МИД России, что население эмирата было склонно думать, что свобода, уравнивая их в правах с немусульманами, тем самым отнимет у них право превосходства над другими. Далее Давлетшин рекомендовал «не затрагивать пока вопросов религиозного характера» и не вводить «насильно для массы населения такие новшества, которые ему противны и не понятны»[544]. Таким образом, население Бухары не поддержало младобухарских революционеров, что еще раз доказывает господство традиционалистских мировоззренческих установок у населения эмирата и их неготовность к восприятию новых культурных ценностей.

3.3. Этноэлиты Степного края и Туркестана на пути к национально-территориальной автономизации

Февральская революция и падение монархии в России актуализировали вопрос о будущей форме правления и государственного устройства страны, что дало мощный толчок для идейно-политического и организационного ста-

[543] История Бухарской и Хорезмской народных республик. М., 1971. С. 50–51; Исхаков С. Российские мусульмане и революция... С. 141.

[544] Дневник генерала А.Н. Куропаткина. 1917 год // Исторический архив. 1992. № 1. С. 162.

новления казахского и туркестанского национальных движений. Провозглашение Временным правительством демократических прав и свобод, отмена национальных ограничений создали условия для национальных элит региона пересмотреть имперскую модель управления. Вопрос о политическом статусе Степного и Туркестанского края стал центральным в национальных проектах местной интеллигенции.

В Степном крае национальная казахская интеллигенция выразила свою позицию о будущем государстве в создании национальной партийной организации Алаш и образовании территориально-национальной автономии Алаш-Орда.

По мнению одного из лидеров движения Алаш А. Байтурсынова, «февральская революция была правильно понята и с радостью встречена киргизами (казахами. — *авт.*), потому что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства, и, во-вторых, подкрепила надежду осуществить свою заветную мечту — управляться самостоятельно»[545]. При этом сложная организация казахского социума, не совпадавшая с общепринятой в западных культурах схемой структурирования обществ, обусловила индифферентное отношение населения к острой политической борьбе общероссийских партий, однако основные заявления Временного правительства о демократических преобразованиях отвечали главным требованиям населения и получили широкую поддержку[546].

Характеризуя состояния власти в казахском социуме в начале 1917 г., ряд исследователей подчеркивают, что «в условиях февральской революции власть на местах находилась в подвижном, переходном состоянии. Наряду с другими, в политическую и общественную жизнь Степного края включалась и казахская интеллигенция, которая выступила инициатором проведения казахских областных съездов для определения позиций… в борьбе за власть»[547]. Именно в создании и проведении областных казахских съездов нашел выражение процесс консолидации национальных политических сил региона.

Общая тенденция, которая объединяет первые областные казахские съезды, проходившие весной 1917 г., это заявление о всемерной поддержке курса Временного правительства и надежда на дальнейшие преобразования. Одним из актуальных вопросов, рассматриваемых на областных съездах, был вопрос о будущем политическом устройстве государства и организации власти на местах, однако единства в решении данных вопросов на тот момент в среде региональной казахской политической элиты не было.

Первый (Тургайский) областной казахский съезд начал свою работу в Оренбурге 2 апреля 1917 г. Председателем президиума съезда был избран

[545] Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. С. 154.

[546] Там же. С. 153.

[547] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 г. Алматы, 2011. С. 28.

А. Байтурсынов. На съезде присутствовало около 300 делегатов из степных областей, а также представители Казанского, Уфимского, Оренбургского мусульманских комитетов и бюро, что подчеркивало неразрывную связь мусульман Степного края с общероссийским мусульманским движением. Важнейшим результатом работы съезда стало конструирование будущей системы управления Степным краем, которая, по мнению казахской политической элиты, будет являться прерогативой самого региона. Новая система управления виделась в организации «гражданских комитетов общественной безопасности на местах» всех уровней, начиная с аульных, волостных, уездных, заканчивая областными гражданскими комитетами, инициатива организации которых полностью предоставлялась населению[548]. Вынесение вопроса об организации власти в первый пункт повестки съезда, «обозначал четко… стремление казахских комитетов принять участие в борьбе за место в освободившейся нише, обозначив свои претензии за власть»[549]. В целом, Первый Тургайский областной съезд в своих решениях был наиболее решителен. Так, рассматривая вопрос о форме правления Российского государства, съезд высказался за «демократическую, парламентскую и децентралистическую Республику»[550].

Семиреченский областной киргизский съезд, проходивший в Верном с 12 по 23 апреля 1917 г., не предложил собственного варианта структуры управления регионом, а согласился с принятием «полной модели системы управления национальных окраин Российской империи, разрабатываемой Временным правительством»[551]. В резолюции съезда было заявлено о невозможности отделения гражданской власти от военной, а управление регионом должно находиться в руках двух комиссаров (мусульманина и русского), назначенных Временным правительством. Высказался съезд и за сохранение должностей волостных управителей и аульных старшин. Таким образом, съезд лишь заявил о полной поддержке курса Временного правительства и не выступил с инициативой передачи прерогативы формирования системы власти в руки населения Степных областей. По мнению исследователей, структура власти, предложенная делегатами Семиреченского съезда, в полной мере отражала все противоречия эпохи, делегаты в своих поисках наиболее оптимальных форм организации власти пытались реализовать

[548] Резолюция Тургайского областного казахского съезда // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 73. С. 182–184.

[549] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 г. С. 29–30.

[550] Алаш-Орда : сборник документов / сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата, 1992. С. 27.

[551] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 г. С. 32.

практически все возможные (часто прямо противоположные) варианты решения задачи[552].

Созвучными результатам Семиреченского съезда были решения проходившего 19–22 апреля 1917 г. Уральского областного съезда, численность делегатов которого насчитывала более 800 человек. Первые пункты повестки работы съезда были посвящены форме государственного управления, отношению к Временному правительству и войне. Не давая развернутого видения формируемой структуры управления государством и Степными областями, съезд в резолюции зафиксировал общие постулаты: во-первых, «киргизский народ приветствует идею демократической Республики, оставляя вопрос о национально-территориальной федерации пока открытым...», включая принятие такого решения в компетенции Учредительного собрания[553], во-вторых, признавалась «необходимость замены прежнего бюрократического управления <…> области народным управлением в виде комитетов аульных, волостных, уездных и областного»[554].

Показательными в плане формирования представлений политической казахской элиты о структуре власти и механизмов ее реализации стали решения Семипалатинского областного съезда, проходившего 27 апреля — 7 мая 1917 г. Среди вопросов, вынесенных на обсуждение, съезд выделил несколько центральных, а именно, о важности созыва Учредительного собрания, форме государственного устройства, автономии и организации власти на местах. Нерешительность и непоследовательность Временного правительства в реструктуризации имперской системы управления, неопределенность сроков созыва Учредительного собрания привели к формированию недовольства политическим курсом. Действительно, первые шаги Временного правительства вселяли определенную надежду на кардинальные перемены. Но при этом Временное правительство отрицало идею автономизации страны, называя стремление национальных окраин к самоопределению «болезненным проявлением желания отойти от центра, желания самоопределиться…, которое мы видим сейчас не только в определенных национальностях, но даже в определенных русских группах»[555], что не могло не сказаться на настроениях в обществе. В ходе работы Семипалатинского съезда мнения о будущем устройстве государства разделились. Часть делегатов, вторя решениям прошедших съездов, высказывались за «федеративную демократическую республику». Однако именно на Семипалатинском съезде группой делегатов была высказана идея о необходимости отстаивания

[552] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 г. С. 32–33.

[553] Алаш-Орда : сборник документов / сост. Н. Мартыненко. С. 36–37.

[554] Там же. С. 41.

[555] Революция и «национальный вопрос»... С. 57.

права казахов на создание культурно-национальной автономии. В резолюции съезда подчеркивалось, что «ввиду особого уклада жизни киргизского рода, требующего издания особых местных законов, съезд высказывается за автономию…»[556]. Органы власти, в понимании съезда, должны формироваться независимо от сословных, национальных, религиозных различий. Здесь, по мнению современных исследователей, прослеживается тенденция казахской интеллигенции к консолидации.

Безусловно, это были поиски казахской интеллигенцией максимально отвечающего потребностям решения проблемы власти. В условиях политического дисбаланса, когда имперская административная система была разрушена Временным правительством, а на ее месте возникло сразу несколько властных источников, казахская политическая элита, в том числе и в ходе организации областных съездов, предлагала свое виденье заполнения административного вакуума в Степных областях.

Действительно, политическая ситуация и система власти в Степном крае после Февральской революции была крайне запутанной и в большой степени непонятной казахскому населению. Чаще всего речь идет о установлении системы двоевластия. Первый источник власти — это органы Временного правительства в лице института комиссаров. Временное правительство вместо прежних структур власти начало создавать областные и уездные комиссариаты. Была введена должность комиссара Временного правительства по Степному краю. Нужно подчеркнуть, что представители казахской национальной интеллигенции широко включались в систему управления этнорегионами. Молодая политическая элита Степного края приняла активное участие в формировании местных органов власти Временного правительства. Так, лидер будущей партии Алаш А.Н. Букейханов в период с февраля до октября 1917 г. целенаправленно действовал вместе с Временным правительством, возлагая серьезные надежды на демократические трансформации в стране под руководством хорошо знакомых ему лидеров российского конституционализма[557], и исполнял должность комиссара Временного правительства в Тургайской области.

Второй сегмент в структуре власти — это Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые в русле общегосударственной тенденции стали повсеместно создаваться в Казахстане в марте-апреле 1917 г. Политическое большинство в Советах принадлежало меньшевикам и эсерам, постепенно расширялась сеть большевистских групп, хотя в целом большевизация

[556] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 г. С. 39.

[557] Аманжолова Д.А. А.Н. Букейханов и проблемы политической консолидации казахского народа // Мир Большого Алтая. 2016. № 2(2.1). С. 219–220.

Советов Степного края проходила медленнее, чем в центральных регионах страны. Входить в состав Советов, как явственно было видно из протокола заседания Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов, «могут представители от профессиональных союзов, от социалистических партий и других общественных организаций, хотя они и будут национальными, если цель их — защита трудового народа»[558]. Однако в силу социально-экономической специфики развития региона (дисперсное расселение населения, отсутствие развитого рабочего класса, низкая степень политизации региона, а в связи с этим низкий уровень включенности казахского населения в политические процессы) идеи советизации в данный период не получили национальной поддержки.

Однако в марте-апреле был оформлен третий сегмент власти в лице казахских комитетов, который действовал параллельно с органами Временного правительства и Советами[559]. Комитеты были созданы во многих областях и городах Степного края. В качестве органов самоуправления казахские комитеты вступали в коалиции с другими местными органами власти — как созданными инициативно весной, так и затем Временным правительством, в том числе в Омске[560]. В компетенцию казахских комитетов входило решение аграрного вопроса, вопросов образования, суда, религии и т.п. Структурно казахские комитеты подразделялись на аульные, волостные, уездные, областные. Проходившие весной областные казахские съезды подтверждали значимость и значение казахских комитетов как носителей национальных интересов казахского народа. Во многом именно казахские комитеты стали выражением зарождающихся автономистских идей и выступали противовесом предложенной Временным правительством концепции государственного устройства.

Отсутствие сильного единовластия и породило активные поиски казахской интеллигенции самостоятельного решения данной проблемы и обусловило формирование собственной национальной идеи. Основополагающим этапом в развитии национальной идеологии в Казахстане стала работа Первого Всеказахского съезда, проходившего в Оренбурге 21–26 июля 1917 г. при участии представителей почти всех областей Казахстана. Важное влияние на работу съезда и принятые им решения оказали итоги Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в Москве 1–11 мая 1917 г., на котором по вопросу о форме государственного устройства большинством голосов была принята резолюция,

[558] 1917 год в Казахстане : документы и материалы. Алма-Ата, 1977. Док. № 49. С. 84–85.

[559] Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. С. 156.

[560] Аманжолова Д.А. Из истории взаимодействия Временного Сибирского правительства и Алаш-Орды // Russkaya Starina. 2015. Vol. (13). Is. 1. С. 6.

в которой утверждалось, что «формой <…>, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеральных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией»[561]. Важным было и одно из решений Второго Всероссийского мусульманского съезда (Казань, 21–31 июля 1917 г.), который постановил, что «разрешение вопроса о форме правления Туркестана, Киргизии, Кавказа и Крыма предоставляется самому населению этих окраин»[562].

Вторя постановлениям Первого и Второго Всероссийских мусульманских съездов, Первый Всеказахский съезд принял принципиально важные решения, касающиеся будущего казахского общества и всего государства[563]. Съезд признал, что Россия должна быть демократической федеративной парламентарной республикой, с «областной территориально-национальной автономией» казахских областей. При этом характер и степень автономизации в резолюции съезда не оговаривался. Особое внимание на съезде было уделено решению земельного вопроса, который стоял в регионе особо остро и требовал принятия серьезных мер. Наряду с актуальными вопросами политического и экономического характера, съезд вынес решения и по важным направлениям социальной сферы: создание народной милиции; обязательное учреждение земства не только в оседлых, но и кочевых волостях; введение всеобщего обязательного начального обучения на родном языке; реформирование казахского суда, расширение политических и юридических прав казахской женщины[564]. Важным результатом работы съезда стало принятие решения о разработке программы «киргизской политической партии», столь необходимой Степному краю.

Общий политический кризис в стране, неспособность Временного правительства создать сильную систему администрирования, нерешенность земельного вопроса в Степном крае привели к изменению в регионе к осени 1917 г. политических настроений народных масс в сторону большевиков. Положение трудящихся масс ухудшалось, голод охватил целые районы Сырдарьинской и Семиреченской областей. Росло недовольство продовольственной политикой Временного правительства. Вот лишь некоторые данные за ок-

[561] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 77. С. 187.

[562] Революция и «национальный вопрос»... С. 315.

[563] Там же. С. 362–363.

[564] Постановление общеказахского съезда в Оренбурге // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 80. С. 196–197.

тябрь 1917 г.: «Возбужденность в уезде [Зайсанском] вообще, а в г. Зайсане в частности с каждым днем среди населения повышается. Объектом злобы служат комитеты и исключительно продовольственные, которым ставится в вину отсутствие товаров на местном рынке…»[565], «…ввиду поднятия цен на хлеб в Семипалатинске начались погромы. Разгромлена продовольственная управа. Войска вместо противодействия толпе сами принимают участие в беспорядке…»[566]. В сентябре-октябре 1917 г. бастовали рабочие Петропавловска, Уральска, ряда станций Оренбургско-Ташкентской железной дороги, массовые выступления произошли в Верном, Аулие-Ате и других городах. Забастовки и стачки рабочих перемежались с выступлениями городской бедноты, поддерживались солдатами. Массовый характер приобрели аграрные выступления. Согласимся с мнением, характерным для советской историографии проблемы, что массовые народные выступления были «важным показателем назревания революционного кризиса в Казахстане»[567].

Именно в этот сложный период происходит оформление пробольшевистски настроенных партийных структур. Так, в октябре 1917 г. в Омске создается партия Уш жус, социальной опорой которой выступали низы и средние слои интеллигенции. Партия называла себя «Киргизской социалистической партией», ее лидером являлся Кольбай Тогусов. Уш жус выступала главным оппонентом Алаш по многим вопросам общественно-политической жизни Казахстана. Представители Уш Жуз входили в состав Омского, Петропавловского, Семипалатинского, Акмолинского и ряда других Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Члены левого крыла Уш-Жуз во главе с К. Тогусовым активно сотрудничали с большевиками[568]. Согласно официальному заявлению, цель создания партии — «защита федерации и объединение тюрко-татарских племен»[569]. Однако социалистическая направленность партийной программы не встретила поддержки широких слоев казахского общества.

Наиболее устойчивыми и востребованными стали идеи о культурно-национальной автономии казахов, выраженные движением Алаш. Можно утверждать, что Первый Всеказахский съезд, прошедший в Оренбурге в июле 1917 г., стал началом оформления программы Алаш, трансформации

[565] 1917 год в Казахстане. Документы и материалы. Док. № 151. С. 180.

[566] Там же. Док. № 152. С. 181.

[567] Сулейменов Б.С., Басин В.Я., Маликов Ф.М. Казахстан накануне и в период победы Великого Октября // Великий Октябрь в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 30.

[568] Елькеев Б. Партия «Уш-Жуз» и ее деятельность в период установления советской власти в Казахстане // История Казахстана: белые пятна : сборник статей / сост. Ж.Б. Абылхожин. Алма-Ата, 1991.

[569] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 89. С. 210.

движения Алаш в партию и конструирования национальной автономистской идеи от культурно-национальной автономии к территориально-национальной автономии. Несмотря на отсутствие принятой программы партии, уже летом в некоторых областях и городах Степного края действовавшие казахские комитеты стали и органами местного самоуправления, и партийными структурами, а с октября 1917 г. при их активной поддержке началась организация областных отделений Алаш. Данный процесс был тесно связан с кампанией по выборам в Учредительное собрание[570]. Алашевцы стали активно участвовать в избирательной кампании, что требовало структурного оформления партии. Уже в начале октября в газете «Казах» было опубликовано сообщение о разработке программы партии Алаш, а в ноябре опубликован сам проект программы, который «демонстрировал творческий синтез опорных положений социалистических и буржуазно-демократических партий»[571] и, по сути, носил демократический характер. Согласимся с мнением Д.А. Аманжоловой, что представления о типе национально-государственного образования казахов, его месте в рамках евразийского геополитического пространства, объединяемого Российской империей и после ее развала, полномочиях и статусе складывались у лидера Алаш по мере развития политической ситуации и под ее воздействием[572]. Лишь после прихода к власти большевиков вопрос о практической автономии встал в повестку дня казахской интеллигенции.

Накануне Февральской революции национальное движение коренного населения Туркестана как продукт процесса модернизации находилось, по сути, на начальной, «просветительской» стадии, выражавшейся в распространении среди местной национальной интеллигенции идей джадидизма, выступавшего за реформацию ислама с учетом требований времени. Однако к этому времени не сложилась четкая политическая программа, определяющая характер национальных требований, как не было и национальной партии, которая бы продвигала эти требования во власть. Февральская революция создала правовое пространство для свободы слова, устранения национальной дискриминации в правах, что стало мощным стимулом для активизации общественно-политического движения мусульманского населения края, о чем говорит тот факт, что его организационное оформление началось уже в первые недели после революции.

Коренная интеллектуальная и политическая элита Туркестана в отличие от элиты Степного края была преимущественно исламской по своей идейной

[570] Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. С. 178.
[571] Там же. С. 182.
[572] Аманжолова Д.А. А.Н. Букейханов и проблемы политической консолидации казахского народа. С. 221.

направленности, но вместе с тем делилась на две основные группы. Первую представляли местные джадиды: М. Абдурашидов, Махмуд-ходжа Бехбуди, Убайдулла Ходжаев. Они имели опыт больше культурно-просветительской, нежели политической деятельности, и видели дальнейшее развитие края по пути реформ в рамках стратегии модернизации с учетом мусульманской специфики региона. К джадидам после революции примкнула немногочисленная для Туркестана светски ориентированная, русифицированная группа политиков, преимущественно этнических казахов — Мустафа Чокаев[573], М. Тынышпаев. Вторую группу составляли мусульманские улемы: консервативная часть местной элиты, ориентирующейся скорее на традиционные исламские ценности, нежели национальные[574]. В сложившихся после революции политических условиях они увидели возможность защиты устоев мусульманского общества от западного влияния, а не перспективы модернизации. Так как отстаивание политических и экономических интересов коренного населения должно было происходить в диалоге с краевой администрацией и центральным правительством, то владение русским языком, опыт работы в административных и политических институтах бывшей Российской империи становились важным ресурсом для новой политической элиты. Показательно, что руководителем улемистского движения в период его организационного оформления стал не религиозный деятель, а светский политик, востоковед Шерали Лапин.

Готовность левого крыла мусульманского политического движения контактировать с русскими в рамках современного политического процесса и совместно вырабатывать новые правила управления Туркестаном вывела джадидов на лидирующие позиции в национальном движении. В период между Февралем и Октябрем именно они определяли политическую программу национального движения, включая проект автономии Туркестана. Сильной стороной улемистского течения, в свою очередь, являлась большее, чем у джадидов, влияние на широкие слои традиционного мусульманского общества. До лета 1917 г. оба течения действовали совместно в рамках одной национальной организации — Шурои Исламия.

В марте 1917 г. в Ташкенте возникает первая национальная политичес-кая организация по типу Советов — Шурои Исламия (Совет мусульманских депутатов), объединившая все политически активные силы Туркестана. В апреле усилиями Шурои Исламия был проведен I Всетуркестанский съезд мусульман, организовавший Туркестанский краевой мусульманский совет (Тукрамус,

[573] Мустафа Чокаев получил юридическое образование в Петербурге, в 1907 г. вошел в Политическое мусульманское бюро при Государственной думе, отвечал за контакты с Туркестаном. Член партии кадетов. После Февральской революции в апреле приезжает в Ташкент.

[574] Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб., 2007. С. 181.

в литературе можно встретить другие названия этого органа — Краймуссовет, Туркестан Милли Шураси), главой которого был выбран М. Чокаев. Тукрамус в дальнейшем выполнял функции координационного центра национального движения коренного населения края. Повестка дня съезда была очень широкой, включала вопросы управления краем и отношений с Россией: экономика, образование, судебная система, но все они, по сути, сводились к центральному вопросу — характер политического статуса Туркестана в составе России и степень участия коренного населения в его управлении.

Первый Всетуркестанский съезд показал, что среди местных националистов на тот момент не было единства по этому вопросу. Многие, в том числе Мустафа Чокаев, Мунаввар Кары, Убайдулла Ходжаев, с сомнением относились к идее федерации, считали, что местное население в условиях автономного управления не сможет самостоятельно справиться с решением сложных хозяйственных вопросов[575]. Так, У. Ходжаев неделей раньше на съезде Исполнительных комитетов общественных организаций в Ташкенте, пытаясь убедить преимущественно русских делегатов в том, что мусульмане обладают «культурой и зрелостью» для участия в управлении, вынужден был признать, что пока они не могут и не должны претендовать на количество мест в выборных структурах, пропорциональное их численности в Туркестане[576]. Таким образом, политическая позиция местных джадидов на начальном этапе становления автономистского движения была очень умеренной. Улемисты на съезде стремились добиться принятия решения о том, что новый порядок должен основываться на уважении законов ислама.

Положение о федеративном устройстве России отстаивал А.З. Валидов, представлявший на съезде общероссийское мусульманское движение. Его поддержал М. Тынышпаев[577]. В итоге на съезде возобладала федералистская позиция. Участники съезда выразили свою лояльность политике Временного правительства и заявили о намерении участвовать в выборах в Учредительное собрание.

Идейная направленность туркестанского национального автономистского движения определялась как динамикой общероссийских общественно-политических процессов после Февральской революции, так и региональной спецификой национальной проблемы. Представления местной туркестанской элиты о форме национального самоопределения Туркестана подкреплялись позицией общероссийского мусульманского движения. Напомним, что резолюции Первого и Второго съездов мусульман России, прошедших в мае

[575] См. подробнее: Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. С. 118–119.

[576] Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 121.

[577] Там же. С. 122.

и июле 1917 г., зафиксировали положение о преобразовании России в федеративную республику с предоставлением мусульманским народам права автономии. Ни на одном из мусульманских съездов регионального и общероссийского уровня не ставился вопрос о выходе из состава России. Таким образом, автономия становится общим требованием всех мусульманских регионов России. Как отметил в своих воспоминаниях Мустафа Чокаев, «в то время Туркестан не был еще психологически подготовлен ни к восприятию, ни к постановке вопроса об отделении от России»[578]. Подобная умеренность представителей мусульманских регионов России в трактовке права наций на самоопределение не случайна. Она была обусловлена, как представляется, длительной целенаправленной политикой интеграции окраин в имперское пространство, сложившимися хозяйственными связями, а также начальным этапом становления национального движения. Дискуссии на Первом Всероссийском мусульманском съезде велись относительно статуса автономии: национально-территориальная или национально-культурная, объема полномочий. Как уже отмечалось, большинством голосов была принята резолюция о территориальном статусе автономий[579]. В этом отношении съезд способствовал идейной консолидации туркестанского движения вокруг требования национально-территориальной автономии Туркестана.

Региональная специфика национального движения в Туркестане определялась тем, что он являлся во многих смыслах единственной настоящей российской колонией, где расстояние между администрацией и коренным населением было много больше, чем где-либо еще в империи[580]. Ведущие позиции в административном аппарате, современном секторе экономики замещались представителями русского этнического меньшинства. Февральская революция принципиально не изменила ситуацию в крае в вопросе национального состава административных органов. Институционально, как и в Степном крае, в Туркестане сложились три центра политического влияния. Официальная верховная власть была представлена институтом генерал-губернатора, который в апреле 1917 г. Временное правительство упразднило и назначило Туркестанский комитет в составе девяти членов. Второй центр власти представляли Советы рабочих и солдатских депутатов, которые комплектовались из представителей русского меньшинства и в своей деятельности мало отражали интересы коренного населения. Они контролировались эсерами и меньшевиками. И, наконец, третьим новым центром

[578] Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 17 годе. Токио ; Москва, 2001. С. 13.

[579] Из резолюции Всероссийского мусульманского съезда. Май 1917 г. // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. С. 187.

[580] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 193.

влияния выступали мусульманские общественные организации во главе с Шурои и Тукрамусом. Таким образом, в Туркестане по аналогии с Петроградом сложилось фактическое двоевластие, только в условиях края Комитету и Советам приходилось еще учитывать мнение общественных организаций коренного населения. В этой триаде реальная власть концентрировалась в руках Советов, прежде всего Ташкентского Совета. Именно от него исходили инициативы, определившие политическое развитие ситуации в крае между Февралем и Октябрем.

После Февральской революции русская администрация и политические организации края продемонстрировали понимание необходимости вступить в диалог с мусульманским движением, привлекать лояльно настроенных к российскому режиму «туземных» политиков в выборные представительные органы. Выражением этого курса стало включение в первый состав Комитета Временного правительства четырех мусульманских политиков и общественных деятелей[581]. Однако только М. Тынышпаев являлся представителем собственно туркестанской «туземной» политической элиты. В августе состав Комитета был включен Мустафа Чокаев с целью обеспечения поддержки политики Временного правительства со стороны национальных общественных организаций края.

Закономерное в новых политических условиях стремление туркестанских националистов изменить колониальный режим управления краем и обсуждение проекта национально-территориальной автономии, что привело бы к расширению доступа местного населения во властные структуры, воспринималось местной европейской общиной как вызов ее положению, к чему она была психологически не готова. Кроме того, на позицию европейской общины влиял устойчивый стереотип восприятия Туркестана как колонии, население которой в силу отставания в общественном развитии еще не готово к самостоятельному управлению. Демократическая риторика отделений ведущих российских политических партий в Туркестане становилась очень осторожной, когда речь заходила о применении демократических процедур в крае. Как отмечает М. Буттино, демократия представлялась им как фундамент ценностей меньшинства, а не как признание прав большинства. Она была отличительным признаком русского общества от туземного, признаком культурного и гражданского превосходства русских над отсталым и привыкшим к деспотизму местным населением[582].

---

[581] Постановление Временного правительства об образовании Туркестанского комитета. Апрель 1917 г. // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. С. 180.

[582] Буттино М. Революция наоборот. С. 162.

В апреле 1917 г. прошло совещание Туркестанского комитета по вопросу о статусе края. Итоги совещания нашли свое отражение в статье К. Тамаева «Автономия Туркестана» в газете «Туркестанский курьер», в которой автор отметил: «Вопрос об автономии Туркестана не так прост, чтобы его можно было выяснить в 2–3 часа. ... Оно требует значительной затраты времени на предварительное обследование и изучение. Исключительное положение Туркестанского края делает невозможным введение в нем полной политической автономии. В этом, по крайней мере, соглашались представители всех партий, бывших на собрании. Приходится в силу необходимости поступиться основными положениями программы наших политических партий»[583]. Если лидеры российских политических партий в Туркестане и допускали преобразование России в федеративную республику с предоставлением Туркестану определенной самостоятельности, то при условии, что русское меньшинство сохранит свои преимущественные позиции во власти[584].

В это же время в Ташкенте прошел Первый Туркестанский съезд советов, который в своей резолюции поддержал отказ Туркестанского комитета Временного правительства о предоставлении краю автономии[585]. Задаче сохранения позиций европейского населения в системе управления краем был подчинен инициированный Туркестанским комитетом проект создания раздельных городских дум для европейского и коренного населения, а также проект русских общественных организаций об отдельном представительстве от русского населения края в Учредительное собрание[586]. Мусульманская элита с подачи А.З. Валидова выступила против проекта о раздельных думах, в чем нашла поддержку со стороны Ташкентского Совета. В итоге выборы в единую Ташкентскую Думу должны были пройти на основе всеобщего голосования.

Тот факт, что ни одна из общероссийских политических партий на тот момент не могла выступить выразителем интересов коренного населения региона, мог послужить сигналом для мусульманской политической элиты о необходимости идейно-политической и организационной консолидации национальных сил в формате партии. Однако развитие национального движения в Туркестане пошло по пути раскола и размежевания сложившихся ранее

---

583 Выписки из очерка Колесова «Две автономии» // РГАСПИ Ф. 71. оп. 34. Д. 1632. Л. 3.

584 Позиция Туркестанского комитета согласовывалась и с линией Временного правительства, где в это время доминировали кадеты. Кадеты выступали за сохранение единой и неделимой России и в решении национального вопроса допускали только культурную автономию. В итоге ни один из трех составов Временного правительства, куда входили кадеты, официально не поддержал идею федеративного устройства России и предоставления автономных прав национальным регионам бывшей империи.

585 Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. Ташкент, 2006. С. 112.

586 Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 17 годе. С. 35.

идейных течений. Рубежом в процессе идейного и организационного размежевания прогрессистского и традиционалистского течений в национальном движении стали выборы в городскую думу Ташкента в июле 1917 г. Перспектива реального доступа к управлению на городском уровне подстегнула консервативное течение выйти из состава Шурои Исламия и создать собственную организацию Улема Джамияти. На выборы Шурои и Улема шли с отдельными списками как соперники.

Выборы в Ташкентскую городскую думу, где улемисты получили 72 из 112 мест[587], показали, что они пользовались большим влиянием и поддержкой со стороны коренного населения Туркестана, нежели прогрессисты-джадиды. Подобный расклад сил в национальном движении был обусловлен слабой модернизированностью туркестанского общества в своих ценностных позициях больше ориентированного на сохранение традиционных социальных устоев. Вместе с тем выборы и первые заседания городской думы показали, что разное отношение джадидов и улемистов к процессу модернизации региона затрудняло процесс принятия решений в процессе управления даже на локальном уровне. Опасной тенденций для автономистских устремлений национальной элиты стали настроения русской общины, превратившейся в думе в политическое меньшинство. Стремление улемистов отстаивать традиционные исламские устои организации общественной жизни (противодействие участию женщин в выборах, несогласие с ограничением полномочий шариатских судов) воспринималось русскими политиками как доказательство их опасений, что введение демократических процедур в Туркестане приведет к торможению процесса модернизации[588]. Прогрессивная часть коренной туркестанской элиты оказалась в этой ситуации в сложной позиции посредника между русской общиной и консервативной мусульманской политической элитой. Улемисты очень критично относились к диалогу джадидов с русскими политиками и в последующем почти не выступили с ними единым фронтом, созывая свои отдельные съезды.

Организационное оформление национальных движений во всех мусульманских тюркоязычных регионах России, активное обсуждение вопроса об их статусе в составе будущей республики ставит вопрос о характере туркестанского национализма. Был ли у местной элиты свой национальный проект? Как мы отмечали ранее, в дореволюционный период единственной политической идеологией, в которой поднимался вопрос о национальном самоопределении Туркестана, как и других территорий, населенных тюр-

[587] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России. С. 198.

[588] Буттино М. М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. С. 169–170.

коязычным населением, была доктрина пантюркизма. В Российской империи пантюркизм трансформировался в проект «Большого Туркестана»[589], который носил весьма умозрительный характер, не имел четкого пространственного, этнического и политического определения[590]. После Февральской революции пантюркизм как особая вариация национализма сохранил свое влияние в среде национальных элит тюркоязычных регионов, особенно татарской. Однако в резолюциях съездов и программах партий мусульманских народов России их объединение трактовалось максимум как национально-культурный союз или федерация, где каждый из народов имел бы свою автономию[591]. События революционного периода между Февралем и Октябрем показали, что параллельно с пантюркистским проектом идет формирование местных национализмов, выражающих интересы национальных элит отдельных тюркских регионов.

Для туркестанского национального движения, на наш взгляд, пантюркизм стал основанием для складывания своего варианта регионального национализма. Влияние пантюркизма выразилось в том, что в иерархии локальных, родоплеменных, этнических, конфессиональных идентичностей, которые разделяло населения края, понятие «тюрк», указывающее (отсылающее) и к общности происхождения и территории проживания, на тот момент воспринималось местными джадидами как наиболее отвечающее современным представлениям о национальной общности, имеющей право на самоопределение. При этом, когда они говорили об автономии Туркестана, то имели в виду территорию края в его имперских административных, а не исторических границах.

Туркестанское общество начала XX в. отличалось низким уровнем актуализации этнической идентичности, включая политическую элиту, хотя переписи населения фиксировали полиэтничный состав населения. Самым распространенным самоопределением местного населения в то время являлось «мусульмане», которое часто использовалось в значении «коренное население Туркестана». Но религиозная идентичность размывала национально-территориальные рамки Туркестанского проекта, не могла выступать основанием для регионального национализма. В то же время в данный период нельзя говорить и об этнически обоснованных узбекском, туркменском или таджикском национализмах. Однако показателен тот факт, что проживающие на территории Туркестана татары и азербайджанцы, которым был присущ более высокий уровень этнической идентичности,

[589] В самом полном воплощении «Большой Туркестан» включал территории Туркестана и Степного края, Бухары, Хивы, земли башкир и татар, Азербайджан.

[590] Абашин С. Национализмы в Средней Азии. С. 180.

[591] Исхаков С. Российские мусульмане и революция. С. 387.

после революции политически организовывались по национальному принципу, отдельно от Шурои[592].

Наиболее злободневной составляющей национальной проблемы в Туркестане являлся земельный вопрос. Напомним, что с 1890-х гг. правительство проводило политику переселения крестьян из европейской части России в районы Степного края и Семиреченской области Туркестанского края. Крестьянское переселение сопровождалось конфискацией «излишков» земли у местных кочевников — казахов и киргизов, подрывая их сложившийся хозяйственный уклад, лишая источников существования. Восстание 1916 г. в Туркестане привело к волне самовольных захватов русскими колонистами вынужденно оставленных кочевниками-киргизами земель. Амнистия участникам восстания 1916 г., объявленная генерал-губернатором А. Куропаткиным после революции, привела к еще большей напряженности земельной проблемы в Семиречье. Американский исследователь Т. Мартин предложил типологию этнических конфликтов на советском Востоке в 1920-е гг., согласно которой «казахский» и «узбекский» варианты конфликтов возникали на почве доступа к сельхозугодиям, а не к административным должностям, как в случае Татарстана. При этом казахский вариант имел характер противостояния между местным населением и «русскими» поселенцами и был более ожесточенный по форме[593]. При этом, если вопрос о статусе автономии Туркестана был предметом дискуссий местной интеллигенции и решался в конструктивной форме, то конфликты по поводу доступа к земле и воде между кочевым населением и русскими крестьянами принимали характер открытых столкновений. Не случайно сначала Общеказахский съезд в Оренбурге, затем Первый Туркестанский съезд в Ташкенте приняли резолюции о немедленном прекращении русского переселения. В итоге вопрос о землепользовании в крае был отложен до Учредительного собрания. Таким образом, в колониальном по характеру туркестанском обществе все вопросы общероссийского значения: о власти, земле, приобретали национальный характер, создавали ситуацию противостояния русского и коренного населения.

На протяжении лета и осени 1917 г. национальные организации Туркестана вели пропаганду идеи автономии. К осени позиция туркестанских автономистов по вопросу степени участия коренного населения в управлении краем стала более радикальной. Как отмечал М. Чокаев, автономия понималась как создание своего органа законодательной власти и своего правительства. Позиция по вопросу распределения полномочий между центом и регионами была следующей: вопросы внешней политики, армии, финансов и транспор-

[592] Буттино М. М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. С. 125.

[593] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. С. 84.

та остаются в ведении центральной власти, земельный вопрос, образование, городское и земское самоуправления, суды переходят в ведение автономного правительства[594]. Вместе с тем лидеры автономистского движения понимали сложности самостоятельного управления краем при отсутствии достаточного количества профессиональных кадров из числа коренного населения. Стремясь заручиться пониманием и какой-то поддержкой своих национальных требований со стороны «европейского» меньшинства, автономисты неизменно подчеркивали положение о резервировании 1/3 мест во властных органах за представителями местной европейской общины. Однако к осени 1917 г. национальные организации Туркестана так и не выработали единого проекта, определяющего характер автономии региона, с которым их представители могли бы участвовать в работе Учредительного собрания. Как представляется, здесь сказалась идейная и организационная незрелость национального движения, отсутствие единства в его рядах и длительной традиции ведения политической борьбы. Октябрьский переворот в Петрограде, радикализация ситуации в Туркестане, осложненная перспективой голода, и захват власти большевиками в Ташкенте прервали поступательное, в каком-то смысле, эволюционное оформление туркестанского национального движения в том виде, как оно начало складываться после Февраля.

***

Развитие национальных движений, возникших в Степном крае и Туркестане после Февральской революции, во многом определялось логикой российского политического процесса и позицией общероссийского мусульманского движения по вопросу национального самоопределения мусульманских народов России. В этом отношении и казахские, и туркестанские националисты считали приемлемой и достаточной для отстаивания интересов коренного населения региона форму национально-территориальной автономии в составе России. Достаточно умеренная позиция национальных элит региона по вопросу национального самоопределения и, главное, четкое намерение продвигать свои требования легальным путем через участие в Учредительном собрании свидетельствуют о том, что национальные движения Степного и Туркестанского края являлись составляющей либерально-демократической альтернативы развития России после Февральской революции.

Вместе с тем более глубокий характер процесса модернизации Степного края по сравнению с Туркестаном обусловил большую зрелость состава, идеологии, организационных форм национального движения края с точки зрения соответствия современным формам политического процесса. Казахская интеллигенция в межреволюционный период выдвинула собственно

[594] Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 17 годе. С. 12.

казахский национальный проект Алаш-Оды и создала первую национальную партию. Туркестанская политическая элита, в которой была сильнее традиционалистская, исламская составляющая, в основу программы национально-политического самоопределения населения региона положила идею «тюркского единства». Тюркский проект имел не столь выраженный национальный, этнический характер, как проект Алаш-Орды, тем не менее, оба они оказали влияние на национальную политику большевиков в регионе и обусловили последующий процесс национального строительства. Вместе с тем, революционные события октября 1917 г. не нашли поддержки со стороны национальных элит региона и мобилизовали их на попытки самостоятельной реализации проектов национальной автономии.

Глава 4
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

4.1. Подходы большевиков к решению национального вопроса накануне октябрьских событий 1917 г. и в первые годы советской власти

Комплекс проблем, составлявших национальный вопрос в Российской империи в начале XX в., получил практическое решение после октябрьских событий 1917 г. в деятельности советского правительства. Однако контуры национальной политики большевиков стали складываться еще накануне и в годы Первой мировой войны.

Одним из процессов, характерных для начала XX в., являлся рост национально-освободительных движений и распространение идеологии национализма в колониально зависимых странах или, как в случае с Россией, среди народов национальных окраин. Первая мировая война придала проблеме самоопределения наций уже не внутриимперский, а международный характер. Если говорить о Российской империи, то именно после Февральской революции 1917 г. и ликвидации монархии национальный вопрос становится политически актуальным, появляются возможности для практических шагов в этом направлении. Ни одна из политических партий России, сохранивших влияние после Февральской революции, не могла игнорировать национальную проблему. Все партии еще до революции имели свои программы, предполагавшие ту или иную степень расширения автономии национальных окраин и прав национальных меньшинств. Однако, как известно, на деле национальный вопрос решался РСДРП(б) / РКП(б), которая после прихода к власти смогла перевести его на уровень практической реализации. Для понимания принципов и логики советской национальной политики в 1920-е гг., ее специфики в отдельных национальных окраинах бывшей Российской империи целесообразно изучить теоретический багаж большевиков по этой проблеме накануне Первой мировой войны и Февральской революции.

Пункт «право наций на самоопределение» был включен в программу Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) уже на II съезде в 1903 г. Поскольку партии социалистического толка боролись за права угнетенных классов, в первую очередь пролетариата, то наличие «угнетенных» наций в эпоху колониализма делало это требование обязательным пунктом политической программы. Основными идеологами большевиков по национальному вопросу были В.И. Ленин и И.В. Сталин. Их научно-публицистические работы, посвященные национальной проблеме, появились довольно

поздно, в 1913 г.[595] В основе их представлений о решении национального вопроса лежали три фактора: марксизм, модернизация и колониализм[596]. Большевики, являясь левой фракцией в РСДРП, позиционировали себя как последовательные марксисты, и в этой связи к решению проблем общественного развития, национальной в частности, подходили с позиций классового подхода. Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос» отмечал: «В этот трудный момент (имеется в виду рост крайних форм национализма среди народов царской России. — *авт.*) на социал-демократию ложилась высокая миссия — дать отпор национализму, оградить массы от общего «поветрия». Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы»[597].

В теоретических построениях Ленина и Сталина до революции категории «нация» и «национализм» были для них менее значимы в контексте строительства социализма нежели «классы» и «интернационализм». Отношение к проявлениям «национального» у большевиков изначально было осторожным, если не сказать критичным, поскольку согласно марксизму национальная культура, идеология национализма определялись господствующим классом и одновременно классовым врагом — буржуазией[598].

Процесс модернизации, выражавшийся в теории марксизма в неизбежности перехода от одной формации к другой, более прогрессивной, обусловил представления большевиков о нации как общности, исторически соответствующей эпохе капитализма, сложившейся как результат процессов, присущих этой формации. Не случайно требование права наций на самоопределение входило в программу-минимум РСДРП, рассчитанную на этап демократических революций. Соответственно, при переходе общества на стадию социализма нации как общности и национальные государства как форма политической организации наций должны были раствориться в пролетарском интернационализме. Но пока нации существуют, с ними надо считаться.

Феномен колониализма выражался в наличии большого количества так называемых угнетенных наций, лишенных политического суверенитета. Именно на них, на решение проблем «угнетенных» наций и было направлено требование «право наций на самоопределение», так как, несмотря на разное положение и уровень исторического развития, все нации были равны в пра-

[595] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 24. М., 1969; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t2/marxism_nationalism.htm

[596] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. С. 14.

[597] Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос.

[598] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 123.

вах. Показательна в этом отношении позиция большевиков в отношении участия России в Первой мировой войне. Перед каждой оппозиционной партией стоял выбор между национальной консолидацией (и при этом косвенной поддержке царя) и продолжением непримиримой оппозиционной деятельности (что означало быть обвинёнными в пораженчестве)[599]. РСДРП(б) продемонстрировала здесь последовательность партийным принципам, и единственная из политических партий России выступила с лозунгом «За мир без аннексий и контрибуций».

Однако поддержка социал-демократами национальных требований «угнетенных» наций, национально-освободительных движений должна была быть ограничена задачей обеспечения права самоопределения. По мнению Ленина, идеология национализма способствует сближению национальной буржуазии и пролетариата на почве общности национальной культуры и интересов, созданию своего рода «надклассового альянса», что расходится с конечными целями партии. «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, — отмечал Ленин — и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией. Борьба против всякого национального гнета — безусловно, да. Борьба за всякое национально развитие, за «национальную культуру» — безусловно, нет»[600]. Поэтому, обеспечив возможность самоопределения угнетенным нациям, партия должна содействовать классовому расслоению и осознанию пролетариатом угнетенных наций своих классовых интересов с последующим развитием солидарности между пролетариями разных стран. Таким образом, накануне Февральской революции большевики считали недопустимым любое проявление национального в ущерб классовому. Стратегия марксистско-ленинской национальной политики определялась целью слить нации[601].

В вопросе о характере самоопределения Ленин последовательно выступал за политическое самоопределение, вплоть до создания собственного суверенного государства. Данное положение было радикальным на тот период и отличало позицию большевиков от взглядов других политических

[599] Стагис И.К. Национальный вопрос в программах большевиков и социалистов-революционеров – сходства и различия [Электронный ресурс]. URL: http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru (дата обращения: 19.09.16).

[600] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 132.

[601] Вдовин А.И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 3. С. 5.

партий, допускавших возможность самоопределения только в рамках России[602]. Для тех народов, которые по каким-то причинам не захотели бы политического отделения, большевиками был предусмотрен формат национально-территориальной автономии.

В этой связи следует остановиться на определении большевиками понятия «нация», на том, какое сообщество, по их мнению, обладало правом на самоопределение. Согласно сталинскому определению, ставшему классическим в советское время, «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»[603]. Как видно, среди определяющих признаков нации отсутствует критерий гражданственности, политической идентичности членов нации, что характерно для современного понимания этого сообщества. Как идеологи национальной программы большевиков, Сталин и Ленин определяли нацию преимущественно через признаки этнического характера — язык, общность культуры и менталитета, плюс компактное проживание, что в начале XX в. не вызывало особых возражений[604]. В их текстах слова «нация», «народ», «национальность» часто употреблялись как тождественные. Следуя этой логике, право на самоопределение и создание отдельных национально-территориальных единиц имели все национальности, этнические группы, проживавшие на территории Российской империи. В этой связи вполне закономерно, что последующее национально-территориальное размежевание в рамках РСФСР и создание СССР проводилось согласно принципу, когда границы союзных и автономных республик, национальных областей должны совпадать с территорией проживания национальности, этноса.

Готовность нации к политическому самоопределению определялась продвинутостью отдельно взятого народа по пути капиталистических отношений. Форма самоопределения должна быть определена исходя из интересов большинства нации, прежде всего пролетариата, и конкретных исторических условий[605]. Говоря современным языком, по мнению Ленина и Сталина, если отдельно взятое общество традиционное, немодернизированное и в условиях самостоятельного развития импульсы к модернизации будут гаситься традиционными слоями общества, то такой вариант развития не в интересах

---

[602] Стагис И.К. Национальный вопрос в программах большевиков и социалистов-революционеров – сходства и различия.

[603] Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос.

[604] См. подробнее об истории развития представлений о нации и национальном государстве: Попов Ф. Становление и развитие представлений о национальном государстве: очерк историографии понятия // Трансграничные вызовы национальному государству / под ред. С. Панарина. СПб., 2015. С. 102–127.

[605] Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос.

местного пролетариата. В таком случае более целесообразно будет оставить данные народы под «опекой» пролетариата великодержавной нации и содействовать их модернизации.

Следует отметить, что в политическом самоопределении угнетенных народов Российской империи большевики не видели угрозы утраты государственной целостности. Более того, Ленин рассматривал широкое национальное самоопределение как условие последующего пролетарского интернационализма. «Перестроив капитализм в социализм, — писал Ленин, — пролетариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действительность «только» — «только!» — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно симпатиям населения. Вплоть до полной свободы отделения. На этой базе в свою очередь разовьется практически абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства»[606].

Таким образом, к моменту Февральской революции в теоретических построениях большевиков по национальному вопросу доминировал классовый подход. «Нации» и «национализм» понимались как феномены исторически уходящей капиталистической формации, а право на самоопределение рассматривалось лишь как переходный шаг в процессе создания пролетарского унитарного государства. При этом переходная стадия к интернационализму мыслилась как непродолжительная по времени, как и осуществление мировой социалистической революции.

Февральская революция и начавшаяся демократизация политической жизни России выдвинули национальный вопрос в ряд первостепенных, создали возможности для принятия конкретных шагов для его решения. Большевистские установки по национальной проблеме в межреволюционный период не претерпели принципиального изменения в содержательном плане, но возросла их значимость в иерархии приоритетов партии. Как писал Сталин, «национальный вопрос может быть решен лишь в неразрывной связи с переживаемым в России моментом»[607], а исторический момент заключался в том, что в национальных окраинах (может быть, только за исключением Польши и Финляндии) Российской империи только начинался процесс национальной консолидации, формулирования местной интеллигенцией национальных программ. С точки зрения положений марксизма, Россия и тем более ее национальные окраины находились на стадии развивающегося капитализма, где еще не сложились условия

[606] Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоопределении (1916 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 22.

[607] Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос.

для перехода к социалистической формации. Определять политику партии в отношении народов этих территорий исключительно с точки зрения схем классовой борьбы, пытаться опереться только на национальный пролетариат (который, по сути, там еще не сложился) было политически нецелесообразно. На конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. после доклада по национальному вопросу Сталин предложил следующую резолюцию: признание за народами права на отделение; для народов, остающихся в пределах данного государства, — областная автономия; для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие[608].

После Октябрьской революции программные положения советского правительства по национальному вопросу были закреплены в числе первых декретов новой власти. Декларация прав народов России от 2 ноября 1917 г. легитимизировала принцип равенства народов России, право на самоопределение вплоть до отделения и создания собственного государства, свободу вероисповедания и культурного развития[609]. При этом классовая составляющая в тексте Декларации была минимизирована, она была обращена не к национальному пролетариату, а к народам России. В начале декабря 1917 г. большевики публикуют обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», которое было уже классово ориентировано и ставило задачу деколонизации народов Востока. В нем также подтверждалось право мусульманских народов России на организацию жизни с учетом национальной и культурной специфики, но напрямую уже не говорилось о национальном самоопределении. Данные документы сыграли большую роль в формировании позитивного имиджа центрального советского правительства среди коренного населения национальных регионов России, особенно в свете разгорающейся Гражданской войны и противостояния советской власти разным правительственным образованиям Белого движения.

Показательно, что провозглашенные после Октябрьской революции в Центральной Азии несоветские национальные правительства: Кокандская автономия и Алаш-Орда, признав установление советской власти в регионе нелегитимным и критикуя действия местных советских органов, вместе с тем возлагали надежды на решение своих национальных устремлений с центральным советским правительством. И эти ожидания основывались именно на декларативных заявлениях большевиков.

В первые месяцы нахождения у власти большевиков их политика реализовывалась, по нашему мнению, в русле теоретических схем, разработан-

---

[608] Сталин И.В. Доклад по национальному вопросу на конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t3/april_conference.htm (дата обращения: 11.09.15).

[609] Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40–41.

ных в дореволюционный период. Так как их целью было объединение пролетариев и создание интернационального социалистического государства, они, конечно, были заинтересованы в максимальном сохранении пространства бывшей Российской империи под своей властью. Поэтому на II съезде Советов была провозглашена Российская Советская Республика как унитарное государство. Тем не менее в декабре 1917 г. СНК признал независимость Финляндии и Украины, а немного позднее Польши, следуя не столько духу «Декларации прав народов России», сколько марксистско-ленинской интерпретации национального вопроса. Финская, польская и украинская нации оценивалась как капиталистически развитые, но стремление к независимости создало там надклассовые альянсы. Признание независимости этих народов по расчетам большевиков должно было разбить союз национальной буржуазии и пролетариата и содействовать осознанию последним своих классовых интересов.

Интересующие нас народы Центральной Азии по классификации марксизма находились на начальной стадии развития капитализма, здесь еще не сложился класс национального пролетариата, который был бы способен после самоопределения вернуть местные мусульманские народы к союзу с российским пролетариатом. Поэтому политическое самоопределение в форме суверенного государства большевики для них не планировали, но и форма национальной автономии первоначально не стояла в повестке дня советского правительства.

Столкнувшись с ростом национального самосознания и складывания местных вариаций национализма во всех национальных регионах России, появлением антисоветски настроенных национальных правительств, руководство партии, и прежде всего Ленин, осознали, что недооценили влияния идеологии национализма на политический выбор населения теперь уже Советской России. Результативность национальной политики РКП(б) в том, что партия во много благодаря политической гибкости и прагматизму Ленина не стала заложницей своих теоретических схем в национальном вопросе, а начала их корректировать, повышая значимость национального фактора по отношению к классовому. При этом классовые установки: мировая социалистическая революция, пролетарский интернационализм — сохраняли статус стратегических целевых установок большевиков, а шаги в национальном вопросе относились к тактике. В первую очередь более терпимое отношение Ленина и Сталина к национализму «угнетенных наций» определялось задачей утверждения советской власти, что во многом зависело в тех условиях от обеспечения поддержки действий партии со стороны национальных меньшинств и населения окраин России. Необходимость пропаганды марксизма среди населения национальных окраин России также требовала учета

национальных особенностей, использования местного языка и повышения общей грамотности населения.

Прежде всего большевики попытались блокировать деятельность нелояльных национальных образований, изменив на III Всероссийском съезде Советов (10–18 января 1918 г.) форму государственного устройства республики на федеративную. В проекте резолюции, предложенной на съезде главой Наркомнаца И.В. Сталиным, объявлялось, что «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как Федерация Советских Республик этих народов»[610]. Напомним, что национальные программы мусульманских тюркоязычных народов России, сформулированные после Февральской революции, в качестве формы национального самоопределения выдвигали автономию в составе Российской федеративной республики. Автономия и федерация как политические форматы участия национальных меньшинств России во власти и управлении были популярны в среде национальных политических элит, пользовались поддержкой широких слоев городского населения окраин. Так, например, один из инициаторов провозглашения в ноябре 1917 г. национально-территориальной автономии Башкортостан Ахмет-Заки Валидов[611] подчеркивал: «Старое время ушло, Россию можно собрать только на основе федеративности. Правительству, действующему иным путем, мы доверять не сможем и не станем. То, что уже имеется, не должно быть отнято»[612]. Провозгласив федерацию и национальную автономию как формы политической организации советского государства, большевики лишили своих оппонентов части козырей в борьбе за власть и в перспективе привлекли на свою сторону часть национальной (туземной) элиты.

Однако большевики, выступая в роли творцов нового вектора исторического развития, свободно, «по-творчески» относились к сложившимся в теории и политической практике национально-политическим категориям: право наций на самоопределение, федерация, автономия. И Ленин, и Сталин воспринимали их как «форму», которую можно и нужно освободить от национального и наполнить социалистическим содержанием. В докладе по национальному вопросу на III Всероссийском съезде Советов Сталин, обосновывая положение об использовании принципа национального самоопределения национально-буржуазными кругами в своих классовых целях, отметил, что «принцип

[610] Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 32.

[611] Ахмет-Заки Валидов (1890–1970) – один из инициаторов провозглашения в ноябре 1917 г. национально-территориальной автономии Башкортостан, в 1919 г. содействовал переходу башкирских венных частей на сторону Красной армии.

[612] Астанина Л.В. Межнациональные отношения в Советской России и формирование государственной национальной политики (1917–1936 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006.

самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»[613]. В этом смысле лозунги национального самоопределения и этнотерриториальной автономии ничего не стоили (в плане делегирования Центром властных полномочий. — *авт.*) и чрезвычайно много значили[614] в борьбе за власть и привлечение на свою сторону национальных политических элит. То, какой по содержанию являлась советская национальная автономия, мы рассмотрим в следующем разделе на примере создания Киргизской и Туркестанской советских республик.

Ключевым принципом национальной политики РКП(б) в первые годы советской власти становится представление о разной природе национализма угнетающей нации и национализма угнетенной нации. По сравнению с шовинистическим по характеру национализмом великодержавных наций, национализм угнетенных наций был законным и справедливым. Первый мог быть ликвидирован после победы пролетариата посредством самодисциплины и самоочищения; второй должен был быть излечен при помощи заботы и такта[615]. Это положение было сформулировано Лениным в его работах еще до революции, и его он последовательно придерживался вплоть до отхода от политической деятельности в конце 1922 г. по причине болезни. Инициированная с весны 1918 г. СНК кампания по созданию национальных автономных республик, областей, коммун не всегда встречала понимание со стороны руководящего ядра большевистской партии. Некоторые лидеры большевиков воспринимали шаги в сфере национальной политики как отход от задачи пролетарского интернационализма. Весной 1919 г. на VIII съезде партии Г.Л. Пятаков и Н.И. Бухарин выступили с критикой лозунга национального самоопределения и вытекающего из него главенства национального принципа над классовым. По их мнению, если национализм являлся идеологией буржуазного общества, то его надо осудить как контрреволюционную идеологию и вести с ним борьбу[616].

Доводы Ленина опять сводились к тому, что великодержавный русский пролетариат должен завоевать доверие бывших угнетенных наций, и чем большим количеством прав и возможностей располагает национальное меньшинство, тем больше «доверия» оно будет испытывать по отношению к пролетариату бывшей великодержавной нации. Именно достижение этого состояния «доверия» рассматривалось как условие последующего порочного союза международного пролетариата. Так как Ленину фактически принадлежало последнее слово в определении стратегии развития советского государства

[613] Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 32.

[614] Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира... С. 333.

[615] Там же. С. 333.

[616] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР... С. 15.

во всех сферах, то съезд поддержал его подход. Положение «о преодолении недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, и с этой целью необходимости уничтожения всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение»[617] получило статус программной установки большевистской партии.

В итоге В.И. Ленин на первый план вывел деколонизационную составляющую в национальной политике партии. Это отвечало условиям исторического момента и продвижения социалистической революции на Восток. В условиях подъема национальных, антиколониальных движений во всех странах Востока национальная политика в отношении народов Советской России, в первую очередь населения Центральной Азии, должна была играть пропагандистскую роль в популяризации идей марксизма на Востоке. Однако в стремлении обеспечить доверие коренного населения национальных республик РСФСР к советской власти большевики объявили великодержавный русский национализм большей угрозой, чем местный национализм. По мнению Ленина, русские должны были платить за те ошибки в национальных отношениях, которые были допущены, когда они были великодержавной, угнетающей нацией. В своей последней работе по национальному вопросу, посвященной «грузинскому делу» в процессе создания СССР, больной вождь писал: «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу»[618].

В результате такого подхода русские превратились в дискриминируемое большинство, национальная территория которого ограничивалась пространством, на которое не претендовали другие национальности. Оппозиция «великоросс — национал», одобренная партией, на практике привела к ухудшению положения русского населения в национальных районах. В ряде случаев деколонизационные мероприятия на местах, как, например, земельная реформа в Туркестане в 1921 г., сопровождались массовым выселением русских из региона.

---

[617] Программа Российской коммунистической партии (большевиков). Принята 8 съездом партии 18–23 марта 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm (дата обращения: 22.02.16).

[618] Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об автономизации (1922 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/avtonomisazia.html (дата обращения: 19.07.2017).

X съезд РКП(б), прошедший в марте 1921 г., подтвердил курс на политизацию национальности[619]. Это означало, что доступ к административному контролю над территорией, жизнеобеспечивающим ресурсам, получение определенных преференций в сфере культуры напрямую был сопряжен с этничностью. На съезде И. Сталин дополнил ленинскую тему национального угнетения и деколонизации и модернизационной составляющей национального вопроса. При общности принципов национальная политика имела свою регионарную специфику, как минимум, выраженную делением национальностей на развитые (западные) и культурно отсталые (восточные). В число культурно отсталых национальностей не были включены лишь русские, украинцы, белорусы, евреи, армяне, грузины. В сталинской формулировке суть национального вопроса в РСФСР состояла в том, «чтобы уничтожить ту фактическую *отсталость* (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать отсталым народам догнать центральную Россию»[620]. Для достижения этой цели партия должна была помочь им: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов: б) поставить у себя действующие на народном языке суд, администрацию, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр <…>, на родном языке»[621].

Вообще, тема временного примирения и последующего преодоления отсталости выходит на первый план в политике большевиков после Гражданской войны. Интересна в этой связи точка зрения американского исследователя Ю. Слёзкина, отметившего, что в каком-то смысле введение нэпа равнялось снижению всех областей государственной активности до уровня давно уже непманизованного национального вопроса. Так как нэп представлял собой временное примирение с «отсталостью» в виде крестьян, торговцев и нерусских национальностей[622]. Преодоление национальной отсталости стало пониматься как процесс длительный по времени, соответственно, существование наций и проявления «национального» начали трактоваться как необходимый этап в строительстве социализма.

Вместе с тем тактика уступок и снисходительности к проявлениям местного национализма заканчивалась, если, по мнению руководства партии, национальные формы использовались для антисоветской риторики

[619] Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира… С. 337.

[620] Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сочинения. Т. 5. С. 39.

[621] Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t5/immediate_tasks.htm (дата обращения: 01.07.2017).

[622] Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира… С. 338.

и действий. К 1920 г. РКП(б) столкнулась с критикой своей национальной политики со стороны ряда руководящих работников — коммунистов из числа коренного населения тюркоязычных регионов России[623]. В основе их критики лежала неудовлетворенность тем объемом политических прав, которые получили созданные национальные автономные республики, и медленными темпами привлечения коренного населения к управлению. X съезд РКП(б) официально квалифицировал это явление как уклон в сторону местного национализма и подверг осуждению. В результате Центр получил инструмент, позволяющий контролировать национальные партийные и республиканские элиты с точки зрения идеологической выдержанности и лояльности советскому режиму.

В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) окончательно утвердил выработанную Лениным стратегию национальной политики, не добавив в нее ничего принципиально нового. Это был первый съезд, на котором отсутствовал Ленин, и первый после основания Союза Советских Социалистических Республик, созданного по ленинскому федеративному плану. Возможно, по причине отхода от политической деятельности Ленина и действительно сложившегося в руководстве партии консенсуса по вопросу национальной политики ее публичное обсуждение после 1923 г. прекратилось. Съезд подтвердил положение, что партия и государство будут оказывать поддержку следующим формам существования наций: национальным территориям, национальным языкам, элитам и культуре. Такая политика преференций и поддержки развития национальностей, за исключением русской, получила название коренизации.

Терри Мартин дал, на наш взгляд, продуктивную в исследовательском плане оценку национальной политики большевиков в 1920-е гг. как «положительной деятельности или дискриминации»[624]. Этой характеристикой автор хотел подчеркнуть, что большевики первыми в современной истории стали оказывать системную поддержку развитию национальных меньшинств, объективно содействуя росту национального самосознания, но политика «положительной деятельности» приводилась путем дискриминации русского населения[625]. Хотя принципы политики коренизации были общими для всех народов СССР, на практике она приобрела специфику по линии «западные» — «восточные» народы. Какие именно составляющие коренизации вышли на первый план среди восточных национальностей, мы рассмотрим на примере республик Центральной Азии в следующих разделах работы. В начале 1930-х гг. партия пошла по пути свертывания этой политики по причине исчерпания ее положительного ресурса для реализации целей строительства социализма.

---

[623] Речь идет о А.З. Валидове, Т. Рыскулове, председателе ЦИК ТуркАССР и М. Султан-Галиеве, члене коллегии Наркомнаца.

[624] «Affirmative action»

[625] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР.

Таким образом, первоначально большевики как последовательные марксисты видели решение национального вопроса сугубо в категориях классовой борьбы и цели перехода к социализму. Борьба за самоопределение наций понималась как тактический ход в процессе победы пролетариата и строительства социализма. После реализации угнетенными народами права на самоопределение предполагалось прекратить поддержку национализма, национальной культуры и бороться за пролетарскую солидарность и интернационализм. Однако под влиянием конкретных исторических условий, характеризующихся ростом национализма в национальных окраинах России, и политической конъюнктуры после Февральской революции, значимость категорий национального начинает усиливаться в теоретических построениях и политических требованиях большевиков. С их приходом к власти поддержка национальной культуры, языков народов России, а чуть позже создание национально-территориальных автономий и местных, советских этноэлит оформляются как долгосрочная стратегия большевиков в национальном вопросе.

4.2. Национально-государственное и партийное строительство в Туркестане в первые годы советской власти

Динамика развития политической ситуации в Туркестане осенью 1917 г. подчинялась логике общероссийского революционного процесса. Здесь также наблюдалось падение авторитета Временного правительства в лице Туркестанского комитета на фоне острого продовольственного кризиса в крае и общего ухудшения социально-экономической ситуации. Вместе с тем радикализация общественных настроений, рост влияния большевиков в городах европейской части России, в Советах рабочих и солдатских депутатов как в зеркале отражались на ситуации в Ташкенте. К сентябрю большевистская программа получила поддержку со стороны солдатских комитетов и профсоюзов рабочих-железнодорожников. В конце августа местные большевики, реализуя установки РСДРП(б) после Корниловского мятежа, добились принятия Ташкентским Советом рабочих и солдатских депутатов (далее Ташсовет) резолюции о передаче всей власти Советам. В целом провозглашение советской власти в Ташкенте, а затем во всем Туркестане прошло по тому же сценарию, что и в центре. Опираясь на армию, Ташсовет захватил власть в Ташкенте через три дня после Октябрьского переворота в Петрограде[626].

Специфика провозглашения советской власти в Туркестане заключалась в том, что, как уже отмечалось, Советы как органы демократической власти

[626] См. подробнее: Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии. С. 176–181.

представляли интересы местного русскоязычного населения. Местный туземный пролетариат как класс на тот момент еще не сложился и не был широко представлен в Советах, военные части, укомплектованные из коренного населения, в принципе отсутствовали. Хотя в советской литературе утверждалось, что большевики на момент восстания в Ташкенте смогли объединить «многонациональные трудящиеся массы на борьбу за победу социалистической революции»[627], источники и современные исследования свидетельствуют, что городское мусульманское население заняло пассивную и выжидательную позицию, к чему призывала национальная пресса, а в политическом отношении поддерживало местные национальные организации[628]. Сельское коренное население, в массе своей неграмотное, вообще было аполитично и мало что знало о происходящих политических изменениях. В свою очередь национальные организации во главе с Шурои-и Улема на фоне активизации деятельности большевиков с сентября 1917 г. неоднократно и последовательно заявляли, что расценивают действия большевиков как узурпацию власти, а лозунг «вся власть Советам» как не соответствующий интересам мусульманского населения.

В то же время жесткое следование ташкентскими коммунистами в процессе становления советской власти установкам РСДРП(б): диктатура пролетариата, классовый принцип организации власти, недоверчивое отношение к национализму как идеологии буржуазного общества в условиях Туркестана привело к тому, что у большевиков не было точек соприкосновения ни с местным населением в лице «трудящихся», ни с автономистским национальным движением. Местные национальные организации, выступавшие за автономию края, оценивались ими как «буржуазно-националистические», что по классовым соображениям исключало возможность сотрудничества с ними. Как итог, 15 ноября 1917 г. начал работу III Съезд Советов Туркестанского края, который конституировал новый краевой орган власти в лице Совета народных комиссаров Туркестанского края во главе с Ф. Колесовым. Отношение новой власти к автономистским устремлениям коренного населения нашло отражение в следующей резолюции: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти являет-

[627] Гордиенко А.А. Образование Туркестанской АССР. М., 1968. С. 63; Нуруллин Р.А. Советы Туркестанской АССР в период гражданской войны. Ташкент, 1965. С. 10–11.

[628] С лета 1917 г. в городах Туркестана при поддержке Шурои-исламия и Улема джамияти стали возникать организации трудовых мусульман. Самаркандская организация «Иттифак» на своем заседании 7 ноября 1917 г. определила свою позицию по факту захвата власти большевиками в соответствии с позицией национальных организаций, отметив: «Власть в Туркестане должна быть конструирована не Советом рабочих и солдатских депутатов, имеющим за собой ничтожную часть населения края, а согласно желаниям мусульманского большинства, которое развернет свои национально-политические требования в Учредительном собрании». РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1475.

ся неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органы краевой власти фракция приветствовала бы….»[629]. Таким образом, советская власть в Туркестане была провозглашена по классовому принципу как диктатура трудящихся, но комплектовалась по национальному принципу. При этом вопрос об автономии края вообще не нашел отражения в решениях съезда. Но здесь местное отделение РСДРП(б), как представляется, придерживалось курса центрального советского правительства. Дело в том, что на II Всероссийском съезде Советов советское государство было оформлено как унитарное, и до января 1918 г. носило название Российской Советской Республики[630]. Но популярность требования автономии в рамках федеративной республики во всех национальных районах бывшей империи и принятие конкретных шагов в этом направлении подтолкнули большевиков определить форму государственного устройства как федерацию.

Формально и фактически форма организации советской власти в Туркестане нарушала положения программы РСДРП(б) по национальному вопросу, в основе которых лежал принцип права нации на самоопределение, как и первые постановления советской власти «Декларация прав народов России» и обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», вышедшие в ноябре-декабре 1917 г. Они гарантировали право на самоопределение, свободу вероисповедания, сохранение культуры, традиций народов России[631]. Эти заявления были призваны прежде всего повысить доверие к новой власти со стороны мусульманских народов, убрать шлейф колониальности. Однако следует отметить, что установки центральных органов РСДРП(б) по национальному вопросу в это время во многом носили декларативный характер, а национальная политика после прихода большевиков к власти отличалась высокой степенью конъюнктурности. Главной задачей для партии на тот момент было взять и удержать власть, которую ташкентские коммунисты и решали. То, что при этом игнорировалась позиция коренного населения по вопросу самоопределения, не воспринималось как нарушение программы партии, так как в дореволюционных работах Ленина содержалось положение о том, что выразителем самоопределения нации должен быть пролетариат.

Однако ташкентские коммунисты даже на уровне деклараций не учли национальную специфику, интересы местного населения и, как представляется,

[629] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 10.

[630] Размахов К.Е. Создание советской автономии в Туркестане в 1917–1918 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 44.

[631] Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Т. 1. С. 39–41.

недооценивали значимость национального вопроса в становлении советской власти в регионе. А. Халид обосновывает нежелание большевиков допускать мусульман во властные органы стремлением контролировать распределение продовольствия в условиях его острого дефицита[632]. На наш взгляд, позиция местных большевиков по отношению к туркестанскому национальному движению определялась, помимо вышеназванных факторов, устойчивыми стереотипами восприятия европейским населением местного коренного населения как отстающего в развитии, не готового самостоятельно обеспечить должный уровень развития региона. В совокупности с претензиями мусульман на власть стереотипы их восприятия формировали отношение недоверия к ним и действия, которые Ленин впоследствии определил как «великодержавный шовинизм».

Именно как продолжение колониального правления, как вызов планам национального самоопределения Туркестана и были восприняты решения III съезда Советов Туркестанского края. Как представляется, до съезда Советов национальные организации занимали выжидательную позицию, и существовала вероятность их поддержки советской власти, так как им импонировала национальная риторика большевиков. Но решения съезда стали точкой размежевания автономистского движения с советской властью. В обстановке политической нестабильности и неясности перспектив советской власти, так как большинство политических сил края осудили захват власти большевиками, лидеры автономистского движения, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, решили реализовать свой проект автономии Туркестана.

Менее чем через две недели, 27 ноября 1917 г., в Коканде собрался IV съезд мусульман, принявший известную резолюцию: «Чрезвычайный общемусульманский краевой съезд, выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоуправлению на началах, возвещенных великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с федеративной демократической российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестана Учредительному Собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок, и торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охранены»[633]. На следующий день съезд избрал Временный народный совет автономного Туркестана в составе 32 человек, по количеству мест в Учредительное собрание, выделенных Туркестану. Из состава народного совета было сформировано временное правительство под председательством М. Тынышпаева в количестве 12 членов, четверо из которых должны были пред-

[632] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. С. 195.

[633] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 17.

ставлять европейскую общину. Так как Ташкент находился под контролем большевиков, новое правительство сделало местом своего пребывания Коканд, отсюда второе название Туркестанской автономии — Кокандская автономия. В регионе сложилось формальное двоевластие.

Провозглашение автономии и создание временного правительства стало максимальной точкой развития национального автономистского движения коренного населения края. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, возможности для решения вопроса национального самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения[634], были фактически исчерпаны. В противостоянии с Совнаркомом Туркестана Кокандское правительство, не располагая реальными ресурсами влияния: армия, финансы, массовая поддержка со стороны населения — не смогло перехватить политическую инициативу[635]. То, что национальная политическая элита уже после Октябрьского переворота в Петрограде и Ташкенте при слабости вышеуказанных факторов решилась на провозглашение автономии и создание правительства, можно объяснить, на наш взгляд, высокой мобилизационной особенностью идеологии национализма.

После провозглашения местными националистами автономии СНК Туркестана обратился за директивами в Центр. Однако центральное советское правительство само находилось в сложных условиях выживания и решало вопрос о выходе России из Первой мировой войны. В этой связи нарком по делам национальностей И.В. Сталин в своем ответном послании отметил: «…вы сами власть на местах, сами должны вырабатывать директивы»[636]. На IV Съезде Советов Туркестана (19–26 января 1918 г.) большевистская фракция впервые определила свою позицию по вопросу автономии. Председатель Ташкентского горкома РКП(б) И.О. Тоболин отметил, что партия не против автономии, но она должна иметь пролетарский характер. При этом большинство членов съезда проголосовало за ликвидацию Кокандской автономии.

В условиях разгорающейся Гражданской войны судьба Туркестанской автономии была предопределена, ее ликвидация была лишь вопросом времени. Повод к военной ликвидации национального правительства в Кокан-

---

[634] На март 1918 г. правительство Туркестанской автономии назначило выборы в местное учредительное собрание.

[635] В начале 1918 г. СНК Туркестана смог провести реквизицию из банков денежных средств правительства Кокандской автономии и лиц, поддержавших его. Было реквизировано около 9 млн рублей. Эти действия вызвали кризис во временном правительстве, которое было обвинено пострадавшими деловыми кругами в бездействии. В итоге в правительстве произошли кадровые перестановки, пост главы правительства занял Мустафа Чокаев, обещавший проводить более решительную политику.

[636] Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии. С. 209.

де дали сами автономисты, попытавшись в ночь с 29 на 30 января захватить крепость Коканда и другие стратегические объекты города. Попытка не удалась, а Совет рабочих и солдатских депутатов Коканда отправил телеграммы в Ташкент и другие города Ферганской области с просьбой о помощи. Первым в Коканд из Скобелева прибыл военный отряд под командованием К.П. Осипова[637], затем туда были переброшены войска из Ташкента. В контексте характера межнациональных отношений в крае показательно, что выступление автономистов в Коканде было воспринято русскими по составу городскими Советами как выступление мусульман против русских. В свою очередь, сопротивление, оказанное военными частями правительства Туркестанской автономии, в Коканде приняло статус газавата, священной войны против неверных. В результате ликвидации правительства Туркестанской автономии борьба за национальное самоопределение Туркестана на несоветской основе перешла от модернизированной местной интеллигенции к представителям традиционных групп местного общества в лице командиров басмаческих отрядов и приобрела военный характер.

Специфика начального этапа становления советской власти в Туркестане, помимо национальных особенностей региона, определялась тем, что с декабря 1917 г. по сентябрь 1919 г. он был фактически отрезан от центральной части России вследствие начала Гражданской войны и захвата Оренбурга войсками сначала атамана Дутова, а затем Колчака. Поскольку связь с центральным правительством в этих условиях была нерегулярной, местный СНК вынужден был решать задачу сохранения советской власти самостоятельно исходя из собственных представлений о мерах ее укрепления. В последующем член Турккомиссии Г. Сафаров назовет этот период как «полосу совершенно самобытного развития советской власти в Туркестане»[638]. Для этого «самобытного периода» было характерно обострение национального вопроса, в первую очередь вследствие того, что декларируемые советской властью принципы расходились с реальной политикой советских органов на местах, порой откровенно дискриминационной в отношении коренного населения. Документальные источники, подготовленные как представителями советской власти, так и ее противниками, содержат многочис-

[637] Осипов К.П. (1896 – ?), член РСДРП(б) с 1913 г., после того, как он отличился в подавлении правительства Туркестанской автономии, был назначен военным комиссаром Туркреспублики. В январе 1919 г. группа бывших царских офицеров и туркестанских коммунистов, недовольных назначением на многие руководящие посты работников из Центра, подготовила мятеж в Ташкенте, целью которого было свержение советской власти. Осипов возглавил мятеж и провозгласил себя военным диктатором. В ходе мятежа было убито 14 советских комиссаров, почти все туркестанское правительство. После подавления мятежа Осипов присоединился к одному из руководителей басмаческого движения Мадамин-беку.

[638] Сафаров Г. Колониальная революция. Reprint series. Oxford, 1985. С. 118.

ленные свидетельства нарушения прав, или попросту откровенного грабежа, мусульманского населения со стороны руководства городских Советов, красноармейцев и русских крестьян[639]. Ярким свидетельством подобной политики стало использование Советами армянских дашнакских дружин[640], которые участвовали в подавлении правительства Кокандской автономии и в последующем контролировали ситуацию в ряде городов Ферганской долины. Дашнаки, помимо прочего, использовали сложившуюся политическую конъюнктуру в регионе как возможность отомстить мусульманскому населению за погромы и геноцид армянского народа в Османской империи.

Подобные действия со стороны органов советской власти, естественно, приводили к росту численности и активности басмаческого движения, недоверию к советской власти со стороны местного туземного населения. Для решения задачи укрепления советской власти в крае такая ситуация была нетерпимой, а поскольку туркестанский случай сам по себе не был уникальным для национальной обстановки на пространстве бывшей империи, то разработчики национальной политики большевиков, Ленин и Сталин, быстро осознали вызовы, исходящие от национальной проблемы, и попытались на них среагировать.

Действительно, провозглашение в ноябре-декабре 1917 г. в ряде мусульманских регионов России национальных автономий и создание правительств, не признающих советскую власть, свидетельствовало о популярности идеи национального самоопределения, и в условиях Гражданской войны не могло не беспокоить советское правительство, заставляя переходить от деклараций к конкретным практическим шагам в решении национального вопроса. Ликвидация военным путем правительства Туркестанской автономии автоматически не укрепила советскую власть в регионе, которая столкнулась с угрозой басмаческого движения. Центральное правительство решило взять на себя инициативу в провозглашении национальных автономий, лишив, таким образом, несоветскую этноэлиту монополии на разработку национальных проектов. Как уже отмечалось, на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. Российская советская республики была преобразована в федеративную. Это создало правовые основания для внедрения советских вариантов национальной автономии, и Туркестан стал первым регионом, где она была провозглашена.

---

[639] РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 311. Л. 104–109; Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. С. 244, 247–249.

[640] Дашнаки – члены армянской национальной партии Дашнакцутюн, филиал которой действовал в Туркестане в среде армянской диаспоры. После Октябрьской революции дашнаки поддержали новую власть. Боевые отряды дашнаков на протяжении 1918 г. от имени советской власти осуществляли реквизиции продовольствия и национализацию хозяйства мусульманского населения Ферганской долины.

В апреле 1918 г. нарком по делам национальностей И. Сталин в письме к СНК Туркестанского края дал разъяснение позиции Москвы по вопросу института автономии. В частности, он отметил: «Некоторые советы на местах решили ввиду этого (того, что носителями идеи автономии выступали национальные буржуазные круги. — *авт.*) отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая разрешение национального вопроса путем оружия, но этот путь совершенно непригоден для советской власти. Этот путь способен только сплотить массы вокруг буржуазно-национальных верхов, а верхи эти выставить спасителями родины, защитниками нации, что ни в коем случае не входит в расчеты советской власти. Не отрицать автономии, а признавать ее, является очередной задачей советской власти»[641]. По сути, Сталин, говоря его же словами, предлагал взять уже известную «форму» автономии и наполнить ее новым советским, классовым содержанием. В обращении также содержалось указание привлекать к работе «революционные элементы» самоопределяющихся народов, содействовать сближению местного населения с советской властью.

Для оказания организационной помощи в правовом оформлении советской автономии СНК РСФСР направил в край группу работников Наркомнаца во главе чрезвычайным комиссаром П.А. Кобозевым. 30 апреля 1918 г. V съезд Советов Туркестанского края принял Положение об образовании Туркестанской Советской Федеративной Республики в составе РСФСР. Новым и значимым моментом для последующего процесса национально-государственного развития региона стало то, что статус советской автономии в Туркестане был определен как республика. В идейно-политических построениях туркестанских автономистов после Февральской революции административный статус автономии края не был четко определен, но скорее речь шла об области в составе республики. Большевики, стремясь подчеркнуть народный характер своей власти, смелее использовали исторически сложившиеся политические формы народного представительства. Институт республики позиционировался как более высокая, и это на самом деле так, форма автономии и призван был продемонстрировать фактически максимальное воплощение права на самоопределение. В этом отношении решение центрального советского правительства провозгласить в национальных мусульманских регионах ряд автономных республик имело большое значение в процессе разработки национальной политики большевиков, оно свидетельствовало о том, что новая власть переходит от заявлений к конкретным шагам по решению национального вопроса.

Республиканская форма автономии задавала и принцип организации власти согласно принципу разделения властей. Принятое на V съезде Положение о Туркестанской Советской Республике фиксировало территориальные

[641] Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 76.

границы и систему организации власти в республике. Высшим постоянным законодательным органом стал Центральный исполнительный комитет (ЦИК), который возглавил П.А. Кобозев, исполнительная власть оставалась за Советом Народных Комиссаров (СНК) под председательством Колесова. Однако вопрос распределения властных полномочий между автономной республикой и Центром требовал более детальной проработки, и по предложению Ленина в Москву была направлена специальная комиссия. С провозглашением автономной республики было решено создать в Туркестане и свою национальную коммунистическую партию, первый съезд которой прошел в июне 1918 г. Но изменения касались по сути только названия, в остальном Коммунистическая партия Туркестана (КПТ) сохраняла статус отделения РКП(б) и в своих действиях должна была выполнять указания центральных органов партии.

Как на V съезде Советов, так и на I съезде КПТ лейтмотивом выступлений и решений стала задача активизации работы среди мусульманского пролетариата с целью вывести его из-под влияния национальной буржуазии и привлечь на сторону советской власти. Эту задачу актуализировала Гражданская война и возникновение очагов антисоветских выступлений на территории самой ТуркАССР: в Закаспийской области, Семиречье, Ферганской долине. Уже на V съезде Советов Туркестана Кобозев, получив место председателя президиума съезда, заставил включить в президиум нескольких мусульман. Благодаря ему 9 из 37 членов ТуркЦИКа, избранного в качестве высшего органа власти в крае, и 4 из 16 членов Совнаркома являлись мусульманами[642].

В октябре 1918 г. по инициативе Ленина было создано Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б) для проведения организационно-политической, пропагандистской и агитационной работы среди мусульманских коммунистов. В Туркестане по аналогии с Центром была создана сеть уездных и областных мусульманских бюро под общим руководством краевого Мусбюро при крайкоме КПТ. В полномочия Мусбюро, помимо проведения организационно-агитационной работы среди мусульманской части партии, входило «наблюдение за деятельностью Комиссариата по делам национальностей и других советских органов в смысле правильного проведения коммунистической программы в части, касающейся мусульман»[643]. Краевое Мусбюро возглавил Турар Рыскулов[644]. Эти организации стали первым организационным шагом по работе с местным туземным населением и его включения в систему советских партийных и государственных органов.

[642] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России… С. 212.

[643] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 41.

[644] Рыскулов Турар (1894–1938) – этнический казах, активный участник строительства советской власти в Туркестане. Председатель Мусбюро (1919 г.), председатель Крайкома КПТ и ТуркЦИКа (1920 г.).

Провозглашение автономной советской республики в Туркестане свидетельствовало о понимании лидерами большевистской партии необходимости реагировать на национальные требования коренного населения. Вместе с тем приходится констатировать, что в самом Туркестане заявленный курс советского руководства во многом так и оставался до конца 1919 г. на уровне деклараций. Факты дискриминации местного населения, не только имущих классов, о которых говорилось ранее, имели по-прежнему широкое распространение. Подобная ситуация не отвечала интересам Советской России в Туркестане и принципам национальной политики РКП(б), ориентированных на формирование отношения доверия к новой власти. Поэтому когда в сентябре 1919 г. войска Туркестанского фронта Красной армии разгромили армию Колчака и прорвали блокаду Туркестана, руководство РКП(б) решило направить в регион Комиссию по делам Туркестана[645] с целью анализа ситуации и выработки мер для укрепления позиций советской власти. Решение поставленной задачи в условиях Туркестана было напрямую связано с урегулированием национального вопроса, который включал следующие составляющие: более четкое правовое определение статуса автономии и компетенций органов Туркреспублики в ее взаимоотношениях с федеральными властями, принципы организации Коммунистической партии Туркестана, обеспечение коренному населению доступа к земле и воде, борьба с басмачеством. В данном разделе мы остановимся на анализе партийно-государственного строительства как направления работы Турккомиссии. Борьба с басмачеством и продвижение социалистической революции в соседние регионы (Хива и Бухара) будет рассмотрено в отдельных разделах.

Ко времени приезда Турккомиссии в Ташкент в ноябре 1919 г. партийная организация РКП(б) несла на себе отпечаток колониальной структуры общества имперского периода. Коммунистическая партия Туркестана включала в себя три структуры, слабо взаимодействующие друг с другом: Крайком РКП(б), Крайком иностранных коммунистов и Мусбюро.

Прошедшие в период с мая 1919 г. по февраль 1920 г. три краевые конференции мусульманских организаций КПТ свидетельствовали об усиливающемся недовольстве коммунистов-мусульман политикой руководящих органов партии и республики в отношении коренного населения, которая оценивалась как колониальная[646]. Резолюции конференций отразили тот факт, что в партии складывается политически активная группа коммунистов во главе с председателем Мусбюро Т. Рыскуловым, готовая отстаивать национальные интересы широких слоев коренного населения и его представи-

[645] Комиссия по делам Туркестана была создана постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1919 г. В нее вошли Ш.З. Элиава (председатель), В.В. Куйбышев, Я.Э. Рудзутак, М.В. Фрунзе, Ф.И. Голощёкин, Г.И. Бокий.

[646] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 57.

тельство во власти. Идейной основой подходов к решению национального вопроса в Туркестане, как для группы Рыскулова, так и для членов Турккомиссии, были положения программы РКП(б), принятые на VIII съезде партии в марте 1919 г. Программа партии в очередной раз декларировала право наций на самоопределение и ставила задачу борьбы с проявлениями «великодержавного национализма» в отношении «угнетенных наций», чтобы заслужить их доверие к советской власти[647].

Задачи РКП(б) применительно к ситуации в Туркестане были доведены до ЦИК Туркреспублики и Крайкома КПТ радиограммой от 12 июля 1919 г. В ней отмечалось: «…на основании принятой VIII съездом программы компартии <…>, необходимо широкое пропорциональное населению привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями. Прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм. Надеемся, что передовой революционный кадр Туркестана, русский пролетариат, исполнит свой революционной долг, примет все меры к осуществлению намеченной центральной властью цели...»[648].

Установки Москвы стали основанием для открытой критики Рыскуловым курса Крайкома КПТ и выдвижения своей программы решения национального вопроса. В докладе на III краевой конференции мусульманских коммунистических организаций в феврале 1920 г. Т. Рыскулов подчеркнул, что «туркестанские партийные организации не поняли тех задач, которые стоят перед партией пролетариата на Востоке. <…> Необходимо устранить систему колонизации, практиковавшуюся во времена царизма, что страшно осложняет национальный вопрос. До сих пор в Туркестане единой партии нет… Крайком не имеет влияния на мусульманские массы. Последние подчиняются исключительно Мусбюро. Если мы хотим осуществить наши идеалы на Востоке, мы должны изменить наше отношение к коренному туземному населению, должны вызвать их веру в нас»[649]. Рыскулов выступил с предложением устранить сложившееся организационное деление партии по национальному принципу и объединить все коммунистические организации в Туркестане в единую партию под общим руководством ЦК РКП(б), закрепив за ней название *Коммунистической партии тюркских народов Туркестана*[650].

---

[647] Программа Российской коммунистической партии (большевиков). Принята 8 съездом партии 18-23 марта 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm (дата обращения: 22.02.16).

[648] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 75.

[649] Там же. Л. 111.

[650] Там же. Л. 116.

В части национально-государственного строительства он подчеркнул, что в ТуркАССР самоопределяющимся народом является тюркский народ, поэтому республика должна именоваться *Тюркской советской республикой* РСФСР[651]. Путем преобразования партии и в перспективе республиканских органов на национальной основе Рыскулов считал возможным устранить колонизаторские пережитки в управлении краем, преодолеть ущемление политических прав коренного населения[652]. Не менее важной причиной, по его мнению, являлось то, что Туркестан мог и должен был стать показательной витриной строительства социализма в восточном обществе и в этом качестве стать авангардом продвижения мировой социалистической революции на Восток. Рыскулова, как и многих политических деятелей Востока, привлекала в коммунизме и политике РКП(б) в первую очередь антиколониальная составляющая политики, а уже потом социальные преобразования.

Показательно, что члены Турккомиссии Ш. Элиава и В.В. Куйбышев, присутствовавшие на V конференции КПТ (18 января 1920 г.) и III краевой конференции мусульманских организаций, поддержали предложения Рыскулова. Они не увидели в них противоречия установкам РКП(б) на максимальное привлечение в ряды партии трудящихся масс коренного населения. В итоге конференции утвердили программу Рыскулова, а он сам после роспуска Мусбюро возглавил единый Крайком КПТ и Туркестанский Центральный исполнительный комитет.

Использование Рыскуловым именно тюркской идентичности как критерия преобразований в партии и системе управления республики свидетельствовало, что более частная по отношению к тюркской этническая идентичность, положенная впоследствии большевиками в основу национально-территориального размежевания в Центральной Азии, еще не воспринималась местной политической элитой как доминирующий критерий национального самоопределения[653]. Не случайно, стремясь обосновать право коренного населения формировать партийные и республиканские органы, чтобы придать автономии Туркестана истинно национальный характер, Т. Рыскулов реанимировал уже оформленный в свое время джадидами концепт тюркской общности, к которой принадлежало большинство населения республики, как своего рода аналог нации. Рыскулов по сути пытался реализовать национальный проект тюркской республики, обосновывая его коммунистической риторикой и идеалами. Так, проект «Тюркской советской республики» позиционировался им как *интернациональный*, так как в ее границах в перспекти-

[651] РГАСПИ. Ф. 17.Оп. 84. Д. 79. Л. 19-20.

[652] Арапов А. Крах проекта Тюркской советской республики 1919–1920 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1336816380 (дата обращения: 22.02.2016).

[653] Абашин С. Национализмы в Средней Азии. С. 179; Вишневский А. Центральная Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 138.

ве могли объединиться трудящиеся всех тюркских народностей, на данный момент не входящих в состав РСФСР[654]. Таким образом, границы республики могли быть шире уже провозглашенной ТуркАССР.

Однако именно национальный, «тюркский» принцип преобразования партии и республики вызвал возражения остальных членов Турккомиссии, в первую очередь М.В. Фрунзе, а в последующем и Политбюро ЦК РКП(б). Как представляется, Фрунзе, являясь председателем Реввоенсовета Туркфронта, оценивал ситуацию в Туркестане через призму военно-политических и государственных интересов Советской России. Туркестан он рассматривал как приграничную территорию в контексте существующих здесь внутренних и внешних угроз. Тюркская составляющая предложений Рыскулова была близка пантюркизму, являвшемуся идейной основой разгромленной большевиками Туркестанской автономии и возникшего после этого басмаческого движения. А басмачи воспринимались командованием Туркфронта не иначе как агенты английского империализма[655]. К проявлениям национализма в руководстве РКП(б) было осторожное и противоречивое отношение из-за его надклассовой природы. В этом свете идея преобразования Туркестанской АССР в Тюркскую советскую республику при слабости позиций советской власти и объективной узости ее классовой базы среди коренного населения была воспринята М. Фрунзе как угроза интересам Советской России в регионе. На следующий день после прибытия в Ташкент, 23 февраля 1920 г., на заседании Турккомиссии он подверг критике резолюции конференций и позицию Куйбышева и Элиаве, поддержавших их. В резолюции заседания Турккомиссии отмечалось, что поднятую «националистическую шумиху, как нельзя лучше могут использовать наши враги, а главным образом Англия»[656]. В результате Турккомиссия признала решения конференций недействительными, в Москву была направлена только рекомендация о создании единой партии путем объединения трех партийных центров в единый ЦК коммунистической партии Туркестана при сохранении установки на привлечение в ряды КПТ коренного мусульманского населения.

Вместе с тем реальная власть в вопросах управления Туркестанской АССР и КПТ сосредоточилась в руках Турккомиссии и Реввоенсовета Туркфронта. Крайком КПТ и ТуркЦИК, где хоть и была увеличена доля коммунистов из числа коренного населения, не имели свободы в принятии решений, находясь под «опекой» Турккомиссии. Такая ситуация воспринималась Т. Рыскуловым и его сторонниками как нарушение автономии Туркестана. Пытаясь отстоять свое видение организации власти в ТуркАССР, Рыскулов

[654] РГАСПИ. Ф. 17.Оп. 84. Д. 79. Л. 19–20.

[655] РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 129. Л. 44 об.

[656] Акрамов А., Авлиякулов К. В.И. Ленин, Турккомиссия и укрепление советской власти в Средней Азии. Ташкент, 1991. С. 91.

решил напрямую обратиться в Политбюро ЦК РКП(б). В мае 1920 г. Ш. Элиаве и Я. Рудзутак были вызваны в Москву для обсуждения ситуации в Туркестане. В этой связи ТуркЦИК принял решение направить в Москву так называемую Турк делегацию в составе Т. Рыскулова, Н. Ходжаева, Грух-Иванова.

25 мая 1920 г. члены Турк делегации встретились с Лениным и представили ему свой проект задач партии в Туркестане. Общий знаменатель предложений Рыскулова — обеспечить реальную автономию государственным органам Туркреспублики в лице ТуркЦИКа и Турксовнаркома и доступ к руководящим должностям представителям национального, мусульманского большинства населения. В этой связи выдвигалось требование о ликвидации Турккомиссии как ненужной «надслойки» в управлении республикой и комплектовании частей Красной армии в Туркестане только из коренного населения[657]. При этом проект Турк делегации не включал предложений относительно решения каких-то социально-экономических проблем Туркестана. Это подтверждает оценку позиции мусульманских коммунистов, руководствующихся в своей деятельности принципом, что «в колониальном обществе интересы социальной революции должны быть подчинены задачам его национального самоопределения и культурного возрождения»[658].

Учитывая негативную реакцию Турккомиссии и рекомендации центральных органов по вопросу переименовании партии и республики на основе тюркской идентичности, Рыскулов не высказал их напрямую в своем проекте. Однако в развернутой преамбуле проекта он критиковал русскоязычных работников (а по сути Турккомиссию) за то, что они пытаются создать искусственное впечатление о «существующем антагонизме между узбеками, киргизами и туркменами, расчленить их друг от друга»[659].

После ознакомления с докладом Турк делегации Ленин рекомендовал ЦК РКП(б) взять за основу будущего положения о задачах партии в Туркестане проект Турккомиссии. Политическое самоопределение Туркестана на основе тюркской и мусульманской идентичности в сочетании с передачей местным властям контроля над армией, что всегда входило в полномочия Москвы, не встретили понимания со стороны вождя партии. Следует отметить, что в это же время со схожими идеями о создании тюркской советской республики выступили лидеры татарского и башкирского отделений РКП(б) М. Султан-Галиев и А. Валидов, что позволяет говорить о складывании в партии национал-коммунистического течения в начале 1920-х гг. Перспектива создания единой республики тюркских народов, весьма обширной по территории, была воспринята Лениным как угроза советскому влиянию

[657] РГАСПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 14099. Л. 8.
[658] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России… С. 213.
[659] РГАСПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 14099. Л. 4.

в тюркоязычных регионах и территориальной целостности РСФСР. Близость идей мусульманских коммунистов идеологии пантюркизма делала ее очень сомнительной в глазах руководства партии.

Вместе с тем доводы Туркделегации о сохраняющейся дискриминации в отношении коренного населения линий раз убедили руководство партии в необходимости расширять социальную базу партии путем решения социально-экономических противоречий в регионе. «Ликвидация отношений недоверия, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате десяти с лишком летней империалистической политики Российского самодержавия» выдвигалась в качестве приоритетной цели в положении «О задачах РКП(б) в Туркестане», утвержденном 29 июня на заседании Политбюро ЦК РКП(б)[660]. В целях ликвидации национальных противоречий предлагалось осуществить передел земли и вернуть часть киргизскому населению, оставив русским переселенцам участки в размере трудового надела, а также «откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом»[661].

В решении других составляющих национального вопроса в Туркреспублике большевистское руководство осталось на прежних позициях. За партией сохранялось название «Туркестанская коммунистическая партия». Турккомиссия сохранялась как представительство ВЦИК, решающее в республике вопросы управления, закрепленные за федеральной властью: внешние сношения, внешняя торговля, военное дело[662]. По рекомендации Ленина членам Турккомиссии вменялось в обязанность регулярно взаимодействовать и консультироваться с ТуркЦИК и ТуркСНК, чтобы повысить значимость последних в глазах местной партийной элиты, создать видимость их самостоятельности. На практике, в условиях однопартийного режима, когда КПТ сохранила лишь статус областного отделения РКП(б), в процессе принятия решений в республике сохранился примат центральных органов и их представительства.

Именно в процессе разработки Положения о задачах партии в Туркестане В.И. Ленин в поправках к его проекту внес свою известную рекомендацию: «составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению; детальнее выяснить условия слияния или разделения этих трех частей»[663]. Это указание считается отправной точкой подготовки большевиками национально-территориального размежевания Центральной Азии, определившего контуры современной карты

[660] Ленин В.И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Полное собрание сочинений Т. 41. С. 433.

[661] Там же. С. 433.

[662] Там же. С. 434.

[663] Там же. С. 436.

региона. Но, что показательно, уже в предложениях Турккомиссии, представленных на рассмотрение Политбюро, содержалось положение о созыве съезда Советов узбекских, киргизских и туркменских трудящихся для обсуждения вопроса о возможности национального самоопределения в форме автономных республик. Это дает основание предположить, что уже на уровне Турккомиссии сложилось представление о целесообразности в свете интересов партии и советской власти найти и опереться в национальном строительстве на иные, чем тюркский, уровни идентичности. Можно сказать, что предложения Рыскулова стали одним из факторов, обусловивших поворот руководства РКП(б) к этнотерриториальным критериям национального строительства в Центральной Азии, позволившим впоследствии создать более дробные относительно проекта Тюркской республики и подконтрольные Центру советские республики.

В свете продолжающейся Гражданской войны в России, широкого размаха басмаческого движения в Центральной Азии и слабости позиций советской власти в регионе от немедленных шагов по национальному размежеванию Туркреспублики было решено отказаться. Серьезным ограничителем советской политики в Туркестане являлась немногочисленность идейно подготовленных кадров, лояльных советской власти. Отчеты в Москву членов Турккомиссии и работников республиканского аппарата управления отмечают плачевное состояние Советов и партийных ячеек на местах, которые не выдерживали критики ни с классовой, ни с национальной, ни с профессиональной точек зрения. М. Фрунзе и В. Куйбышев во время обсуждения в Политбюро ЦК РКП(б) политики в Туркестане писали Ленину о преждевременности создания национальных республик на месте Туркреспублики, так как на текущий момент нет достаточно сил для обслуживания даже единого Туркестана[664].

Состав Турккомиссии за период еще существования также неоднократно менялся по причине востребованности ее членов на других фронтах работы. Так, в связи с выездом из пределов Туркестана членов Турккомиссии Элиавы и Рудзутака и с предстоящим отъездом Фрунзе Политбюро ЦК РКП(б) 29 июня 1920 г. утвердило новый состав Турккомиссии. Так как комиссия представляла государственные органы РСФСР в Туркестане, для руководства партийной работой КПТ было образованно Туркбюро ЦК РКП(б).

Отклонение Политбюро ЦК РКП(б) проекта Рыскулова как основы национальной политики в регионе поставило перед Турккомиссией задачу устранения «группы Рыскулова» с руководящих постов в руководстве республикой. Его взгляды были официально определены как проявление «буржуазного национализма»[665]. Эта оценка затем перекочевала в советскую истори-

[664] РГАСПИ. Ф. 17. Оп 84. Д. 79. Л. 40.
[665] РГАСПИ Ф. 640. Оп. 1. Д. 56. Л. 22.

графию, в которой его проект интерпретировался как «пантюркистско-националистический»[666]. Поскольку Турар Рыскулов не согласился с характером предъявленных ему претензий и продолжал отстаивать свои позиции, Турккомиссия 10 июля 1920 г. распустила лояльный ему Крайком КПТ и создала Временный ЦК КПТ во главе с Н. Тюракуловым. Рыскулов был отозван в Москву. В течение лета весь советский аппарат и все партийные комитеты, а также ревкомы в ТуркАССР были переизбраны. В результате Москва окончательно установила монополию на разработку и трактовку подходов построения советской власти и решения национального вопроса в регионе.

Окончательную позицию партии относительно инициатив мусульманских коммунистов определил X съезд РКП(б), прошедший в марте 1921 г. Съезд осудил антипартийные уклоны в национальном вопросе: великодержавный (великорусский) шовинизм и местный национализм как вредные и опасные для коммунизма и пролетарского интернационализма[667]. Вместе с тем великодержавный шовинизм определялся как главная опасность для реализации задач партии в национальном вопросе, в Туркестане борьба с ним приняла форму кампании по борьбе с колонизаторством.

Решительная борьба с колонизаторством в партии проводилась под руководством Турккомиссии с весны 1920 г. Чистка партии проходила в форме смещения с должностей русскоязычных руководителей и, как правило, их перевода на работу в другие регионы РСФСР. При этом Турккомиссия в отчете в Центр справедливо указывала, что высылка коммунистов, зараженных колонизаторством, натолкнется на полное отсутствие подготовленных работников из местного населения. Укрепление советской власти в регионе объективно требовало создания лояльной и идеологически подготовленной элиты из коренного населения. Воплощением этого курса стало включение в декабре 1921 г. в Туркбюро ЦК РКП(б) коммунистов-мусульман — Н. Тюрякулова, А. Рахимбаева и К. Атабаева. Как отмечает А. Халид, представители новой советской туркестанской элиты, как правило, заканчивали русско-туземные школы и вступили в партию в 1918 г. или позже, однако они недолго продержались на своих постах. До национально-территориального размежевания границ Средней Азии в 1924–1925 гг. во властных структурах Туркреспублики постоянно происходили кадровые рокировки и перетряски, ибо Центр не был удовлетворен революционной сознательностью ответственных работников-мусульман. Поэтому, несмотря на то, что формально ТуркЦИК и ЦК КПТ неизменно возглавлялись представителями коренных народов, европейцы продолжали доминировать на среднем и низшем уровнях[668].

[666] Гордиенко А.А. Образование Туркестанской АССР С. 219.

[667] Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сочинения. Т. 5. С. 404.

[668] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России... С. 221.

Кампания борьбы с колонизаторством среди русского населения республики вышла за рамки чистки партийных и государственных органов и приобрела широкий размах во время проведения земельной реформы в 1921 г. в интересах коренного, преимущественно казахского, населения. Напомним, что земельный вопрос в Туркестане в период революционных событий 1917 г. находился в законсервированном состоянии в силу его местной специфики. Она заключалась в том, что земельный конфликт в Туркестане имел характер не классового противостояния, как в европейской части России, а национального: между русскими крестьянами-переселенцами и местными кочевниками — казахами и киргизами. Автоматическое применение положений Декрета о земле в Туркестане в этой связи было невозможно, а с учетом прорусской национальной политики СНК Туркестана в первые годы советской власти земельный вопрос принял еще более острый характер. С фактическим установлением контроля Москвы над ситуацией в Туркреспублике в лице Турккомиссии появилась возможность реализовать установки национальной программы РКП(б) относительно «угнетенных наций». В сентябре 1920 г. IX Всетуркестанский съезд Советов принял постановление в возвращении коренному населению всех земель, захваченных русским крестьянством после восстания 1916 г.; выравнивании размеров земельных наделов между коренным и туземным населением; ликвидации нетрудовых кулацких и байских хозяйств[669]. Этим постановлением упразднялась установившаяся во время Гражданской войны солидарность правительства Туркестана с местным русским населением[670].

Основным районом проведения землеустроительных мероприятий стала Семиреченская область, где был самый высокий удельный вес русских крестьянских поселений в республике. При этом в постановлении Турк-бюро о реформе указывалось, что такие крайние меры, как лишение кулаков земли с последующей их высылкой, не должны иметь массовый характер, а применяться персонально. Однако Г. Сафаров, член Турккомиссии, отвечавший за проведение реформы, по мнению Я. Рудзутака, на тот момент председателя Турккомиссии, «начал настоящий крестовый поход против русского населения», объявив всех крестьян колонизаторами. В итоге реформа проводилась с большими перегибами, массовым выселением целых крестьянских поселков, которое не было организационно продумано, с применением насилия[671]. Методы, которыми проводилась земельная реформа на местах, не получили поддержки со стороны остальных членов Турккомиссии (Я.Э. Рудзутак, М.П. Томский, Я.Х. Петерс), более прагматично на-

[669] РГАСПИ Ф. 17.Оп. 84. Д. 201. Л. 72.

[670] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. С. 88.

[671] См. подробнее о характере проведения земельной реформы: Генис В.Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1.

строенных в вопросах проведения национальной политики. Они справедливо указывали на экономический ущерб проведенных земельных преобразований. Только из Семиреченской области было выслано в 1921 г. 18970 человек, ликвидировано 49 поселков, 95 хуторов[672]. Произошло сокращение пахотных земель и урожайности сельского хозяйства, потому что казахское население, преимущественно кочевое, получив земли и оставшись без дальнейшего руководства, не обрабатывало их. Другим следствием действий Сафарова стал рост недовольства советской властью русского населения, Верненское и Нарынское восстания.

Внутренний конфликт в Турккомиссии по вопросу о характере и масштабах борьбы с «колонизаторством» привел к появлению так называемого дела Сафарова, которое рассматривалось Центральной контрольной комиссией РКП(б) в январе 1922 г. Его спасло заступничество Ленина, который всегда поддерживал Г. Сафарова за стремление вовлечь «киргизские трудовые массы в партийную и советскую работу». Действительно, если говорить о цели национальной политики, ради которой была инициирована землеустроительная реформа, то она в итоге, хотя и ценой больших социальных издержек для русского крестьянства, была достигнута. Побывавший осенью 1921 г. в Туркестане чрезвычайный уполномоченный ВЦИК и СНК РСФСР А.А. Иоффе отмечал «небывалый, совершенно невероятный подъем киргизской массы». Он писал, что «настроение кирбедноты в Семиречье, равного которому нет ни в одной из посещенных мною областей Туркестана, является первым и сильнейшим впечатлением от Семиречья, впечатлением, перед которым меркнут даже ужасы экономической разрухи, опасности национальной розни и стоны, и ропот обиженных русских крестьян»[673].

Но депортация русских крестьян и политика преференций в вопросе доступа к земле коренного населения нарушала классовый принцип, не говоря уже об экономической целесообразности. Поэтому в августе 1922 г. Москва покончила с высылкой крестьян и настояла на равных правах для всех оставшихся славянских поселенцев[674]. Местное коренное население закономерно воспринимало земельную реформу и другие социальные преобразования советской власти как политику деколониазации и продолжало настаивать на отъезде русских и после национального размежевания 1924 г. По оценке Центра, самые напряженные межэтнические отношения сложились на территории современного Казахстана и Киргизии.

В южных районах орошаемого земледелия Туркестана, где количество русских в сельской местности было незначительным, земельная реформа

[672] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 84. Д. 201. Л. 73.

[673] Цит. по: Генис В.Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году… С. 45.

[674] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. С. 90.

не приобрела форму национального конфликта, а проходила в основном по классовому принципу в форме конфискации земли и крупных землевладельцев-баев и перераспределения ее между безземельными и малоземельными дехканами. Здесь советская власть использовала уже опробованные в европейской части России методы проведения земельного предела, и стала создавать из коренного населения комитеты бедноты «кошчи». Они оказали существенное содействие советской власти в проведении земельно-водной реформы и объективно расширяли ее социальную базу среди коренного сельского населения. Межэтнические конфликты среди коренного населения земледельческих оазисов по поводу доступа к земле, как отмечают исследователи, стали возникать позже, при подготовке и после проведения национально-территориального размежевания[675]. И возникали в основном в районах, где проходила условная граница проживания узбеков и туркменов, узбеков и киргизов.

Важной составляющей работы Турккомиссии являлись подготовка и последующее законодательное утверждение нового проекта положений, определяющих пределы Туркестанской автономии во взаимоотношениях с Центром. Первая Конституция ТАССР, принятая VI съездом Советов в условиях оторванности Туркестана от РСФСР, слишком широко (с учетом Конституции РСФСР), по мнению большевистского руководства, трактовала права автономной республики. Делегация ТуркЦИКа, прибывшая летом 1918 г. в Москву для разработки Конституции, уже исходила из принципа децентрализации в распределении полномочий между федеральным центром и автономной республикой. Ее проект включал право свободного выхода из состава РСФСР, право осуществлять собственную внешнюю политику, а военная сфера должна была контролироваться коллегией, составленной из двух представителей Туркестана и одного представителя Центра. Но в сформулированных делегацией тезисах об автономии «напрочь отсутствовали какие-либо ссылки на национальные особенности края, то есть автономия задумывалась на чисто территориальных и административных условиях»[676]. Предложенный делегацией ТуркЦИКа проект уже тогда вызвал возражения Президиума ВЦИК, но переговоры остались незавершенными из-за развернувшейся Гражданской войны. Следует отметить, что, являясь, с одной стороны, приграничной территорией, а с другой — находясь в условиях отрыва от европейской части России фронтами Гражданской войны, Туркреспублика в ряде случаев самостоятельно осуществляла внешнеполитическую деятельность в 1918–1919 гг. Система комиссариатов республики включала Комиссариат по иностранным делам, который занимался широким кругом, в основном,

[675] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм... С. 99.
[676] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России... С. 220.

консульских вопросов[677]. С приездом Турккомиссии руководство внешнеполитической работой перешло к ней, и данный комиссариат был упразднен.

Для большевиков федерация представляла собой переход от насильственной интеграции народов, проводимой российскими имперскими властями, к свободно выраженной воле рабочих масс к объединению с целью создать в будущем социалистический унитаризм[678]. Подобно автономии федерация как форма государственного устройства играла важную демонстрационную роль в реализации целей национальной политики РКП(б), но этой форме они придавали свое унитарное содержание. Именно в русле этого подхода Турккомиссия должна была подготовить положение о характере автономных прав ТуркАССР и обеспечить ему поддержку со стороны местной советской политической элиты.

В марте 1920 г. Комиссия представила на рассмотрение ЦК РКП(б) соответствующий проект. Согласно ему к исключительной компетенции федеральных органов власти относились вопросы внешней политики, обороны и внешней торговли; к вопросам совместного управления: транспорт, почта, телеграф, финансы, но все декреты федеральной власти, касающиеся этих комиссариатов, распространяются на Туркестанскую республику. Остальные вопросы оставались в компетенции ТукрЦИК и ТуркСНК. Как уже отмечалось, в конце июня Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложения Турккомиссии. После чистки КПТ и советских органов в рамках кампаний по борьбе с колонизаторством и национальным уклоном и устранения оппозиции действиям Турккомиссии новая Конституция Туркестанской Советской Социалистической Республики без проблем была утверждена 24 сентября 1920 г. IX Всетуркестанским съездом Советов. 11 апреля 1921 г. скорректированный статус автономии Туркреспублики получил окончательное нормативное закрепление декретом ВЦИК. В результате советская автономия Туркестана лишилась каких-либо признаков политической самостоятельности, будучи сведена до решения культурных и отчасти хозяйственных вопросов.

Решение национального вопроса в Туркестане в первые годы становления советской власти — пример конъюнктурности национальной политики большевиков, подстраивания идеологических схем и принципов под конкретную ситуацию с целью сохранения власти. Большевистскому руководству удалось при помощи Турккомиссии создать приемлемую на тот момент для советских государственных интересов модель автономии Туркестана, а также начать процесс формирования лояльной новой власти коренной национальной элиты. Значимая роль Турккомиссии в проведении национальной по-

---

[677] URL: http://bibliotekar.kz/mezhdunarodnoe-pravo-v-istorii-kazahstan/-2-mezhdunarodno-pravovye-otnoshenija-tu.html

[678] Цит. по: Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. № 14. P. 231.

литики в Туркестане заключалась в том, что она смогла перехватить инициативу и сформулировать ответ на вызов со стороны местной партийной элиты во главе с Т. Рыскуловым, выступившей за организацию партии и республики на тюркской основе, а также расширение прав автономии. Советской России предпочтительнее было направить процесс национальной консолидации по пути не политического оформления тюркской нации, а этнокультурного самоопределения.

4.3. Становление советской власти и «национальный вопрос» в Степном крае

Победа Октябрьской революции 1917 г. вновь актуализировала вопросы национально-государственного строительства в России. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой ВЦИК в январе 1918 г., Россия объявлялась республикой, созданной на основе «свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»[679]. В советской историографии данный период характеризовала кратко: «Началось триумфальное шествие советской власти по стране». Однако в Степном крае установление советской власти растянулось до весны 1918 г. Этот процесс осложнялся низким уровнем социально-экономического развития края, дисперсностью населения, политической безграмотностью, «малочисленностью и слабостью местного пролетариата и большевистских организаций»[680]. Важно подчеркнуть, что идеи советизации не нашли поддержки и у казахской национальной интеллигенции, объединившейся накануне октябрьских событий в рамках движения Алаш, важную роль в структурном оформлении которого сыграл II Общекиргизский съезд, проходивший 5–13 декабря 1917 г. в Оренбурге[681]. В работе съезда, организаторами которого выступили лидеры партии Алаш А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов и другие, принимали участие представители почти всех губерний, также были приглашены общественные и политические деятели региона, в том числе руководитель Туркестанской автономии М. Чокай. На первом месте в повестке съезда стоял вопрос об образовании национально-территориальной автономии Алаш с широкими политическими полномочиями, решение об образовании которой «стало важнейшим итогом работы съезда»[682]. В протоколе заседания

[679] Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 3(16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I.

[680] Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане (март 1917 г. – июнь 1918 г.). Алма-Ата, 1987. С. 85.

[681] Алаш-Орда : сборник документов / сост. Н. Мартыненко. С. 62–75.

[682] Движение Алаш : сборник документов и материалов. Декабрь 1917 г. – май 1920 г. Алматы, 2005. Т. 2. Док. № 62. С. 130.

съезда подчеркивалось, что «анархия волна за волной заметает большие города и деревни по всему государству, анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казак-киргизы, анархия угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казак-киргизского народа, что единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признавало бы все население казак-киргизских областей»[683].

Как справедливо подчеркивала Д. Аманжолова, именно стремление защитить народ в условиях анархии и разворачивающейся Гражданской войны и стало причиной образование автономии[684], «…и было естественной реакцией самосохранения в обстановке всеобщего развала государственных институтов и потери управляемости как в центре, так и на местах…»[685]. Согласно постановлению съезда вся исполнительная власть и решение финансовых вопросов переходило в руки Алаш-Орды, формировалась народная милиция Алаш, национальный фонд. Председателем народного совета Алаш-Орды был избран лидер партии Алаш А. Букейханов, который и будет возглавлять автономию Алаш вплоть до 1920 г.

Важно подчеркнуть, что и на декабрьском съезде 1917 г., и в решениях последующих заседаний народного совета Алаш-Орда весной 1918 г. алашординцы не высказывались за разделение единого государства. Будущее казахской автономии они видели в составе России, президентской «демократической федеративной республики (демократический — народный; федеративный — союз мелких государств)», при этом «каждое отдельное государство в федеративной республике автономно и управляется само собой на одинаковых правах и интересах»[686]. Также алашевцы подчеркивали необходимость обеспечения национального равноправия в стране и поддерживали идею о необходимости созыва всероссийского учредительного собрания, компетенцией которого будет утверждение разработанной конституции автономии Алаш. В январе 1918 г. народный комитет Алаш-Орды после подготовительной работы оповестил местные органы власти Степных областей и Туркестанского края о предстоящем объявлении автономии. В телеграмме

[683] Алаш-Орда : сборник документов. С. 68–69.

[684] Аманжолова Д.А. Проблемы политического устройства автономии Алаш: идеология и практический опыт // Алаш-Орда: истоки казахской государственности и современность : материалы Международной научно-практической конференции. Усть-Каменогорск, 2013. С. 24.

[685] Аманжолова Д.А. Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации [Электронный ресурс]. URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/kazakh/da_amanzholova_kazahskoe_obshestvo_v_1-y_chetverti_xx_veka_problemy_etnoidentifikatsii/

[686] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 91. С. 212–214.

было сказано, что «скоро будет объявлена автономия Киргизского края, решенная на Оренбургском общекиргизском съезде <…> Ввиду возможности кривотолков, провокации, ложных слухов, примите срочные меры по разъяснению населению истинного понимания автономии, которая гарантирует права всех граждан, а также [национального] меньшинства»[687].

Несмотря на стремление к автономии, лидер Алаш А. Букейханов заявил о невозможности полного обособления казахов из политической жизни России, отмечая, «что при современных условиях социальной жизни и состояния культуры и просвещения среди киргиз обособиться им политически и взять самостоятельный курс чисто автономного управления было бы нецелесообразно и неблагоразумно»[688]. В этой связи алашевцы стали искать себе поддержку среди политических сил революционной России. По мнению ряда исследователей, для лидеров партии Алаш «приоритетное значение в непростых условиях 1917 г. имело взаимодействие казахских земель не с Кокандской автономией (Туркестанским мухтариятом), а скорее с Сибирской автономией»[689].

После завершения съезда 20 декабря 1917 г. А. Букейханов отправил телеграмму Сибирскому областному совету с информацией об образовании автономии Алаш и Временного комитета Алаш-Орды. В январе 1918 г. Киргизский комитет в обращении к органам местного самоуправления подчеркивал свое признание Сибирского правительства Томской области высшей властью Сибири и говорил о развитии дальнейших взаимоотношений с правительством автономной Сибири после провозглашения казахской автономии[690]. Коррективы в политический процесс внесло установление советской власти в крае[691].

Несмотря на сложности, Советы постепенно возникали в казахской степи. Одним из первых, 13 ноября 1917 г., постановление о переходе власти Советам вынес Оренбургский Совет рабочих и солдатских депутатов. В те-

---

[687] Движение Алаш : сборник документов и материалов. Декабрь 1917 г. – май 1920 г. Т. 2. С. 79–80.

[688] Аманжолова Д.А. Из истории взаимодействия Временного Сибирского правительства и Алаш-Орды // Русская старина. 2015. Вып. (13). Т. 1. С. 8.

[689] Абжанов Х.М. «Алаш»: след в истории народа // Страна и мир. 2008. 14 марта; Селиверстов С.В. Алаш и Сибирь в 1918–1919 годах: позиция А. Букейханова и тенденции региональных отношений // Мир Евразии. 2008. № 1(1). С. 23; Жанбосинова А.С. Краткая энциклопедия истории Алаш и Алаш орда. Усть-Каменогорск, 2013. С. 26.

[690] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 96. С. 222–223.

[691] Аманжолова Д.А. Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации [Электронный ресурс]. URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/kazakh/da_amanzholova_kazahskoe_obshestvo_v_1-y_chetverti_xx_veka_problemy_etnoidentifikatsii/

чение ноября 1917 г. власть была установлена в Перовске, Петропавловске, Чимкенте, Казалинске и других городах Сыр-Дарьинской области. В январе Советы одержали победу в Кустанае и Актюбинске. В феврале в ходе вооруженного восстания Советам удалось установить свою власть в Семипалатинске, где были сконцентрированы основные силы алашского движения. 3 марта 1918 г. власть Временного правительства была свергнута в Верном, где был образован Военно-революционный комитет, а затем распространилась и на все Семиречье[692]. При этом позиции большевиков были недостаточно сильны, они в основном концентрировались в крупных городах, а серьезный противовес советской власти составляли набирающее силу белогвардейское движение и Алаш-Орда. Эти обстоятельства и привели к сближению на данном этапе большевиков с алашевцами.

Хроника переговоров Алаш-Орды с советской властью в апреле 1918 г. подробно описана в современной историографии[693]. Выделим лишь основные моменты. В ходе переговоров с СНК РСФСР (В.И. Лениным и И.В. Сталиным) весной 1918 г. лидерам Алаш удалось добиться определенного компромисса. Сталин считал возможным признать решение Всеказахского съезда об организации национально-культурной автономии и создании демократических представительных органов местного управления и самоуправления по типу земств при условии признания Алаш-Ордой власти СНК как центральной и Советов на местах. Местные Советы Алаш-Орда предлагала создать «с пропорциональным национальным представительством». Сохранялись казахские комитеты и городское самоуправление. В середине апреля Алаш-Орда направляет телеграммы в уездные казахские комитеты, отмечая успешность проводимых переговоров. По этому поводу представитель Алаш-Орды на переговорах Д. Досмухамедов отмечал, что вся система власти в крае должна перестроиться «по советскому образцу… Я заявляю от своего имени, что единственная власть, которая отнеслась к нам сочувственно, — это советская власть. Мы добивались долго выделиться в отдельную автономную единицу, и никто, кроме советской власти, навстречу к нам не пошел. Мы такого отношения к себе не забудем»[694]. 11 мая 1918 г. по решению коллегии Наркомнаца был образован Киргизский отдел при комиссариате, основной задачей которого была подготовка казахской советской автономии[695]. Казахский отдел Наркомнаца функционировал до осени 1919 г., когда был реорганизован в представительство при ВЦИК РСФСР в связи

[692] Сапаргалиев М.С. Возникновение казахской советской государственности (1917–1920 гг.). Алма-Ата, 1948. С. 64.

[693] Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана.

[694] Жанбосинова А.С. Краткая энциклопедия истории Алаш и Алаш орда. С. 29.

[695] Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. С. 201.

с созданием Кирревкома[696]. Однако большевистская программа создания казахской автономии не получила полной поддержки в регионе. В Семипалатинске отношения Советов и Алаш-Орды стали осложнятся и в итоге привели к окончательной конфронтации.

Драматично разворачивались события и на западе Казахстана. Уже весной 1918 г. разразился конфликт между алашевцами и партией Уш Жуз, которая, по мнению ряда исследователей, сыграла определенную роль в создании ситуации противостояния Алаш и Советов[697]. Конфликт между партиями вылился в ряд взаимных оскорблений, борьбе за выборы в Учредительное собрание, несогласии Уш жуз подчиниться требованиям Всеказахского съезда о представлении делегатов одним списком. В апреле 1918 г. партия Уш Жуз раскололась на правое, сочувствующее партии Алаш, крыло во главе с М. Айтпеневым и левое, радикальное, крыло во главе с К. Тогусовым[698]. Алашевцы в своих донесениях советским структурам говорили о «националистическом и криминальном, а не социалистическом характере деятельности Уш Жуз и желании части членов Уш Жуз в Омске объединиться с местной организацией Алаш-Орды», что привело к аресту лидера партии К. Тогусова и обусловило окончательный распад партии.

Расхождения с большевиками по вопросам организации власти стали набирать обороты к лету 1918 г. В начале июня лидеры Алаш объявили о ликвидации советской власти в Семипалатинске. В телеграмме из Заречной Слободки А. Букейханов сообщал, что Алаш-Орда приступает к исполнению своих обязанностей и переходу к созданию областных уездных комитетов. Лидер партии подчеркивал, что алашординцы находятся в дружественных связях с сибирской и башкирской автономиями. Одним из приоритетных направлений на данном этапе, по мнению Букейханова, была организация конной милиции, который с целью военной подготовки милиционеров и получения обмундирования предполагал обратиться к генералу Дутову[699].

Уже в первых законодательных актах Алаш-Орды четко прослеживалась политическая позиция автономии. Все декреты советской власти на территории Алаш признавались недействительными, был принят акт о восстановлении упраздненных большевиками земских учреждений, об образовании военного совета при Алаш-Орде, выполняющего функции военного министерства. Управление территорией автономии Алаш осуществлялось через областные и уездные местные советы. Был утвержден проект правил

[696] Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане (март 1917 г. – июнь 1918 г.). Алма-Ата, 1987. С. 142.

[697] Жанбосинова А.С. Краткая энциклопедия истории Алаш и Алаш орда. С. 30.

[698] Сушко А.В. Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и гражданской войны в России // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 11 (67). С. 332.

[699] Алаш-Орда : сборник документов. С. 94–95.

о временном землепользовании на территории Алаш, отменялась частная собственность на землю, однако окончательное решение земельного вопроса откладывалось до работы Всероссийского Учредительного собрания[700].

Положение дел в регионе осложняли разворачивающиеся события Гражданской войны. Несмотря на активное участие алашских полков в Гражданской войне совместно с белогвардейскими частями, руководство Временного Сибирского правительства настороженно относилось к Алаш-Орде, не особенно приветствовала заявления Алаш об автономии. Для решения вопросов о взаимоотношениях Сибири и Казахстана в начале июля 1918 г. в Омске уполномоченный Алаш-Орды при Временном Сибирском правительстве и правительстве А.В. Колчака А. Ермеков, один из основателей автономии, член Временного Сибирского областного совета, представил Совету министров Временного Сибирского правительства предложения по подготовке соглашения о взаимопомощи. Выражая свое отношение к советской власти, А Ермеков начал свое обращение со слов: «Пала власть насильников народа — большевиков — в Сибири и прилегающих к ней степных областях. Постепенно освобождаются от советской деспотии другие части Федеративной Российской Республики»[701].

Само обращение к Временному Сибирскому правительству, безусловно, означало стремление Алаш-Орды получить поддержку и признание с его стороны. В своем предложении лидеры Алаш-Орды предложили Временному Сибирскому правительству обсудить соглашение по ряду вопросов, определяющих рамки дальнейшего взаимодействия. Это, прежде всего, признание Сибирским правительством территориально-национальной автономии Алаш в границах, установленных декабрьским съездом 1917 г., признание за Алаш-Ордой статуса центрального органа государственной власти казахского народа и подчинение ей всех национальных общественных организаций и учреждений[702]. В свою очередь, Алаш-Орда признавала временное подчинение органов власти, государственных учреждений управления и самоуправления до объявления автономии Алаш распоряжениям Временного Сибирского правительства при непременном участии представителя от Алаш-Орды. Отдельным пунктом обсуждался вопрос о создании казахской национальной армии при поддержке Сибирского правительства и о финансовой поддержке Алаш со стороны Сибирского правительства, речь шал о выделении займа, необходимого для выполнения функций государственной власти в пределах территории автономии Алаш.

---

[700] Алаш-Орда : сборник документов. С. 108–113.

[701] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 105. С. 230–231.

[702] Там же. Док. № 105. С. 230–231.

Важной является мысль, высказанная в предложении о будущем России. Ермеков подчеркивал, что в ближайшее время необходимо созвать конгресс депутатов автономных народов и окраин, «очищенных от большевиков, с целью создания федеральной власти, которая несомненно сплотит еще теснее разрозненные части России, спаяет их прочным цементом и поднимет силы и мощь ее для защиты интересов союза как от внутренних, так и от внешних врагов». И в качестве возможного пути развития Ермекову представлялась федерация Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана[703].

На состоявшемся в конце июля — начале августа 1918 г. заседании комиссии под председательством В.В. Сапожникова по рассмотрению записки представителей Алаш-Орды об установлении отношений с Временным Сибирским правительством казахскую автономию представляли А. Букейханов, А. Ермеков и Х. Тохтамышев[704].

Члены комиссии, взяв за основу предложенные алашординцами принципы взаимодействия, выработали и одобрили собственный проект соглашения Сибирского правительства с Алаш-Ордой, который хотя и носил в основе своей вариант Ермекова, исключал важные пункты, а именно предложение о взаимном признании автономий и вопрос о займе и финансовой поддержке Алаш[705]. По мнению А.С. Жанбосиновой, «противоречия между ВСП и Алаш-Ордой были заложены изначально ввиду совершенно разного менталитета, политических идей и политического инструментария для достижения цели»[706]. При этом, несмотря на выработанный проект соглашения между Алаш-Ордой и Временным Сибирским правительством, взаимоотношения между ними не получили реального осуществления.

Неприемлемая позиция Временного Сибирского правительства подтолкнула Алаш-Орду к смене ориентира на Самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), который на начальном этапе, в сентябре 1918 г., признал автономию Алаш и в обращении к тюрко-татарскому миру обещал предоставить ей не только культурно-национальную, но и национально-территориальную автономию. Признание Комучем казахской автономии Алаш было продиктовано поиском новых союзников в условиях Гражданской войны с идеологическими противниками и прежде всего большевиками.

Изменения в расстановке сил в пользу Красной армии к осени 1918 г. вынудило руководителей Белого движения на востоке страны объединиться

---

[703] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 105. С. 230–2311.

[704] Гражданская война в России и мусульмане : сборник документов и материалов. С. 142–143.

[705] Алаш-Орда : сборник документов. С. 128–130.

[706] Жанбосинова А.С. Краткая энциклопедия истории Алаш и Алаш орда. С. 37.

против большевиков. В начале сентября 1918 г. в Уфе открылось Государственное совещание политических и региональных сил России, на котором присутствовали члены Всероссийского учредительного собрания, представители Временного Сибирского правительства, Урала, казачьих войск, Башкирии, Алаш, Туркестана, земств, политических партий. Численность делегатов доходила, по некоторым данным, до 170 человек. В результате долгих дебатов о судьбе России совещание выработало решение о передаче «всей полноты верховной власти на всем пространстве государства Российского Временному всероссийскому правительству…», получившему название «Уфимская директория», история которого широко освещена в отечественной историографии[707]. А. Букейханов, выступая в Уфе как представитель тюрко-татарского мира, подтвердил единство областных правительств с демократической федеративной Россией и признание верховенства власти в государстве Учредительного собрания. Изначально Директория соглашалась с наличием областных автономий, относя «окончательное установление государственной организации на федеративных началах полновластным Учредительным собранием»[708]. Однако уже в октябре политические приоритеты Временного Всероссийского правительства приобретают иное звучание, согласно которому Россия может выступать только в виде единой и неделимой. Постановлением 6 ноября 1918 г. Директория ликвидировала автономные правительства. «Подтверждая ныне непреклонную волю признать и предоставить отдельным частям Государства Российского права широкой автономии, провозглашенные в грамоте, данной в городе Уфе 11–24 сентября 1918 г., и в полном сознании великой ответственности перед народами России, Вр[еменное] Вс[ероссийское] пр[авительство] в исторический момент создания единого и крепкого государства признало необходимым установить: с образованием органов центрального управления всероссийской власти на ближайший период времени все без исключения областные правительства и областные представительные учреждения должны прекратить свое существование»[709]. Алашская автономия подлежала упразднению, о чем руководство Алаш получило специальный указ. Временное Всероссийское правительство вместе с тем согласилось с необходимостью ввести в организацию управления казахским населением «начала, соответствующие их бытовым и хозяйственным особенностям, и создать в будущем соответствующей

[707] Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака : в 2 кн. М., 2004; Багаутдинов Р.О. Уфимское государственное совещание 1918 года // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(I). С. 737–739; Самигуллин В.К. Уфимская директория и ее конституция // Вестник ВЭГУ. 2016. № 1 (81). С. 86–97; и др.

[708] Багаутдинов Р.О. Уфимское государственное совещание 1918 года. С. 738.

[709] Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. II: В преддверии диктатуры [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/21783

сей цели представительный орган, ведающий культурно-бытовыми и хозяйственно-экономическими делами означенных народностей»[710]. Данный проект не получил реализации. Крах Уфимской директории, которая оказалась слишком слабой коалицией и не смогла возглавить антибольшевистское движение, приход к власти адмирала Колчака стали новым этапом в судьбе алашской автономии.

Колчак выступал резко против любого проявления автономизма, был продолжателем идей, характерных для имперской политики России о великодержавии и неприемлемости националистических тенденций. Расхождения между автономными устремлениями Алаш и политической позицией Временного всероссийского правительства, в которой не было места идеи автономной государственности, становились все сильнее, что не позволило алашевцам выстроить с правительством Колчака конструктивного диалога. Неоднократно совет Алаш-Орды, находящийся в Семипалатинске, апеллировал в Омск о необходимости решения вопросов, связанных с управлением региона, административным устройством и земельными отношениями, но эти инициативы оставались без ответа. Судьба Алаш-Орды была предопределена, правительство Колчака подтвердило ее ликвидацию.

Развитие дальнейших событий в регионе связано с изменением военно-стратегической ситуации во второй половине 1919 г. на фронтах Гражданской войны, которая стала резко меняться в пользу Красной армии. Наступление красногвардейских отрядов разобщило антибольшевистские силы. В этой связи стали меняться и позиции Алаш, уже в феврале 1919 г. на совещании с представителями Башкирии было принято решение о переходе на сторону советской власти, однако данное решение реализовать сразу не удалось, так как большинство советов Алаш-Орды, прежде всего такие ее отделения, Семипалатинское и Западное, образованное в сентябре 1918 г. под председательством Д. Досмухамедова, находились в сфере влияния белогвардейских сил. Первой группой, перешедшей на сторону большевиков, стала Тургайская во главе с А. Байтурсыновым, где в декабре 1918 г. была восстановлена советская власть. Советское правительство предпринимало усилия не только по разгрому белогвардейских сил, но и рассматривало возможности перехода национальной интеллигенции на свою сторону, с этой целью ею были изданы указы и постановления, сыгравшие свою роль в переходе алашордынцев на сторону Советов. 5 апреля 1919 г. выходит постановление Наркомнаца о мероприятиях по подготовке учредительного съезда казахской советской автономии, в которых принимали участие представите-

[710] Записка МВД Российского правительства об Алаш-Орде // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 119. С. 275–276.

ли Алаш-Орды. Важным в процессе укрепления советской власти и создания будущей Киргизской республики является декрет СНК РСФСР «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем», изданный 10 июля 1919 г.[711] Среди основных направлений работы Кирревкома выделялись организация деятельности Советов в пределах Киргизского края, проведение в жизнь всех постановлений центральной советской власти, принятие мер к поднятию Киргизского края в хозяйственном и культурном отношениях и, самое важное, «составление проекта положения о киргизской автономии для представления на утверждение всеобщего съезда». В начале ноября 1919 г. на специально созванном А. Букейхановым заседании было решено пойти на признание советской власти и перейти на ее сторону, что обусловило восстановление советской власти в Семипалатинской области в первые дни декабря 1919 г. Представители Алаш активно включались в советскую систему власти. Так, в Семипалатинский военревком вошли А. Ермеков и Х. Габбасов. А. Ермеков был введен и в состав губревкома.

Окончательная точка в судьбе Алаш была поставлена летом 1920 г. изданием Декрета ВЦИК и СНК «Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики» (КАССР)[712], которая была провозглашена на Первом Учредительном съезде Советов КАССР, проходившем в Оренбурге 4–12 октября 1920 г.[713] На съезде была принята Декларация прав трудящихся КАССР[714], что знаменовало собой новый этап в истории казахского народа. Был избран Центральный исполнительный комитет во главе с С. Мендешевым и Совет Народных Комиссаров во главе с В. Радус-Зеньковичем. Столицей КАССР был провозглашен Оренбург, в связи с чем Оренбургская губерния в сентябре 1920 г. вошла в состав КАССР. Для более удобного управления партийными организациями Казахстана было создано областное бюро Российской коммунистической партии и Казахское бюро при ЦК РКП.

В обращении ко всем автономным республикам и областям РСФСР, принятом на съезде, говорилось: «...ради своего светлого будущего, ради освобождения всех угнетенных и обездоленных киргизский народ должен вступить в почетные ряды Российской советской федерации и вместе с прочими ее членами отдаст все свои силы для скорейшей победы над нашим общим врагом»[715]. Киргизский край стал частью РСФСР.

---

[711] Декрет СНК «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем» от 10.07.1919 [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/38280.

[712] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 145. С. 355–357.

[713] Там же. Док. № 148. С. 364–365.

[714] Там же. Док. № 149. С. 365–368.

[715] Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007.

1918–1920 гг. стали сложным периодом для центральноазиатского региона. Степной край, раздираемый противоборствующими политическими силами, как то, большевики, Алаш-Орда, Белогвардейское движение, пытался определить дальнейший путь своего развития. Октябрьская революция и начавшийся процесс советизации страны не получил одобрения и поддержки казахской национальной интеллигенции. В конце 1917 г. — 1918 г. алашевцы были более близки областническим правительствам Сибири, Башкирии, правительствам, создаваемым различными антибольшевистскими силами. Но последние в своих планах видели Россию унитарным великодержавным государством, а идеи автономии, высказываемые алашевцами, были для них неприемлемы. В итоге Алаш-Орда увидела союзника в лице большевиков, и автономистские стремления казахской интеллигенции получили реализацию в советском варианте. Согласимся с мнением ряда исследователей, что советская власть образованием КАССР осуществила «заветную мечту киргизских националистов о национальном единстве киргиз — получив государственность, киргизы становились нацией в этнополитическом смысле этого слова»[716].

Наиболее актуальным в первые годы существования республики оставался нерешенный в предшествующие годы земельный вопрос. Для укрепления своих позиций в регионе одной из основных своих задач советская власть видела в проведении землеустроительной реформы, столь насущной для казахского населения. Председатель Ревкома Семиреченской области У. Джандосов, крупный политический деятель, подчеркивал, что для одной из основных задач советской власти в регионе является землеустройство «туземного и переселенческого населения, обеспечивающее равное право на землепользование той [и] другой группы населения, обеспечивающее экономическое равновесие [и] возрождение сельского хозяйства», не менее важным представляется и процесс перевода кочевников на оседлость и укрепление хозяйств кирбедноты[717]. Действительно, были предприняты шаги по регламентации земельных отношений, хотя остроту проблемы решить не удалось, что стало одной из причин серии народных восстаний, а также усугубило последствия голода, поразившего Казахстан в 1921–1922 гг.

После образования КАССР советская власть, понимая непрочность своих позиций и исходя из соображений их укрепления, стала привлекать национальную интеллигенцию к сотрудничеству. Так, вступив в апреле 1920 г. в компартию, А. Байтурсынов после образования КАССР стал первым нар-

[716] Сушко А.В. Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и гражданской войны в России. С. 334.

[717] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 150, 153, 155.

комом просвещения республики, А. Ермеков возглавил представительство республики в Москве. Должности в системе власти разного уровня получили Х. Габбасов, Б. Сарсенев, В. Таначев и другие представители партии Алаш.

Однако полного доверия советской власти бывшие алашевцы не получили и вскоре подавляющее большинство старой интеллигенции было оттеснено от участия в общественно-политической работе республики. В сентябре 1922 г. сотрудниками ГПУ был проведен анализ персональных и профессиональных качеств работников аппарата управления Киркраем, бывших членов Алаш-Орды. В основе деления лежала степень лояльности к советской власти, уровень политической грамотности и деятельность в составе Алаш-Орды[718]. В ходе данного исследования было выделено три группировки: букейхановская, наиболее реакционная и «нелояльная к советской власти»; кенжинская (главой ее определили А. Байтурсынова), представители которой состояли в РКП, занимали ответственные посты, активно проводили просветительскую работу; мендешевская, состоящая из наиболее интернациональной части и заслуживающая наибольшего доверия, однако и в третьей группе отмечены отрицательные моменты, такие как карьеризм и провокация.

Репрессий в начале 1920-х гг. в отношении алашевцев не было, но из руководящего состава их стали исключать. Деятельность алашордынцев перевели в плоскость культурного строительства и научно-педагогической работы. Так, компетенцией бывших алашевцев стала подготовка учебников и учебных материалов для Единой трудовой школы, перевод учебной литературы с русского на казахский язык[719] и т.д.

Лидеры Алаш-Орды посвятили себя культурному просвещению казахского народа. Так, А. Байтурсынов был реформатором казахского алфавита на основе арабской графики, занимался лингвистическими исследованиями казахского языка. М. Дулатов подготовил ряд школьных учебников по казахскому языку. М. Тынышпаев занимался научными изысканиями в Туркестанском отделе РГО. Х. Досмухамедов возглавлял ученый совет при Наркомпросе Туркестана, был одним из организаторов Казахского государственного университета. А. Букейханов работал в Центральном издательстве народов СССР в Москве, занимался переводами русской классической литературы на казахский язык и т.д.[720] Таким образом, алашевцы сумели внести

[718] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 161. С. 400–409.

[719] См. например: Протокол совещания <…> по вопросу составления и перевода учебников для казахской Единой трудовой школы <…> // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 151. С. 373–375.

[720] Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. С. 369–370.

значительный вклад в общественно-политическую жизнь казахского общества 1920-х гг. И если в политической плоскости при советской власти «национальная» идея алашевцев не получила воплощения, то в духовно-просветительской сфере лидеры Алаш оставили заметный след.

Образование КАССР стало одним из важных шагов в конструировании советской властью нового государства — Союза Советских Социалистических Республик. Уже на Апрельской конференции 1917 г. Ленин высказал идею создания союза советских республик и широкой областной автономии в совокупности с другими базовыми положениями русских марксистов по национальному вопросу. Идея федерализации государства не сразу получила развитие в национальной программе большевиков, кардинальная трансформация и видение будущего государства произошли за годы Гражданской войны.

В июне 1920 г. в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам», предназначенном II конгрессу Коминтерна, В.И. Ленин подчеркивал: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)»[721].

Победы Красной армии на фронтах Гражданской войны ставили перед советской властью новые задачи урегулирования отношений с все большим и большим числом бывших национальных окраин. В октябре 1920 г. руководитель Наркомнаца И. В. Сталина в статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России» определяет основные приоритеты в решении национального вопроса в стране[722]. В статье подчеркивалась взаимная заинтересованность друг в друге Центральной России и окраин и необходимости прочного союза между ними. Сталин говорил, что «отделение окраин от России противоречит интересам народных масс, как центра, так и окраин». Определенно автор высказывался и в отношении формы объединения, отмечая, что «равным образом должна быть исключена так называемая культурно-национальная автономия, как форма союза между центром и окраи-

[721] Ленин В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для второго съезда Коммунистического интернационала) [Электронный ресурс]. URL: http://library.maoism.ru/Lenin/colonial_thesises.htm

[722] Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сочинения. Т. 4. С. 351–363 [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t4/t4_80.htm

нами России. Практика Австро-Венгрии (родины культурно-национальной автономии) за последние десять лет показала всю эфемерность и нежизненность культурно-национальной автономии, как формы союза между трудовыми массами национальностей многонационального государства»[723]. Наиболее целесообразной формой союза между центром и окраинами является областная автономия окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом. При этом подчеркивалось наличие разнообразных форм автономии. О самостоятельности и независимости советских республик в этих тезисах ничего не говорилось[724]. По сути, именно такая форма союза и была реализована между КАССР и РСФСР, в качестве автономной области Киргизский край находился в составе РСФСР до 1936 г.

Как подчеркивает Д.А. Аманжолова, на практике РСФСР и СССР стали симбиозом федеративной формы и унитарного содержания с различными механизмами и возможностями модернизации этносов как единого поликультурного социума[725]. Согласимся также и с мнением, что «динамика федерализма внутри самой Российской Федерации предопределялась соответствующим состоянием и уровнем развития национальных отношений в ней: вступившие в Российскую Федерацию автономные республики оказались на положении скорее областей, чем самостоятельных образований в составе РСФСР»[726], а значит, процесс конструирования нового государства необходимо было продолжить.

I съезд Советов СССР, проходивший в Москве 30 декабря 1922 г., явился важнейшим событием в деле построения Союза Советских Социалистических Республик. Утвержденные Декларация и Договор об образовании СССР завершили поиски модели будущего союзного государства и определили его территориальные границы. В итоге, СССР явился фактическим правопреемником всего географического и политического пространства дореволюционной России. В Декларации выдерживались все три главных принципа национальной политики советской власти, хорошо прослеживавшиеся еще в канун Октябрьской революции — принцип интернационализма, принцип права наций на самоопределение, вплоть до отделения и принцип федерализма, советского федерализма, предусматривавшие уничтожение в корне национального гнета, создания обстановки взаимного доверия и закладывания основ

[723] Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сочинения. Т. 4. С. 351–363 [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t4/t4_80.htm.

[724] Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). [Электронный ресурс]. URL: http://e-libra.su/read/183719-obrazovanie-sssr-1917-1924-gg..html

[725] Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. С. 353.

[726] Баркова О.Н., Кукушкин Ю.С. Правовая основа создания и развития РСФСР в 20-е годы XX века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 2. С. 81.

братского сотрудничества народов[727]. Создание СССР стало логическим завершением модернизации политической системы бывшей Российской империи, а форма союза наиболее отвечала потребностям национальных регионов. Съезд стал отправной точной дальнейшей работы построения СССР и реализации принципов национальной политики, что проявится в национально-государственном строительстве во второй половине 20-х гг. XX в.

4.4. Экспорт «пролетарской революции» на Восток: судьба Бухары и Хивы

После Октябрьской революции 1917 г. ряд руководителей РСДРП(б) (с марта 1918 г. РКП(б)) и военачальников Красной армии исходя из доктрины о мировой революции стали рассматривать Туркестан как плацдарм для расширения революционной волны на Восток. Эти планы стали выглядеть еще более привлекательными после того, как поражение Ноябрьской 1918 г. революции в Германии и разгром Венгерской Социалистической Республики обозначили явные признаки спада революционной волны в Европе. При этом было очевидно, что «линия «восточного фронта» мировой революции неизбежно должна была пройти через Хиву и Бухару. Это объяснялось тем, что «Бухарский эмират представлял собой удобный плацдарм для продвижения Красной Армии к границам Британской Индии и организации революционной деятельности Коминтерна на Среднем Востоке и в Центральной Азии»[728].

Один из наиболее активных сторонников экспорта революции Л.Д. Троцкий еще в 1917 г. писал, поясняя свою позицию: «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма»[729]. В августе 1919 г. Л. Троцкий, пытаясь реализовать свои теоретические положения на практике, выдвинул идею похода на Афганистан и Индию для того, чтобы вызвать там «пожар мировой революции»[730]. Маршрут похода должен был проходить через Туркестан.

После Февральской революции 1917 г. в России Временным правительством была признана независимость Хивы и Бухары. Под давлением младохивицев, в условиях нараставшего недовольства населения, 5 апреля 1917 г. хивинский правитель Асфандияр-хан подписал манифест, провозгласивший

[727] Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.).

[728] Кудухов К.С. Крах политики Коминтерна с целью создания «бухарского плацдарма» (1920–1921) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. Т. 21. № 1(120). С. 185.

[729] Троцкий Л.Д. Программа мира // К истории русской революции. М., 1990. С. 142.

[730] Восточный синдром большевиков // Общая газета. 1996. 28 ноября — 4 дек.

начало буржуазно-демократических преобразований в ханстве. В нем объявлялось о создании выборного меджлиса и консультативного совета при хане, установлении контроля над государственным казначейством, начале буржуазных преобразований в экономике. Вместе с тем положение хивинского монарха оставалось еще достаточно прочным. Асфандияр-хан продолжал пользоваться неограниченной властью. В результате, воспользовавшись тем, что в мае 1917 г. наиболее активные члены Меджлиса в составе делегации выехали в Ташкент, Асфандияр-хан разогнал правительство во главе с его председателем Хусаин-беком Матмурадовым. Сам Матмурадов и еще 16 младохивинцев — членов правительства были арестованы. Их объявили врагами ханства и религии. Оставшиеся на свободе младохивинцы бежали за пределы государства. Вслед за этим Асфандияр-хан объявил об отмене начатых реформ, а в ноябре 1917 г. распустил и меджлис.

События Октября 1917 г. и победа большевиков вновь активизировали деятельность либерально настроенной части хивинского общества. Помимо этого, обстановку в ханстве значительно усложняла обострившаяся межнациональная вражда между узбекскими и туркменскими населением. Не имея собственных достаточных сил для борьбы с нараставшими протестами, Асфандияр-хан решил обратиться за помощью к руководителю туркмениомудов Джунаид-хану. Последний, благодаря стечению ряда обстоятельств, в том числе полученной поддержке от одного из виднейших наследственных старейшин туркмен Шамурада Бакши, к 1918 г. стал главой наиболее крупных туркменских племен иомудов: орсунчи, ушак и окуз, отличавшихся особой воинственностью[731].

22 января 1918 г., после состоявшихся переговоров, Асфандияр-хан назначил Джунаид-хана командующим вооруженными силами ханства, присвоив ему титул «сердар-карим» («благородный начальник»). Однако уже в сентябре 1918 г. Джунаид-хан совершил государственный переворот, убив правителя Хивы и возведя на престол его дядю, Саид Абдулла-хана. Перевороту способствовало то, что к этому времени Хиву покинуло последнее подразделение российских войск — 4-й Исетско-Ставропольский казачий полк, командир которого полковник И.М. Зайцев являлся одновременно комиссаром Временного правительства в Хивинских владениях.

В результате переворота Джунаид-хан стал фактическим повелителем всей Хивы, превратив Саид Абдуллу-хана в марионетку. Воспользовавшись нестабильной политической ситуацией в советском Туркестане, зимой 1918–1919 гг. он стал совершать набеги в его пределы и предпринял попытку захвата г. Петро-Александровска[732]. Но после 11 дней осады отряд Джунаид-хана

[731] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483. Л. 12.
[732] Там же. Л. 12.

был разбит с помощью рабочих-железнодорожников и роты интернационалистов, прибывших из Чарджуя, и отступил[733].

С целью стабилизации советско-хивинских отношений и урегулирования политических вопросов советское руководство в апреле 1919 г. направило в Хиву чрезвычайную дипломатическую миссию во главе с А.Н. Христофоровым и инициировало переговоры с Джунаид-ханом, завершившиеся 9 апреля 1919 г. подписанием между РСФСР и Хивой мирного договора[734]. Согласно договору, стороны обязывались прекратить военные действия, обменяться пленными и гарантировали друг другу «свободное и безопасное перемещение по всем водным и сухопутным путям в пределах своих территорий для коммерческих целей»[735]. Особый интерес в этом документе представляла ст. 7. В ней российская сторона соглашалась с тем, что «если Хивинская армия примет участие в борьбе против англичан, то российское правительство принимает на себя расходы по этому походу, и по мере возможности снабжает ее патронами»[736].

Однако подписанный договор оказался недолговечным. Джунаид-хан не был намерен поддерживать добрососедские отношения с Туркестанской советской республикой и использовал мирную передышку для подготовки дальнейшей борьбы против нее. В сентябре 1919 г. он установил контакты с Омским правительством адмирала А.В. Колчака. 30 сентября 1919 г. Колчак направил Джунаид-хану личное послание, в котором сообщал, что для помощи в организации отрядов из туркменских и узбекских племен в предстоящей борьбе с большевиками он командирует в Хиву особую военную миссию, и подчеркивал, что во взаимоотношениях с Хивой «российское правительство» будет руководствоваться договорами, заключенными только до 1 марта 1917 г.». В заключение письма Колчак отметил заслуги Джунаид-хана в борьбе против советской власти и ставил в известность, что «зачислил его генерал-майором по Оренбургскому казачьему войску»[737].

В октябре 1919 г. к Джунаид-хану прибыла обещанная Колчаком военная миссия под командованием полковника Худякова, состоявшая из 130 казаков и 8 офицеров. Миссия доставила 1500 трехлинейных винтовок, одно скорострельное орудие, 500 снарядов, 9 пулеметов, свыше одного миллиона патронов[738]. В это же время Джунаид-хан провел переговоры о совмест-

[733] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483. Л. 12–13.
[734] Там же. Л. 49 об.
[735] Там же. Л. 47.
[736] Там же.
[737] Цит. по: Погорельский И.В. История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской Республики (1917–1924 гг.). Ч. I. С. 155.
[738] Там же. С. 68.

ных действиях против советского Туркестана с атаманом уральских казаков Фильчевым и бухарским эмиром[739].

Между тем к этому времени в Петро-Александровске был сформирован комитет младохивинской партии. Из состава этого комитета выделилась его наиболее революционная часть, назвавшая себя «Хивинской революционной партией», в дальнейшем ставшая ядром Хорезмской коммунистической партии. В Ташкенте младохивинский комитет оформился еще в начале 1918 г. Вокруг младохивинской революционной партии начали объединяться многочисленные хивинские беженцы, началось формирование национальных военных отрядов.

В начале ноября 1919 г. отряды атамана Фильчева и курбаши Хан-Максума захватили по приказу Джунаид-хана г. Нукус. В этих условиях Центральный комитет младохивинской партии, опасаясь вторичного нападения отрядов Джунаид-хана на правый берег Аму-Дарьи, обратился к правительству Туркестанской советской республики за помощью. Для решения неотложных военных и политических вопросов, касающихся положения в Хивинском ханстве, ТурЦИК 2 ноября 1919 г. принял постановление о создании специальной комиссии. Одновременно с формированием комиссии полномочным представителем РСФСР в Хиве был назначен член ТурЦИК Г.Б. Скалов. Специальным мандатом Революционного военного совета Туркестанских войск Г.Б. Скалову предоставлялось право решения вопроса о времени оказания поддержки вооруженной силой отрядам, восставшим против хивинского правительства. В случае перехода советскими войсками хивинской границы на Г.Б. Скалова возлагалось общее руководство их действиями[740].

Прибыв в Петро-Александровск и взвесив создавшуюся обстановку, Г.Б. Скалов и исполняющий должность командующего Аму-Дарьинской группой войск Красной армии Н.М. Щербаков исходя из полномочий, предоставленных им РВС Туркфронта и Турккомиссией, приняли решение об оказании помощи хивинскому населению, выступившему против Джунаид-хана. 23 декабря войскам Красной армии вместе с боевым приказом о начале боевой операции было зачитано обращение, подписанное Г.Б. Скаловым. В нем Скалов, изложив основы национальной политики советской власти, характеризуя Джунаид-хана как агента английской буржуазии и союзника русских белогвардейцев, нарисовал картину глубоких бедствий хивинского народа под гнетом террористической диктатуры. Одновременно, учитывая печальный опыт разнузданного поведения бойцов Красной армии в некоторых предыдущих операциях, Г.Б. Скалов в завершении обращения счел необходимым указать:

---

[739] Более подробно об участии в боях на стороне Джунаидхана уральских казаков см.: Погорельский И.В. История Хивинской революции...

[740] Там же С. 90.

«Товарищи красноармейцы! ... Идя в Хиву как освободители от насильника Джунаида, сами вы ни на минуту не должны забывать, что мирное население для нас не враги, но друзья... Своим поведением вы должны показать дисциплинированность и сознательность Красной Армии»[741].

В записке информчасти отдела внешних сношений при Турккомиссии в НКИД РСФСР сообщалось, что «25–28 декабря 1919 г. части Красной Армии переправились в 2-х местах на левый берег Аму-Дарьи, где к ним примкнуло семь туркменских племен с предводителями Кеш-Мамедом, Кахши, Гуляш-Али и др.». 1 февраля 1920 г. части Красной армии и революционные отряды младохивинцев без боя вступили в Хиву. 2 февраля «Саид Абдулла торжественно при 2–3-тысячной толпе отрекся от престола и передал власть Временному правительству в составе 5 человек»[742].

С 27 по 30 апреля 1920 г. в Хиве состоялся I Всехорезмский курултай. На нем был выбран Совет Назиратов в составе 11 узбеков и четырех туркмен. Курултай «объявил бывшее Хивинское ханство упраздненным и восстановил древнее название страны — Хорезм». Теперь вновь образованное государство официально именовалось Хорезмская Народная Советская Республика[743]. 28 мая 1920 г. в Хиве состоялась I Всехорезмская конференция коммунистов, в работе которой приняли участие делегаты, представлявшие 600 членов партии. Несмотря на свою малочисленность, ХКП стала играть все более заметную роль в жизни республики.

Вместе с тем надежды Москвы и Ташкента на то, что Хива после революции, свержения ханской власти и диктатуры Джунаид-хана станет плацдармом для дальнейшего продвижения идей марксизма на Восток, в значительной части не оправдались. Это было связано с целым рядом обстоятельств.

Во-первых, молодую республику раздирали сложные узбекско-туркменские противоречия. Члены сформированного правительства Хивы, представленного исключительно узбекской национальной буржуазией, сразу же отказались от сотрудничества с туркменами[744]. В начале октября 1920 г. они обвинили туркменских племенных вождей Кошмамеда и Шамурад-Бахши в заговоре против республики, арестовали их вместе с группой приближенных лиц и расстреляли. Подчинявшиеся им отряды туркмен были разоружены, при этом было расстреляно еще около 100 человек[745]. Эти события вызвали в Хиве острый политический кризис, спровоцировав бегство тысяч туркменских семей за пределы Хивы и обострение межэтнических отно-

[741] Цит. по: Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 106.
[742] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 88.
[743] Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 116.
[744] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 88об.
[745] Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 130.

шений[746]. Новый представитель РСФСР в Хиве М. Сафонов в начале ноября 1921 г. сообщал в РВС Туркфронта: «Численность туркмен, борющихся против хорезмского правительства, не поддается учету. Можно говорить о всеобщем восстании. …На территории Хивы ни одного туркмена нет»[747]. Только в ноябре-декабре Сафонову с громадным трудом удалось несколько нормализовать в Хорезме внутриполитическую ситуацию, и туркмены начали возвращаться в свои аулы[748].

Во-вторых, инициаторы активизации революционного движения в Хиве и оказания помощи младохивинцам в их движении к власти явно переоценили потенциал этой партии. 17 января 1920 г., в самый разгар боев против Джунаид-хана, в письме на имя председателя Турккомиссии Ш.З. Элиавы Г.Б. Скалов писал: «Силы младохивинцев вздуты больше мыльного пузыря, влияние же в Хиве почти равно нулю, работы они не ведут никакой. Персонально же работники здесь настолько слабы, что предлагают нам, русским (не мусульманам, что население помнит всегда), по вступлении в Хиву уничтожить мулл и ишанов. За ними приходится смотреть все время, как бы не наделали каких-либо глупостей»[749]. При этом само партийное и советское руководство и в Москве, и в Туркестане испытывало острый кадровый голод в отношении специалистов, которые знали бы Восток, особенности межэтнических отношений в регионе и были способны оказывать местным революционерам помощь с учетом местных условий и специфики. Ошибки в подборе кадров приводили к чехарде и частой смене полномочных представителей центра в этом регионе. При этом они успевали до своей отставки совершить множество грубых ошибок.

Наконец, в-третьих, наряду с проблемами военного и политического характера, весьма сложной оставалась в Хиве социально-экономическая ситуация. В сводке Турккомиссии за 1–15 июня 1920 г., направленной в Москву, отмечалось, что «революция мало затронула массы и почти не затронула провинции». В этой же сводке указывалось, что «правительство мало работоспособно и не пользуется популярностью среди трудящихся»[750]. Тяжелым было финансовое положение, не работала налоговая система, не хватало продовольствия, не было медикаментов. Советская Россия не могла оказать Хорезму эффективной помощи, поскольку сама находилась в сложных военно-политических и экономических условиях. Эти и ряд других факторов постепенно исключали возможность скорого продвижения революционных

[746] Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 148.
[747] Цит. по: : Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 142.
[748] РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 89.
[749] Цит. по: Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 108.
[750] Там же. С. 121.

идей на Восток, транзитом через Хиву как плацдарм и пример успешных революционных преобразований.

С целью усиления политического влияния в ХНСР большевистское руководство форсировало подписание в начале сентября 1920 г. союзного договора и экономического соглашения, предусматривавших военно-политическое и экономическое сотрудничество. Последнее предполагало предоставление Хорезмской республике помощи в развитии хлопководства, ирригации, связи и др. По союзному договору все недвижимое имущество, в том числе земля, строения, заводы, расположенные в пределах ХНСР, принадлежавшие раньше русским и иностранным подданным, безвозмездно передавались хорезмскому народу[751]. В то же время, несмотря на существование официальных форм межгосударственного сотрудничества, «суверенитет Хорезма был номинальным, а его правительство полностью зависело от Советской России»[752]. Более того, можно с известной долей уверенности утверждать, что советское руководство, по сути, продолжило в отношении Хивы (а затем и Бухары) ту политическую линию, которую выработало и начало реализовать в конце XIX — начале XX в. царское правительство. В данном случае речь может идти о задачах и полномочиях «политического агента» царского правительства и «полномочного представителя РСФСР», административно-политическом контроле за деятельностью правительства Хивы, вопросах внешних сношений и пр.

29 июня 1922 г. между РСФСР и ХНСР было подписано новое экономическое соглашение. В целях оживления торговли и мероприятий по заготовке сырья в июне правительство РСФСР предоставило Хорезмской республике краткосрочный заём в размере 8 тысяч рублей золотом. ХНСР обязывалась покрыть задолженность в течение 6 месяцев на 60% дензнаками и на 40% товарами[753]. Подписанное экономическое соглашение явилось важным шагом по пути экономического объединения трех среднеазиатских республик, которое произошло в марте 1923 г. по решению первой экономической конференции. В результате экономического объединения Туркестана, Бухары и Хорезма был образован единый экономический центр — Среднеазиатский экономический совет (САЭС). 30 октября 1923 г. VI Всехорезмский съезд Советов провозгласил Хорезм Советской Социалистической Республикой (ХССР) и принял новую конституцию, которая законодательно закрепила завершение народно-демократического этапа и переход к этапу социалистической революции. Согласно новой конституции частная собственность

[751] Образование СССР : сборник документов, 1917–1924. М. ; Л., 1949. С. 241–247.

[752] Системная история международных отношений : в 2 т. Т. 1 : События 1918–1945 годов. М., 2006. С. 200.

[753] Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 101.

на землю отменялась, а вся земля становилась общественной собственностью и безвозмездно передавалась дехканам. Благодаря этому на съезде был решен важный вопрос о вакуфах. Теперь дехкане на свободных землях не должны были платить единый сельскохозяйственный налог.

Однако указанные и ряд других решений съезда неожиданно для властей вызвали у части населения возмущение. Наибольшее негодование высказывало духовенство, которое отделили от экономической и политической жизни страны и лишили всех гражданских прав. Были недовольны отсутствием внимания к своим нуждам также и туркмены, а дехкане, ремесленники и торговцы были недовольны решением по земельному налогу, которое уничтожало экономические отношения, освященные не только религией, но и многовековыми обычаями. Все это, наряду с целым рядом допущенных новыми властями ошибок в области экономической жизни и национальных отношений, стало причиной вспыхнувшего в Хиве восстания. Повстанцев активно поддержал продолжавший борьбу Джунаид-хан, который ратовал за независимость страны и сохранение своих обычаев и религии. В конце 1923 г. была сделана новая попытка начать мирные переговоры с Джунаид-ханом, которые из-за выдвинутых им неприемлемых условий закончились провалом. В свою очередь попытка Джунаид-хана по захвату Хивы, предпринятая им в январе 1924 г., закончилась очередным поражением от частей Красной армии и бегством за границу.

После разгрома отрядов Джунаид-хана политическая и социально-экономическая ситуация в ХССР постепенно стабилизировалась. Осенью 1924 г. в связи с национально-территориальным размежеванием в Центральной Азии 5-й Всехорезмский съезд Советов (29 сентября — 2 октября 1924 г.) объявил о самоликвидации ХССР. 27 октября 1924 г. ее территория была разделена между Узбекской ССР, Туркменской ССР и Каракалпакской АО РСФСР.

Революция и дальнейшие события, произошедшие в Хиве, самым непосредственным образом отразились на политической и международной ситуации, сложившейся вокруг Бухарского эмирата. После октябрьских событий 1917 г. советское правительство Туркестана признало суверенитет Бухары. Вместе с тем было очевидно, что в Ташкенте намеревались поддерживать свое политическое и административное влияние и в Бухаре, и в Хиве. Существенную роль в этих планах, с одной стороны, играло уже отмеченное выше желание большевистского правительства России использовать Бухару для продвижения революции на Восток, а с другой - не формализованное, но очевидное намерение сохранить контроль над этими территориями, хотя бы подобный тому, который имела царская Россия.

Проводившаяся накануне революции 1917 г. Российской империей фронтирная модернизация Бухарского эмирата подготовила условия

для этнополитической мобилизации отдельной части его населения. В начале апреля 1917 г. бухарский эмир заявил о готовности перейти к более радикальным либерально-демократическим преобразованиям в государстве. Однако оппозиционно настроенные джадиды-младобухарцы приняли решение о переходе к более решительным действиям. По их просьбе весной 1918 г. части Красной армии предприняли военный поход на Бухару. Однако этот «дикий», как назвал его в своих воспоминаниях председатель ЦИК Туркестанской республики П.А. Кобозев, поход под руководством возглавлявшего в тот период СНК Туркестана Ф.И. Колесова закончился провалом[754]. В марте 1918 г. советское правительство Туркестана было вынуждено подписать эмиром мирный договор, по условиям которого между двумя государствами устанавливались дипломатические отношения и должен был состояться обмен посольствами. Советская сторона обещала не допускать вмешательства в бухарские дела. В декабре этого же года стороны подписали торговый договор.

Неудачный поход Колесова вызвал волну репрессий в Бухарском эмирате в отношении «младобухарцев». Около 1,5 тысяч из них были казнены, более 8 тысяч вынуждены были бежать на советскую территорию, где развернули активную антиэмирскую деятельность[755]. Кроме этого, эмир Сейид Алим-хан осознавал возможность повторного вторжения советской России в пределы эмирата. Поэтому он пытался создать не увенчавшийся успехом военный союз с правителями Хивы и Афганистана[756].

Между тем отношения между Бухарой и советским Туркестаном оставались весьма напряженными. Сейид Алим-хан, стремясь отсрочить неизбежное столкновение с большевистской Россией, отказался от активной поддержки басмачества, с которым в этот период активно боролись Советы. Эмир совершенно верно оценивал ситуацию. Документы советских и партийных органов советского Туркестана этого периода в полной мере подтверждают, что нападение на Бухару и свержение эмира рассматривались и в Москве, и в Ташкенте как реальная и ближайшая перспектива. Само проведение такой операции, по сути, являлось вопросом времени. Уже 16 мая 1919 г. на закрытом совместном заседании ЦИК Советов Туркестанской Республики, Президиума исполкома Ташкентского Совдепа, Крайкома партии и Революционного Совета Республики был заслушан доклад резидента советского Туркестана в Бухаре Печатникова с дальнейшим всесторонним обсуждением перспектив отношений с этим государством. В докладе резидент заявил, что «отсутствие всякой зависимости от нас и работа засевшей там контрреволюции и буржуазии — говорят за то, что дипломатических отно-

[754] РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 26. Л. 7. Более подробно см. параграф 4.5 настоящей монографии.

[755] Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1983. С. 82.

[756] Системная история международных отношений. Т. 1. С. 199.

шений у нас с Бухарой быть не может, несмотря на заключенный нами с Бухарой Кизил-Тепинский договор»[757]. Далее Печатников сообщил, что Бухара отказалась выполнять экономический договор и интенсивно вооружается. При этом ее армия достигает 50 тысяч человек, а обучение войск ведут австрийские и английские инструкторы[758]. Давая крайне негативную оценку отношениям с Бухарой в целом, докладчик сделал вывод, что «о войне с Бухарой в настоящее время не может быть и речи, и мы всеми силами должны сдерживать Бухару, *когда же будет возможность и силы, мы сможем и должны объявить ей войну* (курсив наш. — *авт.*)»[759].

Однозначную точку зрения на «необходимость» военного решения бухарского вопроса высказывал и В.И. Ленин. П.А. Кобозев, который обсуждал с ним эту проблему, пишет в своих воспоминаниях: «Владимир Ильич был не против изгнания эмира бухарского из Бухары младобухарцами, не против освобождения Бухары из-под английского влияния, а против того, чтобы опорочить эти действия, внеся в них великорусский, а не младобухарский основной характер руководства»[760].

Между тем характер деятельности младобухарцев и степень их влияния на массы никак не удовлетворяли руководителей советского Туркестана. Тот же Печатников в своем докладе подчеркнул, что младобухарцы «за малым исключением ничего не делают и среди них есть много таких, которые предают нас»[761]. Учитывая это обстоятельство, а также то, что будущее Бухары рассматривалось исключительно через призму социалистической революции, ЦК КПТ направил усилия на укрепление и рост численности созданной 25 сентября 1918 г. Бухарской коммунистической партии (БКП). Решения, принятые на II и III съездах БКП (соответственно июнь и декабрь 1919 г.), призывали к усилению работы по подготовке масс к революции. Делегаты съездов постановили создать при отделениях БКП ревкомы для практической подготовки восстания в эмирате. В это же время значительно активизировалось революционное крыло младобухарцев во главе с вернувшимся из Москвы Ф. Ходжаевым.

Деятельность БКП и младобухарцев активно поддерживалась руководством советского Туркестана. С начала 1919 г. в Ташкенте при краевом комитете РКП(б) действовал орган, ведавший «закордонной» работой в странах, сопредельных с Туркестаном. В конце 1919 г. по инициативе Отдела внешних сношений при Турккомиссии ВЦИК и СНК был создан Совет интернациональной пропаганды на Востоке (СИП). Через СИП «субсидировались все революционные партии и группы, действовавшие как в эмиграции

[757] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483. Л. 93об.
[758] Там же.
[759] Там же. Л. 95.
[760] РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 26. Л. 29.
[761] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483. Л. 95.

на территории России, так и в зарубежной Азии»[762]. Зимой 1920 г. под руководством Совета работала и компартия Бухары[763]. По сути все это должно было заложить базу, в том числе и на территории Бухары, будущего распространения революции на Восток.

Между тем Сейид Алим-хан, пытаясь всеми силами удержать власть, усиливал репрессии и «все более превращал страну в антисоветский плацдарм». Он действовал в тесном контакте с командованием английских войск в Мешхеде. Сложные процессы, развернувшиеся в этот период в Афганистане, стали реально угрожать позициям Англии не только в этой стране, но и в Центральной Азии в целом. Это обстоятельство заставляло англичан развернуть в регионе активную деятельность. Оказывая эмиру военную и политическую поддержку, британское военное командование стремилось не только усилить свои позиции, но и добиться активного противоборства Бухарского эмирата с Советской Россией[764]. Кроме англичан, в войсках Бухары действовали десятки белогвардейских и турецких офицеров.

В начале 1919 г. бухарский эмир вновь обратился за военной помощью в борьбе против Советов к эмиру Афганистана Хабибулле. В ответ в Бухару были направлены двухтысячный отряд афганских добровольцев и оружие. Эта помощь, однако, не могла обеспечить Бухаре необходимый перевес над силами большевиков. Сомнительным, с точки зрения эффективности, выглядел и военный союз Бухары с Хивой. Не оставляя надежды добиться от Афганистана более существенной военной помощи, Бухара и Хива направили летом 1919 г. своих представителей в Кабул. Смысл их новой инициативы состоял в попытке использовать в своих интересах ослабление позиций Туркестанской республики, которая с весны 1919 г. оказалась отрезанной от остальной части России вступившими в борьбу с правительством большевиков казачьими отрядами генерала А.И. Дутова[765].

В феврале 1919 г. после гибели на охоте Хабибуллы-хана к власти в Афганистане пришел его третий сын Аманулла-хан, разделявший взгляды младоафганцев. 28 февраля 1919 г. им была провозглашена полная независимость Афганистана, которую Великобритания отказалась признать. Это привело стороны к войне. Афганцы, несмотря на численное и техническое превосходство британской армии, оказывали ей упорное сопротивление. Но при этом сил и возможностей для активного вмешательства в дела Бухары у эмира Аманулла-хана уже не было. В результате помощь афган-

[762] Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. Москва ; Барнаул, 2010. С. 59–60.

[763] Там же. С. 60.

[764] Кудухов К. С. Коминтерн и «Бухарский эксперимент» // Восточный архив. 2012. № 2 (26). С. 57.

[765] Системная история международных отношений. Т. 1. С. 199–200.

ского эмира Бухаре выразилась в согласии «принять в афганские военные и гражданские учебные заведения его подданных», а также в том, что осенью того же года он направил полковника Фазль Ахмад-хана с 60 инструкторами для обслуживания бухарской армии. Туда же были командированы мастера по выделке патронов[766].

Между тем в самой Бухаре зимой 1919–1920 гг. и летом 1920 г. обстановка значительно обострилась. В ответ на растущие репрессии эмировского правительства по стране стали массово проходить акции протеста. В начале сентября 1920 г. Бухарская коммунистическая партия объединилась с партией младобухарцев-революционеров в единую БКП. Повстанцы, возглавляемые коммунистами, обратились за помощью к правительству советского Туркестана[767].

Надо заметить, что решение о проведении бухарской операции, планы которой вынашивались давно, в последний момент принималось Москвой с некоторой нерешительностью. И в этом смысле членам Турккомиссии ВЦИК и СНК приходилось убеждать и торопить руководство РСФСР, обращая его внимание на то, что обострение отношений с Бухарой «ни в коем случае не могут рассматриваться как результат агрессивной политики с нашей стороны» и что «до мая месяца сего (1920 г. — *авт.*) года Турккомиссия даже не ставила вопроса о возможности столкновения с Бухарой»[768]. Однако теперь, заявлял В.В. Куйбышев в письме, направленном в адрес ЦК РКП(б) от имени членов комиссии, «каждый час можно ожидать, что будет перехвачена инициатива»[769]. «Поэтому, — отмечал автор, — все коммунистические революционные деятели Бухары разделяют с нами точку зрения о необходимости немедленных действий, гибельности предоставления инициативы бухправительству. Эта же точка зрения разделяется всеми деятелями Туркестана, включая и некоммунистических сторонников национально-освободительного движения на Востоке»[770].

В конечном счете руководству советского Туркестана удалось убедить Москву в необходимости срочного проведения военной операции против Бухары. 10 августа Политбюро ЦК РКП(б) на основании писем Куйбышева и Фрунзе приняло решение об использовании частей Красной армии «для защиты русского населения и российских учреждений в Бухаре и пограничных районах». Уже 29 августа–2 сентября 1920 г. соединения Туркестанского фронта, насчитывавшие около 7000 штыков, 2,5 тысяч сабель, 40 орудий, 230 пулеметов, 10 бронеавтомобилей, 5 бронепоездов и 11 самолетов и присоединившиеся

[766] Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане... С. 43–44.
[767] Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 188.
[768] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.
[769] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 2.
[770] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161. Л. 5.

к ним отряды младобухарцев и бухарских коммунистов, под руководством М.В. Фрунзе штурмом взяли Старую Бухару[771].

14 сентября 1920 г. были сформированы органы государственного управления: Всебухарский ревком, Совет народных назиров (комиссаров), который возглавил 24-летний Ф. Ходжаев. 8 октября 1920 г. на I Всебухарском съезде народных представителей была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика. Несколько дней спустя между РСФСР и БНСР было подписано Временное военно-политическое соглашение[772], а 15 ноября 1920 г. стороны заключили межгосударственный договор, в котором обозначили основные положения и принципы двусторонних отношений[773].

Однако быстрое завершение основного периода операции и свержение эмира еще не означало достижение окончательной победы. И перед командованием Красной армии, и перед руководством молодого бухарского государства стояло несколько сложных задач. Во-первых, в ходе штурма Бухары, несмотря на все усилия, не удалось захватить эмира. Приказы, поступавшие в воинские части за подписью председателя Турккомиссии Г.Я. Сокольникова и его заместителя В.В. Куйбышева «о необходимости сохранения жизни эмира во чтобы то ни стало, под ответственность командиров частей, участвующих в его поимке,… для организации над ним народного суда»[774], остались невыполненными. Ему удалось не только бежать, но и вывезти свою казну. Теперь огромные средства бухарской казны позволяли эмиру обеспечивать дальнейшую борьбу против большевиков.

Во-вторых, штурм и взятие Бухары частями Красной армии сопровождались столь варварскими разрушениями, мародерством и убийствами мирного населения, что в ситуацию должен был вмешаться даже В.И. Ленин. На его имя поступила телеграмма представителя НКИД в Туркестане А.А. Машицкого. Автор с возмущением сообщал, что «по Бухаре выпущено пять тысяч снарядов. Центр города уничтожен. Сожжен Регистан. … После сдачи Бухары начались поджоги и невероятные грабежи и мародерство. Все богатства, содержащиеся в подвалах и кладовых Регистана, разграблены…, открыто грабились халаты, золото и серебро и другие драгоценности[775]. В грабеже принимала участие Красармия, и два эшелона с груженым имуществом отправлены в Ташкент»[776]. Все попытки разобраться в ситуации даже со стороны вождя революции закончились ничем. Например, В.В. Куйбышев,

[771] Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. С. 82.
[772] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 175. Л. 1об.
[773] Там же. Д. 178. Л. 2.
[774] Там же. Д. 165. Л. 1.
[775] Так написано в оригинале документа. Очевидно, надо читать: «… халаты, шитые золотом, серебром и другими драгоценностями».
[776] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 169. Л. 3.

который к этому времени уже стал полномочным представителем РСФСР в Бухарской Народной Советской Республике, и сам был очевидцем событий, на запрос о событиях, связанных с грабежами, ответил более чем туманно. Он, в частности, писал: «Я не считаю для себя возможным давать заключение. Если ограничиться фактической стороной его (Машицкого. — *авт.*) телеграммы, то пришлось бы признать все сообщенные факты, имевшие место, но такое заключение было бы односторонним с точки зрения общей картины происшедших событий»[777]. Начальник особого отдела Новой Бухары на такой же запрос сообщил, что им «разосланы агенты по кишлакам, и до сих пор никакого мародерства не замечалось со стороны красноармейцев; если же и были заявления сартов о таковом, то в большинстве случаев они ложны»[778].

Между тем вал преступлений бойцов Красной армии против населения Бухары не снижался. Наглядную иллюстрацию положения дел в этой области представляют протоколы заседаний Президиума Всебухарского Центрального Исполнительного комитета БНСР. Так, в протоколе №18 от 16 января 1922 г. члены Президиума посчитали необходимым специально указать, что следует «ответственность за бесчинства и беспорядки, творимые русской Красной Армией, возложить на штаб русской Красной Армии». А «по расследованию проступков, чинимых русской Красной Армией, дела таковых передать для рассмотрения в особую постоянную комиссию при военном Назирате»[779]. Однако наиболее ярким и серьезным свидетельством чрезвычайного положения, сложившегося в вопросе преступлений частей Красной армии против населения, и, как следствие этого, массового ухода жителей Бухары в отряды басмачей, является «Обращение Реввоенсовета Туркфронта к бойцам Красной Армии о взаимоотношениях с бухарским народом». Его разработчики с возмущением констатировали, что «многие красноармейцы запятнали себя неслыханным позором, грабежами и мародерством среди мирного населения, особенно в окрестностях города Бухары»[780].

В результате допущенных просчетов руководства Туркестана и командования Красной армии, бежавший эмир уже во второй половине сентября 1920 г. созвал в Душанбе съезд, на котором присутствовали лидеры бухарских, ферганских, хорезмских, самаркандских басмачей, русские белогвардейцы, английские и афганские советники. Был принят план единых действий против советской власти. В это же время «несколько караванов доставили в Восточную Бухару английские винтовки и патроны»[781].

---

[777] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 169. Л. 5.

[778] Там же. Л. 1.

[779] Там же. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483. Л. 47.

[780] Там же. Оп.1. Д. 201. Л. 1.

[781] Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. С. 85–86.

В свою очередь недисциплинированность и во многом преступное поведение красноармейцев, а также очевидное попустительство к этим действиям со стороны командования и партийного руководства толкали на сторону басмачей даже тех людей, которые раньше боролись с властью эмира. В басмаческие отряды уходили чиновники нового бухарского правительства и милиционеры. В полном составе ушли курсанты 1-й Бухарской военной школы. Более того, к басмачам перешли председатель ЦИК Бухарской республики У. Ходжаев и военный министр джадид Арифов. Все это определило ожесточенный и длительный характер борьбы с басмачеством советских властей Туркестана и БНСР. В рапорте, направленном полномочному представителю в БНСР В.В. Куйбышеву 28 декабря 1920 г. военным командованием Красной армии, сообщалось, что войска эмира добиваются значительных успехов. При этом «агитация эмира в Восточной Бухаре растет и не в нашу пользу». Авторы рапорта обращали внимание и на то, что «…авганцы (так в документе. — *авт.*) на границах Керки и Термеза собирают вооруженные силы и со стороны города Катаган. Под видом добровольцев авганцы отправляют войска на помощь эмиру»[782].

Последнее сообщение имело существенное значение. Вопрос упрочения советской власти в Центральной Азии отчасти зависел и от того, какими окажутся отношения между Советской Россией и Афганистаном. Именно правящие круги Афганистана оказывали постоянную поддержку басмаческому движению. Поэтому советское руководство прилагало значительные усилия к установлению дипломатических отношений с этим государством, рассчитывая, что такой шаг будет наряду с другими факторами способствовать успешной борьбе с басмачеством. Советско-афганский договор был подписан 28 февраля 1921 г. в Москве и в дальнейшем действительно оказал положительное влияние на нормализацию ситуации в Туркестане. По поводу международной обстановки в регионе в советско-афганском договоре отмечалось, что обе стороны обязались уважать «действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая бы форма правления там ни существовала согласно желаниям их народов»[783]. Таким образом, российская сторона добилась признания Афганистаном тех политических переворотов, которые при поддержке Красной армии были произведены в Бухаре и Хиве[784].

В декабре 1921 г. части Красной армии разгромили отряды бухарского эмира в Гиссаре и заняли Душанбе. Эмир со своими приближенными бежал в Афганистан. Однако уже в начале 1922 г. во главе остатков эмировских войск и отрядов басмачей встал появившийся в Бухаре бывший военный ми-

[782] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 179. Л. 1.
[783] Цит. по: Системная история международных отношений. С. 202.
[784] Там же.

нистр Турции, политический авантюрист Энвер-паша. На какое-то время ему удалось объединить силы антибольшевистского сопротивления и добиться временных успехов. В феврале в ходе наступления отрядам Энвер-паши удалось захватить Душанбе и подойти к самой Бухаре. Положение несколько разрядилось только к исходу лета 1922 г., когда части Красной армии в ходе ряда сражений разбили отряды наиболее крупного курбаши Ибрагим-бека, а 4 августа был убит сам Энвер-паша[785].

Учитывая сложность обстановки, возникшей вокруг Бухары, ЦК РКП(б) принял и направил 22 мая 1922 г. в Ташкент для Турккомиссии ряд рекомендаций, подготовленных И.В. Сталиным. Рекомендации должны были способствовать нормализации общественно-политической и экономической ситуации в БНСР. В их числе предлагалось: амнистировать всех желающих вернуться к мирному труду басмачей; возвратить вакуфные земли их бывшим владельцам; легализовать местный национальный суд; улучшить состав бухправительства, исключив из него людей с афганской ориентацией и пополнить его наиболее популярными представителями дехкан и трудовой национальной интеллигенции и ряд других[786].

Практическая реализация рекомендаций ЦК РКП(Б) наряду с успехами в борьбе с басмачеством положительно сказалась на ситуации в Бухаре. В результате расширения экономических связей БНСР с РСФСР, а также после того, как в марте 1923 г. по решению 1-й экономической конференции произошло экономическое объединение трех республик, стало улучшаться и экономическое положение населения Бухары.

V Всебухарский съезд Советов 19 сентября 1924 г. принял решение о переименовании БНСР в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику. 27 октября 1924 г. в результате национально-государственного размежевания советских республик Центральной Азии БССР была упразднена. Ее территория вошла в состав вновь образованных Узбекской ССР, Туркменской ССР и Таджикской АССР (с 1929 г. — Таджикской ССР).

Таким образом, решить задачу превращения Хивы и Бухары в пладарм для будущего продвижения социалистической революции на Восток руководству советской России удалось только отчасти. Во многом реализации намеченных планов помешали объективные факторы внутриполитического и международного характера. Важнейшим из них явился общий спад революционного движения в мире в начале 1920-х гг. Объективной причиной неудачи явилось также то, что революции в Хорезме и Бухаре не были и не могли быть социалистическими. Экономическая и социальная отсталость

[785] Более подробно о деятельности Энвер-паши см., например: Ганковский Ю. Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. №5.

[786] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1469. Л. 1.

Хорезма и Бухары требовали особой гибкости и постепенности в осуществлении революционных преобразований. Однако это требование в большинстве случаев не учитывалось в практической деятельности советских и партийных работников, не знающих и не понимающих особенностей и специфики местных условий.

В то же время подготовленные и реализованные эмиссарами советского Туркестана, так называемые революционные события в Хиве и Бухаре, а затем свержение власти хивинского хана и бухарского эмира, осуществленные в ходе боевых операций войсками Красной армии, со всей очевидностью выходили за рамки решения задачи подготовки плацдарма для экспорта революции на Восток. Дальнейшие события в этих государственных образованиях, установление политического, административного, экономического и военного контроля над ними со стороны Советской России, а затем их фактическое поглощение свидетельствовали, по сути, о завершении политического курса, разработанного в их отношении Российской империей, того политического курса, который предусматривал полное лишение этих государств суверенитета. По большому счету это означало завершение решения геостратегической задачи — ликвидации очагов нестабильности в российской Центральной Азии.

4.5. Феномен басмачества в общественно-политической жизни советской Центральной Азии

Политические события в Туркестане, Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, последовавшие после октябрьских событий 1917 г., тесно связанные с реализацией национальной политики региональных большевистских органов власти, вызвали волну недовольства традиционных слоев центральноазиатского общества. Как указывалось выше, советская власть в Ташкенте была установлена буквально через несколько дней после победы большевиков в Петрограде. Уже 28 октября 1917 г. Совнарком Туркестанского края отстранил от должности областных комиссаров Временного правительства, избрав вместо них областные Совнаркомы.

При обсуждении вопроса об организации краевой власти, делегаты проходившего с 15 по 22 ноября в Ташкенте III Краевого съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов разделились на две основные группы. Первая группа, представленная объединенными социал-демократами, считала, что власть должна состоять из представителей Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, городских самоуправлений и *мусульман*; в то же время вторая группа (большевики и социалисты-революционеры максималисты) доказывала, что краевая власть должна быть

создана по образцу советского правительства в России. Подразумевалось, что Туркестаном должен управлять Совет народных комиссаров, сформированный из большевиков, левых социалистов-революционеров, без мусульман и представителей городских самоуправлений, поддерживавших Временное правительство[787].

По итогам съезда при формировании СНК Туркестанского края в его состав не были допущены представители коренного мусульманского населения. Это решение съезд объяснял тем, что «привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей власти фракция приветствовала бы» [788].

Вполне закономерно, что решение съезда сыграло определяющую роль в том, что целый ряд национальных партий и мусульманских общественных организаций (Шуро-и-Улема, Иттифак, Шуро-и-Исламия) на своих собраниях и съездах объявили о непризнании новой власти.

В итоге, национальный вопрос стал в Туркестане одним из наиболее проблемных и самым негативным образом отразился на дальнейшем процессе развития революционной ситуации в Туркестане. В программных документах и требованиях национальных движений и партий теперь неизменно шла речь о гарантиях свободного развития этнической культуры и конфессиональном равноправии. В свою очередь новая власть, сформированная партией большевиков, оказалась во многом не готова к тем вызовам, которые диктовали специфические условия революционных движений национальных окраин бывшей Российской империи вообще и Туркестана в частности. Первым серьезным сигналом, требовавшим от новых властей настоятельного внимания к национальному вопросу, стало создание так называемой Кокандской автономии.

Выше также отмечалось, что в ответ на создание в Ташкенте Совета народных комиссаров 26 ноября 1917 г. в Коканде под руководством Шуро-и-Исламия был созван IV Всетуркестанский съезд мусульман. 27 ноября его делегаты приняли резолюцию о провозглашении Туркестанской автономии — Туркистон мухторияти. В советской историографии это образование известно под названием Кокандская автономия. П.А. Кобозев, являвшийся в ноябре 1917 — феврале 1918 г. чрезвычайным комиссаром ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири, а затем первым предсе-

[787] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 10–11.
[788] Там же. Л. 12.

дателем ЦИК Туркестанской Советской Республики и членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, отмечал в своих воспоминаниях, что делегаты Всетуркестанского съезда мусульман в проекте Положения об автономии отдельно записали: «Не желая иметь конфликт между своими братьями русскими и мусульманами, — высказываем наше первое и последнее слово: не вмешиваться в наши национальные дела, не ставить препятствий к осуществлению нашего самоопределения… Дайте нам убедиться, что вы искренне руководствуетесь вашими лозунгами о самоопределении и воззваниями, обращенными к трудящимся Востока»[789].

Тем не менее в январе 1918 г. правительство Кокандской автономии получило ультиматум Ташкента с требованием признания советской власти, но отказалось его принять. Для ликвидации самопровозглашенной Туркестанской автономии из Москвы в Ташкент прибыли 11 эшелонов с войсками и артиллерией, которые затем под командованием К. Осипова направились в Коканд. В состав войск входили также вооруженные дашнакские отряды[790]. В результате карательных акций погибли десятки тысяч мирных жителей. Особой жестокостью при этом отличились именно дашнаки. 30 апреля 1918 г. на V Краевом съезде Советов была провозглашена Туркестанская Советская Республика (ТСР), в состав которой вошла «вся страна Туркестан в ее географических границах, исключая Хиву и Бухару» [791].

Отряды басмачей (*басмач* — от тюркского *басмак*: нападать, совершать налет) начали формироваться и возникать как форма открытого силового протеста местного населения на действия новых властей, приступивших к грубой ломке обычаев, культурных и национальных устоев коренных народов Туркестана, а также конфессиональных обрядов и традиций мусульман. Острое неприятие порождали такие меры «военного коммунизма», как продразверстка, запрет базаров и свободной хлебной торговли. Возглавлялись отряды басмачей местными племенными и родовыми вождями (курбаши).

Первые значительные очаги этого движения возникли именно после разгрома Советами Кокандской автономии. На это прямо указывал в своей статье «К борьбе с басмачеством», опубликованной в газете ЦИК Туркестанской республики «Известия» от 25 мая 1921 г., ответственный секретарь ЦК КП(б) Туркестана И. Сольц. Он, в частности, писал: «В восьмидневных

---

[789] РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–7.

[790] Дашнаки – члены армянской буржуазно-националистической партии Дашнакцутюн («Союз»), основанной в 1890 г. в Тифлисе. Организации Дашнакцутюн активно действовали в Туркестане, оказывая значительное влияние на проживающие здесь армянские общины. После установления в регионе советской власти Дашнакцутюн некоторое врекмя активно сотрудничала с большевистским правительством Туркестана, а его вооруженные отряды в 1918–1919 гг. участвовали в совместных операциях с частями Красной гвардии и Красной армии.

[791] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503. Л. 16.

боях за «Кокандскую автономию» в январе 1918 г., родилось басмачество, как широкое национальное движение, направленное против русской власти». Здесь же автор статьи вполне откровенно объясняет причины широты и массовости басмаческого движения. Он подчеркивает, что «Кокандские события» фактически были бойней для невооруженных мусульманских масс города (полупролетарских и мелкобуржуазных). Впечатления этой бойни должны были надолго отравить ядом национальной вражды трудящихся мусульман и заставить сотни даже тысячи их бежать, отступить вместе с бандами Иргаша[792] вглубь страны, в недоступные для русской власти районы»[793].

Это мнение полностью разделял начальник разведывательной части штаба Туркфронта и военком Ипполитов. В своей справке «О движении басмачества в Туркестанской республике с 1920 по октябрь 1923 гг.» он указывал, что «возникшее с момента разгрома Кокандской автономии ферганское басмачество сразу обнаружило тенденцию к быстрому росту и развитию»[794]. Дополнительным мощным фактором, повлиявшим на дальнейшее распространение и массовость басмачества, стала авантюра, связанная с так называемым Колесовским походом на Бухару.

В марте 1918 г. советское руководство Туркестана, исходя из завышенных оценок протестных настроений населения Бухарского эмирата, представленных ему младобухарцами, предприняло поход на Бухару с целью свержения власти эмира. Однако совершенно неподготовленная в военно-техническом отношении и немотивированная в этот период с политической точки зрения операция, предпринятая отрядами Красной гвардии под командованием председателя Совнаркома ТурАССР Ф.И. Колесова, закончилась полным провалом. Кроме крупных боевых потерь она вызвала многочисленные жертвы среди мирного населения. Активный участник этих событий и будущий крупный военачальник Красной армии В. Куц отмечал в своих мемуарах: «Начинать войну с Сеидом Алимханом (эмиром Бухары. — *авт.*) было не в наших интересах. Туркестанская республика и без того истекала кровью. Для бухарской экспедиции удалось выделить лишь около тысячи бойцов. Это были плохо вооруженные отряды, собранные со всех концов Туркестана»[795].

---

[792] В этот период во главе басмаческих отрядов в Фергане действовали два крупных курбаши с именем Эргаш (Иргаш). Первоначально во главе сопротивления встал Кичик Эргаш (Маленький Эргаш), бывший начальник полиции Коканда. После его гибели движение возглавил Эргаш-курбаши — авторитетный кокандский мулла, известный как Катта Эргаш (Большой Эргаш). В переписке партийного и советского руководства, командования Красной армии, а позже в историографических материалах также чаще упоминается как Иргаш. Которого из этих курбашей упоминает И. Сольц, не ясно.

[793] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 97.

[794] Там же. Д. 1480. Л. 1.

[795] Куц И. Ф. Годы в седле. М., 1964. С. 30.

Помимо неудачи военного характера, «колесовский поход» стал яркой иллюстрацией еще одного крайне негативного явления в процессе становления и деятельности новой власти. Появление красногвардейских частей в Бухаре и ее окрестностях сопровождалось массовыми грабежами, мародерством и убийствами мирного населения. Достаточно объективную оценку результатов такой деятельности приводила на своих страницах популярная в рассматриваемый период ташкентская «Наша газета». В номере от 28 апреля 1918 г. отмечалось: «Поход, затеянный бывшим в то время председателем Совета Народных Комиссаров Туркменской Республики Колесовым, резко повлиял на политику Бухары и в корне изменил ее отношение к России. Поход был неудачен и не достиг своей цели, а бухарский народ, который был ограблен недисциплинированными отрядами, озлобился до того, что потребовал войны с Туркестанской Республикой»[796].

В результате нараставшее у коренного населения Бухарского эмирата острое чувство протеста стало все чаще переходить в вооруженное сопротивление. Командующий в 1919 г. группой советских войск в Фергане М. Сафонов по этому поводу позже писал: «Ограбленные родственники убитых и изнасилованных, избитые — все это превращалось (согласно обычаю) в кровавых мстителей, и так как мстить приходилось не отдельным личностям, а «советским войскам», то мстители вступали в ряды противной стороны, то есть к басмачам»[797].

Начиная с 1919 г. одним из наиболее активных районов развития басмаческого движения в Туркестане стал район Ферганской долины. Уже к концу 1918 г. здесь против большевиков действовало около 40 повстанческих отрядов, в которых сражалось более 7 тысяч бойцов[798]. Басмаческие отряды, опиравшиеся на поддержку местного населения, хорошо знавшие местность, применяли партизанскую тактику борьбы и были трудноуловимы для подразделений Красной армии. Избегая боевых столкновений с крупными частями Красной армии, басмачи совершали налеты на кишлаки, небольшие городки, убивали представителей советской власти, уничтожали небольшие войсковые гарнизоны и скрывались в труднодоступных районах, часто расположенных в горной местности или песках.

В этих условиях советские власти попытались решить проблему, используя традиционные способы борьбы с партизанским движением: брали заложников, уничтожали целые селения. В 1922 г. председатель Совнаркома ТурАССР К. Атабаев, анализируя ход борьбы с басмачеством, заявлял следующее: «Мы думали одно время ликвидировать басмачество огнем и мечом. В этих целях более или менее крупные кишлаки, пораженные басмачеством,

[796] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483. Л.2.
[797] Там же. Д. 1585. Л. 76.
[798] Там же. Д. 1480. Л. 1.

уничтожались беспощадно, вследствие чего население уходило от советской власти все дальше и дальше. Не помогла нам и общая оккупация всей Ферганы. В одно время в Фергану было переброшено до 30 тысяч войск, и все крупные кишлаки были заняты гарнизонами из красноармейцев. Население оставалось враждебным к нам, басмачи легко справлялись с нашими гарнизонами, и мы, наконец, вынуждены были убрать войска из кишлаков»[799].

Таким образом, усиление репрессий только ожесточало население и увеличивало количество басмачей, которые с оружием в руках включались в борьбу с большевиками. В ряде случаев басмачам удавалось одерживать над частями Красной армии довольно крупные победы. Отряды басмачей в отдельные периоды достигали численности 8–10 тысяч человек. В начале 1919 г. сформировался крупный отряд под командованием бывшего начальника милиции Старого Маргелана Мадамин-бека. Уже к середине года этот курбаши сумел объединить под своим командованием большую часть басмаческих отрядов, действовавших в Фергане. Интересно то, что на первых порах костяк его собственного отряда составляли бывшие подчиненные — милиционеры. Несколько позже, т.е. в ходе распространения движения, отряды басмачей возникли в Самаркандской области, их возглавили курбаши Очилбек, Бахрамбек и другие, а также в Закаспийской области, где во главе движения встали Ходжа Кули Нияз Кулиев, Рахман Ниязов и др.

Активное воздействие на басмаческое движение в Туркестане, в том числе поставками оружия, засылкой своих офицеров и целых воинских отрядов, оказывали власти Афганистана. С первых месяцев своей деятельности лидеры басмаческого движения установили тесные связи с англичанами и белогвардейцами. Так, английское консульство в Кашгаре (китайская провинция Синьцзян) направляло в отряды басмачей Ферганы своих агентов, пересылало оружие и деньги. В феврале 1919 г. английский консул передал бывшему царскому консулу 100 тысяч рублей для басмаческих курбаши. Сюда же прибыли из Мешхеда (Иран) представители английского военного командования[800]. Еще 13 ноября 1918 г. на совещании британского кабинета лорд Милнер, представлявший военное министерство, заявил, что интересы Британской империи требуют ликвидации большевизма «в районах к востоку от Черного моря». При этом он объяснил, что имеет в виду «Кавказ, Дон и Туркестан»[801].

В разгар борьбы с басмачеством, в 1919 г., атаман Оренбургского казачества А.И. Дутов направил Иргашу личное послание. Курбаши именовал-

---

[799] Цит. по: Михайлов В.Ф. Хроника великого джута // Юность. 1990. № 1. С. 83–84.

[800] Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. С. 56.

[801] Там же. С. 40.

ся в нем «доблестным вождем славных ферганских джигитов». А.И. Дутов произвел Иргаша в сотники и призвал «Аллаха и великого пророка его Магомета» на помощь «верному охранителю интересов России в Фергане»[802]. В это же время Мадамин-бек, который также имел постоянные связи с колчаковцами, называл себя «командующим мусульманской Белой гвардии». А.В. Колчак послал в Фергану специальную миссию в составе двух своих генералов и двух английских офицеров, присвоил Мадамин-беку чин полковника. Ему была обещана постоянная помощь оружием и золотом[803]. Во многих отрядах басмачей воевали русские офицеры и бывшие чиновники царской администрации в Туркестане.

Пытаясь обобщить опыт и найти наиболее действенные формы борьбы с басмачеством, советское и партийное руководство одновременно с этим прилагало, как представляется, искренние усилия к тому, чтобы понять, какие факторы способствуют росту басмаческого движения и притоку в его ряды широких масс населения. Один из старших командиров Красной армии писал по этому поводу: «Басмаческие банды, насчитывавшие в начале революции едва десятки, к концу восемнадцатого года состояли уже из сотен хорошо вооруженных всадников, превышая во всей Фергане две тысячи вооруженных басмачей, и притом вооруженных главным образом за счет оружия и патронов, доставляемых из советских гарнизонных арсеналов красноармейцами-продавцами»[804]. В это же время отдел военного контроля Главного штаба войск Туркестанской республики сообщал в направленной командованию записке, что «туземное население присоединяется к Мадамин-беку, и все его распоряжения выполняются охотно. …Если бы хватило у Мадамин-бека оружия, то все туземное население, живущее в кишлаках, как один взялись бы за него и пошли бы вместе с Мадамин-беком»[805].

Начиная с 1919 г. открытая полемика по поводу причин разрастания и активизации басмаческого движения вышла на страницы газет. Основной тезис советских и партийных органов при объяснении причин возникновения и быстрого распространения басмаческого движения в Туркестане строился, как правило, на том, что невежественное и фанатично религиозное население вливается в ряды басмачей под влиянием родовых и племенных вождей, религиозных авторитетов, беков и мулл, т.е. всех тех, кто по объективным причинам оказался врагом революции и начавшихся в ре-

[802] Цит. по: Алескеров Ю. Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 31.

[803] Более подробно см.: Зевелев А.И., Поляков Ю.А. Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах.

[804] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л.76.

[805] Там же. Л. 1.

гионе социально-экономических реформ. Отчасти такая формулировка причин этого явления соответствовала реальному положению. Но только отчасти. На самом деле более мощное воздействие на развитие ситуации оказывали, как уже отмечалось выше, факторы, порожденные деятельностью новой власти в лице ее партийных и советских органов, а также частями Красной армии.

В июле 1919 г. печатный орган Центрального комитета Коммунистической партии Туркестана и СНК Туркестана газета «Известия» опубликовала статью под названием «Какова действительность», посвященную борьбе с басмачеством в Фергане и подписанную псевдонимом Нелли-Ленталь. Автор статьи пытался доказать, что пропаганда и агитация, направленные против басмачей, дают ощутимые результаты. Он, в частности, писал: «Через несколько дней после митинга, после нашего ухода в селении Аим стало известно о приближении разбойников (басмачей. — *авт.*). Все население: старики, женщины, дети — вышло навстречу разбойникам и заявили: через наши трупы вы войдете в кишлак» [806].

Командующий ферганской группой Красной армии М. Сафонов, комментируя в своем отклике этот пример, с иронией замечал: «Однако до чего легко поддаются эти сарты[807] митинговым речам, — подумает читатель, — доверившись на слово Нелли-Ленталь. Каково же будет его удивление, когда он узнает, что в этом походе коноваловские отряды[808] перебили до десяти тысяч сартов и обещали сравнять с землей всякий кишлак, в котором окажутся басмачи. Поэтому не митинговые речи сагитировали сартов ложиться под басмаческих лошадей, а безвыходность и полное отчаяние. Пропускать такие факты — значит не выяснять, а затуманивать действительность»[809]. Далее М. Сафонов представил развернутую и убедительную картину тех обстоятельств и факторов, которые способствовали появлению массового басмаческого движения в регионе и осложняли борьбу с ним. В число этих факторов он включил проблему межнациональных отношений. Сафонов пишет, в частности, что Мадамин-бек «…заигрывает с русским крестьянством, действует

[806] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 69.

[807] Сарты – общее наименование части населения Средней Азии. Название «сарт» употреблялось, как правило, по отношению к оседлым узбекам и отчасти к равнинным таджикам. В Ташкентском, Ферганском и Хорезмском оазисах и Южном Казахстане оно являлось самоназванием оседлого населения.

[808] Коновалов Дмитрий Ефимович – в рассматриваемый период «начальник (командир) железнодорожных отрядов в Ферганской области» (фактически главный воинский начальник частей Туркреспублики при подавлении басмаческого движения курбаши Иргаша). В первой половине 1919 г. командовал отрядами Красной армии, ведшими бои с басмачами в районе Коканда, Джалал-Абада, Андижана.

[809] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 69.

совместно с Осиповым[810] и его офицерской белогвардейской сворой… агитирует за создание на выборных началах, автономного «временного правительства» «из мусульман и европейцев»[811]. Кроме этого, командарм указывал на анархию, беззаконие и насилия, связанные с революционными событиями. Отдельно обращал внимание на отрицательную роль, которую в этих обстоятельствах и факторах сыграли советские работники и бойцы Красной армии[812].

Развивая последний тезис, М. Сафонов остановился на эпизодах грабежей, убийств, мародерства, которые творились в городах и кишлаках Ферганы бойцами красноармейских отрядов. Давая картину реакции на эти действия со стороны ограбленного населения, автор с искренним возмущением писал: «Никогда не забуду сцены в большой Андижанской мечети, когда более чем 2-тысячная толпа мусульман рыдала и дико выла при перечислении обид, полученных от насильничавших, грабивших, убивавших и надругавшихся над ними армян-красноармейцев»[813]. «При сохранении недисциплинированности, — сделал вывод красный командарм, — Красная армия не ликвидировала басмачество, а усилила его рост, не укрепила советскую власть, а дискредитировала ее»[814]. При этом следует учитывать, что представители мусульманского населения Туркестана среди бойцов и командиров Красной армии составляли абсолютное меньшинство.

Между тем басмаческое движение продолжало расширяться и набирать силу. В Ферганской долине оно достигло наивысшего подъема осенью 1919 г. В конце августа в захваченном басмачами Джелал-Абаде состоялось расширенное совещание (курултай) руководителей движения. В нем приняли участие курбаши почти всех крупных отрядов, руководитель Крестьянской армии К. Монстров[815] и представители ставки белогвардейской армии А. Колчака. На совещании были обсуждены и приняты планы дальнейшей борьбы про-

---

[810] Осипов Константин Павлович, кадровый офицер, член РСДРП(б) с 1913 г. В 1918 г. военный комиссар Туркестанской республики. В январе 1918 г. возглавил антисоветский мятеж в Ташкенте. После подавления мятежа бежал к Мадамин-беку, а затем в Бухару. По требованию советских властей эмир Бухары согласился выдать К. Осипова, но ему перед арестом удалось бежать. Дальнейшая судьба Осипова неизвестна.

[811] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 79.

[812] Там же. Л. 70–75.

[813] Там же. Л. 75.

[814] Там же. Л. 83.

[815] Крестьянская армия была создана по решению советского правительства Туркестана в ноябре 1918 г. на основе отрядов, сформированных в селах русских поселенцев для борьбы с контр-революционным движением. Командующим армией был назначен К.И. Монстров, бывший конторский служащий, владелец крупного земельного участка в Фергане. Однако в результате проведения большевистским правительством Туркестана антикрестьянской земельной и продовольственной политики (хлебная монополия, продовольственная диктатура) и попыток советских органов власти отбирать землю русских переселенцев в пользу дехкан в среде бойцов армии возникло острое недовольство. Воспользовавшись сложившейся ситу-

тив советской власти. 1 сентября 1919 г. в продолжение реализации этих планов Мадамин-бек и К. Монстров подписали договор об объединении своих сил и начале совместных действий[816]. 8 сентября 1919 г. объединенные отряды Монстрова и Мадамин-бека, получив крупные партии вооружения от англичан и из Афганистана, смогли захватить Ош. 10 сентября началась осада Андижана, но 24 сентября она была снята, так как на помощь осажденным прибыли части Красной армии с Закаспийского фронта. 26 сентября Красная армия освободила от басмачей город Ош, а 30 сентября — Джалал-Абад. Тем не менее большая часть сельских районов региона продолжала контролироваться басмачами и отрядами Монстрова. Более того, 22 октября 1919 г. в пограничном селении Иркештам, на Памире, состоялся очередной курултай, на котором лидеры басмаческого движения и Крестьянской армии сформировали Ферганское Временное автономное правительство во главе с Мадамин-беком. В его состав вошли 24 человека, в том числе 16 мусульман и 8 русских. Мадамин-бек был избран также верховным главнокомандующим. Под эгидой этого правительства отряды Мадамин-бека вновь объединились с отрядами Иргаш-курбаши и других ферганских полевых командиров.

Учитывая крайне трудную ситуацию, которая сложилась в Туркестане к осени 1919 г., ВЦИК и СНК РСФСР 8 октября приняли постановление о создании Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. В состав комиссии вошли Ш.З. Элиава (председатель), М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев, Ф.И. Голощекин, Я.Э. Рудзутак, Г.И. Бокия. Комиссия была уполномочена представлять ВЦИК и СНК в пределах Туркестана. Этой же комиссии ЦК РКП(б) поручил осуществлять «высший партийный контроль и руководство от имени ЦК»[817]. Деятельность и решения этой комиссии во многом определили в дальнейшем формы, методы и результаты борьбы с басмачеством в Туркестане.

Между тем в среде партийного и советского руководства республики, командования Красной армии крепло убеждение, что без опоры на коренное население, на национальные кадры работников и военнослужащих добиться укрепления советской власти в регионе невозможно. Тот же М. Сафонов в своей полемической статье замечал, что «дальнейшее закрепление и развитие советских форм среди мусульманства возможно только после подготовки кадров ответственных работников из собственной среды местного трудового мусульманства. В настоящий момент эти силы количественно и в особенности качественно настолько ничтожны, что было бы правильным считать

ацией, К.И. Монстров поднял восстание против большевиков и начал совместные с басмачами действия против частей Красной армии.

[816] Зевелев А.И. Из истории Гражданской войны в Узбекистане. С. 366.

[817] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. С. 285.

их просто не существующими»[818]. Означенная проблема стала столь острой, что в январе 1920 г. заместитель председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР В. В. Куйбышев посчитал необходимым сделать специальный доклад «О привлечении мусульман к защите социалистического Отечества» на III конференции коммунистов-мусульман Туркестана. В выступлении докладчик, между прочим, заявил: «Прежде всего, мы должны заботиться о создании красного мусульманского командного состава, вследствие чего вопрос об открытии курсов мусульманских военных инструкторов есть вопрос злободневный. Затем должны быть созданы курсы, подготовляющие политических работников из среды мусульман, которые могли бы вести работу просвещения и привлечения широких масс в ряды армии»[819].

Пришедшее осознание важности означенной проблемы сталкивалось, тем не менее, с вполне понятными объективными трудностями и требовало времени. В ноябре 1919 г. приказом Революцинно-военного совета Туркфронта была создана мусульманская партийная школа, а при политотделе фронта — подотдел, в который входили секции интернационалистов и мусульманская[820]. В феврале 1920 г. приказом РВС Туркфронта из туркмен Хивинского района началось формирование отдельной туркменской конной бригады, а «из мусульманских частей, действующих в Фергане, двух отдельных конных бригад» [821]. В это же время с повестки дня были сняты наиболее одиозные и раздражающие мусульман лозунги, легализованы мусульманские суды и т.д.[822]

Однако, несмотря на принимаемые меры и жесткие приказы, поступавшие в местные советские органы и штабы воинских частей, мобилизация мусульманского населения в действующую армию проходила с большим трудом. Политический отдел Первой Революционной армии Туркестанского фронта, отмечая этот факт, указывал в приказе от 29 июля 1920 г.: «Из поступающих с мест донесений устанавливается, что протекающая мобилизация туземного населения проходит недостаточно гладко и крайне медленно»[823]. Политотдел требовал: «В целях наиболее интенсивного и планомерного проведения набора мумсульман… использовать все наличные силы и средства исполнительных военных органов…, усилив работу всех местных мобилизационных аппаратов до крайнего предела» [824].

Обращает на себя внимание тот факт, что руководители басмаческого движения в это время также развернули среди населения региона активную

[818] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 95.
[819] Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 152. Л. 18–19.
[820] РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 720. Л. 5.
[821] Там же. Л. 13.
[822] Абашин С. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М., 2015. С. 148.
[823] РГВА. Ф. 996. Оп. 2. Д. 1. Л. 61.
[824] Там же.

пропагандистскую работу. Велась такая работа и в среде красноармейцев. Целью этой работы являлось формирование у людей антисоветских настроений и привлечение их в свои ряды. Газета «Известия», выходившая в Туркестане, по этому поводу писала: «Басмаческие курбаши не лишены порой известной политической изворотливости. С помощью безмозглых русских прапорщиков и «бывших людей» и десятка авантюристов из лагеря туземных шовинистов они усиленно развивают свою агитационно-пропагандистскую деятельность. Выпускают листовки, воззвания и т.п.»[825]

Следует особо отметить, что наряду с попытками организовать широкую пропагандистскую работу, басмачи с первых дней существования своего движения активно использовали самые разнообразные формы жесточайшего террора. Причем этот террор был направлен не только против партийных и советских работников, но и против мирного населения, заподозренного хоть в каком-то сочувствии к новой власти. Убийства, истязания, грабежи сопровождали деятельность всех басмаческих отрядов. Командующий частями Красной армии в Ферганской области по этому поводу писал: «Убийство всякого советского мусульманина проводилось басмачами неукоснительно»[826]. Курбаши Мадамин-бек к уголовному законодательству Николая II, который басмачи использовали наряду с шариатом для придания своей деятельности хоть какой-то формы законности, добавил так называемый Кодекс Мадамин-бека. Кодексом вводились дополнительные статьи с перечислением тягчайших кар отдельным лицам и целым кишлакам за оказание какой бы то ни было помощи большевикам и их войскам, а также за отказ или промедление в оказании помощи «мусульманским народным войскам»[827]. Чрезвычайная жестокость басмачей стала одним из факторов, которые постепенно лишили их массовой поддержки населения.

Осенью 1919 г. ситуация в борьбе с басмачеством в Фергане начала быстро меняться. После разгрома основных сил Колчака и развала Восточного фронта командование Красной армии смогло перебросить значительные силы в Туркестан. В боях с превосходящими силами Красной армии объединенные отряды басмачей и Крестьянской армии К. Монстрова начали терпеть поражения. 17 января 1920 г. К. Монстров с группой соратников сдался советским властям и вскоре был расстрелян. Возглавляемая им Крестьянская армия распалась. 31 января на сторону советской власти перешли крупные отряды басмачей во главе с Махкам-ходжи и Акбар Али, а 2 февраля трехтысячный отряд курбаши Парни[828]. В этот же период (январь 1920 г.) были разбиты басмаческие формирования, возглавляемые Иргашем.

[825] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 95–95 об.
[826] Там же. Д. 1585. Л. 89.
[827] Там же. Д. 1585. Л. 89.
[828] Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925). М., 1975. С. 431.

Мадамин-бек в этот период прилагал активные усилия к укреплению басмаческого движения, которое, помимо прочего, разъедалось внутренней борьбой за лидерство между крупными курбаши. В этом ему пытались помогать спецслужбы Англии и руководящие круги Афганистана. В декабре 1919 г. в отряд Мадамин-бека прибыла афганская делегация, которая попыталась примирить его с другими главарями басмачества. При этом афганские эмиссары обещали очередную помощь оружием и деньгами, однако очевидного успеха эти попытки не принесли[829].

В начале 1920 г. разгрому подверглась большая часть отрядов Мадамин-бека. Учитывая большие потери в своих частях и нараставшее желание рядовых басмачей вернуться к мирной жизни, курбаши пришел к выводу о бесперспективности дальнейшей вооруженной борьбы с советской властью. В конце февраля 1920 г. он вступил в мирные переговоры с командованием Красной армии в Фергане и 6 марта подписал соглашение «О мире и переходе на сторону Красной армии». С советской стороны это соглашение подписал начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии Н.А. Веревкин-Рохальский. Перешедшие вместе с Мадамин-беком на сторону Красной армии басмачи были включены в состав Тюркской бригады, в которой уже воевали участники движения, сдавшиеся ранее. В связи с этим событием в городе Скобелев был даже проведен военный парад, на котором присутствовал и выступил с речью командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе.

Сам Мадамин-бек по условиям мирного договора должен был вести переговоры с курбаши, продолжавшими боевые действия против Красной армии, с тем, чтобы склонить их к сотрудничеству с советской властью. Но спустя всего два месяца, 14 мая 1920 г., он в ходе поездки на такие переговоры в кишлаке Караул был схвачен и убит своим старым противником, командиром крупного басмаческого отряда курбаши Хол-хаджой.

Во второй половине 1920 г. произошел новый всплеск активности движения басмачей. После перехода на сторону советской власти Мадамин-бека басмачество Ферганы возглавил его бывший соратник и заместитель Шер Мухаммад-бек (более известный как Куршермат), присвоивший себе звание «Амир ал-муслим» (властелин мусульман). Летом 1920 г. Куршермату удалось объединить часть басмаческих отрядов Ферганы в так называемую «Армию Ислама» и предпринять активное наступление в районе Андижана, Джалал-Абада, Оша, Коканда и Намангана. Отчасти временные успехи басмачей были связаны с тем, что большая часть соединений Красной армии в этот период была отвлечена на подготовку и проведение бухарской операции. Однако в ходе развернувшихся ожесточенных боев отряды Куршермата и его соратника Муэтдин-бека понесли ряд серьезных поражений, по-

[829] Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925). С. 430.

сле чего были вынуждены перейти к тактике партизанской борьбы, налетов и диверсий. Еще более силы басмачей ослабила суровая зима 1920–1921 гг. Они потеряли большое количество лошадей, а в непрерывных боях израсходовали большую часть имевшихся боеприпасов. В это же время началась конфискация лошадей в кишлаках для нужд Красной армии, что также существенно подрывало материальную основу басмачества.

Перечисляя факторы, обусловившие очередной всплеск активности басмачества во второй половине 1920 г., начальник разведывательной части штаба Туркестанского фронта Ипполитов в своей справке «О движении басмачества в Туркестанской Республике с 1920 по октябрь 1923 года» пояснял, что так и не были изжиты причины, вызвавшие возникновение и рост басмачества. Идеи басмачества еще продолжали существовать. При этом массу перешедших на сторону советской власти басмачей «привлекала к себе привольная, свободная от труда жизнь, которую продолжала вести шайка Куршермата. И к концу 1920 г., почти все сдавшиеся шайки оказались снова в рядах басмачей»[830]. «В силу этих обстоятельств, — резюмирует начальник разведки, — конец 1920-го и начало 1921-го снова характеризуются усилением басмачества, с той лишь разницей, что во главе его стал не Мадамин, а Куршермат» [831].

В этой же справке Ипполитов подверг критике «бесконечные мирные переговоры» с басмачами, «которые, однако, почти ни к чему не привели и в конечном счете ослабили лишь на время силу и влияние движения»[832]. Судя по архивным документам, мнение, высказанное в справке начальника разведки Туркфронта, в этот период разделялось многими руководителями республики и особенно командованием Красной армии.

В марте 1921 г. Туркомиссия ВЦИК и СНК и ТурЦИК решительно определилась с дальнейшей тактикой в борьбе с басмачеством: «Никаких советских курбашей и советских басмаческих отрядов». Теперь речь на мирных переговорах с басмачами могла идти только о безоговорочной сдаче безо всяких условий[833]. Существенную роль в активизации сил Красной армии и местного населения на борьбу с басмачеством в Ферганской долине сыграло письмо ЦК РКП(б) от 11 января 1922 г. по национальному вопросу и решение Политбюро ЦК РКП(б) от 1 февраля 1922 г. о положении в Бухаре. Политбюро признало необходимым «объединение антибасмаческих фронтов на территории Бухары и Ферганы». Особое внимание обращалось «как на политическую работу среди мусульманского населения, так и на усиление

[830] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1480. Л. 1–2.
[831] Там же. Л. 2.
[832] Там же.
[833] Там же. Л. 3.

снабжения красноармейских частей»[834]. В результате совместных действий Красной армии и добровольческих формирований с февраля по 11 октября 1922 г. в Ферганской долине было разгромлено 119 банд (из 200), насчитывавших 4400 басмачей. Только в декабре 1922 г. были убиты, ранены и захвачены в плен 511 человек, добровольно сдались Красной армии 127 человек[835].

В ходе борьбы с басмачеством в 1922–1924 гг. командование Туркфронта выпустило целый ряд указаний и рекомендаций, которые, с одной стороны, учитывали региональные особенности движения, а, с другой — делали акцент на разнообразие форм этой борьбы. Важно то, что во всех эти документах красной нитью проходило требование усилить политическую работу. Именно она должна была охватить все основы, на которых базируется басмачество.

Положительное влияние на успехи в борьбе с басмачеством сыграло и изменение политики советского руководства. Переход к нэпу смягчил недовольство дехкан. Еще больше ослабили басмаческое движение определенные уступки некоторым религиозным традициям мусульман. Начала давать свои результаты политика активного включения в партийные органы, системы управления национальных кадров и привлечение к общественной жизни коренного населения региона.

К апрелю 1921 г. большинство крупных отрядов басмачей было разгромлено. Осенью 1921 г. Куршермат эмигрировал в Афганистан, передав командование Муэтдин-беку. В целом, военные успехи Красной армии и всесторонняя системная политическая работа партийных и советских органов позволили переломить ситуацию и в первой половине 1924 г. преодолеть остроту кризиса первого этапа борьбы с басмачеством в Ферганской долине.

29 августа — 2 сентября 1920 г. части Красной армии под командованием М.В. Фрунзе разгромили войска бухарского эмира и заняли Бухару. Крушение Бухарского эмирата и создание Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) вызвало новую волну активизации басмаческого движения, которое охватило в основном территорию Восточной Бухары. Во многом это было связано с откровенными актами грабежей, убийств мирного населения и вандализмом, проявленными в ходе операции бойцами и командирами Красной армии. Во главе отрядов басмачей, действовавших на территории бывшего эмирата, встал чиновник бухарского эмира Ибрагим-бек. В начале сентября 1921 г. действовавшие в Восточной Бухаре курбаши провели курултай, на котором провозгласили руководителем всех своих отрядов Ибрагим-бека[836].

---

[834] Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. С. 100.

[835] Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.А. Басмачество: правда истории и вымыслы фальсификаторов. М., 1986. С. 102.

[836] Ганковский Ю. Энвер-паша среди басмачей. С. 59.

Ибрагим-беку, человеку сравнительно малограмотному, но отличавшемуся безусловным талантом организатора и военачальника, удалось в борьбе против частей Красной армии одержать ряд побед. Несмотря на неоднократные попытки, Ибрагим-бек не смог захватить Душанбе, но удерживал под своим контролем такие крупные центры, как Гарм, Куляб, Файзабад, Гиссар, Курган-Тюбе. Активное содействие отрядам Ибрагим-бека оружием, деньгами, а в некоторых случаях и прямой военной поддержкой оказывали бывший бухарский эмир Сейид Алим-хан, представители Великобритании в Афганистане, а также сами афганские правящие круги. В 1921 г. этот курбаши контролировал большую часть территории Восточной Бухары. По некоторым данным, это явилось результатом его договоров с председателем ЦИКа Советов Бухарской Республики У. Ходжаевым, который позже перешел на сторону басмачей.

С конца 1921 г. значительную роль в басмаческом движении на территории БНСР стал играть бывший крупный государственный и военный деятель Турции Исмаил Энвер, более известный в истории басмаческого движения как Исмал Энвер-паша[837]. Энвер-паша, довольно тесно сотрудничавший в 1920–1921 гг. с большевиками, был направлен в Бухару в качестве представителя советского правительства по его собственной просьбе. Но вскоре после прибытия он под предлогом выезда на охоту покинул город и «…в сопровождении отряда из 90 всадников, среди которых было шесть турецких офицеров», прибыл в кишлак Караманцы в Гиссаре, где находился один из басмаческих отрядов Ибрагим-бека[838]. Несмотря на неприязнь и трения, которые возникли между руководителями басмачей и бывшим турецким лидером (курбаши относились к Энвер-паше с большим недоверием, и некоторое время он находился даже под арестом у Ибрагим-бека), последнему вскоре удалось занять место руководителя движения. Во многом это произошло благодаря прямой поддержке со стороны бывшего эмира Бухары. Сеид

[837] Исмаил Энвер (Исмаил Энвер-паша) был видным деятелем младотурецкого движения, главой триумвирата, захватившего власть в результате военного переворота и управлявшего Турцией накануне и в годы Первой мировой войны. После капитуляции Турции вместе с другими членами триумвирата (Талаат-пашой и Джемаль-пашой) бежал на германском теплоходе в Германию. В начале 1920 г. Энвер-паша прибыл со своими сподвижниками-пантюркистами в Москву и около полутора лет достаточно тесно сотрудничал с большевистским руководством, работая в Обществе единства революции с исламом. Советские власти в середине 1921 г. отправили Энвер-пашу в Бухару, где он должен был представлять интересы Советской России в переговорах с членами правительства БНСР, так как он сам предложил себя в качестве советника Красной армии по формированию национальных частей в ее составе и взаимодействию с басмачами против эмира. Однако после консультаций с местными властями Бухары и с правительством БНСР он написал в Москву письмо с требованиями уважения независимости БНСР и вывода войск Красной армии с территории Бухары. Двумя неделями позже Энвер-паша покинул Бухару и сдался басмачам.

[838] Ганковский Ю. Энвер-паша среди басмачей. С. 60.

Алим-хан в своих письмах требовал, чтобы Ибрагим-бек и его соратники подчинялись Энвер-паше, которого он назначил главнокомандующим[839].

Энвер-паша планировал утвердиться не только в Восточной Бухаре, но, используя ее как базу, распространить затем свою власть на территорию Западной Бухары, а далее на весь Туркестан. Он выдвинул лозунг объединения всех народов, исповедующих ислам, в единое мусульманское государство, и под этим лозунгом смог объединить разрозненные силы в армию численностью около 16 тысяч человек.

16 февраля 1922 г. Энвер-паша захватил Душанбе. Это произошло благодаря тому, что на его сторону перешел начальник милиции города, бывший турецкий офицер Данияр-бек. Впечатленный этим успехом военный министр Афганистана Мухммад Надир-хан послала на помощь Энвер-паше 500 афганских солдат и партию оружия. Следом из Афганистана прибыл еще один отряд солдат численностью в 300 человек, который был направлен хакимом (губернатором) Ханабада[840]. Благодаря поддержке живой силой и оружием Энвер-паша смог за короткое время захватить Карши, и в начале марта 1922 г. его отряды подошли к Бухаре. В этот период на его сторону перешли военный назир (министр) Бухарской Республики Абдулхай Арифов и его заместитель, бывший турецкий офицер Талаат-заде. Возникла реальная опасность ликвидации басмачами советской власти в Бухаре.

Учитывая это обстоятельство, правительство БНСР обратилось за помощью к Реввоенсовету Туркестанского фронта. Руководство советского Туркестана направило на помощь Бухаре части Красной армии, которые уже к середине марта отбросили отряды басмачей за линию Гиджуван –Керамине. 20 апреля 1922 г. на территории Туркестана было введено военное положение и образована Бухарская группа войск. В июне-июле 1922 г. части Красной армии в ходе ряда сражений нанесли басмачам крупные поражения, и Ибрагим-бек вынужден был с остатками своих отрядов уйти в горы. Попытка Энвер-паши обратиться к мусульманам Туркестана с призывом начать всеобщее восстание закончилась провалом. 16 июля части Красной армии взяли Душанбе, а 4 августа Энвер-паша был убит в бою при попытке уйти в Афганистан. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что наивысший подъем басмаческого движения на территории бывшего Бухарского эмирата пришелся на период, когда во главе этого движения стоял Энвер-паша.

В это же время была ликвидирована большая часть отрядов басмачей и в Самарканде. В справке разведывательной части Туркфронта по этому поводу сообщается, что «поражение Энвера в Бухаре и значительное осла-

[839] Цит. по: Ганковский Ю. Энвер-паша среди басмачей. С. 60.
[840] Там же. С. 60.

бление ферганского басмачества в течение 1922 г., немедленно отозвалось и на состоянии самаркандских басмачей, среди которых началось разложение, повлекшее за собой ряд сдач. Операции текущего года свели на нет почти все организованное басмачест-во области»[841].

Дольше всего в период наивысшего подъема басмаческого движения (1918–1924 гг.) удалось продержаться отрядам басмачей под руководством Джунаид-хана (настоящее имя Мухаммед-Курбан Сердар) в Хорезме. Бывший судья, ставший главарем шайки бандитов, грабивших купеческие караваны, а затем фактическим главой Хивинского ханства, ведший вооруженную борьбу с советской властью в Туркестане с 1918 г., к концу 1920 г. Джунаид-хан оказался в роли курбаши крупного басмаческого отряда. В борьбе с советской властью ему, как и большинству других курбаши, оказывали поддержку колчаковцы и англичане. Кроме того, вместе с его частями боевые действия вели отряды уральских казаков и каракалпаков. Джунаид-хан сумел заручиться поддержкой исламского духовенства, а численность его отрядов достигала 9–10 тысяч человек. Однако уже в конце февраля 1920 г. руководители казачества и авторитеты каракалпаков подписали с советским командованием в укреплении Нукус мирный договор. По этому договору советское правительство объявляло: «Всем казакам, каракалпакам, киргизам и всем иным сражающимся на Чимбайском фронте против советской власти… полную амнистию» и соглашалось с тем, что они «в своих областях управляются по своим обычаям»[842].

Силы Джунаид-хана были значительно ослаблены. Встав во главе вспыхнувшего в конце 1923 г. в Хиве восстания, курбаши на какое-то время вернул себе влияние. В январе 1924 г. его отряды даже осадили Хиву и Ново-Ургенч. Но уже два месяца спустя под ударами Красной армии Джунаид-хан вынужден был отступить за пределы Хивинского оазиса, а в конце года отошел в глубинные районы Туркменской области. В начале 1925 г. Джунаид-хан на некоторое время ушел за границу. На этом наиболее активная фаза басмаческого движения в Хорезме также завершилась.

Спад в 1924 г. активности басмаческого движения на территории советского Туркестана не означал окончательной победы над ним. Это достаточно хорошо понимали как партийные и советские руководители республики, так и командование дислоцированных здесь частей Красной армии. Решение проблемы басмачества прежде всего требовало разрешения целого комплекса политических и социально-экономических проблем, большую часть которых только начали осознавать. В наиболее обобщенном виде эти проблемы были названы в статье ответственного секретаря ЦК КП(б) Туркестана

[841] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1480. Л. 5.
[842] РГВА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–5 об.

И. Сольца «К борьбе с басмачеством». Он, в частности, указывал на необходимость борьбы с мародерством и активизации политработы в Красной армии, «широкой организации вокруг выборов в Советы и перехода от Ревкомов к Исполкомам». Обращал внимание на то, что надо осуществить «в ударном порядке» земельную реформу, перевести продовольственную разверстку на классовые рельсы, «осуществить хозяйственную помощь беднейшему дехканству», восстановить хлопководство. И. Сольц считал необходимым доказать бедняку, что только «советская власть, есть власть самих рабочих и дехкан[843].

Однако, судя по тому, что до конца 1920-х гг. советской власти не удалось окончательно покончить с движением басмачей, в том числе и в районах Бухары и Ферганы, опыт и уроки борьбы с этим явлением не были до конца усвоены молодой советской властью.

Таким образом, басмаческое движение, охватившее в 1920-х гг. весь среднеазиатский регион, было в социально-экономическом и общественно-политическом отношении явлением сложным и многофакторным. Новая волна активного общественного и научного интереса, возникшая к басмачеству в условиях создания после распада СССР самостоятельных государств в Центральной Азии и подъема национального самосознания коренных народов региона, во многом разрушила казалось бы устойчивые взгляды на это явление. С. Абашин отмечает, что в историографии ряда бывших советских среднеазиатских республик, в частности Узбекистана, оценка басмачества «сместилась в сторону антиимперской и антисоветской критики»[844]. Примером такой критики является, например, докторская диссертация узбекского исследователя К.К. Раджапова. Он полагает, что повстанческое движение началось с восстания 1916 г., которое переросло затем в более или менее организованное сопротивление большевизму, *продолжившему колониальную политику царского правительства*[845]. Представляется, что наряду с искусственной «притянутостью» событий 1916 г. к движению басмачества, тезис К.К Раджапова о продолжении большевиками царской политики колониализма в Туркестане при всей его неоднозначности может быть, тем не менее, принят. По крайней мере в его отдельных проявлениях. Надо полагать, что сложные этнополитические процессы, развернувшиеся в процессе советизации Туркестана, также были одним из проявлений своеобразного «большевистского неоколониализма». Примером практической реализации такого «неоколониализма» явилась деятельность самих партийных и советских

[843] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 101.

[844] Абашин С. Национализмы в Средней Азии. С. 174.

[845] Раджапов К.К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918–1924 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ташкент, 2005.

органов, а также силовых структур новой власти, представленных прежде всего частями Красной армии в центре и на местах.

В этом же контексте следует рассматривать серьезные противоречия национальной политики большевиков в Туркестане. Их отказ в первый период нахождения у власти от активного включения в политическую жизнь и систему государственно-административного управления представителей коренного населения, а затем запоздалые и часто неудачные попытки исправить эту ошибку, предопределили появление целого ряда сложных политических и социально-экономических проблем, решение которые затянулось на долгие годы. По сути, попытки большевиков решить в этот период национальный вопрос являлись не решением проблем населения Туркестана, а поиском вариантов, обеспечивавших им сохранение власти. Очевидным и наиболее радикальным проявлением несогласия коренного населения региона с такой политикой, наряду с иными факторами, стало движение басмачества, проявившееся в форме массового протестного вооруженного сопротивления новой власти.

Глава 5
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1922–1924 гг.)

5.1. XII съезд РКП(б) и принципы национально-государственного строительства в Центральной Азии. Национально-территориальное размежевание

XII съезд РКП(б) 1923 г. окончательно закрепил уже сложившиеся к этому времени направления национальной политики: создание национальных территорий, поддержка национальных языков, культуры, элит. Наличие национальной территории рассматривалось большевиками как необходимое условие реализации права нации на самоопределение в форме суверенитета или автономии. Этого положения Ленин и Сталин придерживались еще до прихода партии к власти, выступая против ассимиляции как формы решения национального вопроса и экстерриториальной культурной автономии. Ключевым теоретическим положением, определявшим национальную политику большевиков в 1920-е гг., являлся тезис о том, что национализм угнетенных наций имеет под собой исторические основания, является следствием колониальной политики великодержавной нации. Предоставление советской властью определенных форм государственности угнетенным народам бывшей Российской империи, по замыслу Ленина, должно было привести в перспективе к утрате исторической актуальности национализма, к расколу «надклассового альянса» национальной буржуазии и пролетариата, созданию условий для пролетарского интернационализма. На практике, преобразовав в 1918 г. Российскую Советскую Республику в федеративную и взяв курс на создание в национальных районах автономных советских республик, большевики добились стратегических преимуществ в борьбе с Белым движением, смогли привлечь на свою сторону часть национальных политических элит. С этого времени национальная территория как «форма» стала рассматриваться руководством партии как действенный политический механизм решения задач укрепления советской власти и государственного строительства.

Политические мотивы играли не последнюю роль и в проведении нового этапа национально-территориального размежевания Центральной Азии в 1924 г. Напомним, что к этому времени в регионе уже были созданы две советские автономные республики в составе РСФСР: Туркестанская (1918 г.) и Киргизская (1920 г.). Пространственно республики совпадали с границами Туркестана и Степного края как административных единиц Российской

империи, но, что более значимо для анализа национального вопроса в регионе, соответствовали национальным политическим проектам (Алаш-Орда и Туркестанская автономия), выдвинутым местной интеллигенцией после Февральской революции. Киргизская АССР как советская вариация Алаш-Орды, в отличие от Туркестанской АССР, создавалась на более выраженной этнической основе, где самоопределяющимся народом выступали киргизы (казахи). Это отвечало принципам национального строительства большевиков, и в последующем вопрос о целесообразности существования такой национальной единицы не стоял в повестке дня национальной политики.

Сложнее была ситуация с Туркреспубликой. На наш взгляд, сохранение в системе национальных советских автономий самого пространства и названия «Туркестан» создавало почву для воспроизводства в новых политических условиях местного варианта пантюркизма не только противниками советской власти, но и, как мы ранее отмечали, «туземными» коммунистами, выдвинувшими проект создания Тюркской Советской Республики как новую вариацию идеи «Большого Туркестана». В 1920 г. в противовес коммунистическому пантюркизму с подачи Турккомиссии возник план раздела Туркреспублики на три национальные части, в интерпретации Ленина «на Узбекию, Киргизию и Туркмению»[846]. Тогда от этого плана отказались как от преждевременного, но представление о республике как многонациональной по типу утвердилось.

Идея создания республики тюркских народов России имела сторонников во всех национальных отделениях РКП(б) тюрко-мусульманских регионов, являлась составляющей распространенных среди тюркоязычных коммунистов представлений о приоритете задач национальной революции над социалистической. Эта ситуация не могла не беспокоить руководство РКП(б), особенно в свете роста организованности под пантюркистскими лозунгами басмаческого движения. С осени 1920 г. основным центром басмаческого движения становится Бухара, во главе его находятся видные сторонники пантюркистского проекта, бывший глава ревкома Башкирии А.З. Валидов и военный министр бывшего младотурецкого правительства Энвер-паша. Последний стал главнокомандующим всеми повстанческими силами басмачей, а Валидов создал Национальный союз Туркестана с целью вести борьбу под знаменем «тюркского единства». По воспоминаниям Валидова, он поддерживал контакты со всеми видными «туземными коммунистами» Центральной Азии: Т. Рыскуловым, Ф. Ходжаевым, А. Букейхановым и другими[847]. В то же время пришедшие к власти в БНСР младобухарцы в своей

[846] Ленин В.И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Полное собрание сочинений Т. 41. С. 436.

[847] Цит. по: Абашин С. Национализмы в Средней Азии. С. 185.

политике стали демонстрировать тюркские ориентации: произошел перевод делопроизводста с фарси (таджикского) на тюркский язык, всячески поощрялось изучение тюркского языка. В Бухаре стал формироваться новый центр лоббирования пантюркизма[848].

Пантюркизм стал восприниматься большевиками в качестве серьезной оппозиционной силы их власти в Туркестане, а соответствующие национальные уклоны в партии классифицировались как «подрывная деятельность»[849]. В этой связи размежевание Туркестанской АССР, Бухары и Хивы по этническому принципу рассматривалось руководством большевистской партии как способ ослабить пантюркистские настроения, расколоть местную элиту по этническому принципу, тем более, что для этого были определенные объективные основания.

Действительно, внимание большевиков к проблеме национальных границ и территорий в регионе подпитывалось инициативами «снизу». Представление большевиков о том, что каждая национальность должна иметь свое национально-территориальное образование, и процесс создания таких территорий способствовали мобилизации этнического самосознания, с одной стороны, и этнических конфликтов — с другой. Связав этничность с возможностью контроля над административной территорией, советская политика чрезвычайно политизировала этничность[850]. В этой связи каждая национальная группа на почве этнической идентичности боролась за то, чтобы оставаться большинством на выделенной национальной территории, а, следовательно, иметь более благоприятные условия для доступа к земле, воде, политическому управлению[851]. В дореволюционный период в Туркестане этническая идентичность не выступала в числе приоритетных, в имперской системе она не была значимой, не давала коренному населению каких-либо преференций. Как представляется, основные социальные конфликты в среде коренного населения шли по линии оседлое, земледельческое — кочевое население, или, употребляя современные национальные категории, между узбеками и туркменами, узбеками и киргизами.

---

[848] Цит. по: Абашин С. Национализмы в Средней Азии. С. 184.

[849] Задаче борьбы с тюркским национальным уклоном в партии было посвящено IV секретное совещание ЦК РКП(б) по национальному вопросу в июне 1923 г., куда были приглашены ответственные работники всех национальных республик СССР. Центральным вопросом совещания стало рассмотрение «дела» Султан-Галиева, обвиненного в антисоветской деятельности, связях с Валидовым и попытках создать альтернативный «Пантюркистский восточный интернационал». Обсуждение и осуждение деятельности Султан-Галиева, занимавшего высокий пост в Наркомнаце, должно было, по замыслу Сталина, носить показательный для руководителей национальных республик характер. См. подробнее: Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923 г. М., 1992.

[850] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. С. 83.

[851] Там же. С. 105.

Национальная политика большевиков создала возможности для отдельных групп коренного населения улучшить свое социальное положение и статус путем мобилизации этничности, обоснования особенностей своей культуры и быта. В Туркестанской АССР с инициативой создания отдельных национальных районов в составе республики выступили туркмены в 1921 г., в меньшей степени, чем оседлые узбеки, представленные в советских органах власти. Транскаспийский съезд Советов в начале 1921 г. выдвинул петицию с требованием, преобразования Закаспийской области (западной части Туркестана) в «Туркменскую область», которая была удовлетворена[852]. Эта инициатива, по сути, положила начало национально-территориальному размежеванию Туркестана по этническому принципу.

В 1922 г. представители киргизской интеллигенции во главе с А. Сыдыковым предприняли усилия по созданию автономного Кара-Киргизского района, в состав которого по решению ТуркЦИКа было выделено несколько горных районов Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. Толчком для перехода национальной киргизской элиты к решительным действиям стали: разрозненное проживание киргизов, которые, входя в состав Семиреченской, Ферганской, Сыр-Дарьинской областей, везде составляли национальное меньшинство в окружении других национальностей; вытекающее из этого недостаточное внимание центральной власти к их экономическим и политическим интересам[853].

На XII съезде Советов Туркестанской АССР в 1922 г. делегации от киргызских уездов выдвинули требование признать кара-киргизов в качестве самостоятельной нации наряду с другими народами: узбеками, туркменами, киргизами (казахами). Логика национальной политики большевиков заключалась в том, что игнорирование национальных требований в тех формах, которые партия одобряла, может привести к обратному для целей партии результату — росту национализма. В результате, когда началось обсуждение планов национально-территориального размежевания Центральной Азии, создание национальной государственности для киргизов в форме автономии присутствовало в них в качестве одного их пунктов.

К началу 1924 г. Центр пришел к выводу о необходимости проведения нового национального «передела» в регионе, в основу которого была положена реанимированная ленинская схема. Только теперь процесс размежевания был распространен на Бухарскую и Хивинскую народные советские республики, территорию которых центральные власти стремились интегрировать

---

[852] Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. № 14. P. 232.

[853] Койчиев А. Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). Бишкек, 2001. С. 28.

в советское союзное пространство. На месте руководство процессом национально-территориального размежевания осуществляло Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б). В феврале-марте 1924 г. планы размежевания обсуждались местными партийными органами Туркестана, Бухары и Хивы, признавшими, что «вопрос о разделении территории Советской Средней Азии на ряд республик по национальному признаку вполне назрел и постановка его вполне своевременна»[854]. В основе своей схема создания на территории Туркреспублики, Бухары и Хорезма Узбекской и Туркменской советских республик с передачей части земель, населенных киргизами (казахами), уже существующей Киргизской АССР, нашла поддержку со стороны национальной советской элиты.

Центральным в процессе национального размежевания и новым с точки зрения национального дискурса региональной политической элиты стал проект создания Узбекистана. Принципы национальной политики большевиков вполне закономерно основывались на категориях и подходах, сложившихся в европейской (западной) науке и политической практике, и автоматически переносились на восточные регионы. Логика создания национальных государств в Центральной Азии требовала наличия наций в присущем большевикам этническом понимании этого сообщества. С позиции Центра «Киргизский» и «Туркменский» проекты в этом отношении, хотя и с некоторой долей условности, можно было считать результатом самоопределения «нации». Казахи и туркмены как минимум составляли этническое большинство на тех территориях, которые должны были отойти в состав их национальных республик. Кроме того, национальные автономии этих народов, правда, разные по статусам, уже существовали в составе РСФСР, что придавало процессу национального строительства историческую подготовленность.

Создание Узбекистана как национального государства и узбекской нации представляет собой пример политически конструируемого центральными властями национального строительства, хотя, конечно, большевики учитывали местный дискурс по этому вопросу. С. Абашин отмечает, что Узбекский проект стал результатом компромисса между большевиками и местной элитой, джадидами, был своего рода «Малым Туркестаном»[855]. Пантюркизм, на наш взгляд, был единственным идеологическим основанием, способным объединить национальные элиты Бухары, Хорезма и Туркестана, разделенные политическими границами, подвигнуть их на то, чтобы отказаться от части политических преимуществ, которыми они пользовались в своих республиках. Для бывших джадидов Узбекистан представлял собой возможность

[854] Выписка из протокола Пленума ЦК КПБ от 25 февраля 1924 г. // РГАСПИ Ф. 62. Оп. 2. Д. 87. Л. 80.

[855] Абашин С. Национализмы в Средней Азии. С. 186.

реализовать проект, близкий к «Тюркской республике», что обеспечило ему поддержку местной элиты, большевикам же, в свою очередь, было важно решить задачу ухода общетюркских мотивов на второй план[856]. Возникавшие в ходе обсуждения предложения создания единого политического объединения в Средней Азии[857] по типу Закавказской федерации были близки пантюркистскому проекту[858], что делало их неприемлемыми для центральных властей.

Результатом политического компромисса стал выбор узбеков в качестве титульной национальности будущего национального государства. Согласно итогам переписи 1897 г. и данным текущей статистики областных статистических комитетов за 90-е гг. XIX — начало XX в. не меньшую по численности группу коренного населения Туркестана составляли сарты, близкая узбекам по языку и культуре группа. Так, по данным текущей статистики, в Ферганской области 2/3 населения составляли сарты, затем шли в порядке убывания киргизы, кара-киргизы, таджики, узбеки[859]. В Самаркандской области соотношение сартов и узбеков было обратным. Показательно, что в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», составленном Лениным, среди народов Туркестана упоминаются только сарты и киргизы[860]. На I съезде Коммунистической партии Туркестана язык сартов был объявлен государственным наряду с русским[861]. Однако уже в 1920 г. при подготовке Турккомиссией новой редакции Конституции Туркреспублики узбеки, а не сарты, стали позиционироваться, наряду с киргизами и туркменами, в качестве основной народности автономного Туркестана.

Как мы уже отмечали ранее, вопрос об этнической природе сартов в их отношении к узбекам еще до революции являлся предметом не только академической, но и общественно-политической дискуссии

---

[856] Абашин С. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX – начале XXI в.) : дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. С. 208.

[857] Понятие «Средняя Азия», сейчас уже историческое, применялось в имперский и советский периоды для обозначения территорий Туркестана, Хивы и Бухары, включенных в процесс национального размежевания. Так как этот термин термин нашел отражение в названиях органов, мы будем его употреблять применительно к данным территориям. В остальных случаях мы будет использовать современное название региона Центральная Азия, включающего Киргизию в Казахстан.

[858] Ташенов К.Т. Национально-государственное размежевание в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1960. С. 25.

[859] Абашин С. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии... С. 150.

[860] Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (Обращение Совета Народных Комиссаров) [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/ (дата обращения: 10.08.2017).

[861] Койчиев А. Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). С. 31.

и даже политического манипулирования. Для пантюркистски ориентированной джадидской интеллигенции в этом споре более предпочтительным в качестве общего названия являлся этноним «узбек», имеющий в отличие от «сарт» чисто тюркские корни. Можно предположить, что члены Туркко-миссии в 1920 г. в рамках курса на привлечение к сотрудничеству с советской властью местного коренного населения решили учесть позицию местной интеллигенции по этому вопросу, решая, в свою очередь, задачу противодействия пантюркистским настроениям в ее среде.

Национально-территориальное размежевание 1924 г. вновь актуализировало вопрос о сартах и вообще о национальном составе населения территорий планируемой Узбекской республики. С позиции упрощения процесса территориального размежевания и последующего административного и хозяйственного управления республикой, центральной власти было удобно объединить полиэтничное, согласно научным данным, и живущее чересполосно население Средней Азии в одну национальную общность под общим названием. Так как ядром создаваемой Узбекской республики выступала территория Бухары, где название «сарт», в отличие от Ферганы, не было столь распространено и исторически имело здесь негативную коннотацию, политический выбор был сделан в пользу термина «узбек» как основы названия государства. Выбор облегчался неопределенностью самосознания местного населения. В ответ на политический заказ власти научное сообщество, в частности Комиссия по изучению родового состава населения России[862], подвела обоснование под процесс объединения сартов с узбеками. Этнограф И.И. Зарубин, член Комиссии, привел следующие доводы в пользу возможности этого объединения: «Ныне наблюдается стремление к полному устранению этого обозначения (сарт. — *авт.*) как термина национального с заменой его в соответствующих случаях словом «узбек», объединяя таким образом совершенно отуреченных иранцев в общеузбецкой массе. Едва ли могут быть существенные возражения против такого расширенного понимания узбецкой народности, раз оно желательно в целях национально-культурного объединения…»[863]. Ему же принадлежит часто цитируемое высказывание «Узбецкая народность образовалась на глазах истории»[864].

В ходе переписи 1926 г. было дано указание записывать сартов как узбеков. На наш взгляд, ученый в своих рассуждениях употреблял слово «народность» в значении «нация», в современном понимании этого феномена

[862] Комиссия была создана в 1917 г., в течение 1918–1919 гг. проводила сбор материалов в Средней Азии. В обязанности комиссии входило оказывать помощь государственным органам в проведении размежевания в регионе, она же готовила список народностей к Всесоюзной переписи 1926 г.

[863] Зарубин И.И. Население Самаркандской области. Л., 1926. С. 20.

[864] Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С. 14.

как гражданского, политического сообщества, так как не мог отрицать существование узбеков как этической группы. Зарубин хотел подчеркнуть, что складывание узбекской нации во многом являлось результатом политического выбора советской центральной и «туземной» политической элиты в конкретный исторический момент. Официальная перезапись сартов узбеками была проведена во время переписи 1926 г., после которой название «сарт» окончательно было выведено из списка национальностей Советского Союза.

О том, что узбекский национализм как общерегиональное явление не сложился на момент национального размежевания, свидетельствует неожиданная для Средазбюро инициатива руководства коммунистической партии Хорезма об отказе от национального размежевания и сохранении Хорезма на федеративных началах с включением в него Амударьинской области ТуркАССР[865], исторически входившей в состав Хивинского ханства. И это при том, что узбекско-сартское население республики составляло 79%[866]. План «Большого Хорезма» мотивировался тем, что он является сложившимся экономическим районом с отдельной системой орошения. Интересно, что в тезисах о размежевании Файзуллы Ходжаева, принятых ЦК КПБ 25 февраля, также предлагалось оставить Хорезм самостоятельным по причине экономической удаленности от Бухары, а в составе Узбекской республики объединить только ТуркАССР и Бухару[867]. Москва первоначально пошла навстречу требованиям хорезмских коммунистов, но в итоге логика объединения родственных этносов в рамках одной национальной республики взяла вверх. В окончательном решении Хорезм был разделен между Туркменской и Узбекской республиками.

После одобрения ЦК РКП(б) в апреле 1924 г. плана размежевания Средазбюро создало Комиссию по национальному размежеванию для разработки схемы делимитации границ новых национальных республик к маю 1924 г. Она включала первоначально три подкомиссии: узбекскую, казахскую и туркменскую, позже были созданы таджикская и киргизская. Решая вопросы об отнесении тех или иных территорий Средней Азии к новым национально-государственным республикам, комиссии в своей работе должны были опираться на следующие принципы: национальный состав большинства населения рассматриваемой территории; единство территорий новых государственных образований, чтобы они не были чересполосными.

---

[865] Национально-государственное е размежевание народов Хорезма [Электронный ресурс]. URL: http://kungrad.com/history/sssr/hnsr/7/ (дата обращения: 14.08.2017).

[866] Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // Central Asian Survey. 1995. № 14. P. 234.

[867] Выписка из протокола Пленума ЦК КПБ от 25 февраля 1924 г. // РГАСПИ Ф. 62. Оп. 2. Д. 87. Л. 81.

Уже на этапе подготовки проекта делимитации границ разгорелись территориальные споры между местными национальными элитами. В большинстве случаев размежевание рассматривалось ими как возможность расширить территорию своей национальной республики за счет соседей[868], тем более, что полиэтничный состав населения создавал для этого условия. Так, например, территориальные амбиции казахской стороны распространялись не только на территории Сыр-Дарьинской, Джетысуйской (бывшая Семиреченская) областей, но и на Аму-Дарьинскую область, Ташкентский и Мирзачульский уезды, а также территории тех местностей Ферганы и Памира, где казахи и родственные им группы кара-киргизов, каракалпаков, кипчаков составляют большинство населения[869]. Подобные претензии не встретили понимания со стороны других участников процесса. В действительности основной спор между узбекской и казахской сторонами развернулся за Ташкент с прилегающей территорией. В самом Ташкенте преобладало узбекское население, а окружающие его сельские районы были преимущественно казахскими по составу, что дало основание поставить вопрос о его вхождении в состав КССР. Ташкент являлся крупным экономическим центром региона, и каждая из республик была заинтересована в нем. Полпред КССР в Туркреспублике еще в феврале 1924 г. отмечал важность подготовки кампании по присоединению Ташкента к КССР. Экономико-географической слабостью Кирреспублики являлось отсутствие большого количества крупных городов, расположенных в основном по периметру границ республики. Ташкент рассматривался как торговый центр северных областей Туркестана, которые планировалось передать Кирреспублике, а его утрата грозила бы разрывом экономических связей. Кроме того, Ташкент в культурном отношении позиционировался как «киргизский Самарканд», т.е. важнейший центр в области духовной культуры киргизов, проживающих в ТССР[870]. Казахским коммунистам в руководстве ТуркАССР удалось провести широкую агитационную кампанию, организовав длившиеся около месяца массовые демонстрации в поддержку своих требований о присоединении Ташкентского уезда к казахской автономии. Лишь после запрета Средазбюро ВКП(б) манифестации были прекращены[871].

Советское руководство, начиная со Среднеазиатского бюро и до центральных органов партии, вынуждено было выступать в качестве посредника и третейского судьи в этих спорах, искало компромиссные решения на местном уровне. Однако на практике два основных принципа размежевания до-

[868] Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation. P. 235.

[869] РГАСПИ Ф. 62. Оп. 2. Д. 87. Л. 37.

[870] Там же. Л. 37 об.

[871] Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). С. 213.

статочно сложно было выдержать. Так, район Ферганской долины отличался наиболее высокой степенью полиэтничности и чересполосности проживания населения, что создавало большие трудности для территориальных комиссий в процессе размежевания территории между Узбекской Советской Республикой и Каракиргизской автономной областью. Процесс усложняло наличие в составе населения региона, помимо узбеков (сартов) и киргизов, таких групп, как кыпчаки, кураминцы, тюрки, которые в силу своей малочисленности не могли претендовать на статусную автономию, но также пытались выразить свои национальные интересы. Выполнение заданных принципов размежевания привело к тому, что «по своей причудливости границы Узбекистана, Киргизии и позднее Таджикистана на их ферганском участке не имеют аналогов на карте современного мира»[872].

В действительности советское руководство при проведении делимитации границ руководствовалось не только национальным принципом (хотя он был приоритетный), но и экономической целесообразностью. Так, учет этих двух факторов в конечном итоге и определил территориальную принадлежность Ташкента, который Политбюро ЦК РКП своим решением от 11 октября 1924 г. предало Узбекской республике. Сам Ташкент отошел Узбекистану на основании национального принципа. А претензии казахской стороны на несколько волостей Ташкентского уезда были отклонены по экономическим соображениям, так как их передача Кирреспублике нарушила бы единство административного контроля и хозяйственного управления ирригационной системой, обеспечивающей водой Ташкент[873].

Такой алгоритм принятия решений по спорным территориям был довольно широко распространен. В качестве уступки требованиям казахской стороны в состав Кирреспублики был передан город Туркестан. Большевики понимали неравнозначность экономических потенциалов и уровня развития создаваемых национальных республик и старались в отдельных случаях нивелировать эту разницу. В основном это происходило путем закрепления за той или иной национальной единицей городских центров, способных выступить полюсом роста для сельской округи. Здесь в качестве примера можно привести передачу Кара-Киргизской АО города Ош в Ферганской долине, где преобладало узбекское население.

Параллельно с подготовкой делимитации границ Средазбюро запустило широкую агитационную кампанию в местной печати с целью пропаганды процесса национального размежевания среди населения. В течение июля-августа 1924 г. «Туркестанская правда» опубликовала многочисленные статьи

[872] Панарин С.А. Политическое развитие Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 106.

[873] Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation. P. 235.

и резолюции, направленные на привлечение внимания к поддержке проекта. Было организовано обсуждение проекта размежевания Советами и партийными органами всех уровней, начиная с волостного. Не имея перед собой такой цели, советская власть, инициировав публичное обсуждение национального строительства и кампанию в печати, которая поднимала вопросы политического образования, создания коренных кадров и сокращения периода развития национальных языков и литературы, способствовала росту этнического сознания населения, обеспечению общественной поддержки политических амбиций отдельных национальных элит. Национальное размежевание в Центральной Азии в очередной раз продемонстрировало закономерность, проявившуюся в ранее в других национальных регионах РСФСР, а именно: создание национальной территориальной единицы почти всегда приводило к появлению новых национальных меньшинств, требующих для себя автономии, и к возникновению конфликтов на этнической почве, когда разговор заходил о распределении должностей и ресурсов[874].

На этом этапе более активно в процесс национального размежевания включились малочисленные по отношению к определенным в качестве титульных национальностей народы. Так, был выдвинут каракалпакский национальный проект, который реализовался в форме создания автономной области в составе Кирреспублики. В состав Каракалпакской АО включили территории Амударьинской области ТуркАССР и часть Хорезма, где каракалпаки составляли не абсолютное, но большинство населения (38% по переписи 1926 г.). Таджики смогли добиться повышения статуса своей автономии с области до республики в составе Узбекской ССР и расширения территории за счет включения городов Пенджикент и Ура-Тюбе. На малочисленные народы региона, если они заявляли о своей национальной идентичности, и тех, кто оказался в результате размежевания оторванным от своей титульной республики, большевики распространили уже применявшуюся в других регионах практику создания национальных Советов. Таким образом, национальные границы были прочерчены, по сути, до локального уровня.

Отдельного внимания заслуживает Таджикский национальный проект, впервые возникший в связи с обсуждением Узбекского. Таджикистан, прошедший за 5 лет, с 1924 по 1929 г., путь от автономной области в горных районах Восточной Бухары до союзной республики, стал результатом умелого использования таджикской политической элитой, отчасти в недавнем прошлом являющейся узбекской, политической конъюнктуры и грамотно выстроенной кампании по обоснованию глубоких исторических корней таджикского народа. Инициатива повышения статуса таджикской автономии с области до республики принадлежала члену Президиума ТуркЦИКа

[874] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. С. 105.

Абдурахиму Ходжибаеву. В «Тезисах по вопросу о положении таджиков» он выступил против восприятия таджиков как национального меньшинства, не сыгравшего значимой роли в истории региона, а затушевывание глубоких исторических корней и богатой культуры таджикского народа связал с деятельностью пантюркистов[875]. Таким образом, Ходжибаев сформулировал основные положения «самостоятельного таджикского проекта» — противостояние пантюркизму, что соответствовало тому настрою, с которым Москва проводила национальное размежевание[876]. Уже после национального размежевания руководство Таджикской АССР, продолжая играть на опасениях Москвы по поводу пантюркизма, выдвинуло план «Большого Таджикистана», включавший часть Ферганской долины (Ходжентский округ), Самарканд и Бухару. В полной мере этот план не был реализован, однако в результате организованной петиционной кампании по поводу притеснений таджиков узбеками, личных встреч руководителей республики со Сталиным и другими советскими лидерами удалось добиться присоединения к ТАССР Ходжентского округа и повышения статуса республики до союзной в 1929 г.

11 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло окончательное решение о национальном размежевании в Центральной Азии. 27 октября 1924 г. II сессия ЦИК СССР удовлетворила ходатайства Туркестанского ЦИК, V Всехорезмского и V Всебухарского курултаев, Советов о национальном размежевании и образовании новых советских социалистических республик и областей. Узбекская и Туркменская республики, включившиеся в себя территории независимых Бухарской и Хивинской республик, сразу получили статус союзных республик в составе СССР. Киргизская республика пока сохраняла статус автономной для выяснения опыта ее функционирования в новых границах с возможным последующим преобразованием в союзную[877].

Изменение границ и статуса таджикской автономии уже после официального размежевания — случай наиболее показательный, но далеко не единственный. Территориальные споры после размежевания разгорелись с еще большей силой. Так, например, комиссия по районированию Каракиргизской АО в ноябре 1925 г. выразила несогласие почти по всей линии границы с Узбекской ССР[878]. Центр неоднократно после 1924 г. корректировал границы новых

---

[875] См. подробнее: Масов Р. История Топорного разделения. Душанбе, 1989. С. 53–60; Рахимов Н. История республики через призму человеческой судьбы : рец. на кн.: Султонов Ш.М. Абдурахим Ходжибаев и его время. Худжанд, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/istoriya-respubliki-cherez-prizmu-chelovecheskoy-sudby

[876] Абашин С. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии... С. 210.

[877] РГАСПИ Ф. 62. Оп. 2. Д. 80. Л. 23.

[878] Койчиев А. Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). С. 58.

республик. Как представляется, уступчивость и гибкость большевистского руководства в вопросе границ определялась тем, что они лишь формально имели статус государственных, а фактически являлись административно-территориальными, так как Советский Союз функционировал как унитарное государство. С другой стороны, большевики во второй половине 1920-х гг. продолжали следовать ленинскому принципу национальной политики: идти навстречу национальным требованиям, если они не представляют угрозы для советской власти, чтобы не поощрять рост национализма.

Вместе с тем увеличились масштабы территориальных претензий центральноазиатских республик друг к другу после национального размежевания, и рецидив этого явления после распада СССР привел к складыванию в современной историографии стран Центральной Азии представления об искусственности, произвольности национальных границ, оценки процесса национального размежевания как нарушившего естественно-историческое развитие народов региона[879]. В то же время острота территориальных споров интерпретируется российским исследователем С.Ш. Казиевым, наоборот, как свидетельство того, что этнические границы между отдельными тюркскими народами не были искусственной конструкцией большевиков. Эти границы, по его мнению, формировались различиями в образе жизни и ведении хозяйства, интенсивности влияния соседних культур[880].

На наш взгляд, элементы конструирования и искусственности были присущи национальной политике большевиков в Центральной Азии, но они были вызваны низким уровнем национального, политического самосознания местного населения, только зарождающейся идеологией национализма, самым зрелым вариантом которой на тот период был казахский. Теория и практика национальной политики большевиков была одной из самых прогрессивных и передовых для своего времени, и, как ни парадоксально, они в немалой степени содействовали распространению национального государства как типа государственности в XX в. В этом отношении и процесс национального размежевания, и политика коренизации, о которой речь пойдет в следующих разделах, несли в себе большой модернизационный заряд для развития региона. Советская власть «перекодировала» все статусы, связи, привилегии и иерархии, создав новую систему социальных координат, в которой «национальность» стала играть одну из ключевых ролей[881].

Конечно, размежевание 1924 г. преследовало цель предотвращения роста пантюркистских настроений и возможности реализации на практике проекта

[879] Масов Р. История Топорного разделения…; Усубалиев Э. История национально-государственного размежевания Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: http://easttime.ru/reganalitic/1/27.html/.

[880] Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). С. 221.

[881] Абашин С. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии. С. 218.

тюркской республики, чего большевики и достигли. В этом случае можно допустить, что национальное размежевание прервало исторически зародившуюся в регионе тенденцию к консолидации сначала политической элиты, потом населения на основе тюркской идентичности. Однако мы отмечали ранее, что уже в период между Февральской и Октябрьской революциями наряду с тюркским политическим проектом стали активно формироваться среди мусульманского населения региональные национализмы. История становления национальных государств на Востоке показывает, что все проекты создания государств на основе идеологии с приставкой «пан» не были реализованы.

Так, нельзя сказать, что процесс национального размежевания носил произвольный, волюнтаристский характер со стороны центральной власти, поскольку все решения относительно плана национального строительства, делимитации границ принимались в диалоге с местной политической элитой, с учетом данных переписи населения и инициатив «снизу». Оставив спорный вопрос о соответствии проведенных границ национальному принципу, можно сказать, что, положив в основу создания национальных территорий этнический (лингвистический) принцип, большевики дали толчок росту этнического самосознания и зарождения в перспективе новых вариаций местных видов национализма.

5.2. Коренизация административного аппарата: динамика процесса и противоречия

Революция 1917 г. привнесла кардинальные изменения в жизнь российского общества, наполнили новым смыслом понятия «национальная политика» и «государственное строительство». Принятая в первые дни советской власти Декларация прав народов России (2 ноября 1917 г.) утвердила основные принципы политики советского государства: равенство всех народов и право наций на самоопределение, отмену национальных и национально-религиозных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств. Эти положения легли в основу процесса советизации бывших имперских национальных окраин. Согласимся с мнением известного казахстанского ученого, академика С. Зиманова, что «право нации на самоопределение, взятое Лениным из политического и демократического арсенала Запада и модернизированное им на большевистский лад применительно к условиям России, при всей ограниченности и деформации, явилось одним из важнейших факторов интернационализации и обеспечения «единства» общества и страны»[882], а установление советской власти в Степном крае, с ее реформами в области

[882] Зиманов С. Проблемы государственно-правовой науки и юридическое высшее образование в Казахстане. Алматы, 2009. С. 12.

экономики, культуры, здравоохранения, образования, а также учреждением органов власти и управления, правоохранительной и судебной системы, формированием права, можно воспринимать позитивно, «поскольку казахскому народу, долгие годы мечтавшему о самостоятельности, представилась реальная возможность создать свою национальную государственность»[883]. Аналогичную оценку можно дать и процессам советизации и коренизации аппарата управления, проходившим в Туркестане.

Проблема обеспечения органов власти всех ступеней представителями местных национальностей стала одной из важнейших задач, которая требовала решения в процессе становления советской власти в национальных окраинах. В первые годы советской власти по инициативе В.И. Ленина во всех национальных республиках и областях создавались курсы советского строительства по подготовке работников городских и сельских Советов, на которые принимались лица из трудящихся коренной национальности[884]. Основные положения о национальном равноправии и представительстве национальностей в органах власти были сформулированы в программе РКП(б), принятой VIII съездом, проходившем в марте 1919 г., в которой подчеркивалось, что в национальном вопросе РКП (б) руководствуется следующими положениями:

«1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение»[885].

Ленин неоднократно говорил в своих выступлениях о важности коренизации государственного аппарата. Так, в ходе работы IX съезда РКП(б) в марте-апреле 1920 г., рассматривая вопрос о создании Татарской республики, Ленин отмечал, что наряду с накоплением опыта чисто татарского управления, необходимо воспитывать государственно-политические татарские кадры. Данная практика стала проецироваться и на другие этнорегионы бывшей Российской империи, вошедшие в состав Советского государства.

---

[883] Кожахметов Г.З., Ботагарин Р.Б. Некоторые вопросы теории развития национальной государственности в трудах академика С.З. Зиманова // Вестник КарГУ. 2014. № 1. С. 51–60.

[884] Сафинов К.Б. Из истории представительства национальностей в государственном аппарате Казахской ССР // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1988. № 6. С. 80.

[885] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I: 1898–1925. М., 1953. С. 416.

Вопрос о коренизации госаппарата поднимался позднее и на X съезде РКП(б), проходившем 8–16 марта 1921 г. В подготовленных к съезду тезисах об очередных задачах партии в национальном вопросе, говорилось о необходимости активизировать процесс приобщения «невеликороссов» к достижениям советского государственного строительства. «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов, — писал в тезисах И.В. Сталин. — Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперёд центральную Россию, помочь им:

а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов;

б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения;

в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке»[886].

Стремление большевиков к захвату власти и укреплению своих позиций в этнорегионах привели к компромиссу между этническими элитами и большевистским руководством. Так, в основу административно-территориального устройства РСФСР был заложен национальный принцип. Конституция РСФСР 1918 г. закрепляла основы федерализма, предполагавшего выстраивание системы взаимодействия между всероссийскими органами отраслевого управления и органами автономных республик. В основу этих отношений легла идея о подразделении ведомств и наркоматов на три категории: общефедеральные наркоматы (иностранные дела и внешняя торговля, военные дела), наркоматы двойного подчинения (вопросы продовольствия, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, народного хозяйства, путей сообщения, почты и телеграфа), и чисто республиканские. В результате чего часть отраслей была отдана в прямое подчинение местным властям, и в первую очередь это относилось к Народному комиссариату земледелия, приступившему к решению острейшего для населения Туркестана «земельного вопроса»[887]. Автономные области обладали примерно теми же правами,

[886] Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 23–24.

[887] Дытынко Ф.В. Национально-государственное строительство в СССР в 1920–1930 гг. : автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2006.

что и губернии, но имели свои представительства в Москве и использовали язык коренной национальности в делопроизводстве.

Таким образом, национально-государственное строительство на федеральных началах и принципе национальных автономий большевики использовали как «раздачу национальной государственности», как мощное пропагандистское оружие в борьбе со своими политическими оппонентами и как средство советизации национальных окраин. В дальнейшем они были вынуждены продолжить политику уступок национальным элитам. Последовательно были удовлетворены притязания национальных элит на их исключительное положение в регионе с расширением своего представительства в местных органах власти (прежде всего в номенклатуре командных должностей). Начался процесс «конструирования» советско-партийного аппарата из числа прежней местной элиты, несмотря на их социальное происхождение, факты бывшего членства в других партиях или участия в движениях как социалистической, так и буржуазной ориентации[888].

Значительные сложности на пути строительства советской власти были встречены большевиками в Туркестане. Одним из актуальных вопросов в республике являлась проблема большевизации Советов Туркестана. Например, на созванном в январе 1918 г. IV Краевом (Туркестанском) съезде Советов большевики были в меньшинстве, так как из 263 его делегатов они занимали лишь 86 мест, в то время как 177 делегатов были левыми эсерами, к которым примыкали еще 70 беспартийных[889]. Крайком КПТ объединял коммунистов только из числа некоренных жителей Туркестана, мусульмане имели отдельные парторганизации, которые до 1919 г. фактически не контролировались Центром. Аппарат центральных и местных органов власти в Туркестане на 60–80% состоял из бывших чиновников имперской администрации. «Большую роль в ауле и кишлаке в восточных национальных республиках, — говорилось в одной из Записок Оргбюро ЦК РКП(б), — играет сохранившийся институт аминов, аксакалов, мирабов (водораспределителей). Обычно на этих должностях находятся лица из байской среды, они фактически заменяют низовой аппарат и своим авторитетом влияют на нашу совработу. Наши директивы на местах... проводятся через этих людей, обычно злоупотребляющих властью».

Важнейшим направлением политики Центра в 1918–1919 гг. было изменение позиции Ташкентского Совета народных депутатов (высшего исполнительного органа ТуркАССР), заключающейся в отказе от привлечения ко-

[888] Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2(87). С. 134.

[889] Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.

ренных жителей региона во властные структуры. Решение данной задачи стало возможным благодаря активной деятельности П.А. Кобозева. Именно ему удалось на V Краевом (Туркестанском) съезде Советов, состоявшемся в апреле 1918 г., добиться переизбрания высших органов власти в республике: 9 из 37 членов ТурЦИК, избранного в качестве высшего органа власти в крае, и 4 из 16 членов Совнаркома являлись представителями коренных народов. В течение лета многие из них получили ответственные должности в советских учреждениях и вошли в большевистскую партию, образовав тем самым новую национальную политическую элиту[890], которая, по мнению исследователей, была представлена двумя группами. К первой относились участники джадидского движения, которые весьма радикализировались благодаря революции 1917 г. и встреченной ими оппозиции внутри собственного мусульманского общества. Вторую группу составляли лидеры национальных интеллигенций, которые получили светское образование в имперский период в русско-туземных школах и вузах России, хорошо владели русским языком и были далеки от джадидов, однако при этом «страстно желали участвовать в реализации принципов национального самоопределения и культурной революции»[891].

Согласимся с мнением ряда исследователей, что реализация большевиками задачи коренизации партийно-государственного аппарата управления являлась важным шагом в будущих социалистических преобразованиях[892]. Политика коренизации была направлена на формирование такого состава национальных кадров партийного и советского аппаратов автономий, который являлся бы активным проводником и неукоснительным исполнителем политики партии в регионе. Тем самым в полной мере обеспечивалось бы централизованное руководство из Москвы, необходимое для эффективного функционирования советского государства. Параллельно с этим была поставлена задача изменить социальный состав органов власти автономий на представителей пролетарских и полупролетарских слоев местного населения, признанного в данной автономии «титульным». На практике решение данной задачи в Туркестанской АССР началось в конце 1918 г. с последовательного объединения Советов Туркестана: солдатских, рабочих, крестьянских, киргизских и общемусульманских. Форсированная интеграция форм советской власти в крае вела на практике к поглощению мусульманских Советов.

---

[890] Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления… С. 134.

[891] Халид А. Туркестан в 1917–1920 годах: борьба за власть на окраине России [Электронный ресурс]. URL: http://uchebana5.ru/cont/1279077.html

[892] Печенев В.А. Русский народ и судьбы государства российского // Российское государство и общество. XX век. М., 1999. С. 298–299.

Вопреки трудностям, которые принесли с собой Гражданская война и иностранная военная интервенция, процесс советизации кишлака в Туркестане распространялся все шире. По данным Е.А. Прилуцкого, с середины 1918 г. до середины 1919 г. состав большинства аульных, сельских и волостных органов Туркестанской АССР был ближе к национальному составу соответствующих административных единиц, в них в целом было больше представителей коренного населения. К деятельности же уездных исполкомов и облисполкомов местные трудящиеся привлекались незначительно, главным образом на должности заведующих отделами по национальным делам. В этих исполкомах они составляли менее 50%[893]. Кадры же советских работников коренных национальностей в республике в этот период фактически почти не готовились.

Для реализации политики коренизации советских и партийных органов управления и привлечения к работе в них местных трудящихся Туркестана в регионе по инициативе Москвы был создан ряд специальных институтов. Так, в марте 1919 г. в составе Коммунистической партии Туркестана было образовано Мусульманское бюро, перед которым ставилась задача пропаганды идей советской власти среди местного исламского населения и усиления влияния РКП(б). В октябре 1919 г. начала работу Комиссия ВЦИК по делам Туркестана (Турккомиссия). Именно она принимала активные меры по вовлечению в советские органы представителей коренного населения.

В начале 1919 г. в политике коренизации Советов Туркестана, как и в Степном крае, наметилась тенденция привлечения коренного населения в советские органы по принципу пропорционального представительства среди депутатов от рабочего класса и крестьянства. Данное решение ЦК РКП(б) было направлено ТурЦИК и Крайкому РКП(б) 10 июля 1919 г. Однако в Туркестанской АССР единства в понимании этой задачи не было. Ряд партийных работников полагали, что местные трудовые слои не готовы к государственному управлению. Другая группа настаивала на немедленном выполнении директивы ЦК РКП(б) о привлечении «мусульманского пролетариата» к советскому строительству. IV съезд Коммунистической партии Туркестана и VIII Краевой съезд Советов (сентябрь 1919 г.) высказались в поддержку осуществления пропорционального представительства трудящихся коренных национальностей, отвергнув крайние подходы.

С приездом в республику Турккомиссии начался новый этап борьбы за коренизацию Советов. После избрания Т. Рыскулова в январе 1920 г. предсе-

[893] Прилуцкий Е.А. Национально-государственное строительство в Советском Туркестане в 1918–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1991.

дателем ТуркЦИК он стал принимать активные меры по вовлечению в советские органы представителей коренного населения[894]. Однако серьезным препятствием на пути широкого вовлечения местных трудящихся масс в советское строительство оставалась нехватка национальных кадров. Там, где еще сохранялась значительная зависимость трудящихся от баев, мулл, родоплеменных вождей, например, в кочевых районах и аулах Закаспия, советские органы сотрудничали с влиятельными лицами из родоплеменной знати, лояльно относившимися к советской власти. Слабая подготовка национальных советских кадров, отсутствие делопроизводства на местных языках побудили правительство республики открыть в Ташкенте Краевую тюркскую школу партийной и советской работы[895].

Новый этап коренизации партийных и советских органов Туркестана начался в сентябре 1920 г. после принятия V съездом КПТ и IX съездом Советов Туркестана решения о подготовке к переходу в советской работе на местные языки. На самом съезде, который открылся 12 сентября в Ташкенте из 147 делегатов почти половину составляли коммунисты местных национальностей, в том числе и женщины[896]. Доля депутатов местных национальностей в ТуркЦИК увеличилась с 1/3 до 2/3. Усилия по привлечению широких масс трудящихся в Советы, предпринятые в республике при непосредственной помощи ЦК РКП(б) и Турккомиссии, принесли определенные результаты: в 1920 г. среди членов 5 областных ревкомов представителей коренного населения было уже 58,3%, а в низовых ревкомах, к примеру Ферганской области, их удельный вес доходил до 92%. Прошедшие во второй половине 1920 г. — начале 1921 г. перевыборы в местные Советы с заменой ревкомов выборными исполкомами также сопровождались значительным вовлечением трудящихся коренных национальностей в государственные органы. В 1920 г. к руководству республикой пришли лица, представляющие народы Туркестана, — Т. Рыскулов, А. Рахамбаев, Н.Т. Тюракулов, К.С. Атабаев и др.[897] В 1923 г. ВЦИК и СНК в принятом постановлении «О мерах ускорения перехода делопроизводства в Туркестанской республике на местные языки» подчеркивали, что не только необходимо ввести во всех государственных органах, действующих

---

[894] Прилуцкий Е.А. Национально-государственное строительство в Советском Туркестане...

[895] Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. Р-17. Оп. 1. Д.633. Л. 120.

[896] Борьба за укрепление советской власти в Туркестане в 1920 году // История гражданской войны в СССР. Т. 5: Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции. (Февраль 1920 г. – октябрь 1922 г.). М., 1960. Гл. 7. С. 255–279 [Электронный ресурс]. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366574580.

[897] Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления... С. 136.

на территории Туркреспублики, параллельное делопроизводство на местных языках, но и увеличить штатный состав, прежде всего низовые должности, за счет привлечения представителей коренного населения[898]. Подчеркивалось, правда, что численность привлеченных не должна превышать 10% от имеющегося контингента служащих, что было, на наш взгляд, проявлением «метода процентной нормы», характерной для коренизации на данном этапе.

Несмотря на предпринимаемые шаги, трудности в проведении коренизации аппарата управления и укреплении власти Советов сохранялись. Так, на проходившем в 1919 г. III съезде компартии Туркестана председатель Совнаркома К.Е. Сорокин говорил: «В Фергане советской власти нет, разве только — в городах с русским населением. Но в мусульманской деревне советской власти не существует»[899]. В Обзоре политико-экономического состояния РСФСР за май-июнь 1922 г. подчеркивалось, что «Советы в среднеазиатской республике — Туркестане, как и во многих наших отдаленных окраинах, не представляют еще собой достаточно сформировавшейся и окрепшей власти. Некультурность и малоразвитость большинства населения, патриархально-родовой уклад жизни, отсутствие достаточного числа местных или хотя бы в достаточной степени приноровившихся к условиям края опытных совработников — все это создает чрезвычайно трудно проводимые условия для проведения мероприятий советской власти»[900]. Отметим также, что процесс перехода делопроизводства в Туркестане на местные языки в связи с указанными сложностями принял затяжной характер. В 1931 г. президиум ЦИК СССР, заслушав доклад правительства Узбекской ССР об узбекизации государственного аппарата, отмечая в целом успехи в проделанной работе, как-то вовлечение в производство трудящихся из коренной национальности, полный переход делопроизводства аппаратов районных исполкомов, Народного комиссариата просвещения в его низовых органах на узбекский язык, выделил и ряд недостатков, в том числе «слабую работу по узбекизации со стороны центральных республиканских органов и Центральной комиссии по узбекизации, а также на слабую работу по поднятию квалификации и по переквалификации рабочих из коренной

---

[898] Постановление ВЦИК и СНК о мерах ускорения перехода делопроизводства в Туркестанской республике на местные языки от 11.12.1923 г. [Электронный ресурс]. URL: http://islamperspectives.org/rpi/items/show/12885

[899] Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России [Электронный ресурс]. URL: http://1916.kg/ru/articles/turkestan-v-1917-1922-godah-borba-za-vlast-na-okraine-rossii-adib-halid

[900] Обзор политико-экономического состояния РСФСР за май-июнь 1922 г. // «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. 1922–1923 г. Ч. 1. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/22798

национальности»[901]. В результате президиумом ЦИК было принято решение назначить 1933 г. окончательным сроком узбекизации всего госаппарата Узбекской ССР и полного перехода на узбекский язык делопроизводства республики.

Для усиления большевизации региона в целом советская власть применяла различные методы и формы агитационной и культурно-просветительной работы. Так, в Туркестане, а позднее и в Степном крае распространение получили кошчи — союзы крестьянской бедноты и середняков. В Туркестане в течение 1920–1925 гг. союзы действовали как массовые организации трудящихся на селе, занимаясь различными вопросами жизни крестьянства. В 1921 г. У. Джандосов на внеочередном заседании Семиреченского обкома Коммунистической партии Туркестана в своем докладе определял значение союза Кошчи как массового фундамента советской власти. «Кошчи не берут на себя функций государственной власти, — говорилось в докладе, — но они призваны осуществлять политическую организацию пролетарских и полупролетарских масс в аулах, кишлаках и деревнях»[902]. Несмотря на столь важную роль, возлагаемую на союзы, в феврале 1922 г. Джандосов в докладе о партийных задачах КПТ в Семиречье подчеркивал, что «наши революционные союзы, как союз «Кошчи» — результат стихийного движения, поэтому они непрочны, засорены… В наших организациях на низах отсутствует партработа, организации городские подвержены ликвидаторству; советские аппараты слабы и к началу нового курса экономической политики все еще заполнены бывшими работниками царских учреждений»[903]. В Туркестане в 1921 г. в союзе Кошчи состояло 90 тысяч человек, которые объединялись в 6 тысяч кишлачных союзов. В дальнейшем число членов этого союза росло, в 1924 г. превысило 260 тысяч человек Казахстанский Краевой комитет союза Кошчи был образован в 1926 г., и в нем насчитывалось 195 тысяч членов, в том числе более 17 тысяч женщин. Учитывая многомиллионное население Казахстана, можно говорить о незначительной вовлеченности рядового населения в созданные большевиками организации.

Важным этапом в укреплении советской власти в регионе стало проведение национально-территориального размежевания. В феврале 1925 г. в Народном доме Бухары открылся I Всеузбекский съезд Советов, который принял Декларацию о создании Узбекской Советской Социалистической Республики. На нем были утверждены высшие государственные структуры

[901] По докладу правительства Узбекской ССР об узбекизации государственного аппарата, вовлечении рабочих в производство и подготовке и переподготовке кадров в Узбекской ССР [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/56629

[902] Джандосов У. Документы и публицистика (1918–1937 гг.) : в 2 т. Алматы, 1999. Т. 1. Док. № 58. С. 123–133.

[903] Там же. Док. № 67. С. 158–159.

власти. Председателем ЦИК Советов Узбекской ССР был избран ферганский дехканин, один из руководителей общества «Кошчи» Ю. Ахунбабаев. Председателем СНК Узбекской ССР был утвержден Ф. Ходжаев. Параллельно был проведен I учредительный съезд Компартии Узбекистана, на котором была сформирована Коммунистическая партия (большевиков) Узбекистана и избран ЦК партии. В этом же году были избраны руководящие органы комсомола Узбекистана (ВЛКСМ Уз) и республиканского объединения профсоюзов. Они стали опорными организациями для дальнейшего проведения политики коренизации органов управления республики.

Политика коренизации государственного управленческого аппарата в КазССР также проходила в несколько этапов. На первом этапе, с момента образования республики до 1926 г., коренизацию проводили особые комиссии при ЦИКе и исполкомах, и осуществлялась она методом «процентной нормы», сущность которого состояла в том, что для каждого учреждения устанавливали определенный процент работников из коренного населения. В качестве примера реализации данного метода выступает приказ начальника милиции КазССР, адресованный начальникам административных отделов, которые, согласно приказу, при подборе кандидатур в Краевую школу среднего комсостава милиции должны были «строго руководствоваться процентным отношением национального состава, а также степенью потребности в подготовленном командном составе милиции каждого уезда».

Однако, по мнению ряда современных исследователей, сведение коренизации только к созданию местных управленческих кадров некорректно. Как справедливо отмечает С.Ш. Казиев, политика коренизации предполагала не только создание национальных кадров, но и продвижение языков титульных наций в официальное делопроизводство, развитие образования и способствовала в итоге реализации конечных целей советской национальной политики, заключавшихся в интеграции всех народов страны на новом качественном уровне[904]. Поддержка национальных окраин для большевиков стала неотъемлемым условием в борьбе за власть. В связи с этим большевики делали национальным меньшинствам «привлекательные предложения», касавшиеся не столько самоопределения, сколько развития национальных культур и языка[905].

К тому же национальная политика Советского государства способствовала росту доверия к центральной власти, но позиции партии большевиков в национальных окраинах были крайне уязвимы, что требовало проводить

[904] Казиев С.Ш. Политика коренизации и проблемы межэтнического доверия в Казахстане (1923–1936 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 4. С. 92.

[905] Трофимов Е.Н. Россия многонациональная. Политико-правовые основы управления национальными процессами (1906–2012 годы). М., 2013. С. 110.

советизацию и большевизацию регионов ускоренными темпами[906]. Особенно остро этот вопрос стоял применительно к центральноазиатским национальным окраинам, где в период революций 1917 г. сложились и заявили о себе первые национальные партии, примером которых служит деятельность партии Алаш в Казахстане, которая в своих программных установках хотя и заявляла о неделимой России и построении нового государства на федеративных началах, но проводила основным тезисом идею автономизации региона, что шло вразрез с принципами большевистской партии.

Важным этапом в процессе советизации Степного края стало принятие 26 августа 1920 г. ВЦИК и СНК постановления «Об образовании автономной Киргизской Социалистической Советской республики»[907]. Управление КАССР передавалось в руки местных Советов депутатов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Киргизской Советской Социалистической Республики. Для внутреннего управления республикой учреждалось 12 народных комиссариатов (внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия, продовольствия, финансов, народного хозяйства, рабоче-крестьянской инспекции, труда, путей сообщения). Для управления военным аппаратом региона был создан Военный киргизский комитет, подчиненный Заволжскому военному округу. В системе управления КАССР сохранялась вертикаль власти, все финансово-хозяйственные наркоматы республики находились в непосредственном подчинении соответствующих народных комиссариатов РСФСР. Но при этом соблюдался и принцип автономизации региона, «наркоматы внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и земледелия — автономны в своих действиях», хотя и подотчетны непосредственно ВЦИК. Немаловажно, что финансирование, снабжение техническими средствами, материальное обеспечение проводимых органами управления мер молодой республики осуществлялось из средств РСФСР[908].

Важное значение для утверждения советской власти в республике имел Первый учредительный съезд Советов КАССР, проходивший в Оренбурге 4–12 октября 1920 г., который обозначил цели и задачи государственного строительства и принял Декларацию прав трудящихся КАССР[909],

---

[906] Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления… С. 132.

[907] В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана : документы и материалы. 1920–1937 гг. Алма-Ата, 1972. Док. № 2. С. 33–35.

[908] Образование Казахской АССР… С. 251–255.

[909] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 149. С. 365–368.

конституционно определившую основные принципы образования казахской советской государственности. На съезде была провозглашена Киргизская автономная ССР в составе РСФСР. Съезд избрал верховные органы власти — Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) и Совет Народных Комиссаров (СНК) республики. Председателем ЦИК КАССР был избран С.М. Мендешев, а председателем СНК КАССР — В.А. Радус-Зенькович. Вся полнота власти сверху и донизу формально юридически принадлежала Советам. Провозглашалось равенство прав мужчин и женщин, что в условиях господства патриархальных обычаев, несомненно, имело прогрессивное значение, устанавливались принципы всеобщего избирательного права, вводилась всеобщая трудовая повинность. В Декларации говорилось, что государство берет на себя заботу о получении трудящимися бесплатного образования, об охране их здоровья, содействии переходу кочевников к оседлому образу жизни, обеспечении пользования национальным языком, создании условий, наилучшим образом обеспечивающих духовное, политическое и социальное развитие трудящихся КирАССР.

При создании советского государственного аппарата в КАССР за основу был взят опыт строительства системы управления в РСФСР. В приветствии Учредительного съезда ВЦИКу говорилось: «Воспринимая весь опыт Советской России в построении и работе органов народной власти и хозяйственных учреждений, основной задачей своей мы считаем сознательное привлечение широких трудовых масс на сторону советской власти, установление живой деловой связи Советов с массами и выработку из среды масс сознательных работников и борцов»[910]. Аналогичные идеи высказывал и председатель СНК Киргизской АССР в 1920–1921 гг. В.А. Радус-Зенькович. Выступая на Первом съезде Советов Казахстана, он подчеркивал, что «при организации власти и проведении в жизнь намеченных мероприятий строить что-либо новое нам не приходится, так как мы имеем перед собой опыт и знание Российского пролетариата, давшие в течение трехлетнего существования советской власти положительные результаты в деле управления страной… Трудящееся население казахского края впервые получает в свои руки бразды правления своей страной на основе свободного национального самоопределения и имеет все благоприятные условия для полного культурного и экономического развития»[911].

Реализация стратегии коренизации в КирАССР предусматривалась путем решения двух задач: во-первых, посредством перевода делопроизвод-

[910] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 148. С. 364–365.

[911] Мукашев Р.Ж. Из истории укрепления советского государственного аппарата в Казахстане в 20-х годах // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1982. № 3. С. 74.

ства на родной язык, во-вторых, вовлечением трудящихся коренной национальности в систему советского государственного аппарата, подготовкой национальных кадров и обучением казахскому языку представителей других национальностей, проживающих в регионе. Председатель Семиреченского областного ревкома У. Джандосов, обращаясь к уездно-городским ревкомам области в мае 1921 г., определял среди основных задач партии проведение коренизации на всех уровнях власти: «Перед нами работа по организации перехода от системы управления через ревкомы к постоянным конституционным формам — к исполкомам. Эта работа должна быть поставлена таким образом, чтобы семиреченские советы трудящихся были действительными советами, чтобы за кирбеднотой было обеспечено большинство мест в советских органах»[912].

Важным шагом в процессе перевода делопроизводства на казахский язык стало принятие СНК КирАССР 2 февраля 1921 г. декрета «Об употреблении казахского и русского языков в государственных учреждениях республики», согласно которому в указанных учреждениях вводились казахский и русский языки «на равных правах»[913]. С момента издания декрета все законы и нормативно-правовые акты, «имеющие общий принципиальный характер и исходящие от центральных и губернских органов КирССР», должны были издаваться и публиковаться одновременно на русском и казахском языках.

При этом вполне осознавалось, что в данных условиях перевод всего делопроизводства полностью на казахский язык представляется невозможным. В декрете подчеркивалось, что все центральные, губернские и уездные учреждения республики ведут делопроизводство и сносятся между собой на русском языке. На низовом уровне, в аульных, сельских, поселковых Советах, волостных, станичных и районных исполкомах, ревкомах и народных судах переписка с учреждениями республики и делопроизводство ведутся в местностях с казахским населением на казахском языке, а местностях с русским населением — на русском языке. Дознание и следствие в Чрезвычайной комиссии и ревтрибуналах велось на языке привлеченных к делу лиц. При ведении делопроизводства в остальных случаях выбор языка диктовался «соображениями целесообразности и практической пользы».

Несмотря на срочность введения декрета 1921 г., перевод делопроизводства на национальный язык принял затяжной характер, так как отсутствовали подготовленные работники, владеющие двумя языками, очевиден был недостаток нормативно-правовой и делопроизводственной документации

[912] Джандосов У. Документы и публицистика (1918–1937 гг.). Т. 1. Док. № 48. С. 100–101.

[913] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 152. С. 375–376.

на казахском языке и т.д. Так, в циркуляре Народного комиссариата юстиции КирАССР от 11 июля 1923 г. отмечалось, что «ввиду отсутствия у наших судебных работников практики по изготовлению на киргизском языке всякого рода актов по судебным делам, а также ввиду малоопытности и недостаточной подготовленности судебных работников — киргизов, Наркомюст находит необходимым, начиная с этого номера, периодически печатать в объявлениях формы приговоров, решений, протоколов, постановлений, которыми судьи и следователи киргизских участков должны руководствоваться в своей деятельности»[914]. Для решения данных проблем Наркомом юстиции была организована работа по подготовке и изданию типографским способом судебно-следственной документации, по переводу и изданию на казахском языке Собраний узаконений и распоряжений правительства КирАССР за 1923 г., Уголовного кодекса РСФСР и ряда других нормативно-правовых актов[915].

По решению Президиума Киргизского ЦИК в августе 1923 г. была организована постоянная Центральная комиссия по введению делопроизводства на казахском языке, на которую были возложены контроль и руководство работой губернских комиссий, созданных при всех губисполкомах республики, за исключением Оренбургского, и начавших свою деятельность в конце 1923 г. Все советские органы были обязаны ввести казахский язык в делопроизводство аульных Советов и волостных исполкомов не позднее 1 января 1924 г. Волостные и уездные аппараты в районах со смешанным населением должны были ввести делопроизводство на обоих языках. Делопроизводство на русском и казахском языках в губернских органах вводилось с 1 июля 1924 г., в наркоматах и краевых органах с 1 января 1925 г. При этом всем наркоматам, краевым и уездным органам предписывалось постепенно приспосабливать аппараты к переходу на казахское делопроизводство, укомплектовывать аппараты работниками из коренного населения или лицами, хорошо знающими казахский язык[916]. В русле реализации данных постановлений стало издание в 1924 г. на русском и казахском языках «Руководства по делопроизводству в волисполкомах».

Всем наркоматам и краевым учреждениям необходимо было издать в течение трех месяцев относящиеся к их деятельности руководящие законоположения на казахском языке, а с января 1924 г. все проекты декретов и постановлений, подлежащих утверждению, представлять на двух языках — русском и казахском одновременно.

---

[914] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 166. С. 414–415.

[915] Языковая политика в Казахстане (1921–1990 гг.) : сборник документов и материалов. Алматы, 1997. С. 20.

[916] Мукашев Р.Ж. Из истории укрепления советского государственного аппарата в Казахстане в 20-х годах. С. 75.

Важность перевода делопроизводства на казахский язык затрагивал в своем докладе, представленном на IV съезде Советов КАССР, председатель ЦИК КАССР С. Мендешев, который подчеркивал, что ведение делопроизводства на русском языке «влекло отрыв соваппарата от коренной массы»[917].

Наряду с проведением комплекса мер по переводу делопроизводства на казахский язык в республике предпринимались активные шаги по подготовке партработников и повышению уровня политграмотности среди казахского населения. В соответствии с решением VIII съезда РКП(б) в КирАССР были открыты советские, партийные школы и различные системы курсов, что имело определенные результаты. В итоге с 1923 по 1924 г. в Киргизской республике число представителей коренной национальности, избранных в сельские и аульные Советы, выросло с 16570 до 31187 человек[918].

В целом, за несколько лет с момента образования КирАССР, процесс формирования национальных кадров существенно активизировался, представителей национальностей включали в кадровый состав аппарата. Однако сделанные шаги были явно недостаточными для реализации сформулированной стратегии партии. Если количественно численность представителей коренных национальностей из года в год возрастала, то качественный состав работников партийных организаций был крайне низким. На XIII съезде РКП(б), проходившем в мае 1924 г., была принята резолюция «Об агитпропработе», в которой подчеркивалось, что агитационная работа в национальных республиках за несколько лет принесла серьезные успехи и ее необходимо продолжать. Однако «наряду с усилением массовой агитации она должна иметь в виду в ближайшее время ликвидацию политнеграмотности в партийных организациях нацреспублик и областей (Туркестан, Киргизия, Северный Кавказ и т.д.), где эта политнеграмотность среди коммунистов, принадлежащих к коренному населению, достигает огромных размеров»[919].

В качестве основных мер по ликвидации политнеграмотности съезд предлагал расширить сеть школ политграмоты на национальных языках при материальном обеспечении со стороны центра, усилить работу по подготовке как партийных, так и советских нацработников из рабоче-крестьянской среды при одновременном повышении квалификации действующих работников, вовлекать «националов в комвузы, вузы, сов-партшколы и рабфаки при систематическом переходе их на родной язык преподавания». В резолюции также

---

[917] В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Док. № 72. С. 136.

[918] Сафинов К.Б. Из истории представительства национальностей в государственном аппарате Казахской ССР // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1988. № 6. С. 80.

[919] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 174. С. 425.

подчеркивалась важность расширения деятельности по изданию марксистской и популярно-политической литературы на национальных языках как в центре, так и на местах. В резолюции второй сессии КирЦИК четвертого созыва, проходившей в июне 1924 г., предлагалось всем учреждениям срочно принять самые решительные меры к укомплектованию штатов казахами.

Однако, несмотря на сделанные шаги, нехватка подготовленных кадров ощущалась достаточно остро. Выходом из сложившейся ситуации стала организация различных краткосрочных курсов по подготовке техработников системы управления. В течение 1924 г. губернские комиссии по коренизации организовали курсы для волостных секретарей из казахов, в ряде губерний были открыты курсы по подготовке специальных технических работников (машинисток, счетоводов, финработников) госаппарата, открывались курсы по подготовке инструкторов по ведению делопроизводства на казахском языке, краткосрочные ведомственные курсы, что позволило постепенно увеличить количество казахов в административных органах.

Особого внимания требовала организация работы органов народного контроля и милиции. Здесь недостаток подготовленных к службе работников из коренного казахского населения ощущался особенно остро. Для ликвидации этого пробела в 1923 г. была организована Краевая школа среднего комсостава милиции, при этом для представителей казахской национальности условия приема в школу были облегченными, основным условием приема было владение разговорным русским языком. С каждым годом процент обучающихся в этой школе казахов возрастал, если в 1923 г. от общей численности слушателей казахи составляли 68%, то в 1926 г. эта цифра достигала 94,4% от всего состава[920]. В 1924 г. были организованы юридические курсы НКО КирАССР, которые готовили судебно-следственных работников, в том числе лиц казахской национальности. В итоге по данным за 1924 г. казахи в милиции, угрозыске, админ-отделах составляли в среднем 49,5%.

Очевидно, что реализация политики коренизации госаппарата была тесно связана с развитием народного образования и просвещения. На V Казахстанской краевой конференции РКП(б), которая проходила 1–7 декабря 1925 г., подчеркивались успехи, сделанные республикой в области общественно-политической и культурной жизни. Так, в 1924–1925 гг. более 40% бюджетных средств было направлено на народное образование и культурно-просветительную работу. В 1925 г. количество учащихся в республике по сравнению с предреволюционным 1913 г. увеличилось вдвое, в том числе казахов — почти в 10 раз[921]. В республике были открыты 20 ссузов, 13 профтехнических

[920] Мукашев Р.Ж. Из истории укрепления советского государственного аппарата в Казахстане в 20-х годах. С. 76–77.

[921] Очерки истории коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 237.

учебных учреждений, расширялась сеть культурно-просветительских заведений: работало 154 клуба, более 300 библиотек, 335 изб-читален и красных юрт[922]. Активно шла работа в сфере не только народного образования и ликвидации безграмотности, но и партийного просвещения. Партийная организация Казахстана уделяла большое внимание подготовке кадров высшей квалификации. В 1925 г. в вузах СССР обучалось около тысячи студентов из Казахстана, и хотя в документах конференции не говорится о национальном составе контингента, можно предположить, что речь идет в том числе и о казахах.

Необходимо отметить, что в первую очередь казахи активно включались в работу низшего звена административного и партийного аппарата республики. Если говорить о наркомах и краевых административных учреждениях КазАССР, то здесь численность этнических казахов была сравнительно невысокой. Так, по данным на 1 января 1925 г. наибольший процент служащих казахов наблюдался в Наркомсобесе — 27,7%, в то время как в Наркомфине их не имелось вовсе. В целом, из 1105 служащих наркоматов и учреждений республики казахи составляли 8,3%[923].

Интересны сведения о партийной работе среди женщин КазАССР. В советском государстве реализация равноправия женщин была декларирована как часть государственной политики. Вспомним, что и в Декларации прав трудящихся КазАССР, принятой на Первом учредительном съезде Советов республики, отдельным пунктом затрагивалось положение казахской женщины и подчеркивалось, что «исходя из того, что общество не может считать себя освобожденным, пока женщина остается порабощенной, киргизскую женщину, доныне рабу в общественной и семейной жизни и в то же время безропотную работницу в хозяйстве, считать отныне равноправным членом общества с распространением на нее всех без изъятия политических и гражданских прав, являющихся завоеванием и достоянием всей массы трудящихся»[924].

В этой связи важно отметить, что в республике активно открывались женские клубы, школы по ликвидации безграмотности, но самое важное — женщин стали активно включать в кадровый аппарат управления. При крайкоме и губкомах партии были созданы курсы по подготовке так называемых женработников. Если в 1922 г. в составе Советов было всего 97 женщин, в том числе 5 казашек, то в 1925 г. — 6663 женщины, в том числе свыше трех

[922] Очерки истории коммунистической партии Казахстана. С. 238.

[923] Мукашев Р.Ж. Из истории укрепления советского государственного аппарата в Казахстане в 20-х годах. С. 77.

[924] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 149. С. 365–368.

тысяч казашек[925]. Это стало безусловным успехом в процессе «освобождения» казахской женщины.

В итоге, комплекс мероприятий по коренизации системы управления Казахской ССР, разработанный и реализованный в течение 1920–1926 гг., имел положительные результаты, количество казахов в процентном соотношении в системе управления значительно выросло. Парторганизациями республики активно выдвигались представители коренной национальности в советские и хозяйственные органы. В ряде городов были открыты курсы по подготовке представителей низшего звена управления, значительно увеличилось количество учащихся в совпартшколах. Однако отсутствие подготовленных национальных кадров среднего звена управления приводило к тому, что выполнение процентной нормы осуществлялось за счет привлечения казахов на должности низшего звена управления или обслуживающего персонала. В результате такой коренизации деятельность аппарата практически не изменялась, существенные затруднения были и с переводом делопроизводства на казахский язык. На последующих этапах методы коренизации, направленные только на увеличение численности национальных кадров в системе управления, были признаны неэффективными, и от них вынуждены были отказаться. В 1926 г. в проводимую политику были внесены существенные изменения, означавшие переход от методов «процентной нормы» к функциональным, что означало новый этап в коренизации партийно-государственного аппарата советских республик.

Конечно, проводимая большевиками политика коренизации значительно усилила политическую активность коренного населения республик, способствовала повышению уровня профессиональной грамотности и включению представителей коренных этносов в систему управления государством. Однако можно говорить и об определенных негативных сторонах данного процесса. Политика коренизации привела к тому, что были проигнорированы интересы некоренных национальностей. В некоторых национальных районах русские стали новыми «национальными меньшинствами». Политика коренизации отменила проводимую в царской России политику русификации национальных окраин, способствующую созданию единого государства. Коренизация, как и многие мероприятия советской власти, проводилась директивными методами, что не всегда отвечало интересам, а, главное, возможностям местного населения. Тем не менее 1920-е гг. явились важным историческим этапом в процессе создания, укрепления и развития национальной государственности центрально-азиатских народов. Многообразие форм и методов, применяемых советской властью, в том числе политика коренизации, обусловило значительные успехи в этой области.

[925] Очерки истории коммунистической партии Казахстана. С. 238.

5.3. Роль национально-культурного строительства большевиков в процессах этнической консолидации народов региона

Установление советской власти коренным образом изменило не только политическую ситуацию в стране, но и обеспечило формирование нового социокультурного пространства. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, что к моменту Октябрьского переворота у большевистского руководства еще не имелось детально проработанной концепции «социалистического культурного строительства», но теоретико-методологические основы уже были заложены, и они предполагали развертывание культурного строительства в русле социалистических преобразований[926].

В.И. Ленин подчеркивал, что в России политический и социальный переворот оказался предшественником культурному перевороту, однако «для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»[927]. Ленин неоднократно подчеркивал идею о необходимости культурного развития всей народной массы, ликвидации поголовной безграмотности, «приучении народа» к книге. Одной из важнейших задач культурной революции провозглашалось приобщение народа к культурным ценностям, изменение его сознания и перевоспитание[928]. Назначение культурной революции, согласно ленинскому пониманию, состояло в том, чтобы превратить культуру «из орудия капитализма в орудие социализма», а ее сущность — в ликвидации пропасти, разделяющей в буржуазном обществе народ и культуру. По этому поводу говорил В.И. Ленин: «Раньше весь человеческий ум творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены <…> в средства эксплуатации»[929].

---

[926] Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика Советской власти и её воздействие на культурную жизнь Узбекистана (1925–1950 гг.). С. 15.

[927] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 377.

[928] Кенжебаева С.Е. Идейно-политическая борьба в области культуры и образования в Казахстане в 20–30 годы XX в. // Вестник АГТУ. 2011. № 2(52). С. 138.

[929] Воронцов А.В. Ленинская теория культурной революции и современность // В.И. Ленин в современном мире : материалы международной научно-практической конференции. 22 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://leninism.su/lenin-now/4188-lenin-v-sovremennom-mire-2011.html?showall=&start=4

Для молодого Советского государства культурная революция означала решение серьезных проблем в духовно-просветительской сфере, вызванных большой отсталостью и мелкобуржуазностью страны, сплошной неграмотностью народных масс, отсутствием материальной базы. Наиболее актуальной проблемой культурной революции были народное образование и просвещение. Советская власть унаследовала от имперского периода почти сплошную неграмотность, на ликвидацию которой уже в первые годы революции (1917–1920 гг.), несмотря на Гражданскую войну и интервенцию, были направлены силы большевиков. В январе 1918 г. был создан внешкольный отдел Наркомпроса во главе с Н.К. Крупской, который через два года стал Главным политико-просветительным комитетом республики (Главполитпросвет), ответственным за ликвидацию безграмотности населения (ликбез).

Особенно удручающая ситуация в сфере образования сложилась в Туркестанском крае и Степных областях. По данным на 1917 г.[930] 98% казахского населения были неграмотными[931]. В Туркестане к 1917 г. число неграмотных местных жителей (сельское и городское население) среди мужчин было 87%, среди женщин — 94%. Неграмотность сельского населения достигала почти 100%. Так, в Туркестане вплоть до середины 20-х гг. XX в. грамотных женщин в селе почти не было, а среди сельских мужчин грамотных было менее 5%[932]. Несмотря на отсутствие абсолютной достоверности указанных данных, общий уровень грамотности населения был крайне низким. Катастрофическая ситуация являлась следствием неразвитости системы образования в регионе. Как в Туркестане, так и в Степных областях было мало школ, незначительное количество библиотек, отсутствовали учительские кадры и превалировали религиозные образовательные учреждения. До революции (по данным на 1911 г.) в Степном крае насчитывалось всего 1246 школ[933] на население численностью 4 млн 333 тысяч человек. В Туркестане в 1914–1915 учебном году насчитывалось немногим более 500 начальных школ, в которых обучалось до 30 тысяч детей, т.е. общеобразовательными школами было охвачено всего 2–3% мальчиков-узбеков младшего школьного возраста, во всех технических школах училось не более 500 учащихся, высшие учебные заведения в Туркестанском крае отсутствовали вовсе. Созданная в крае в начале XX в. сеть

[930] Здесь и далее представленные данные исходили из материалов переписи 1897 г., согласно которой процент грамотности определялся лицами, умеющими писать и читать на русском языке. Знание местных языков в переписи не учитывалось.

[931] Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане (март 1917 г. – июнь 1918 г.). С. 207.

[932] Атлас Союза Советских Социалистических Республик. 1928.

[933] Автономная Казахская Социалистическая Советская Республика (с Кара-Калпакской Автономной Областью) // Атлас Союза Советских Социалистических Республик. Изд. ЦИК СССР, 1928. [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/40013

новометодных и русско-туземных школ не могли обеспечить сколько-нибудь широкого распространения грамотности в народных массах.

Февральская революция, свержение самодержавия вселяло надежды на коренные культурные преобразования. Однако пришедшее к власти Временное правительство не уделило культурному строительству в регионе необходимого внимания. Например, в отчетах о работе Семипалатинского уездного земства периода Временного правительства подчеркивалось, что в области практически отсутствует народное образование, так как на все население приходится всего 45 русских и русско-киргизских школ, 16 аульных школ и 6 ремесленных курсов, которые к тому же имеют небольшое финансирование.

Развитие народного образования и стало главным звеном национально-культурного строительства советской власти в регионе. Необходимо отметить, что организация школьного образования в Степном крае и Туркестане после революции 1917 г. осуществлялась в русле общегосударственной программы, согласно декрету ВЦИК № 812 «О Единой Трудовой Школе РСФСР». Все школам республики, за исключением высших учебных заведений, присваивалось название «Единая трудовая школа», которая подразделялась на две ступени: первая для детей от 8-ми до 13-ти лет (5-летний курс) и вторая — от 13-ти до 17-ти лет (4-летний курс). В процессе модернизации системы школьного образования в рассматриваемый период огромную роль сыграла передача всех учебных заведений страны в ведение Наркомпроса, а также изъятие старых учебников, работа по написанию современных учебных программ, учебников на национальных языках, ликвидация возрастных и гендерных ограничений в школе. Можно сказать, что первое десятилетие реформы образовательной системы региона шло по экстенсивному пути: усилия были направлены на создание и расширение сети учебных заведений, курсов просвещения и увеличение числа вовлеченных в образовательный процесс.

Были сделаны первые шаги в процессе становления и развития национальной школы. Целеполагающим стал принцип обязательности начального образования. Важным стало ведение обучения в школах первой ступени на национальных языках. Этот процесс начался сразу после Октябрьской революции, в разных регионах в разном виде в зависимости от возможности обеспечения школы национальными преподавателями и учебными пособиями. В 1920–1925 гг. уже до 50 народностей Советского государства начали обучение в школах первой ступени на родном языке и до 30 народностей в школах второй ступени, в 1927 г. соответственно 60 и 38 народностей[934].

[934] Смулевич Б., Алмазова Ю. Культурное строительство в СССР // Народное хозяйство СССР. Экономико-статистический журнал. М., 1932. № 7–8. С. 188–206.

В наиболее сложной ситуации находились центральноазиатские окраины бывшей Российской империи, где национальные светские учительские кадры практически отсутствовали.

Начиная с 1918 г. в Степном крае повсеместно при исполкомах областных, уездных и волостных Советов создавались отделы народного образования, отвечавшие за все школы общеобразовательного характера. При областных и уездных отделах народного образования организовывались секции по внешкольному образованию с культурно-просветительскими задачами[935]. Особое внимание уделялось строительству школ для казахского населения. Съезды Советов края, проходившие весной 1918 г., среди прочего обсуждали проблемы народного образования. Так, Тургайский областной съезд принял постановление о необходимости расширения сети общеобразовательных школ, прежде всего для казахского населения, которых на начало 1918 г. в области насчитывалось всего 679, что было явно недостаточно. В результате было решено открыть более 700 школ для казахского населения, около 300 русских школ, 14 школ-интернатов, 13 училищ с интернатами[936]. В Семипалатинской области до начала Гражданской войны было открыто 100 новых училищ и преобразовано 10 двуклассных училищ в высшие начальные. В Букеевской области предполагалось открыть 44 казахские школы, специально подготовив на учительских курсах казахских учителей. Все это является свидетельством того, что и местные власти, и местная интеллигенция осознавали необходимость развития системы образования в крае.

В целом, в Степном крае за годы после революции дело народного образования сделало большие успехи. К 1927 г. в КазАССР насчитывалось всего 3475 школ первой ступени с 206,9 тысяч учащимися, 1600 казахских школ с 80 тысяч учащихся, 78 школ повышенного типа, 143 детских дома, 137 дошкольных учреждений, 30 техникумов и институтов просвещения с 4546 учащимися. Конечно, несмотря на столь быстрый рост школьной сети, охват последними детей школьного возраста был недостаточным и составлял около 40%. В первую очередь уровень грамотности возрос среди городского населения и составлял 32,9% от общего числа населения, в то время как в сельской местности — всего 7%. Уровень грамотности по данным переписи 1926 г. среди казахского населения оставался низким и составлял всего 7% (21,7% — мужчины и 1% — женщины)[937].

---

[935] Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане (март 1917 г. – июнь 1918 г.). С. 208.

[936] Там же. С. 208.

[937] Краснобаева Н.Л. Население Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. С. 19.

Началом реформы системы образования в Туркестане стала организация в марте 1918 г. Краевого совета народного образования[938] и принятое в августе 1918 г. ЦИК Туркестанской республики Положение «Об организации дела народного образования в Туркестанском крае», на основании которого общее руководство делом просвещения было передано Наркомпросу ТАССР.

В основу деятельности Совета были положены следующие принципы: демократизация школы (всеобщее и обязательное обучение на первых двух ступенях общеобразовательной школы); общедоступность и бесплатность обучения; уничтожение всех ограничений; преподавание на родном языке населения; единство школы; научность учебно-педагогического строя; развитие системы внешкольного образования и дошкольного воспитания[939]. Приказом Наркомпроса Туркреспублики с начала 1918/1919 учебного года во всех школах республики обучение объявлялось бесплатным.

Уже в 1920 г. в Советском Туркестане насчитывалось более двух тысяч начальных школ, а число учащихся достигло 170 тысяч человек[940]. Большинство учащихся были детьми трудящихся местных национальностей, которые раньше не имели доступа в школу. Кроме того, в 1920 г. в Туркестане работало около тысячи школ по ликвидации неграмотности, в которых обучалось 50 тысяч человек из местного населения. Это, безусловно, был существенный шаг в деле подъема культурного уровня населения республики. На место традиционной школы, существующей в рамках религиозной системы, пришла унифицированная система светского образования.

Одним из важнейших вопросов реализации программы развития народного образования стало обеспечение советских школ Степного края и Туркестана учебниками и учебной литературой. Большая работа по введению образования на казахском языке и развитию казахской школы была проделана казахскими общественными деятелями, которые уделили особое внимание переводу учебников для Единой трудовой школы на казахский язык. В конце января — начале февраля 1921 г. Наркомпросом и членом редакционной комиссии при Госиздате КирССР А. Байтурсыновым было созвано объединенное совещание по вопросу составления и перевода учебников для казахской Единой трудовой школы, который в своем докладе обозначил проблему отсутствия учебников на казахском языке для школ первой и второй ступеней, что существенно затрудняло развитие образования и препятствовало повышению грамотности населения. Совещание пришло к единогласному мнению

[938] Культурное строительство в Туркестане. Т. 1: Культурное строительство в Туркестанской АССР в период установления Советской власти и гражданской войны (1917–1920). Ташкент, 1973. Док. № 15. С. 54.

[939] Культурное строительство в Туркестане. Т. 1. Док. № 17. С. 55–56.

[940] Ишанходжаева З.Р. «Культурные преобразования» большевиков в Узбекистане в 20-е –30-е гг. XX века [Электронный ресурс]. URL: http://uz.denemetr.com/docs/768/index-475306-1.html

о необходимости в кратчайшие сроки приступить к переводу или составлению учебников на казахском языке по основным школьным программам. Для повышения грамотности среди взрослого населения был запланирован перевод литературных произведений на казахский язык и составление хрестоматии для чтения по казахскому языку для взрослых[941]. Нехватка учебников остро ощущалась и в Туркестане. В 1918 г. Наркомпрос Туркреспублики с тревогой вынужден был признать, что положение с отсутствием учебной литературы катастрофическое и необходимы срочные меры для обеспечения школ учебными материалами[942].

Активно решался вопрос и с учительскими кадрами, которых абсолютно не хватало в регионе. Через сеть краткосрочных курсов были подготовлены и переподготовлены сотни учителей, которые впоследствии были направлены в отдаленные аулы и села. Нехватка учительских кадров приводила к принятию различных мер. Так, 30 декабря 1917 г. СНК Туркестанского края издал приказ об увольнении из армии военнослужащих, имеющих специальность учителя, для использования их по специальности[943]. Большую роль в подготовке национальных учительских кадров сыграло открытие в регионе высших учебных заведений, в том числе педагогических. В апреле 1918 г. в Ташкенте был открыт Туркестанский народный университет, который осенью того же года обучал студентов на пяти факультетах: естественно-математическом, историко-филологическом, сельскохозяйственном, социально-экономическом и техническом. Позднее на правах факультета университета была сформирована высшая краевая медицинская школа[944], готовящая национальные кадры медработников. Отделения университета были в Коканде, Андижане и Самарканде. В сентябре 1920 г. декретом Совнаркома РСФСР на базе народного университета был учрежден Туркестанский государственный университет, студенческий контингент которого насчитывал более 2,5 тысяч человек. Кроме этого, в республике были открыты Восточный институт, рабочий факультет и 14 школ партийных и советских работников[945].

---

[941] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти : документы и извлечения. Док. № 151. С. 373–375.

[942] Культурное строительство в Туркестане. Т. 1. Док. № 19. С. 58–59.

[943] Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане. С. 211.

[944] Отчет о работе Туркестанского народного университета в Турккомиссию от 13.12.1919 [Электронный ресурс]. URL: http://islamperspectives.org/rpi/items/show/11517

[945] Борьба за укрепление советской власти в Туркестане в 1920 году // История гражданской войны в СССР. Т. 5. Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции. (Февраль 1920 г. – октябрь 1922 г.). М., 1960. Гл. 7. С. 255–279 [Электронный ресурс]. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366574580

В октябре 1919 г. на базе киргизского отделения Русского педагогического училища был основан Казахский институт просвещения. В 1926 г. в Ташкенте был открыт первый Казпедвуз, в 1928 г. — первый педагогический институт в Алма-Ате. Во второй половине 20-х гг. появились различные учебные заведения, готовящие кадры со средним специальным образованием, а численность учащихся неизменно росла. Так, к концу 20-х гг. XX в. в вузах Узбекской ССР насчитывалось около четырех тысяч студентов, в основном из рабочих и дехкан.

Происходила широкомасштабная подготовка учительских кадров. В 1920 г. в семи учительских институтах обучалось 1615 студентов. Кроме того, учительские кадры готовили десятки педагогических курсов. В 1920 г. только в Туркестане работали две педагогические школы, 37 различных педагогических курсов, на которых обучалось более 3,5 тысяч человек. На организованных в 1925 г. центральных и региональных краткосрочных курсах, а также в педагогических институтах в течение четырех лет были подготовлены более тысячи учителей[946].

Образование Узбекской ССР стало новым этапом в процессе модернизации системы образования. Уже на I Всеузбекском съезде Советов, который состоялся в феврале 1925 г., была принята широкая программа развития народного образования в республике. Съезд предложил приступить к подготовке плана введения всеобщего начального обучения в республике, подготовить новые учебники для школ и методические руководства для учителей, а также начать выпуск детской литературы для школьников на местных языках[947].

Наряду с модернизацией школьного образования большая работа предпринималась и в сфере ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В самый разгар Гражданской войны и последовавшей за ней разрухи в декабре 1919 г. В.И. Лениным был подписан декрет СНК РСФСР о ликвидации неграмотности в стране, в силу которого был создан особый орган ВЧКЛБ[948], который за десятилетие, к 1929 г., проделал огромную работу. В те годы в учебу были втянуты десятки миллионов человек[949].

Как следствие, подобные органы возникали и в советских республиках. В 1921 г. руководством КирАССР была образована Центральная Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности (Казграмчека), в компетенцию которой входила вся работа по организации пунктов, где взрослое население

---

[946] Тиловатов Ф.У. Политика «культурной революции» советской власти в 20–30-е годы XX века и ее осуществление в Узбекистане : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 2009.

[947] Народное образование в СССР / под ред. М.А. Прокофьева и др. М., 1967 [Электронный ресурс]. URL: http://www.detskiysad.ru/ped/narod40.html

[948] Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности.

[949] Смулевич Б., Алмазова Ю. Культурное строительство в СССР // Народное хозяйство СССР. 1932. № 7–8. С. 188–206.

овладевало азбучной грамотой. С 1921 по 1927 г. в данных пунктах было обучено свыше 200 тысяч человек[950]. В КирАССР отделы народного образования местных Советов организовывали курсы элементарной грамоты, лектории на общественных началах. Расширялась сеть советских культпросветучреждений — клубов, народных и рабочих домов, изб-читален, которые были проводниками не только образования, но и политической грамотности.

В Туркестане сеть институтов по ликвидации безграмотности населения была создана советской властью на основе чайханы, которая была неотъемлемой частью традиционной культуры населения региона, являлась «своеобразным клубом, где вырабатывается общественное мнение» [951] Получив название «красная чайная», чайхана была преобразована в новый центр массовой культуры. Для широкой организации ее работы было разработано «Положение о красной чайхане», согласно которому чайхану призывали стать «очагом всей политико-просветительской работы в кишлаке».

«Красные чайханы» оснащались политическими лозунгами, украшались портретами советских вождей. Через чайханы распространялись свежие газеты, просветительские брошюры, перед посетителями выступали лекторы. На базе ряда чайхан были созданы женские клубы[952]. Аналогичные по функциям и разнообразные по названиям: «Кзыл-керуен» («Красный караван»), «Кзыл-отау» («Красная юрта»). Культурно-просветительные учреждения существовали и в Степном крае.

Уже в 1920 г. в Туркестане работали 174 библиотеки, 172 читальни, 17 клубов, 176 красных чайхан. Действительно, по мнению исследователей, красные чайханы в 1920–1930-е гг. сыграли огромную роль в ликвидации неграмотности, распространении знаний среди крестьянства, приобщении его к достижениям науки и культуры. Забегая вперед, можно привести выдержку из газетной публикации начала 30-х гг. XX в.: «…деятельность красных чайхан, красных юрт, красных чумов вносит большой вклад в ликвидацию неграмотности, в подъем политической активности масс, формирование у них сознательности и трудового энтузиазма, в создание благоприятных условий для подъема их культурного уровня. <…> Нельзя недооценивать вклад красных чайхан в просвещение народных масс, особенно в сельской глубинке»[953].

Одним из важных достижений проводимой большевиками культурной политики стало усиленное вовлечение женщин в систему ликбеза и ускоряющие темпы ликвидации неграмотности женского населения. По данным

[950] Кенжебаева С.Е. Идейно-политическая борьба в области культуры и образования в Казахстане в 20–30 годы XX в. // Вестник АГТУ. 2011. № 2(52). С. 140.

[951] Архипов Н.Б. СССР по районам. Среднеазиатские республики. М., 1927.

[952] Шахназарова Л. Алый призыв чайханы?.. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nuz.uz/kolumnisty/19705-alyy-prizyv-chayhany.html

[953] Там же.

на 1927 г. процент женщин в школах для неграмотных составлял по Узбекской республике 15,1% в сравнении с практически нулевыми показателями к 1917 г.

В целом, динамика роста уровня грамотности по стране после проведенных в первое десятилетие мер была очевидна. Особенно заметны были успехи в европейской части страны. К 1930 г. почти все мужчины рабочего возраста (от 16 до 50 лет) в городе были грамотны — 91,2% (на Украине 97,8%); среди городских женщин грамотных было 76,7%; среди мужчин в сельских местностях 79,8% (на Украине и в Белоруссии 92%). Однако, несмотря на кардинальные мероприятия в сфере образования, уровень грамотности населения среднеазиатских республик оставался невысоким. Так, по данным на 1931 г. в Узбекской ССР было 25,1% грамотных, в Туркменской ССР 29,8%, в Таджикской ССР 8,7% грамотных среди населения республики[954]. Данный разрыв может быть обусловлен неравномерностью проведения реформ в советских республиках и этносоциальными особенностями регионов.

Безусловно, это были лишь малые успехи в деле развития народного образования. Сохранялись и определенные трудности. Так, в мае 1926 г. был принят первый Устав единой трудовой школы Казахской АССР, в котором сообразно местным условиям очерчивались проблемы соединения учебы с трудовым воспитанием. Главным препятствием на пути их устранения считалось отсутствие подготовленных учительских кадров: из 7 тысяч учителей, работавших в республике в 1926–1927 уч.г., лишь 37% имели среднее образование. Во многих аулах и селах просвещением занимались мугалимы, сами едва знавшие основы грамоты[955]. Существенные сложности возникали и в методической обеспеченности образовательного процесса. Остро ощущалась нехватка как учебной литературы, так и разработанных методик преподавания, особенно на национальных языках. В силу особенностей ведения хозяйства, сохранения кочевого и полукочевого образа жизни среди казахов в аульно-сельской местности КазАССР вплоть до 30-х гг. XX в. продолжали функционировать сезонные, кочующие одно-, двух- трехлетние школы при одном учителе, а учрежденные в 1926 г. школы-коммуны (позднее школы-интернаты), подразумевающие «соединение школьных занятий с общежитием», не получили широкого распространения.

В Туркестане ситуация в сфере образования, несмотря на предпринимаемые меры, была по-прежнему крайне сложной. Конечно, за несколько лет советской власти количество учебных заведений в Туркестане существенно возросло: число школ первой ступени увеличилось со времени национального

[954] Смулевич Б., Алмазова Ю. Культурное строительство в СССР. С. 188–206.

[955] Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. Алма-Ата, 1987. С. 43.

размежевания до 1927 г. с 830 до 1551; число учащихся в них — с 66 до 85 тысяч человек. Было открыто 53 школы-семилетки, 32 школы второй ступени, три высших учебных заведения, один рабфак, 30 техникумов, 9 профессионально-технических школ. Сеть политпросвета состояла из 1122 школ по ликвидации неграмотности, 9 совпартшкол, трех политических школ, одного коммунистического высшего учебного заведения, 203 библиотек, 163 клубов и 233 изб-читален. Однако по обеспеченности школами УзССР находилась на последнем месте среди всех союзных и автономных республик: на 1000 человек обоего пола приходилось 41,4 учащихся в школах всех типов против 48,9 человек в КазАССР, 62,5 человек в Туркменистане, 92,5 человек во всей РСФСР и 119,2 человек в ЗСФСР.

Большую роль в системе образования региона, особенно Туркестана, играл религиозный фактор. Несмотря на развитие светского образования, подавляющая часть мусульманских детей продолжала обучаться в традиционных мактабах и новометодных школах задолго после революции[956]. Вопрос о замене религиозного образования светским был наиболее острым в регионе с преобладающим мусульманским населением, несмотря на предпринимаемые в первые годы становления советской власти практические меры по урегулированию отношений государства с религией.

Немаловажное значение имел Декрет СНК 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который положил начало развитию советской школы и утверждению светского образования. В декрете четко разводились понятия светского и религиозного образования, при этом последнее не запрещалось, но переводилось в частную плоскость[957]. Подобный декрет был издан и Совнаркомом Туркестанской АССР 20 ноября 1918 г. Согласимся с мнением исследователей, что данный декрет стал основой политики Советского государства в отношении религии и религиозных организаций. Этот документ отменял всякую дискриминацию граждан в связи с их отношением к религии и провозглашал светскость государства и школы[958].

Однако введение декрета в жизнь проходило сложно, встречало противодействие местных жителей, особенно в сельской местности. В начале 20-х гг. XX в. наряду с советскими школами продолжали действовать и старометодные школы — мактабы, вакуфные школы, духовные училища «медресе», со-

---

[956] Ишанходжаева З.Р. «Культурные преобразования» большевиков в Узбекистане…

[957] Декрет СНК от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1777#0

[958] Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918–1930 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/mustafo_bazarov.htm

державшиеся религиозными организациями[959]. Более того, в середине 1918 г. Наркомнац РСФСР разослал инструктивное письмо, в котором категорически пресекалось применение каких-либо репрессий в отношении мулл «за обучение догматам мусульманского вероучения» и временно разрешил преподавание основ вероучения в национальных школах. В начале 1920 г. ЦК РКП(б) разослал на места циркулярное письмо об отношении к народам Востока, в котором ставилась задача удвоить усилия для проникновения в сознание мусульманского населения коммунистической идеологии. Подчеркивалось, что необходимо учитывать политическую и культурную отсталость народа, а с религиозными предрассудками, предупреждал циркуляр, «нужно бороться не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием посредством распространения грамоты, открытием школ, клубов, читален»[960]. Еще в 1925 г. в Туркестане насчитывалось 97 вакуфных школ и более 1,5 тысяч старых мактабов, из которых 250 существовали нелегально. Причины устойчивости религиозных школ были вполне объяснимы. К медленному становлению светского образования приводили финансовые трудности и слабая материально-учебная база, противодействие населения вызывало и совместное обучение мальчиков и девочек. В то время как религиозные школы находились в лучшем материальном положении, так как содержались на доходы от вакуфов. Велико было и авторитетное влияние мулл на население.

В середине 20-х гг. XX в. усилилась тенденция передачи образовательных функций советским органам и увеличения светских школ в регионе[961]. В 1926 г. было принято правительственное решение о ликвидации в течении двух лет всех старометодных школ или переходе их на унифицированную советскую учебную программу. Это был прогрессивный шаг в развитии современной общеобразовательной системы. Количество светских школ стало расти более быстрыми темпами. Например, в 1927 г. в Андижане имелось 207 традиционных школ и 277 светских; в Фергане — соответственно 118 и 272; в Зерафшане — 120 и 110, в Ходженте — 68 и 90 и т.п.[962] Тем не менее, несмотря на ужесточение правительственного курса, старометодная школа сохраняла еще довольно сильные позиции. В 1926/1927 уч.г. насчитывалось 1305 старометодных мактабов с контингентом 9609 учащихся, 457 карыхонов, где обучалось 1484 ученика[963].

---

[959] Атлас Союза Советских Социалистических Республик. Изд. ЦИК СССР, 1928 [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/40030

[960] Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918–1930 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/mustafo_bazarov.htm

[961] Там же.

[962] Там же.

[963] Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика Советской власти и её воздействие на культурную жизнь Узбекистана (1925–1950 гг.). С. 21–22.

Безусловно, необходимо подчеркнуть, что успехи в строительстве системы образования в Степном крае и Туркестане стали возможными только благодаря активной помощи из Центра. Ранее подчеркивалось, что в регионе практически полностью отсутствовала материально-техническая база для развития как школьного дела, так и системы высшего образования, отсутствовали национальные научные кадры, очевидными были недостаточность литературы и в целом скудность библиотечного фонда. Решение данных насущных проблем было возложено на центральный аппарат власти. В регион приезжали ученые, педагоги, директивными мерами направлялись научное оборудование, книги. Помощь оказывали столичные вузы. При поддержке Академии наук СССР в Туркестане в 1920-е гг. были созданы первые научно-исследовательские учреждения, которые развернули научные разработки в области ирригации, хлопководства и медицины. К концу второго десятилетия XX в. в регионе функционировали уже десятки научно-исследовательских учреждений, в которых трудились более 1000 научных работников[964].

Крупным центром изучения истории, этнографии, экономики региона и естественных наук стало основанное в октябре 1920 г. Общество изучения Степного края, которое имело четыре филиала. Академией наук СССР со второй половины 1920-х гг. стали осуществляться исследовательские экспедиции. Национальные научные, педагогические, профессиональные кадры получали образование как в центральных вузах (Московском и Ленинградском университетах), так и в новых высших учебных заведениях региона: Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), Среднеазиатском университете, Среднеазиатском коммунистическом университете.

С помощью коллег из Москвы и Ленинграда, при поддержке сибирских ученых и краеведов в Степном крае и Туркестане было заложено архивное дело, нормативной базой которого явился декрет 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела»[965]. На основе декрета ТуркЦИК 5 ноября 1919 г. принял Положение об учреждении Центрального управления архивным делом Туркестана (Цуардел Туркестана). 1 сентября 1921 г. на базе Оренбургского губернского архива был основан Центральный краевой архив Казахстана, ныне Центральный государственный архив Республики Казахстан. Возникла сеть областных и районных архивов. В период упрочнения советской власти как в Степном крае, так и в Туркестанской республике одной из форм культурно-просветительской работы стало издание первых советских газет на русском и национальных языках.

---

[964] Тураева М. Культурная жизнь в 20–40-х годах в Узбекистане [Электронный ресурс]. URL: http://www.jurnal.org/articles/2017/hist2.html

[965] Декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_297.htm

Важным вектором национально-культурного строительства большевиков в регионе стало реформирование традиционной судебной системы и распространение норм международной юстиции. К 1917 г. судебная система Степного края и Туркестана являла собой главенство традиционного народного суда биев и казиев, основанного на адате и шариате соответственно и сохраняющего значительное количество архаичных пережитков[966]. Реформы судебной системы, проводимые в Российской империи, не были реализованы в регионе в полной мере. Модернизация социально-экономических, политических и общественных отношений, вызванная к жизни революционными событиями 1917 г., требовала создания в регионе современной системы права, отвечающей реалиям времени.

Сложно проходила реформа судебной системы в Степном крае. Приход к власти Временного правительства предполагал изменение характера правовой политики государства. Правительством были сделаны шаги в реформировании традиционной судебной системы казахского общества, но большинство из предложенных инициатив не получило дальнейшего разрешения, в системе юстиции казахского общества сохранялся институт суда биев, а в основе гражданского права сохранялись нормы шариата и обычного права. Октябрьская революция и установление советской власти обозначили новый виток в модернизации судебно-правовой системы региона. В первые годы становления советской власти отношение к обычному праву было выражением проводимой большевиками национальной политики, одним из главных критериев которой провозглашалось признание традиций и обычаев коренного населения национальных окраин и их постепенная замена прогрессивными институтами. В Декрете о суде — одном из первых документов советской власти, принятом 22 ноября 1917 г., подчеркивалось, что местным судам разрешено применять в судебной практике правовые нормы имперского периода, не противоречащие революции[967]. Применительно к условиям Степного края данный принцип был реализован летом 1919 г. в Декрете СНК РСФСР «О революционном комитете по управлению Киргизским краем», согласно которому сохранялись институт народных судов и обычное право в крае как нормативно-правовая основа судебной системы[968].

Гражданская война и интервенция отодвинули на второй план вопросы социально-правовой модернизации и культурного строительства в национальных окраинах. Однако уже в 1919 г. на областных и районных съездах

[966] Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи... С. 154.

[967] Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 124–126.

[968] О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем : Декрет СНК от 10 июля 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/38280

и собраниях трудящихся Степного края с большой остротой ставятся вопросы о борьбе с «вредными пережитками старого общества» и высказываются требования отмены наиболее реакционных форм адата и шариата. Завершение Гражданской войны ознаменовало собой начало нового этапа в истории региона. После образования в 1920 г. КирАССР[969] были сформированы республиканские органы власти, в том числе и Комиссариат юстиции. С этого времени реформа судебно-правовой системы казахского общества началась в полном масштабе.

На Первом Всекиргизском съезде Советов, который проходил в октябре 1920 г., вопросы организации советской юстиции и реформы суда вызвали бурное обсуждение[970]. На съезде отмечалось, что наряду с советскими законами в республике сохраняются нормы обычного права, реальное сосуществование которых нередко приводит к противоречию. В результате было принято решение о разработке законоположений, отменяющих отдельные институты и процессуальные учреждения адата, а также наиболее реакционные институты семейного права, такие как калым, многоженство, аменгерство. Юридической основой дальнейшей реформы судебно-правовой системы казахского общества стали декреты РСФСР и КАССР. В первую очередь изменения коснулись регламентации семейно-брачных отношений. В течение 1920–1921 гг. были приняты декреты об отмене калыма, уплата и принятие которого становились уголовным преступлением, запрете аменгерства, наказуемости многоженства, запрещающие этот обычай и определяющие меры наказания уголовно-правового характера за его совершение. Отменялся такой обычай в «брачном праве» казахов, как похищение девушек для последующего вступления с ними в брак.

Не менее важное значение придавалось вопросам, связанным с распространением в казахском обществе таких традиций, как кун и барымта, которые были запрещены специально изданными декретами[971]. С 1 января 1923 г. на территории КирАССР начал действовал первый Гражданский кодекс РСФСР, что стало важным этапом в становлении национальной правовой системы и юстиции.

Реорганизация судебной системы была проведена и в Туркестане. Туркестанский военно-окружной суд был упразднен приказом СНК Туркестанской Республики от 17 июля 1918 г., судебная палата и прокуратура при ней продолжали существовать до 1919 г.[972] В августе 1918 г. СНК Туркестана из-

[969] В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Док. № 2. С. 33–35.

[970] Образование Казахской АССР. Алма-Ата, 1957. С. 269–272.

[971] Там же. С. 309–310.

[972] Исманов Т.К., Джаныбеков Э.С. Правовое регулирование чрезвычайных мер, ограничивавших контрреволюционные выступления в Советской России и Туркестане в 1918–1937 гг. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2 (24). С. 15.

дал декрет об упразднении религиозных, казиятских и бийских судов и установлении повсеместно советских судов. Декрет, к сожалению, не учитывал специфику региона и местных обычаев, поэтому его внедрение затянулось на несколько лет. Проходившая в мае 1919 г. Первая краевая конференция мусульманских организаций РКП(б) в Туркестане в своей резолюции «О туземных судах казиев и биев» признала необходимым сохранить традиционную судебную систему с постепенной реорганизацией судов казиев и биев в единый народный суд с применением тех норм права, которые не противоречат революционному правосознанию[973]. Однако уже в августе того же года правительство Туркестанской республики вместо реорганизации стало ликвидировать мусульманские суды, что вызвало резкое недовольство местного населения. В связи с этим 31 января 1920 г. ЦИК Советов Туркреспублики утвердил положение «О комиссии по согласованию законоположений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Туркестанской республики с шариатом и адатом», согласно которому в случае расхождений между законодательными актами правительства и нормами шариата или адата последние имели большую юридическую силу. Такое же распоряжение действовало в Бухарской и Хорезмской народных советских республиках[974].

На начальном этапе установления советской власти большевики в Туркестане, как и в Степном крае, обеспечивали мусульманам свободу вероисповедания, равноправие служителей культа, сохраняли мусульманское судопроизводство. Так, 18 мая 1922 г. ЦК РКП (б) принял постановление «О Туркестанско-бухарских делах», согласно которому бывшие вакуфные земли были возвращены мечетям и медресе, а также легализировались религиозные школы. Предусматривалось, что вырученные с помощью вакуфов средства пойдут на содержание конфессиональных учебных заведений и организацию учебного процесса. При Наркомате образования Туркестана было создано Главное вакуфное управление, которое контролировало использование вакуфного имущества и занималось организацией новых вакуфов. Подчеркивалась значимость религиозных судов, которые рассматривали дела на основе адата и шариата[975]. Уступки в сфере судопроизводства были для большевиков вынужденными. В условиях Гражданской войны, развернувшегося движения басмачей советская власть нуждалась в поддержке со

---

[973] Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918–1930 гг. …

[974] Густерин П.В. Советское государство и мусульманский Восток [Электронный ресурс]. URL: http://www.proza.ru/2017/04/30/1617

[975] Змерзлый Б.В. Политические документы РКП(б) (ВКП(б)), ставшие идеологической основой законодательной базы в деле регулирования деятельности религиозных общин в СССР (1920–1930-е гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2009. Т. 22 (61), № 2. С. 25–26.

стороны мусульманского населения, для которого привычным и понятным оставалась традиционная правовая система.

В июле 1922 г. в Ташкенте состоялся съезд работников юстиции с участием представителей шариатских судов, а затем вышло соответствующее постановление ТуркЦИКа, согласно которому казиятские суды действовали наряду с советскими судами. Однако их права и функции были до определенной степени ограничены. По мере укрепления советской власти в регионе мусульманское судопроизводство стало ликвидироваться[976]. Уже в декабре 1922 г. ЦИК Советов и Совнарком ТуркАССР принимает новое положение, в соответствии с которым казиятские суды, предназначенные для коренного оседлого населения (узбеков, таджиков и др.), сохранялись только в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях республики[977]. В Бухарской НСР казиятские суды, рассматривающие только гражданские дела, действовали в течение всего времени существования республики, наряду с ними работали и участковые советские суды.

К 1924 г. в Туркестанской АССР шариатские суды фактически свернули свою деятельность: из их ведения были изъяты все уголовные дела, полноценно действовать они не могли и в скором времени прекратили свое существование. В 1925 г. на территории Узбекистана сохраняли деятельность 86 казиятских судов, чья компетенция постепенно снижалась. К 1927 г. таких судов осталось лишь семь, а в 1928 г. народные суды Туркестана были упразднены советской властью[978].

В целом, характеризуя основы судоустройства СССР и союзных республик, ряд исследователей подчеркивают, что «советское государство рассматривало судебные органы, прежде всего, как инструмент в достижении своих целей»[979], с чем нельзя не согласиться. Однако в результате принятия и введения в силу прогрессивных декретов советской власти в регионе были ликвидированы существенные пережитки традиционной судебно-правовой системы. Народный суд терял свой авторитет и значение, а сфера применения норм обычного права существенно сократилась. Уже в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. нормы обычного права, архаические по своей сути, и традиционные судебные институты будут полностью исключены из судебной практики.

С большими трудностями было связано и формирование в центральноазиатских республиках профессионального национального искусства. Боль-

---

[976] Густерин П.В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 92–100.

[977] Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918–1930 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/mustafo_bazarov.htm

[978] Салиев А. Попытки инкорпорации традиционных судов Туркестана в систему судопроизводства Российской империи // Право и управление. XXI век. 2015. №2 (35). С. 126.

[979] Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. М., 2007. С. 171.

шевики приложили значительные усилия в этом направлении, и уже в середине 20-х гг. XX в. были заметны первые результаты. Важным средством массовой агитации и воспитания трудящихся, по мнению представителей историографии советского периода, являлся театр[980]. Безусловно, развитие национального театрального искусства, балета, оперы свидетельствует о высоком уровне духовного роста и самосознания народа. Для подготовки кадров театрального искусства в Ташкенте в 1920 г. была создана театральная школа. К середине 20-х гг. в Туркестане, Бухаре и Хорезме действовали 14 театров, 19 кинотеатров, 152 библиотеки, 5 музеев. В январе 1926 г. в Кзыл-Орде был организован первый национальный театр в КазАССР[981].

Важное внимание отводилось развитию сети кино. Важность кинематографа озвучил в своем докладе представитель всероссийского фото-киноотдела Наркомпроса Р.Г. Лагунов, подчеркивая, что кино — «мощный проводник просвещения в самую толщу народа»[982]. Активизация в этом направлении наметилась после XIII съезда партии в 1924 г., признавшего, что «кино должно являться в руках партии могущественным средством коммунистического просвещения и агитации». Результатом этого было усиление темпов роста киносети. К 1926 г. сеть стационарных киноустановок в регионе насчитывала уже 1882 единицы.

Большинство исследователей едины в оценке роли Советской России в развитии новой культуры национальных окраин, особенно в области науки, литературы и искусства. Поднятие культурного уровня населения способствовало формированию национальной интеллигенции, национальных политических и партийных кадров, благоприятствовало развитию межкультурных коммуникаций и вывело народы региона из культурной изоляции. Важным является интернациональное влияние русской культуры на культуру народов региона. Огромные финансовые дотации, книги, оборудование, учебные пособия, профессиональные кадры получали советские республики из Центра[983]. Значительные социально-культурные преобразования, такие как практически полная ликвидация безграмотности, открытие школ, расширение печати на национальных языках, создание системы высшего образования и научно-исследовательских учреждений нового образца, развитие национального искусства, имели положительное значение[984]. Однако высока

---

[980] Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане (март 1917 г. – июнь 1918 г.). С. 219.

[981] Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. С. 48.

[982] Письмо о развитии кино среди мусульман Туркестана. 27.12.1919 г. [Электронный ресурс]. URL: http://islamperspectives.org/rpi/items/show/11519

[983] Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. С. 49.

[984] Ишанходжаева З.Р. К вопросу «социалистической модернизации» духовной жизни Узбекистана в 20–30-е годы XX века // Высшая школа. 2015. № 6. С. 39.

была степень идеологизации культурной революции и регламентации всего процесса со стороны центрального руководства.

Безусловно, подъем культурного уровня народов Степного края и Туркестана имел огромное значение для укрепления советской власти в крае, способствуя повышению политической активности трудящихся. Пре-одолевая огромные трудности, при помощи Советской России народы региона приступили к ликвидации своей экономической, политической и культурной отсталости. Конечно, нельзя отрицать, что культурная революция носила директивный характер, являла собой проведение в жизнь многочисленных решений партийных съездов и пленумов, сопровождалась социалистическими лозунгами, в целом, была привнесена в регион, а не стала эволюционным этапом развития народов Степного края и Туркестана. Доля национальной интеллигенции среди населения была незначительной. И большевики, столкнувшись в большей степени с политически и культурно аморфным населением центральноазиатских областей, приступили к конструированию нации. Но именно такие методы ликвидации культурной отсталости позволили коренным народам региона вый-ти на путь нациестроительства, что является одним из важнейших результатов проводимой советской властью политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях полиэтничности Российской империи национальный вопрос всегда являлся одним из наиболее актуальных в ее внутренней политике. Наличие в составе государства территорий (Финляндия, Польша, Закавказье, Центральная Азия и т.д.), обладающих иными, нежели метрополия, культурно-языковыми, религиозными, а нередко и государственными традициями, неизбежно ставило на повестку дня вопрос о необходимости поиска способов и средств сохранения его целостности. Поэтому начиная с середины XIX в. данная проблема стала рассматриваться в контексте идеи укрепления национальной империи и межнациональной интеграции. Ее практическая реализация спровоцировала рост этнической мобилизации народов Российской империи, оформление идеологии национализма и актуализировала в начале XX в. «польский», «еврейский», «инородческий» и «мусульманский» вопросы. Возникновение в период с 1905 по 1917 г. в России около 50 «национальных» политических партий, ставивших во главу угла необходимость защиты интересов этнических меньшинств, отражало глубокую историческую потребность в утверждении новых культурных принципов и соответствующих им политических форм реализации национальной политики.

Центральноазиатский регион являлся одной из наиболее значительных по территории национальных окраин России с преобладающим мусульманским населением. К моменту присоединения данного этнорегиона в состав империи, самосознание местного населения представляло иерархию идентичностей, отвечающих характеру существования традиционного общества, и основывалось на так называемых повседневно необходимых идентичностях: сословных, религиозных, хозяйственно-культурных, регионально-оазисных, клановых и родовых. Верхний уровень самосознания населения Степного края и Туркестана определялся принадлежностью к исламу. Таким образом, в отличие от стран Западной Европы, где на протяжении позднего Средневековья и Нового времени проходил процесс формирования наций и национальных государств, на Востоке в целом и в центральноазиатском регионе в частности данные тенденции были выражены крайне слабо.

Политика Российской империи, направленная на интеграцию центральноазиатского региона в политико-правовое и социально-экономическое пространство, выступила внешним ресурсом, простимулировавшим процессы этнической консолидации коренных народов. Так, на рубеже XIX–XX вв. в Степном крае и Туркестане осуществлялось активное внедрение демократических элементов западной политической культуры (институт выборов, парламентское и партийное движение), региональной интеллигенцией осваивалась идеология буржуазной демократии, основанная на понятиях «ра-

венство», «свобода», «самоопределение». Следствием этого стало участие коренных народов центральноазиатских окраин в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг., общероссийском мусульманском движении, избирательных кампаниях в Государственную думу, формирование новых этноэлит, выражавших готовность встать на защиту интересов своих народов. Экономическая модернизация центральноазиатских национальных окраин существенно изменила социально-экономическую структуру региона, привела к многоукладности экономики, развитию кредитно-банковской системы, рынка труда. Все это способствовало усилению социальной мобильности населения региона, развитию системы школьного образования и, в конечном итоге, росту процессов этнической консолидации.

Важным ресурсом усиления процессов этнической мобилизации коренных народов Степного края и Туркестана стала аграрно-переселенческая политика Российской империи. Мероприятия по землеустройству переселенцев существенно повлияли на условия развития хозяйства кочевых и оседло-земледельческих народов. Это способствовало накоплению конфликтности во взаимоотношениях с администрацией и русскими крестьянами-переселенцами, обострению межэтнической конкуренции и вспышкам взаимного насилия.

У определенной части населения, слабо интегрированной в процессы модернизации, кардинальные изменения трансформационного порядка вызывали, как правило, ощущение обездоленности, воспринимались как форма колониальности, направленной на подавление их собственной культурной идентичности. Это способствовало консервации традиционных основ системы жизнедеятельности коренных народов Центральной Азии и возрождению «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи. Именно в них виделся «защитный механизм» и способ сохранения традиционных идентичностей.

В конечном итоге реализация русского имперского модернизационного проекта в Туркестане и Степном крае, чаще именуемого в историографии «политикой ассимиляции и русификации», дала ограниченные результаты. В регионе продолжала сохраняться политическая традиция (деспотическое управление в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате), регионально-клановое сознание, родовые конфликты, особенности распределения собственности. В то же время включение некоторой части коренных народов в процесс модернизации (формирование национальных кадров промышленных рабочих, интеллигенции, национальной буржуазии) объективно усиливало их социальную мобильность (урбанизация, развитие системы школьного образования) и способствовало этнической мобилизации и в долгосрочной перспективе генезису наций.

Слабые импульсы этнической интеграции коренных народов Степного края и Туркестана, порожденные процессами модернизации, четко уловили новые региональные этноэлиты. Эти элиты, активно интегрирующиеся в общероссийское либерально-демократическое и мусульманское движение, накануне революций 1917 г. предложили ряд проектов, направленных на формирование в регионе наций. При этом следует отметить, что движение казахских и туркестанских националистов развивалось параллельно, без активного взаимодействия друг с другом. Во многом ситуация объяснялась территориальной близостью Степного края к общественно-политическим центрам России, а Туркестана — к Хиве и Бухаре, более поздним подключением Туркестана к модернизационным воздействиям, а также ментальными различиями кочевого и оседлого населения двух регионов. Практическая деятельность новых этноэлит Степного края и Туркестана в предреволюционный период была связана с просветительской работой, направленной на повышение правовой сознательности и культуры коренного населения, возрождение интереса к национальной истории, традициям, обычаям, приобщение к печатной культуре.

Тем не менее следует резюмировать, что региональным этноэлитам вплоть до 1917 г. не удалось совершить переход от этнической к этнополитической мобилизации коренного населения Степного края и Туркестана. Сформулированные ими требования: развитие национальной культуры и образования, основанных на родном языке, снятие правовых ограничений в духовной сфере, обретение гражданских прав, политическое самоуправление в форме автономии — являлись продуктом их интеграции в общероссийское либерально-демократическое движение. К февралю 1917 г. они так и не смогли оформиться организационно и создать национальные партии (хотя такие попытки имели место в период революции 1905–1907 гг.), представить собственное видение дальнейшего развития центральноазиатского региона. На фоне набиравших силу центробежных тенденций и роста национально-освободительных движений в Австро-Венгерской, Османской и собственно Российской (Польша, Финляндия) империях, самоопределения вплоть до выхода и суверенизации никто из этноэлит Степного края и Туркестана не предлагал. Все это дает основания говорить, что национализм в центральноазиатском регионе накануне 1917 г. не являлся зрелой идеологией и не представлял внутриполитической проблемы.

Ситуация объясняется, на наш взгляд, ограниченностью в дореволюционный период в регионе внутренних ресурсов для этнополитической мобилизации: господством традиционного мышления, низким процентом грамотности населения и слабым его включением в образовательную систему, малочисленностью региональных этноэлит. Это предопределило определен-

ную отчужденность казахской и туркестанской интеллигенции от народа, недооценку ею значимости традиционных норм и ценностей в повседневной жизни жителей региона.

Свидетельством данных процессов стало развитие в предреволюционный период параллельно с современными формами политического процесса народно-протестного движения в Степном крае и Туркестане, принимавшего различные формы — от силовых локальных акций до спланированных волостных и уездных съездов и участия во всероссийских петиционных кампаниях периода Первой русской революции 1905–1907 гг. Кульминацией протестного движения, безусловно, следует считать восстание коренных народов центральноазиатских окраин 1916 г., в ходе которого в полной мере обозначились противоречия переходного периода. С одной стороны, наблюдались тенденции этноконсолидационных процессов, придавших движению мощный импульс, массовость и масштабность. С другой стороны, события 1916 г. продемонстрировали определенный раскол центральноазиатского общества, выразившийся в позитивном отношении национальной интеллигенции к указу Николая II о мобилизации инородцев, внутриродовых и межэтнических столкновениях в ходе восстания, реставрации архаических (с точки зрения теории модернизации) политических институтов и социальных норм.

Таким образом, очевидно, что накануне революций 1917 г. в Степном крае и Туркестане сформировалась своеобразная этнополитическая ситуация, связанная с началом активизации процессов этнической мобилизации. Во многом она была порождена сущностью национального вопроса, главными составляющими которого являлись аграрный и мусульманский вопросы, ограничительные нормы российского законодательствах в сфере политических прав и свобод населения региона. Для его решения требовалось проведение более взвешенной национальной политики. Однако общая логика модернизационных процессов, направленная на устранение дискриминации по национальному признаку, введение юридического и фактического равенства государствообразующего русского населения и «инородцев», приходила в противоречие с конкретными прагматизмом и практикой администрирования в центральноазиатском регионе. Последние преследовали цель пресечения роста политической активности коренного населения Степного края и Туркестана, его вычленения из общероссийского мусульманского движения и исключения возможности этнической консолидации. С полным основанием можно утверждать, что имперская власть и ее политика модернизации предопределили формирование «национального вопроса» и запустили процессы этнической мобилизации коренных народов, формирования новых региональных этничностей, идеологии национального движения и его организационное оформление.

Революция 1917 г. в России актуализировала национальный вопрос и усилила процессы этнической мобилизации. Свержение династии Романовых, с которой ассоциировались все противоречия национальной/колониальной/модернизационной политики, было позитивно встречено большинством коренного населения Степного края и Туркестана. Региональные этноэлиты связывали с Временным правительством надежды на позитивное решение национального вопроса.

Политические силы страны весной–осенью 1917 г. по отношению к вопросу о национально-государственном устройстве разделились на унитаристов и децентралистов. Кадеты и октябристы, чувствуя ответственность за государственную целостность России, являлись безусловными сторонниками сохранения ее государственного единства. В их представлении все народы России, получив гражданское равенство, будут готовы составить единую нацию, сознающую свою политическую целостность в границах Российского государства, а Учредительное собрание станет выразителем ее воли. Мысля в геополитических категориях и понимая необходимость сохранения единого экономического и культурного пространства, либералы в силу великодержавной централистической инерции не могли признать права «малых» народов на формирование культурных установок в соответствии с их собственными представлениями.

Децентралистскими были в первую очередь национальные партии, идеи которых поддерживали все социалисты, в том числе большевики. В национально-освободительном движении они видели свидетельство пробуждения народного самосознания и стремление к сохранению самобытности, считая, что децентрализм станет тем рычагом, который поможет усилить процессы модернизации в России. Поддержали идею федеративного устройства России и лидеры общероссийского мусульманского движения. В ходе работы I Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Москве (1–11 мая 1917 г.), идея федерализации страны вытеснила культурно-автономистские планы. За национально-территориальное устройство России выступили представители Азербайджана, Крыма, Башкирии, Туркестана и Степного края.

Важно подчеркнуть, что на I Всероссийском съезде мусульман обсуждался широкий круг вопросов дальнейшего функционирования мусульманской общины: отношение мусульман к войне, реформа духовного управления, женский вопрос и т.д. Часть постановлений съезда была непосредственно связана со Степным краем и Туркестаном. В частности, Временному правительству предлагалось немедленно приостановить экспроприацию земли у коренных этносов и землеустройство крестьян-переселенцев; создать отдельный муфтият для управления духовной жизнью мусульман центрально-

азиатской окраины. О степени участия этноэлит Степного края и Туркестана в общероссийском мусульманско-либеральном движении свидетельствует тот факт, что в состав Всероссийского мусульманского совета, избранного по итогам I Всероссийского мусульманского съезда, вошли пять их представителей.

Идеи общероссийского либерально-демократического и мусульманского движения лидеры этноэлит Степного края и Туркестана транслировали на региональном уровне. Если весной 1917 г. в большинстве своем представители казахской интеллигенции не помышляли о суверенизации в форме национально-территориальной автономии, добиваясь создания земских органов в целях повышения уровня культуры своих сородичей и улучшения их социально-экономического положения, то уже к лету этого года они поддержали требования децентрализации России и получения Степным краем и Туркестаном статуса национально-территориальных автономий.

С февраля по октябрь 1917 г. представители казахской интеллигенции предпринимали активные попытки этнополитической мобилизации коренных этносов, призывая их к участию в политическом процессе, выборах в Учредительное собрание и т.д. На прошедших в ряде городов региональных всеказахских, туркестанских, мусульманских съездах была продолжена работа, направленная на организационное оформление национально-демократического движения и создание программ самоопределения коренных народов. В перспективе по мере повышения уровня политической культуры своих народов и роста их благосостояния националисты предрекали возможность решения задачи создания национальной государственности отдельных этносов региона.

В то же время следует подчеркнуть, что, несмотря на общность этнополитических и этносоциальных проблем, этноэлиты Степного края и Туркестана так и не смогли консолидировать свои усилия на их совместное решение. Так, казахская интеллигенция продолжала традиционно тяготеть к российским политическим движениям, выстраивала союзнические отношения с сибирскими областниками, поддерживая суверенизацию Сибири. В туркестанском автономистском движении в большей степени присутствовала религиозная составляющая, поскольку в общественно-политической жизни региона существенную роль продолжало играть мусульманское духовенство. Между ним и прогрессистами имелись серьезные расхождения по вопросам духовной составляющей жизни туркестанского общества, что в конечном итоге привело к расколу партии Шуро-и-Исламия в июне 1917 г. и образованию мусульманским духовенством организации Шуро-и-Улема. Кроме того, на успешное развитие туркестанского автономистского, младобухарского и младохивинского движений отрицательное воздействие оказывал факт

полиэтничности региона. Между узбекской, казахской, туркменской политическими элитами велась борьба за лидерство, отягощенная серьезными межэтническими противоречиями на низовом уровне. Уровень этнополитической мобилизации народов региона оставался незначительным, что исключало на данном этапе возможность появления отдельных национально-автономистских направлений.

Дальнейшая разработка проблем централизма и децентрализма, автономии и федерализма, самоуправления народов и их порыва к культурному творчеству выпала на долю большевиков. После победы Октябрьской революции они продолжали следовать своим программным установкам по национальному вопросу, воплотив их в первых государственных актах: в Декларации прав народов России, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, решениях II и III Всероссийских съездов Советов и др. Эти документы призваны были законодательно закрепить основополагающие принципы национальных отношений, равенство и суверенность народов России, право наций на самоопределение, отмену национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, пролетарский интернационализм. Лидеры большевиков были убеждены, что только на данной демократической основе и возможно было утверждение нового общественного строя, сохранение территориальной целостности и государственного единства страны.

Большевики исходили из того, что преобразования в национальной сфере должны быть подчинены целям укрепления диктатуры пролетариата в России, поднявшего знамя мировой социалистической революции. Декларированный принцип права наций на самоопределение вовсе не означал его немедленную автоматическую реализацию, право на самоопределение рассматривалось в то же время и как интернационализм, как право определения юридических форм союза с русским и другими народами России.

Анализ динамики событий, последовавших в центральноазиатских окраинах России после октября 1917 г., позволяет утверждать, что большевистское руководство недооценило уровень развития этнополитической мобилизации коренных народов региона. Не имея социальной поддержки у местного населения в лице «трудящихся» и лидеров автономистского национального движения, оценивавшегося с классовых позиций как «буржуазно-националистическое», оно пошло по пути формирования органов советской власти, представлявшей интересы исключительно местного русскоязычного населения. Исключение мусульманской части населения из процесса формирования советских органов власти вызвало волну протеста со стороны региональных этноэлит. Национальные организации во главе с Шурои-и-Улема заявляли, что расценивают действия большевиков как узурпацию власти,

а лозунг «Вся власть Советам» — как не соответствующий интересам мусульманского населения.

Последовавшее в ноябре-декабре 1917 г. образование Туркестанской (Кокандской) автономии и казахской автономии Алаш в условиях многовластия свидетельствовало о готовности региональных этноэлит принимать ответственные политические решения и воплощать их в форме создания органов автономного самоуправления своими народами и, в целом, о высокой мобилизационной составляющей идеологии национализма.

Провозглашение Кокандской автономии и создание временного правительства стало максимальной точкой развития национального автономистского движения коренного населения Туркестанского края. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, возможности для решения вопроса национального самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения, были фактически исчерпаны. Поэтому в январе 1918 г. последовал разгром Кокандской автономии и образование в апреле этого же года Туркестанской Социалистической Советской республики в составе РСФСР. Институт республики позиционировался как более высокая, и это на самом деле так, форма автономии, был призван продемонстрировать фактически максимальное воплощение права на самоопределение.

Наряду с провозглашением национальной автономии в форме советской республики, большевики взяли курс на привлечение коренного населения к управлению и формирование отношения доверия к новой власти. Эту задачу должны были решать Мусульманские бюро, созданные при региональных отделениях РКП(б). Они занимались организационно-политической, пропагандистской и агитационной работой среди мусульманского населения региона и усилением позиций коммунистической партии в его среде. В период с 1919 по 1921 г. значительную роль в решении задач партийного строительства и реализации национальной политики большевиков сыграла Турккомиссия ВЦИК. Именно ее последовательная деятельность в регионе скорректировала курс местных национал-коммунистов, выступавших за создание партии и Туркестанской республики на тюркской основе и расширение прав автономии. Это позволило большевикам, используя ярко обозначившиеся в период революций 1917 г. процессы этнополитической мобилизации коренного населения, перейти к конструированию наций советского типа.

Правительство автономии Алаш в условиях Гражданской войны вело активный диалог и было готово идти на компромисс с любой общероссийской политической силой, вне зависимости от ее идеологических установок, в случае, если она обладала реальной властью и могла признать законность

существования суверенного государственного образования казахов. В качестве союзника было выбрано Советское правительство, которое с середины 1919 г., после разгрома армии Колчака, приступило к укреплению своих позиций в Степном крае. Комитет по управлению Киргизским краем — Кирревком, созданный 10 июля 1919 г., был призван провести работу по советизации края, проведению в жизнь всех постановлений центральной советской власти и подготовке проекта положения о киргизской автономии на советских началах. Деятельность Кирревкома способствовала переходу казахской интеллигенции на сторону советской власти, роспуску правительства Алаш и образованию летом 1920 г. Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики.

В стремлении сохранить территориальную целостность страны большевикам удалось в рамках имперских традиций расширить пределы страны посредством силового поглощения Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Во многом это стало возможным благодаря готовности местных национальных организаций — младохивинцев и младобухарцев, в достижении своих политических амбиций идти на политический союз с большевиками, а также слабости деспотических режимов хивинского хана и бухарского эмира.

Аннексия большевиками Хивы и Бухары, а также ряд мероприятий советской власти в центральноазиатском регионе, носивших характер террора и беззакония, вызвали волну протеста у коренного населения. В связи с этим басмаческое движение народов Туркестана, несомненно, следует рассматривать как составную часть политического противостояния в регионе, как часть Гражданской войны.

Тем не менее переход на сторону советской власти националистически настроенной казахской, туркестанской элиты, лидеров басмаческого движения обеспечил признание коренными народами Степного края и Туркестана коммунистического режима. Немаловажная роль в этом процессе принадлежала последовательной национальной политике большевиков, связанной с конструированием нации советского типа. Ее составляющими стали: национально-государственное строительство, превратившее многие народы центральноазиатского региона в титульные национальности, коренизация государственного аппарата управления ТуркАССР и Кир(Каз)АССР, языковая политика и связанное с ней развитие системы образования на национальных языках, культурно-просветительская работа, направленная на сохранение национальных традиций. Завершающим аккордом решения национального вопроса в период революционных трансформаций стало образование в 1922 г. СССР и последовавшее два года спустя национально-территориальное размежевание центральноазиатского региона страны. Создав в регионе иерархию национальных территорий от советских республик до локальных

национальных Советов, выделенных по этническому принципу, большевики, не ставя перед собой такой задачи, содействовали формированию этнической идентичности в качестве доминирующей в сознании местного населения.

Таким образом, большевистскому руководству удалось создать условия развития народов СССР, удовлетворявшие в тот период исторического развития их стремление к самоопределению. Федерация стала тем оптимальным балансом между суверенитетом народов, гарантированным «правом наций на самоопределение» и государственными интересами, центральным из которых является обеспечение территориальной целостности страны. Появление официальной номенклатуры национальностей Центральной Азии — казахов, узбеков, каракалпаков, киргизов, туркмен, таджиков, поначалу формальное, со временем закреплялось в их этносознании и культуре. Следствием этих процессов явилось формирование новых этнических идентичностей, интегрированных в советскую идентичность и коммунистическую идеологию, содержащую представление о советском народе как новой исторической общности.

Список сокращений

БКП — Бухарская коммунистическая партия
БСНР — Бухарская Советская Народная Республика
ВМС — Всероссийский мусульманский совет
ВЦБРМ — Временное центральное бюро российских мусульман
ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГубЧК — Губернская Чрезвычайная Комиссия
ЗСФСР — Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика
КирАССР — Киргизская (Казахская) Автономная Советская Социалистическая Республика
Кироблбюро РКП(б) — Киргизское областное бюро Российской коммунистической партии (большевиков)
Кирпромбюро ВСНХ РСФСР — Киргизское промышленное бюро Высшего Совета Народного Хозяйства Союза Советских Социалистичес-ких Республик
КирЦИК — Киргизский Центральный Исполнительный Комитет
Коминтерн — Коммунистический интернационал
Тукрамус — Туркестанский краевой мусульманский совет
Туркфронт — Туркестанский фронт
КПТ — Коммунистическая партия Туркестана
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МВД — Министерство внутренних дел
МИД — Министерство иностранных дел
Нарком — народный комиссар
Наркомнац — Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
НКЮ — Народный комиссариат юстиции
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
Нэп — Новая экономическая политика
Облизбиркомиссия — областная избирательная комиссия
Облревком — Областной революционный комитет
ОГПУ — Отдел государственного политического управления

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА — Российский государственный военный архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

Реввоенсовет (РВС) — Революционный военный совет

Ревком — Революционный комитет

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

САЭС — Среднеазиатский экономический совет

Совдеп — Совет депутатов

Средазбюро ЦК РКП(б) — Среднеазиатское бюро Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СНК — Совет Народных Комиссаров

СНК КазАССР — Совет народных комиссаров Казахской Автономной Советской Социалистической Республики

ТурССР — Туркестанская Советская Социалистическая Республика

Туккомиссия ВЦИК — Туркестанская Комиссия Всероссийского Центрального исполнительного комитета

ТурЦИК — Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет

ТВС — Туркестанский Временный Совет

ТСР — Туркестанская Советская Республика

ХКП — Хорезмская коммунистическая партия

ХНСР — Хорезмская Народная Советская Республика

ХССР — Хорезмийская Советская Социалистическая Республика

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан

ЦГА РУ — Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ЦК КПТ — Центральный комитет Коммунистической партии Туркестана

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Распределение населения областей центральноазиатских окраин Российской империи по сословиям и состояниям по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.,%

Сословие	Области								
	Акмолинская область	Закаспийская область	Самаркандская область	Семипалатинская область	Семиреченская область	Сырдарьинская область	Тургайская область	Уральская область	Ферганская область
Дворяне потомственные и их семьи	0,43	0,48	0,12	0,13	0,12	0,15	0,06	0,12	0,06
Дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи	0,59	0,45	0,10	0,23	0,18	0,20	0,05	0,19	0,06
Лица духовного звания всех христианских вероисповеданий и их семей	0,12	0,05	0,01	0,04	0,04	0,01	0,02	0,13	0,00
Потомственные и личные почетные граждане и их семьи	0,07	0,17	0,02	0,05	0,02	0,02	0,03	0,04	0,01
Купцы и их семьи	0,16	0,07	0,02	0,15	0,08	0,04	0,01	0,05	0,01
Мещане	4,70	2,04	0,72	3,51	2,99	1,04	4,80	1,57	0,27

Окончание таблицы 1

Сословие	Области								
	Акмолинская область	Закаспийская область	Самаркандская область	Семипалатинская область	Семиреченская область	Сырдарьинская область	Тургайская область	Уральская область	Ферганская область
Войсковые казаки	10,94	0,51	0,10	4,19	3,01	0,14	0,19	17,70	0,05
Инородцы	62,68	83,09	97,19	88,39	87,07	95,91	90,49	71,32	99,02
Финляндские уроженцы без различия сословий	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Лица, не принадлежавшие к этим сословиям	0,10	0,02	0,00	0,05	0,07	0,02	0,01	0,03	0,00
Лица, не указавшие сословия	0,04	0,03	0,01	0,02	0,02	0,02	0,00	0,01	0,00
ИТОГО русских подданных	**99,98**	**96,39**	**99,75**	**99,95**	**99,80**	**99,75**	**99,93**	**99,99**	**99,99**
Иностранные подданные	0,02	3,61	0,25	0,05	0,20	0,25	0,07	0,01	0,01
ВСЕГО русских и иностранных подданных	**100,00**	**100,00**	**100,00**	**100,00**	**100,00**	**100,00**	**100,00**	**100,00**	**100,00**

* Рассчитано по данным: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_sos_97.php

Таблица 2

Распределение населения областей центральноазиатских окраин Российской империи по вероисповеданиям по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., %

Вероисповедание	Области								
	Акмолинская область	Закаспийская область	Самаркандская область	Семипалатинская область	Семиреченская область	Сырдарьинская область	Тургайская область	Уральская область	Ферганская область
Православные и единоверцы	34,046	8,904	1,605	9,877	9,793	2,859	8,203	16,677	0,634
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	0,354	0,130	0,036	0,218	0,019	0,193	0,037	8,844	0,003
Армяно-григориане	0,001	1,107	0,042	0,000	0,001	0,003	0,000	0,002	0,011
Армяно-католики	-	0,004	0,001	-	0,000	0,000	-	0,000	0,000
Римско-католики	0,255	1,246	0,193	0,036	0,023	0,200	0,027	0,043	0,101
Лютеране	0,754	0,276	0,050	0,013	0,006	0,082	0,012	0,026	0,024
Реформаты	0,021	0,007	0,002	0,000	0,000	0,010	-	0,001	0,001
Баптисты	0,008	-	0,002	-	-	0,000	-	-	-
Менониты	0,000	-	-	-	0,001	0,038	-	0,001	-

Окончание таблицы 2

Вероисповедание	Области								
	Акмолинская область	Закаспийская область	Самаркандская область	Семипалатинская область	Семиреченская область	Сырдарьинская область	Тургайская область	Уральская область	Ферганская область
Англикане	0,000	-	0,000	-	-	0,000	-	0,001	-
Караимы	0,001	0,001	0,001	0,000	0,001	0,000	0,000	0,002	0,000
Иудеи	0,242	0,259	0,523	0,045	0,031	0,194	0,013	0,034	0,177
Магометане	64,310	88,062	97,540	89,802	90,121	96,409	91,705	74,213	99,036
Буддисты и ламаиты	0,002	0,001	0,004	0,005	0,003	0,003	0,002	0,149	0,008
Лица остальных нехристианских вероисповеданий	0,004	-	0,002	0,002	0,001	0,007	-	0,008	0,005
Итого	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**

* Рассчитано по данным: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php

Таблица 3

Распределение населения областей центральноазитских окраин Российской империи по родному языку по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., %

Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Области								
		Акмолинская область	Закаспийская область	Самаркандская область	Семипалатинская область	Семиреченская область	Сырдарьинская область	Тургайская область	Уральская область	Ферганская область
Итого		**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**	**100,000**
Русский	Великорусский	25,533	7,305	1,452	9,504	7,778	2,158	6,713	24,940	0,518
	Малорусский	7,486	1,347	0,162	0,476	1,884	0,869	1,012	0,459	0,108
	Белорусский	0,036	0,047	0,015	0,017	0,002	0,005	0,000	0,009	0,000
	Итого	33,056	8,699	1,629	9,996	9,664	3,033	7,725	25,408	0,626
Польский		0,167	0,997	0,178	0,028	0,019	0,191	0,000	0,039	0,098
Литовский		0,000	0,244	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Немецкий		0,702	0,268	0,051	0,000	0,000	0,128	0,000	0,000	0,023
Остальные индоевропейские наречия	Армянский	0,000	1,113	0,043	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,011
	Персидский	0,000	2,095	0,200	0,000	0,000	0,112	0,000	0,000	0,100

Продолжение таблицы 3

Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Области								
		Акмолинская область	Закаспийская область	Самаркандская область	Семипалатинская область	Семиреченская область	Сырдарьинская область	Тургайская область	Уральская область	Ферганская область
	Таджикский	0,000	0,000	26,788	0,000	0,027	0,376	0,000	0,000	7,256
	Индусские	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,009
	Цыганский	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,032
	Афганский	0,000	0,083	0,033	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Еврейский		0,236	0,225	0,153	0,042	0,028	0,134	0,000	0,000	0,088
Грузинский		0,000	0,043	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Черкесский		0,000	0,052	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Финские наречия	Пермяцкий	0,030	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,038
	Мордовский	1,252	0,203	0,000	0,057	0,000	0,019	0,470	0,124	0,000
	Черемисский	0,000	0,000	0,000	0,000	0,105	0,000	0,000	0,000	0,000
Турецко-татарские наречия	Татарский	1,585	0,918	0,053	1,452	0,846	0,356	0,705	2,761	0,054
	Башкирский	0,000	0,000	0,000	0,000	0,015	0,000	0,352	0,111	0,000
	Туркменский	0,000	65,009	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
	Киргиз-кайсацкий	62,611	19,406	7,336	88,310	80,458	64,398	90,624	71,331	0,000
	Кара-киргизский	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	12,821

Окончание таблицы 3

Язык или языковая группа	Язык или языковая группа	Области								
		Акмолинская область	Закаспийская область	Самаркандская область	Семипалатинская область	Семиреченская область	Сырдарьинская область	Тургайская область	Уральская область	Ферганская область
	Кипчакский	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,482
	Кара-калпакский	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	6,305	0,000	0,000	0,703
	Сартский	0,054	0,203	2,101	0,072	1,508	9,759	0,029	0,000	50,183
	Узбекский	0,046	0,123	59,020	0,000	0,000	4,345	0,000	0,000	9,781
	Таранчинский	0,000	0,111	0,000	0,000	5,669	0,000	0,000	0,000	0,000
	Кашгарский	0,000	0,000	2,325	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,949
	Тюркские наречия без распределения	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	10,733	0,000	0,000	16,616
Калмыцкое наречие		0,000	0,000	0,000	0,000	0,176	0,000	0,000	0,150	0,000
Китайский		0,000	0,000	0,000	0,000	1,430	0,034	0,000	0,000	0,104
Арабский		0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,043	0,000	0,000	0,000
Лица, не указавшие родного языка		0,000	0,000	0,000	0,000	0,025	0,000	0,000	0,000	0,000
Остальные		0,127	0,208	0,090	0,041	0,032	0,035	0,094	0,078	0,025

* Рассчитано по данным: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Источники, использованные при составлении картографических материалов

1. Атлас Азиатской России. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия [Электронный ресурс] / Картолог: Старинные топографические карты уездов и губерний Российской империи. URL: http://kartolog.ru/2009/09/atlas-aziatskoj-rossii-1914-g/

2. Гейер И.И. Весь Русский Туркестан. — Ташкент : Типография «Турк. Т-ва печатн. дела», 1908.

3. Карта путей сообщения Российской империи [Электронный ресурс] / Картолог: Старинные топографические карты уездов и губерний Российской империи. URL: http://kartolog.ru/wp-content/uploads/2009/07/russia_puti_soobshenia_1916_.zip

4. Обзор Акмолинской области за 1910 год. Издание Акмолинского областного статистического комитета. — Омск : Типография Акмолинского областного правления, 1911.

5. Обзор Закаспийской области за 1910 год. Закаспийский областной статистический комитет. — Асхабад, 1913.

6. Обзор Самаркандской области за 1910 год. Издание Самаркандского областного статистического комитета. — Самарканд : Типо-литография т-ва Б. Газаров и К. Слиянов, 1912.

7. Обзор Семипалатинской области за 1911 год. Семипалатинск : Типография областного правления, 1913.

8. Обзор Семиреченской области за 1910 год. — Верный : Типография Семиреченкого областного правления, 1911.

9. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1909 год. — Ташкент : Областной статистический комитет, 1911.

10. Обзор Тургайской области за 1910 год. — Оренбург: Типография Тургайского областного правления, 1911.

11. Обзор Уральской области за 1910 год. Приложение ко Всеподданейшему отчету военного губернатора. — Уральск : Уральская областная типография, 1911.

12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [Электронный ресурс] / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0

1
Уральская область
Уральский уезд
Калмыковский уезд
Гурьевский уезд
Темирский уезд
Тургайская область
Актюбинский уезд
Кустанайский уезд
Иргизский уезд
Тургайский уезд
Каспийское море
Аральское море
Мангышлакский уезд
ТУРКЕСТАНСКОЕ
Казалинский уезд
Сырдарьинская область
Перовский уезд
Амударьинский отдел
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Красноводский уезд
Закаспийская область
Асхабадский уезд
Тедженский уезд
Мервский уезд
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Самаркандская область
Чимкентский уезд
Аулиеатинский уезд
Ташкентский уезд
Джизакский уезд
Катта-Курганский уезд
Ходжентский уезд
Самаркандский уезд
Кокандский уезд
Наманганский уезд
Андижанский уезд
Маргеланский уезд
Ферганская область
Ошский уезд
Петропавловский уезд
Омский уезд
Кокчетавский уезд
Атбасарский уезд
Акмолинская область
Акмолинский уезд
СТЕПНОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
Семипалатинская область
Павлодарский уезд
Семипалатинский уезд
Каркаралинский уезд
Усть-Каменогорский уезд
Зайсанский уезд
Семиреченская область
Лепсинский уезд
Копальский уезд
Верненский уезд
Пишпекский уезд
Джаркентский уезд
Пржевальский уезд
Границы:
государственная
генерал-губернаторств
областей
уездов
Вассальные государства

Границы:

- государственная
- областей
- уездов
- Вассальные государства

Пути сообщения:

- железная дорога
- строящаяся железная дорога
- почтовая дорога

Населённые пункты:

- основные
- прочие

Каспийское море
Аральское море
Уральский уезд
Калмыковский уезд
Гурьевский уезд
Актюбинский уезд
Кустанайский уезд
Петропавловский уезд
Омский уезд
Кокчетавский уезд
Атбасарский уезд
Павлодарский уезд
Темирский уезд
Иргизский уезд
Тургайский уезд
Акмолинский уезд
Семипалатинский уезд
Усть-Каменогорский уезд
Мангышлакский уезд
Казалинский уезд
Каркаралинский уезд
Зайсанский уезд
Перовский уезд
Лепсинский уезд
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Красноводский уезд
Амударьинский отдел
Копальский уезд
Асхабадский уезд
Чимкентский уезд
Аулиеатинский уезд
Верненский уезд
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Джизакский уезд
Ташкентский уезд
Плишпекский уезд
Джаркентский уезд
Катта-Курганский уезд
Тедженский уезд
Ходжентский уезд
Андижанский уезд
Пржевальский уезд
Мервский уезд
Кокандский уезд
Самаркандский уезд
Маргеланский уезд
Ошский уезд
Волга
Урал
Тобол
Ишим
Обь
Иртыш
Кура
Сыр-Дарья
Чу
Или
Амударья
Мургаб
Балх
Численность населения уездов (тыс. чел.):
менее 100
от 100 до 150
от 150 до 200
от 200 до 300
300 и более

Волга
Урал
Тобол
Ишим
Обь
Катунь
Бия
Иртыш
Сырдарья
Чу
Или
Каратал
Амударья
Мургаб
Балх
Кура
Сакмара
Илек
Тургай
Сарысу
Каспийское море
Аральское море
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Уральский уезд
Калмыковский уезд
Актюбинский уезд
Кустанайский уезд
Петропавловский уезд
Омский уезд
Кокчетавский уезд
Атбасарский уезд
Павлодарский уезд
Темирский уезд
Гурьевский уезд
Иргизский уезд
Тургайский уезд
Акмолинский уезд
Семипалатинский уезд
Усть-Каменогорский уезд
Мангышлакский уезд
Казалинский уезд
Каркаралинский уезд
Зайсанский уезд
Перовский уезд
Лепсинский уезд
Красноводский уезд
Амударьинский отдел
Копальский уезд
Асхабадский уезд
Чимкентский уезд
Аулиеатинский уезд
Верненский уезд
Ташкентский уезд
Джизакский уезд
Наманганский уезд
Пишпекский уезд
Джаркентский уезд
Катта-Курганский уезд
Тедженский уезд
Ходжентский уезд
Андиканский уезд
Пржевальский уезд
Мервский уезд
Кокандский уезд
Самаркандский уезд
Маргеланский уезд
Ошский уезд
Плотность населения уездов (человек на кв. версту)
менее 1,0
от 1,0 до 2,2
от 2,2 до 3,0
от 3,0 до 10,0
10,0 и более

Волга
Ишим
Тобол
Обь
Бия
Катунь
Кура
Каспийское море
Аральское море
Уральская область
26,6
59,0
14,4
Тургайская область
27,0
59,8
13,2
Акмолинская область
27,7
58,6
13,7
Семипалатинская область
24,5
60,8
14,7
Закаспийская область
26,0
62,7
11,3
Сырдарьинская область
23,4
63,9
12,7
Семиреченская область
25,7
61,7
12,6
Самаркандская область
21,2
67,6
11,2
Ферганская область
21,6
63,6
14,8
Сырдарья
Амударья
Балх
Чу
Сарысу
Эмба
Иргиз
Тургай
Возрастной состав населения областей (%)
100
50
10
дети (моложе 10 лет)
взрослые (от 10 до 50 лет)
пожилые (50 лет и старше)

Уральская область
Тургайская область
Акмолинская область
Каспийское море
Закаспийская область
Аральское море
Сырдарьинская область
Семипалатинская область
Семиреченская область
Самаркандская область
Ферганская область
Сословный состав населения областей (%)
100
50
10
крестьяне
войсковые казаки
инородцы
прочие

Уральская область
Тургайская область
Акмолинская область
Каспийское море
Araльское море
Закаспийская область
Сырдарьинская область
Семипалатинская область
Семиреченская область
Самаркандская область
Ферганская область
Состав населения областей по вероисповеданию (%)
100
50
10
православные и единоверцы
магометане
прочие

Уральская область
Тургайская область
Акмолинская область
Каспийское море
Аральское море
Закаспийская область
Сырдарьинская область
Семипалатинская область
Семиреченская область
Самаркандская область
Ферганская область
Состав населения областей по родному языку
100
50
10
русский
польский
армянский
персидский
таджикский
мордовский
татарский
туркменский
киргиз-кайсацкий
кара-киргизский
кара-калпакский
сартский
узбекский
таранчинский
кашгарский
тюркские наречия без распределения
китайский
прочие

Каспийское море
Аральское море
Волга
Урал
Тобол
Ишим
Обь
Катунь
Бия
Сыр-Дарья
Амударья
Мургаб
Балх
Или
Чу
Сарысу
Эмба
Самара
Уральск
Калмыков
Гурьев
Александровский форт
Актюбинск
Темир
Иргиз
Тургай
Казалинский
Перовск
Кустанай
Петропавловск
Омск
Кокчетав
Атбасар
Акмолинск
Павлодар
Каркаралы
Семипалатинск
Усть-Каменогорск
Кокпекты
Зайсан
Лепсинск
Копал
Джаркент
Верный
Пишпек
Пржевальск
Андижан
Наманган
Ош
Новый Маргелан
Коканд
Ходжент
Джизак
Самарканд
Катта-Курган
Ташкент
Уратюбе
Чимкент
Аулие-Ата
Туркестан
Петро-Александровск
Красноводск
Кизил-Арват
Асхабад
Кахх
Теджен
Мерв
Серахс
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Доля населения уездов с родным русским языком (%):
отсутствует
менее 2
от 2 до 5
от 5 до 10
от 10 до 20
20 и более
Доля населения городов с родным русским языком (%):
менее 10
от 10 до 40
от 40 до 60
60 и более

Волга
Урал
Тобол
Ишим
Обь
Бия
Катунь
Иртыш
Сакмара
Эмба
Иргиз
Кура
Каспийское море
Аральское море
Сырдарья
Чу
Или
Кыргыз
Сурхандарья
Амударья
Мургаб
Уральская область
Тургайская область
Акмолинская область
Семипалатинская область
Закаспийская область
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Сырдарьинская область
Семиреченская область
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Самаркандская область
Ферганская область
Численность населения областей (тыс. человек):
менее 500
от 500 до 1 000
от 1 000 до 1 500
от 1 500 до 2 000
2 000 и более

Волга
Урал
Тобол
Ишим
Обь
Бия
Катунь
Сагиз
Эмба
Иргиз
Сырдарья
Чу
Или
Кыратал
Амударья
Кура
Каспийское море
Аральское море
Уральская область
Тургайская область
Акмолинская область
Семипалатинская область
Закаспийская область
Сырдарьинская область
Семиреченская область
Самаркандская область
Ферганская область
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Число фабрик и заводов в областях
менее 200
от 200 до 800
от 800 до 1 200
от 1 200 до 3 000
3 000 и более

Волга
Ишим
Тобол
Урал
Обь
Катунь
Бия
Кура
Сыр-Дарья
Амударья
Мургаб
Балх
Или
Чу
Сарысу
Иртыш
Тургай
Иргиз
Сакмар
Лепса
Каспийское море
Аральское море
Уральский уезд
Лбищенский уезд
Актюбинский уезд
Кустанайский уезд
Петропавловский уезд
Омский уезд
Кокчетавский уезд
Атбасарский уезд
Павлодарский уезд
Темирский уезд
Гурьевский уезд
Иргизский уезд
Тургайский уезд
Акмолинский уезд
Семипалатинский уезд
Усть-Каменогорский уезд
Мангышлакский уезд
Казалинский уезд
Каркаралинский уезд
Зайсанский уезд
Перовский уезд
Лепсинский уезд
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Красноводский уезд
Амударьинский отдел
Копальский уезд
Асхабадский уезд
Чимкентский уезд
Аулиеатинский уезд
Верненский уезд
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Ташкентский уезд
Джизакский уезд
Наманганский уезд
Пишпекский уезд
Джаркентский уезд
Катта-Курганский уезд
Тедженский уезд
Ходжентский уезд
Андижанский уезд
Пржевальский уезд
Мервский уезд
Кокандский уезд
Самаркандский уезд
Маргеланский уезд
Ошский уезд
Число фабрик и заводов в уездах
менее 10
от 10 до 50
от 50 до 250
250 и более
нет данных

Волга
Ишим
Обь
Биря
Катунь
Кура
Каспийское море
Аральское море
Уральская область
Тургайская область
Акмолинская область
Семипалатинская область
Закаспийская область
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Сырдарьинская область
Семиреченская область
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Самаркандская область
Ферганская область
Сакмара
Эмба
Иргиз
Сарысу
Чу
Или
Кыратал
Амударья
Число рабочих на фабриках и заводах в областях (человек)
менее 1 800
от 1 800 до 2 800
от 2 800 до 5 000
5 000 и более
нет данных

Уральский уезд
Лбищенский уезд
Актюбинский уезд
Кустанайский уезд
Петропавловский уезд
Омский уезд
Кокчетавский уезд
Атбасарский уезд
Павлодарский уезд
Темирский уезд
Гурьевский уезд
Иргизский уезд
Тургайский уезд
Акмолинский уезд
Семипалатинский уезд
Усть-Каменогорский уезд
Каспийское море
Мангышлакский уезд
Аральское море
Казалинский уезд
Каркаралинский уезд
Зайсанский уезд
Перовский уезд
Лепсинский уезд
Красноводский уезд
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Амударьинский отдел
Копальский уезд
Асхабадский уезд
Чимкентский уезд
Аулиеатинский уезд
Верненский уезд
Джизакский уезд
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Ташкентский уезд
Пишпекский уезд
Джаркентский уезд
Наманганский уезд
Тедженский уезд
Катта-Курганский уезд
Ходжентский уезд
Андижанский уезд
Пржевальский уезд
Мервский уезд
Коканский уезд
Самаркандский уезд
Маргеланский уезд
Ошский уезд
Число рабочих на фабриках и заводах в уездах (человек)
менее 100
от 100 до 400
от 400 до 1 000
1 000 и более
нет данных

Волга
Урал
Ишим
Обь
Бия
Катунь
Иртыш
Кура
Сарыкамыш
Эмба
Иргиз
Сырдарья
Чу
Или
Кыратау
Мургаб
Амударья
Каспийское море
Аральское море
Уральская область
Тургайская область
Акмолинская область
Семипалатинская область
Закаспийская область
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Сырдарьинская область
Семиреченская область
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Самаркандская область
Ферганская область
Сумма промышленного производства в областях (млн. рублей)
менее 3,0
от 3,0 до 4,5
от 4,5 до 7,0
от 7,0 до 14,0
14,0 и более

Уральский уезд
Лбищенский уезд
Актюбинский уезд
Кустанайский уезд
Петропавловский уезд
Омский уезд
Кокчетавский уезд
Атбасарский уезд
Павлодарский уезд
Темирский уезд
Гурьевский уезд
Каспийское море
Иргизский уезд
Тургайский уезд
Акмолинский уезд
Семипалатинский уезд
Усть-Каменогорский уезд
Мангышлакский уезд
Аральское море
Казалинский уезд
Каркаралинский уезд
Зайсанский уезд
Перовский уезд
Лепсинский уезд
Красноводский уезд
ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
Амударьинский отдел
Копальский уезд
Асхабадский уезд
Чимкентский уезд
Аулиеатинский уезд
Верненский уезд
Джизакский уезд
БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
Ташкентский уезд
Наманганский уезд
Пишпекский уезд
Джаркентский уезд
Катта-Курганский уезд
Тедженский уезд
Ходжентский уезд
Андижанский уезд
Пржевальский уезд
Мерский уезд
Кокандский уезд
Самаркандский уезд
Маргеланский уезд
Ошский уезд
Сумма промышленного производства в уездах (тыс. рублей)
менее 50
от 50 до 200
от 200 до 1 000
1 000 и более
нет данных

Карты:

1. Административно-территориальное деление.
2. Пути сообщения и населенные пункты.
3. Численность населения уездов по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
4. Плотность населения уездов по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
5. Возрастной состав населения областей по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
6. Сословный состав населения областей по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
7. Вероисповедный (религиозный) состав населения областей по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
8. Языковой состав населения областей по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
9. Удельный вес населения с родным русским языком в общей численности населения уездов и городов по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
10. Численность населения областей на начало 1911 г.
11. Число фабрик и заводов в областях в 1910 г.
12. Число фабрик и заводов в уездах в 1910 г.
13. Число рабочих на фабриках и заводах в областях в 1910 г.
14. Число рабочих на фабриках и заводах в уездах в 1910 г.
15. Сумма промышленного производства в областях в 1910 г.
16. Сумма промышленного производства в уездах в 1910 г.

Научное издание

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
ОКРАИНАХ РОССИИ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 Г.**

МОНОГРАФИЯ

Редактор Л.И. Базина

Подготовка оригинал-макета А.А. Карпов

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 00.11.2017.
Формат 70х100/16.
Усл.-печ. л. 30,96. Тираж 500 экз. Заказ .

Типография